

Денисов Д.Н.

МОНАСТЫРИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

Оренбург 2017

Оренбургская духовная семинария

**Научно-исследовательский институт
истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного
университета**

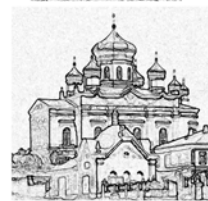
**Оренбургское православное
историческое (археологическое)
общество**

Денисов Д.Н.

МОНАСТЫРИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

Оренбург 2017

УДК 281.93(470.56)
ББК 86.372.24-3(235.55)
Д33

Д33   Денисов Д.Н.
Монастыри Оренбургского края во второй трети XIX – первой трети XX вв. / Д.Н. Денисов. – Оренбург, 2017. – 282 с. : 101 ил.

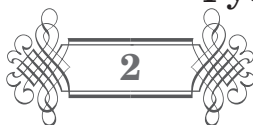
ISBN 978-5-94162-138-5

В книге на широком круге исторических источников подробно раскрывается история развития всех 11 монастырей, существовавших в границах современной Оренбургской области, от их зарождения во второй трети XIX века до закрытия советскими властями в первой трети XX столетия. В работе представлена комплексная, целостная картина формирования монашеских общин, вклада государственных и церковных деятелей, попечителей в становление монастырей, истории их храмового и иного строительства, дана характеристика имущества, капиталов и хозяйственной деятельности, её влияния на освоение региона, показаны роль обитателей в общественной жизни, их внутренний распорядок, формы религиозной обрядности и почитания местных святынь, духовно-воспитательной, образовательной, социально-благотворительной работы, взаимоотношения с органами власти при различных политических режимах. Издание адресовано педагогам религиозных и светских учебных заведений, учёным, управленцам в области конфессиональной политики, а также всем интересующимся историей православия на Южном Урале.

ISBN 978-5-94162-138-5

УДК 281.93(470.56)
ББК 86.372.24-3(235.55)

© Д. Н. Денисов
© Религиозная организация – духовная
образовательная организация высшего образования
«Оренбургская духовная семинария Оренбургской Епархии
Русской Православной Церкви»

ВВЕДЕНИЕ

Растущая роль православия в современной России обуславливает высокую **актуальность** научного осмысления его исторических традиций, в том числе монашеской жизни и монастырей, как важнейших институтов Церкви, призванных сохранять, воспроизводить и транслировать православную духовность в жизнь общества и личности. Особое значение это имеет для Оренбургского края, где после практически полного физического уничтожения обителей в годы советской власти возрождение монашества сопряжено с огромными организационными и материальными трудностями, требует обращения к опыту прошлого для восстановления архитектурного облика церковных памятников культуры, прежних форм религиозной обрядности (праздников, крестных ходов, паломничества), традиционных духовных ценностей.

Однако с точки зрения **историографии** до настоящего времени в региональной науке отсутствует целостная, комплексная картина развития всех монастырей Оренбургского края от их возникновения во второй трети XIX столетия до закрытия советской властью в первой трети XX века.

История монастырей Оренбургского края начала фиксироваться ещё в дореволюционный период, в процессе их становления, «по горячим следам». Однако исследования первоначально затронули только старейшие обители на западе региона.

Так, Д. Н. Орловым было составлено историко-статистическое описание Ключегорского Казанско-Богородицкого женского монастыря. К 50-летию данной обители вышли отдельными изданиями и её краткая летопись, и история обретения чудотворной иконы, положившей начало монашеской общине¹.

Уже через 10 лет после официального учреждения Бугурусланского Покровского женского монастыря и его историко-статистическое описание было выполнено Д.Н. Орловым².

Наконец, к 50-летию Спасо-Преображенского Бузулукского мужского монастыря была приурочена брошюра об его становлении и развитии,

¹Орлов Д.Н. Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь в Бузулукском уезде Самарской епархии: историко-статистическое описание. – Самара: Земская типография, 1882. – 92 с.; Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь, Бузулукского уезда, Самарской епархии: (К пятидесятилетию существования монастыря). – Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1914. – 35 с.; Краткая история обретения иконы святителя и чудотворца Николая, находящейся в Ключегорском Казанско-Богородицком женском монастыре Бузулукского уезда Самарской губернии, и о некоторых чудесных событиях, явленных по милости святителя и чудотворца Николая. – Киев: Тип. Киево-Печер. лавры, 1914. – 8 с.

²Орлов Д.Н. Бугурусланский женский во имя Покрова Пресвятыя Богородицы монастырь. – Самара, 1884.

а вскоре Евфимием (Мишановым) опубликована расширенная хроника этой обители³.

Н.М. Чернавский в фундаментальной работе «Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем», подводя итоги существования этой административной единицы за первые 100 лет со времени учреждения, сделал краткий обзор возникновения здесь всех монастырей в контексте общей церковной истории региона⁴.

В последующий советский период по понятным идеологическим причинам региональная историческая наука, стоявшая на материалистических, атеистических и антиклерикальных позициях, полностью игнорировала важную роль монастырей в общественной жизни Оренбургского края. И лишь с либерализацией государственно-церковной политики в современной России вместе с монашеской жизнью стал возрождаться интерес к её традициям сначала в непрофессиональных краеведческих публикациях, а затем и в научных работах.

Так, одна из первых книг Г.М. Десяткова «Загадки Оренбургского Успенского женского монастыря», несмотря на обилие уникальных материалов, использование городских легенд, воспоминаний и фотографий, всё же не имеет научно-справочного аппарата и носит популярный, занимательный характер⁵. В последнее время история этой обители активно разрабатывается магистрантом Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, оренбуржцем Н.А. Рзяниным, который опубликовал серию статей об архитектурном облике и планировке монастыря с виртуальной реконструкцией, об его церковно-приходской школе, главном храме и некрополе⁶.

³ Спасо-Преображенский Бузулукский подгородный мужской монастырь. Пятидесятилетний период существования, 1853–1903 год. – Самара: Типография С.С. Шалагурова, 1903. – 16 с.; Мишанов Е. Бузулукский Спасо-Преображенский 3-го класса, подгородный, общежительный мужской монастырь, Самарской губернии: С 3-мя рис. и с молитвой Пресвятой Богородице пред иконой её «Всех скорбящих радости». – М.: Типолитография И. Ефимова 1909. – 47 с.

⁴ Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Исследование Николая Чернавского. Вып. 1 // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VII. – Оренбург: Типография Оренбургской Духовной Консистории, 1900. – 357 с.; Он же. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Вып. 2 // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. X. – Оренбург: Типография Оренбургской Духовной Консистории, 1901–1902. – 1058 с.

⁵ Десятков Г. Загадки Оренбургского Успенского женского монастыря. – Оренбург: Южный Урал, 2000. – 96 с.

⁶ Рзянин Н.А. Виртуальное моделирование архитектурного комплекса, как метод исторического исследования на примере Успенского монастыря г. Оренбурга // Перспектива: сб. ст. молодых учёных / гл. ред. С.Н. Летута. – Оренбург: ОГУ, 2012. – № 15. – С. 137–140; Он же. Монастырская церковно-приходская школа Оренбургского Успенского общежительного женского монастыря // Религиозное многообразие Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 71–77; Он же. Храм Оренбургского Успенского женского общежительного монастыря, богослужение и жизнь прихода // Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 1150-летию славянской письменности и Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – С. 322–340; Он же. Проблема сохранения фрагментов снесённого общехристианского кладбища и некрополя Успенского женского монастыря г. Оренбурга

В справочнике «Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.)» Л.В. Храмовым ёмко, конспективно изложена история тех оренбургских обителей, которые с 1851 по 1928 гг. административно входили в состав Самарской губернии: Тихвинской и Спасо-Преображенской в г. Бузулуке, Покровской в г. Бугуруслане и Ключегорской в с. Таллы⁷.

Хороший задел в дореволюционный период и дополнительное привлечение новых архивных материалов позволили С.В. Колычеву в своей монографии подробно осветить судьбу Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря⁸.

Наконец, в книге В. Баклыкова «Святые Оренбургские места» одна из глав уделена описанию прошлого и настоящего уникального Николаевского (пещерного) мужского монастыря⁹.

Попыткой стимулировать исследования в этой сфере стало проведение 6 мая 2014 г. в Оренбурге Межрегиональной научно-практической конференции «Православные монастыри и монашество в истории России», материалы которой были изданы в журнале «Вестник Оренбургской духовной семинарии». Однако из-за слабой изученности архивной базы докладчики сосредоточились по большей части на общих вопросах православного богословия, аскезы и церковной истории. Из работ же по Оренбургскому краю во второй трети XIX – первой трети XX веков можно выделить лишь совместную статью иерея М. Яковлева и магистранта Н.А. Рзянина о Богодуховском мужском монастыре, а также общую публикацию педагога А.Н. Потаповой и студентки Л.А. Ехивановой о Тихвинской женской обители¹⁰.

История оренбургских монастырей затрагивалась и в ряде обобщающих научных и церковно-краеведческих работ. Например, книга протоиерея Г.Горлова и О. Бобровой «Духовная нива Оренбуржья», по сути, представляет очерк развития местной епархии, который даёт общие сведения и о существовавших в ней монашеских обителях¹¹. Книга «Оренбуржье православное: история и современность» под редакцией

// Этнокультурное наследие народов Южного Урала: история, этнография, религиоведение. Мат. Всеросс. науч.-пр. конф. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 188–197.

⁷ Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.): справочник / Сост. В.С. Блок, К.А. Катренко. – Самара: Самар. Дом печати, 2002. – 213 с.

⁸ Колычев С.В. Обитель: историко-биографический очерк о Спасо-Преображенском Бузулукском мужском монастыре с момента его возникновения и до наших дней. – Самара: Офорт, 2009. – 174 с.

⁹ Баклыков В.П. Святые оренбургские места. – Оренбург; Саракташ: Православный духовный вестник, 2014. – 240 с.

¹⁰ Яковлев М., Рзянин Н.А. История Оренбургского Богодуховского мужского монастыря // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2014. – № 2 (2). – С. 244–251; Потапова А.Н., Ехиванова Л.А. Тихвинский Бузулукский женский монастырь: история с продолжением // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2014. – № 2 (2). – С. 211–218.

¹¹ Горлов Г.Е., Боброва О.Ю. Духовная нива Оренбуржья. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2010. – 271 с.

составителя С.Е. Плаксина также содержит небольшие разделы обо всех монастырях края в контексте епархиальной истории. Но этот богато иллюстрированный альбом носит презентный характер и не содержит подстрочного научно-справочного аппарата¹². Протоиерей Н.Е. Стремский в 5-томном издании «Мученики и исповедники Оренбургской епархии» рассматривает, в том числе, и биографии репрессированных духовных лиц из числа монашествующих¹³.

Из профессиональных же историков О.В. Никифоровой был проанализирован гендерный аспект иночества в Оренбургской епархии второй половины XIX – начала XX вв.¹⁴. В последние годы к изучению феномена монашества в регионе обратился оренбургский историк С.В. Любичанковский, который последовательно рассмотрел зарождение первых общин и последующее развитие монастырей в пореформенный период, а также уделил особое внимание несколькими публикациями Ключегорскому женскому монастырю¹⁵.

Таким образом, в поле зрения исследователей до сих пор попадали, главным образом, и без того хорошо изученные старейшие монастыри Оренбургского края, история которых, тем не менее, также не раскрыта до конца. К тому же, для многих краеведческих работ характерны слабая

¹² Оренбуржье православное: история и современность / авт.-сост., ред. С.Е. Плаксин, отв. ред. С.С. Баймурзин. – Оренбург: Оренб. обл. обществ. благотворительный фонд «Совесть», 2014. – 544 с.

¹³ Стремский Н.Е. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX в. – Саракташ: [б. и.], 1998. – Кн. 1. – 361 с.; Мученики, исповедники и храмы Оренбургской епархии XX в. / сост. Н.Е. Стремский. – Саракташ: [б. и.], 1999. – Кн. 2. – 415 с.; Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX в. / сост. Н.Е. Стремский. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2000. – Кн. 3. – 575 с.; Дивен Бог во Святых Своих. Мученики, исповедники и подвижники благочестия в Оренбургской епархии. – Оренбург: Димур, 2011. – Кн. 4. – 303 с.; Мученики и исповедники Оренбургской епархии / сост. Е. Банникова. – Саракташ: [б. и.], 2014. – Кн. 5. – 376 с.

¹⁴ Никифорова О.В. Иночество в Оренбургской епархии: гендерный аспект (вторая половина XIX – начало XX в) // Четыре века православного монашества на Восточном Урале: Материалы церковно-исторической конференции, посвященной 400-летию Верхотурского Николаевского монастыря, 360-летию Далматовского Успенского монастыря, 300-летию переноса мощей св. праведного Симеона Верхотурского (Екатеринбург – Меркушино, 17–20 сентября 2004 г.). – Екатеринбург, 2004. – С. 130–136.

¹⁵ Любичанковский С.В., Любичанковский А.В. Монастырские общины середины XIX века как основа становления монастырей в Оренбургском крае (1844–1866) // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 12 (161). – С. 41–45; Любичанковский С.В. Развитие православных монастырей в Оренбургском крае в контексте пореформенной модернизации // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – Т. 16, № 3 (2). – С. 392–396; Он же. История женских монастырей Бузулукского уезда в пореформенный период (на примере Ключегорского монастыря) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2015. – Т. 17, № 3 (2). – С. 369–372.; Он же. Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь в конце XIX – начале XX века: численность, состав, экономическая основа и гуманитарная деятельность // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (14). – С. 74–79.

опора на архивные источники, широкое вторичное использование уже опубликованных дореволюционных материалов, а порой некоторая тенденциозность в подборе фактов и стремление к приукрашиванию действительности, обусловленная конфессиональным самосознанием.

Для восполнения существующих пробелов автором настоящего исследования на оригинальном материале был написан и опубликован ряд научных работ, раскрывающих историю наименее изученных монастырей Оренбургского края: Илецкого Николаевского женского монастыря, Оренбургского Богодуховского мужского монастыря, Оренбургского Успенско-Макарьевского мужского монастыря, Орского Покровского женского монастыря¹⁶. Серией публикаций охарактеризована социально-благотворительная деятельность монашеских обителей Оренбургской епархии в периоды войн второй половины XIX – начала XX вв., помощь монастырей фронту и тылу посредством сбора вещей и денежных средств, пошива белья, заготовки продовольствия, приёма и размещения беженцев, организации лазаретов для раненых и больных воинов, отрядов сестёр милосердия, открытия приютов для сирот и др.¹⁷. Освещены связи местных обителей с крупнейшим центром православного монашества на горе Афон, его роль в становлении оренбургских монастырей как центров паломничества и духовного притяжения для широкой прилегающей округи за счёт передачи в Россию чтимых святынь¹⁸.

¹⁶ Денисов Д.Н. Илецкий Николаевский женский монастырь: разрушенная святыня // Этнокультурное наследие народов Южного Урала: история, этнография, религиоведение. Мат. Всеросс. науч.-пр. конф. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 198–208; Он же. История Орского Покровского женского монастыря // Этнокультурное наследие народов Южного Урала: история, этнография, религиоведение. Мат. Всеросс. науч.-пр. конф. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 165–180; Он же. Маяк Святого Духа: Оренбургский Богодуховский мужской монастырь // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтническом пространстве: исторический опыт и современность. Сб. мат. III и IV Всеросс. науч.-пр. конф. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 179–207; Он же. Оренбургский Успенско-Макарьевский мужской монастырь // «Евразийский перекресток». Сборник материалов научно-практических мероприятий. Вып. 5. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – С. 109–133.

¹⁷ Денисов Д.Н. Вклад Оренбургской епархии РПЦ в победу в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 183–190; Он же. Патриотическое служение Оренбургской епархии РПЦ во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 359–367; Он же. Помощь Оренбургской епархии РПЦ фронту и тылу в годы Первой мировой войны // Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны и 440-летию Оренбургского казачьего войска / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 110–142.

¹⁸ Денисов Д.Н. Афонские святыни в монастырях Оренбургского края второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2016. – № 1 (5). – С. 153–158; Он же. Связи оренбургских монастырей с Афоном во второй половине XIX – начале XX веков // Ведомости Оренбургской митрополии. – 2016. – № 5 (207). – С. 24–28.

Целью настоящего исследования является комплексное, целостное описание на основе единой методологии и структуры изложения истории всех 11 монастырей, существовавших в границах современной Оренбургской области, от их зарождения во второй трети XIX столетия до закрытия советской властью в первой трети XX века.

Достижение этой цели предполагает последовательное решение ряда взаимосвязанных **задач**: изучения побудительных причин и истоков иноческой жизни, формирования монашеских общин, вклада государственных и церковных деятелей, попечителей в становление монастырей, истории храмового и иного строительства, характеристику имущества, капиталов и хозяйственной деятельности, её влияния на освоение региона, определение роли обителей в общественной жизни, внутреннего распорядка, форм религиозной обрядности и почитания местных святых, духовно-воспитательной, образовательной, социально-благотворительной работы, взаимоотношений с органами власти при различных политических режимах.

Научное исследование было основано на **методологических принципах**: единства теории и практики; объективности; всесторонности и комплексности исследования; системного подхода; сопоставления общего и частного, общероссийского и регионального.

Сложность задачи по целостному изучению многообразных аспектов истории монастырей в регионе обусловила обращение к междисциплинарному подходу. Это предполагало использование как общенаучных методов, так и методов отдельных наук. Для сбора эмпирических материалов применялся метод контентанализа разнообразных письменных источников (документов из государственных архивных учреждений, научных работ, периодических печатных изданий и др.). Обработка и изучение собранных материалов осуществлялись методами группировки, ранжирования, статистического, типологического, сравнительного, генетического, казуального, структурно-функционального и системного анализа, что позволит обеспечить необходимую глубину проработки основных аспектов задачи.

Для проведения исследования был привлечён широкий круг исторических **источников**.

В его основу были положены документы федерального и региональных архивов, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. В общей сложности в процессе выполнения проекта автором в 3-х архивах по 9 фондам было изучено 181 дело.

Так, в Российском государственном историческом архиве (РГИА) отработаны 9 дел в фонде 799 (Хозяйственное управление при Синоде). Они содержат страховые оценочные ведомости всех построек, принадлежавших монастырям Оренбургской и Самарской епархий на 1910–1914 гг.,

с точными датами возведения, промерами, техническими характеристиками и стоимостью. Это позволяет не только проследить детально, по годам ход монастырского строительства, но отчасти и восстановить по описаниям архитектурный облик богослужебных, жилых и хозяйственных зданий, что приобретает особую значимость с учётом разрушения и утраты большинства этих построек в советское время.

В Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГА-СО) изучены 94 дела в 2-х фондах: 1 (Самарское губернское правление) и 32 (Самарская духовная консистория).

А в Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) исследованы 88 дел по 6 фондам: 173 (Оренбургская духовная консистория), 174 (Канцелярия епископа Оренбургского и Уральского), 179 (Оренбургский Успенский женский монастырь), 310 (Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь), 311 (Бузулукский Спасо-Преображенский мужской монастырь), 317 (Бузулукский Тихвинский женский монастырь).

Выявленные материалы региональных архивов включают дела об учреждении монашеских общин, их преобразовании в монастыри, отводе им государственных и пожертвовании частных земель, недвижимости, капиталов на помин души, переписку и отчёты о финансово-хозяйственной деятельности, храмовом строительстве, внутренней религиозной жизни обителей, по кадровым и дисциплинарным вопросам, послужные списки монашествующих и клировые ведомости священнослужителей, документы об открытии в стенах монастырей школ, приютов, лазаретов и других социальных учреждений.

Архивные материалы дополняют публикации официальных органов местной церковной прессы – «Самарских епархиальных ведомостей», «Оренбургских епархиальных ведомостей» и пришедшего им на смену «Оренбургского церковно-общественного вестника». Разделы епархиальной хроники дают богатейшие материалы о юбилейных мероприятиях в обителях, о торжественном освящении их храмов и отдельных приделов, об открытии их церковно-приходских школ, приютов, больниц, о пастырских посещениях епископами и архиерейских богослужениях в монастырях, о пребывании там чудотворной Табынской иконы Божьей Матери – покровительницы Оренбургского края во время ежегодных объездов региона, некрологи настоятелей с подробными биографическими очерками и др.

Тщательно изучена и историография по теме исследования.

Привлечение широкого круга источников с упором на оригинальные, неопубликованные прежде материалы обеспечило необходимую полноту проведённого исследования и достоверность выводов, сделанных на его основе.

Результаты исследования могут послужить основой для углубленной разработки различных аспектов истории государственно-церковных отношений, епархиального управления, образования, социально-благотворительной деятельности, миссионерства, этноконфессиональных отношений. Они способны найти применение и в изучении хозяйственного развития степных районов Южного Урала.

Материалы, выявленные в процессе реализации проекта, могут быть использованы в обобщающих научных исследованиях по истории Южного Урала и Оренбуржья, энциклопедических изданиях, в государственных и конфессиональных учебных заведениях высшего и среднего профессионального образования при разработке и чтении курсов «Религиоведение», «История религий», «История Русской Православной Церкви», «История Оренбургской епархии» «Новомученики и исповедники Оренбургской епархии», «История и культура Южно-Уральского региона» и др., в практической работе органов государственной власти и местного самоуправления при формировании и реализации конфессиональной политики в Оренбургской области.

Наконец, восстановление и научное осмысление целостной картины развития монастырей в Оренбургском крае будет содействовать возрождению на их основе монашеской жизни в регионе, архитектурного облика церковных памятников культуры, прежних форм религиозной обрядности (праздников, крестных ходов, паломничества), традиционных духовных ценностей.

Автор выражает глубокую благодарность и признательность: Юрию Александровичу Григорьеву – за предоставленные для книги прекрасные фотографии, планы и чертежи, Андрею Александровичу Мишучкову – за разнообразные материалы и помощь, а также Оренбургской епархии Русской Православной Церкви и коллективу Оренбургской духовной семинарии – за то, что это издание увидело свет.

БУЗУЛУКСКИЙ ТИХВИНСКО-БОГОРОДИЦКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Первая и старейшая в Оренбургском крае монашеская обитель является выразительным примером распространения, переноса на окраину страны традиций частного келейного проживания переселенцами из центральных губерний России. Её основательницей и строительницей стала крестьянская девица Тамбовской губернии **Евфимия Герасимовна Овсянникова**. Она родилась не в 1800 г., как принято считать вслед за монастырским летописцем, а по собственноручному свидетельству в 1797 г.¹⁹ С юности посвятила себя на служение Господу и более 20 лет прожила в Тихвинско-Богородицкой женской общине г. Кирсанова Тамбовской губернии (ныне области). Организованная в конце XVIII в. преподобной Марфой Тамбовской (в миру Марфой Петровной Апаринной) (ум. в 1800 г.) эта группа богомольных женщин долгое время не имела официального статуса, а с 1816 г. числилась только богадельней при соборной Ильинской церкви, но придерживалась строгого устава Саровской пустыни, с которой сохраняла тесные духовные связи на протяжении всей своей истории²⁰. И сама Евфимия Овсянникова ещё 12-летней девочкой с родственниками посетила великого подвижника преп. Серафима Саровского (в миру Прохора Исидоровича Мошнина) (1754–1833), который благословил её, прозорливо назвав «сосудом избранным».

В 30-е годы XIX столетия родители Евфимии Герасимовны переселились из Тамбовской губернии в с. Михайловку Бузулукского уезда. По сему случаю их дочь вышла из Кирсановской общины и последовала за ними, но обосновалась отдельно, в самом городе Бузулуке. «Построив себе здесь келью, она занималась обучением детей грамоте, чтением Псалтири по усопшим и рукоделием, исполняя в то же время и молитвенные монашеские правила, к которым она приобрела душевное расположение и навык в Кирсановской общине.

Добрая, благочестивая жизнь Евфимии Герасимовны как свет, по слову Евангелия, просветилась пред человеками и других возбудила к прославлению Отца Небесного подвигами благочестия: к ней присоединилось человек десять из Бузулукских девиц, склонных к подвижнической жизни. Под руководством своей наставницы все они проводили примерную жизнь в трудах и молитве, чем и приобрели доверие и расположение к себе со стороны граждан г. Бузулука»²¹.

В 1835 г. общество местных купцов и мещан по собственной инициативе отвело Евфимии Овсянниковой с сёстрами для устройства женской оби-

¹⁹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 11. Д. 67. Л. 1 об. – 2.

²⁰ Архангельский В., свящ. Тихвино-Богородицкий женский монастырь в гор. Кирсанове: [Ист. очерк]. – Тамбов: Тип. Губ. правл., 1907. – 59 с.

²¹ Тихвинско-Богородицкий женский монастырь в г. Бузулуке, Самарской епархии 1847–1897 год. (Краткий исторический очерк) / Сост. свящ. М. Малиновский. – Самара: Паровая типография Н.А. Жданова, 1897. – С. 2–3.

тели 4 десятины (4,37 га) выгонной земли на восточной окраине города. С севера этот участок был ограничен оврагом, с востока – рекой Бузулук, а с юга – городским кладбищем, но по своим значительным размерам и отсутствию поблизости жилой застройки оказался очень удобным для развития будущего монастыря. «Этот дар Бузулукских граждан, без всяких со стороны Евфимии Герасимовны прошений и искательств, так был для неё неожидан, что она приняла это за указание ей Божия Промысла – посвятить свою жизнь на дело основания и устройства св. обители иночествующих в г. Бузулуке; с твёрдым упованием на помощь Божию и с усердною молитвою, она предалась всей душой св. делу.

По рассказам близких к Овсянниковой лиц, в то время она видела следующий вещий сон: её взорам представился благоустроенный монастырь, затем явился ей Ангел, который, указывая на него, сказал: «Это твой монастырь». Потом этот посланник Божий возложил ей на плечи тяжёлый крест со словами: «Неси его». Она с великим трудом пошла в этот монастырь, едва не падая под тяжестью возложенного на неё креста»²².

Однако тогда же Господь послал Овсянниковой помощницу, вдову капитана артиллерии и помещика Анну Ивановну Путилову (ум. в 1871), широко известную в крае своими щедрыми пожертвованиями местным монастырям. По своему расположению к высоким нравственным качествам подвижницы она подарила ей 100 десятин (109,25 га) земли в 70 верстах (74,7 км) от г. Бузулука, у с. Ключегорье (ныне Таллы Грачёвского района Оренбургской области). Правда, сама вдова ещё не вступила в наследство, а потому смогла выдать официальную дарственную на землю только в 1842 г. после завершения всех юридических формальностей, связанных с разделом имущества своего умершего супруга. В том же году Анна Ивановна Путилова разослала в ближайшие к Бузулуку волостные правления письма, в которых просила объявить жителям всех сёл и деревень об открытии в городе женской общины, куда будут приниматься женщины и девушки, желающие посвятить себя духовной жизни по монашеским правилам. На этот призыв откликнулось до 30 крестьянских девиц, поступивших в общину. К ним также присоединились 6 келейниц во главе с казачкой Марфой Лаврентьевной Аллемановой, которые в 1835 г. получили от властей 5 десятин (5,5 га) земли в 4 верстах (4,3 км) от города, для уединённого проживания при пещерах, где впоследствии был основан Бузулукский Спасо-Преображенский мужской монастырь. Оставив это место, они сообща поставили на городской усадьбе обители дом с необходимыми надворными постройками. А на удалённом участке общины было заведено хуторское хозяйство, где сёстры сеяли хлеб, держали 25 коров и 25 мериносовых (тонкорунных) овец, обеспечивая себя пропитанием и средствами к существованию.

²² Тихвинско-Богородицкий женский монастырь в г. Бузулуке, Самарской епархии 1847–1897 год. (Краткий исторический очерк) / Сост. свящ. М. Малиновский. – Самара: Паровая типография Н. А. Жданова, 1897. – С. 2–3.

Заложенная основа позволила Евфимии Овсянниковой в феврале 1844 г. обратиться к епископу Оренбургскому и Уфимскому Иоанникию (в миру Ивану Яковлевичу Образцову) (1793–1880) с прошением об официальном учреждении женской общины в Бузулукском уезде. Она отмечала, что на всю пространную Оренбургскую губернию тогда имелся лишь один недавно основанный женский монастырь в Уфе, отстоящий от Бузулука более чем на 400 вёрст. А между тем, и в этом городе имелось много желающих посвятить себя монашеской жизни, но не имеющих возможности удовлетворить это благочестивое стремление. При этом заводчица оставляла на усмотрение самих церковных властей вопрос о будущем местоположении обители, в Бузулуке или на участке при с. Ключегорье. Со своей стороны, Евфимия Герасимовна жертвовала на нужды общины свой личный дом с дворовым участком под № 627 в г. Бузулуке, а также записанные на её имя 100 десятин земли с хуторским хозяйством. А благодетельница общины Анна Ивановна Путилова выразила готовность прибавить здесь же, на Иртецком Сырте ещё 11 десятин 280 кв. сажень (12,1 га) земли для устройства келий.

Удостоверившись в справедливости изложенных обстоятельств, 14 мая 1845 г. Преосвященный Иоанникий вошёл в Святейший Синод с представлением об учреждении Бузулукской женской общины. Но по запросу различных дополнительных сведений, уточнений и согласований окончательное решение вопроса очень затянулось.

Почти всё время, пока производилось дело об открытии общины, Евфимия Овсянникова жила в столичном Санкт-Петербурге, где производила сбор пожертвований в пользу основанной ею общины. В это время ею было приобретено немало предметов церковной утвари, икон, священных облачений и других вещей. В числе прочих в 1847 г. ей был пожертвован генеральшей Путятиной список с чудотворной Тихвинской иконы Божьей Матери, ставший впоследствии главной святыней Бузулукского женского монастыря, прославленный мироточением и истечением слёз. В Петербурге же Евфимия Герасимовна познакомилась с дочерью директора Артиллерийского департамента Морского министерства генераллейтенанта Примо и вдовой капитана 2-го ранга Олимпиадой Дмитриевной Миюшковой (08.09.1807–1853), потерявшей мужа в 1829 г. Благодаря своей простоте и смирению, Овсянникова приобрела такое расположение со стороны Олимпиады Дмитриевны, что та решилась ехать с ней из Петербурга в Бузулук для поступления в число сестёр женской обители.

«По рассказам лиц, близких к Евфимии Герасимовне, она в бытность свою в Санкт-Петербурге однажды, придя в свою квартиру измученная дневными трудами по сбору пожертвований и тягостными сомнениями в благоприятном для неё решении дела об открытии основанной ею общины, столь долго затянувшегося, прилегла отдохнуть. В сонном видении она была успокоена явлением ей первомученика Архидиакона Стефана, который явился перед нею с кадилом в руках и, трижды покадив на неё, сказал: «Возвеличу». Обнадёженная этим предзнаменованием, Овсянникова тогда же дала

обет посвятить в обители один из приделов каменного храма этому мученику, что впоследствии и было ею исполнено. После этого видения она действительно скоро получила радостную весть о благоприятном решении её дела²³. А именно 2 августа 1847 г., в день памяти первомученика Архидиакона Стефана император Николай I высочайше утвердил определение Св. Синода от 19 июля 1847 г. об учреждении женской общины в г. Бузулуке, а также укрепил за ней пожертвования недвижимости. Указом от 18 августа 1847 г. № 9050 Синод известил оренбургского епископа о разрешении обители и постройки в ней каменного храма, предписав разработать для сестёр правила общежития по образцу Московской Богородицкой женской общины. 11 мая 1848 г. Преосвященный Иоанникий по праву утвердил первой настоятельницей в г. Бузулуке учредительницу местной общины Евфимию Герасимовну Овсянникову.

«По получении радостной вести об открытии общины, Евфимия Герасимовна возвратилась в Бузулук и деятельно принялась за устройство её. На помощь ей в этом трудном деле в 1848 г. из Петербурга приехала госпожа Миюшкович, и в том же году была определена на должность казначеи Бузулукской женской общины».

Под их руководством на средства благотворителей 20 сентября 1848 г. в новой обители был заложен деревянный корпус с примыкающей домовою больничною церковью во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца. В течение остатка 1848 г. первый храм общины был окончен и 30 января 1849 г. по благословению епископа освящён иереем Бузулукского Троицкого собора Александром Васильевичем Тихомировым. Церковь была деревянною, холодною, на каменном фундаменте, длиной 10 и шириной 4 сажени (21,34 на 8,53 м). Снаружи обшита тёсом и выкрашена серой клеевой краской, а внутри – зелёною масляною. В интерьере был установлен иконостас, имевший 4 сажени (8,53 м) в длину и 2 5/6 сажени (6,05 м) в высоту. Венчал храм глухой купол с железной кровлей, выкрашенной в зелёный цвет. С северной стороны к нему прилегал деревянный больничный корпус на каменном фундаменте, обшитый тёсом, под зелёною железною крышею, размерами также 10 на 4 сажени (21,34 на 8,53 м), но уже тёплый, обогреваемый печами. Насчитывал он 10 комнат: в восточном отделении помещались 6 кроватей для больных, а в западной половине находились кельи для сестёр²⁴.

В 1849 г. обитель с трёх сторон была окружена деревянною оградой, а с передней части прикрыта каменною стеною на протяжении 20 саженей (42,67 м) с парадными воротами и сторожкой. Построенные до утверждения общины кельи и надворные постройки за ветхостью в 1850 г. были снесены. А вместо них в том же году срублен новый дом из 3-х комнат к

²³ Тихвинско-Богородицкий женский монастырь в г. Бузулуке, Самарской епархии 1847–1897 год. (Краткий исторический очерк) / Сост. свящ. М. Малиновский. – Самара: Паровая типография Н. А. Жданова, 1897. – С. 8.

²⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 1 об., 6 об.

северу от первого корпуса на одной линии с ним, а позади больницы поставлены прачечная, сарай, 2 погреба, выложенные кирпичом, с каменными погребицами, конюшня, сарай для склада дров и амбар.

Никольская больничная церковь

Также в 1850 г. на одной линии с больницей, к югу от неё начат, а в следующем 1851 г. завершён постройкой 2-этажный общежительный корпус с каменным низом и деревянным верхом, размерами 16 на 8 сажень (34,14 на 17,07 м).

Наконец, 30 июня 1850 г. епископом Оренбургским и Уральским Иосифом (в миру Иваном Ивановичем Богословским) (1800–1892) на территории Бузулукской обители произведена закладка грандиозного каменного собора из 3-х приделов во имя Тихвинской иконы Божьей Матери.

Для сооружения всех этих построек было закуплено лесоматериалов на 2863 руб. 98 коп., а за оградой обители, с северной стороны устроен сарай для приготовления и сушки кирпича на пространстве 101 сажени (215,49 м) в длину и 7 аршин (4,98 м) в ширину. Основные работы по заготовке и доставке материалов выполняли сами сёстры, число которых к этому времени дошло уже до 100 человек. По свидетельству летописца, к благоукрашению обители они положили «много своих трудов, без преувеличения можно сказать, непосильных для женского пола»: сами возили воду, кирпич, песок и извёстку к месту построек, носили кирпич на верх строящихся каменных зданий и пр.».

Все постройки производились на добровольные пожертвования, собираемые сёстрами по выданным из Консистории книгам. Особенно потрудилась на этой ниве казначей общины Олимпиада Дмитриевна Миюшкович. В 1851 г. она ездила в Санкт-Петербург, где в течение одного года собрала в кругу своих знакомых из высшего общества пожертвований на 8923 руб. 6 коп., из них деньгами 5376 руб. 6 коп. и на 3547 руб. разных вещей.

В их числе были получены и многие важнейшие святыни, составившие славу Бузулукской обители и привлекавшие в неё многочисленных паломников. Так, 12 и 16 августа 1851 г. в Санкт-Петербурге от жены действительного статского советника Елены Ефимовны Васильевой и дочери штабсротмистра Марии Николаевны Милорадович приобретены: частицы Древа Животворящего Креста Господня, мощей вмч. Пантелеймона Целителя (ум. 305), свт. Николая Мирликийского Чудотворца (ок. 270 – ок. 370), преп. Феофана, постника Киево-Печерского (XII в.), преп. Нила, свт. Гурия Казанского (ок. 1500 – 1563), свт. Германа Казанского (1505–1567), преподобномученика Макария Каневского и Овручского, Переяславского чудотворца (1605–1678). Все они были разделены по 3-м серебряным ковчежцам. 15 октября 1851 г. господином Головиным в Москве пожертвован список с чудотворного афонского образа Божьей Матери «Млекопитательница» в серебропозлащённой ризе. В икону эту был вделан крест с частицами Древа Животворящего Креста Господня, мощей преп. Нила, свт. Гурия Казанского и преподобномучеников афонских Евфимия (ум. 1814), Игнатия (ум. 1814) и Акакия (ум. 1816).

Старание казначей в приискании средств для возвышения обители было отмечено указом Самарской духовной консистории от 28 ноября 1852 г. Но, к сожалению, вскоре после возвращения из сбора, уже в 1853 г. ближайшая помощница настоятельницы Олимпиада Дмитриевна Миюшкович скончалась в г. Бузулуке.

Между тем, существование, а главное, дальнейшее развитие общины не могли обеспечить нерегулярные поступления добровольных пожертвований, подкреплённые отчасти рукоделием, приусадебным огородничеством и незначительной запашкой земли на удалённом хуторе. Претендовать же на материальную поддержку со стороны государства имели право не общины, а одни монастыри. Согласно ст. 458 ч. 3 Т. X Свода законов Российской империи только им при учреждении полагалось пособие в виде 150 десятин земли, мельницы и рыбных ловель, которые должны были отводиться из казённых дач²⁵. Поэтому горячо радея о будущем своей обители, настоятельница Евфимия Овсянникова 7 июля 1857 г. возбудила перед церковными властями ходатайство о преобразовании Бузулукской Тихвинско-Богородицкой женской общины в штатный монастырь с предоставлением ему положенной по закону помощи. Это прошение активно поддержал в Свя-

²⁵ Свод законов Российской империи. Том X. Часть III. Законы межевые. – СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. – Ст. 458. – С. 84.

тейшем Синоде епископ Самарский и Ставропольский Феофил (в миру Фёдор Иванович Надеждин) (1808–1865). Он отмечал, что повышение статуса обители необходимо по отсутствию в новоучреждённой с 1850 г. Самарской епархии вообще женских монастырей, а также по широкому распространению в ней раскольников и сектанток, также склонных к келейному проживанию. Владыка считал, что «в виду сих заблуждающихся и других, приводящих в заблуждение, полезно учредить такую обитель, в которой всякий мог бы видеть примеры и воздержной жизни, и повиновение уставам Святой Церкви, и послушание старейшим»²⁶.

К 1858 г. численность Бузулукской общины достигла уже 80 человек. Она укрепилась постройкой 3 жилых корпусов, хозяйственных служб, больничной Никольской церкви и оконченного вчерне Тихвинского собора, обнесённых деревянной оградой, которую «некоторые благотворители» уже планировали целиком заменить каменной. В том же 1858 г. был добавлен 2-этажный трапезный корпус размерами 15 на 8 саженей (32 на 17,07 м), каменный низ которого занимали поварня, столовая, пекарня, просфорная и 3 кельи, а деревянный верх укрывал под железной крышей ещё 14 жилых комнат для сестёр²⁷.

С учётом этих достижений и будущих перспектив к распространению благочестия 19 декабря 1859 г. император Александр II высочайше утвердил определение Св. Синода от 14 ноября о возведении Бузулукской Тихвинской женской общины на степень монастыря со штатом в 35 манатейных монахинь. Одновременно было одобрено выделение обители 150 десятин земли из Дмитровского казённого участка, государственной мельницы на реке Бузулук с годовым доходом в 400 руб., а также двух озёр Горшково и Мартыново из Лабазинских рыбных ловель лесного ведомства с доходом в 25 руб. ежегодно²⁸.

О принятых решениях было сообщено указом Св. Синода от 30 января 1860 г. № 385. По его получении в Бузулукской обители «указ сей публично объявлен в Николаевской церкви 20 февраля, и после литургии совершено было благодарственное молебствие Господу Богу монастырским священником Александром Островидовым с коленопреклонением о здравии и спасении Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича всея России и всего их Царствующего Дома»²⁹.

Следом в женскую обитель был командирован из соседнего Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря иеромонах Аарон, который 12 марта, в субботу, на бдении постриг в рясофор настоятельницу Евфимию Овсянникову, а на службах 13-го, 14-го и 17-го числа – ещё 21 сестру из числа наиболее достойных и подготовленных к принятию ангельского образа. Во второй приезд 20 августа начальница была по-

²⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 6686. Л. 1–1 об., 5–6 об., 9–11 об.

²⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 230а. Л. 140.

²⁸ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 6686. Л. 19.

²⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 6686. Л. 42.

стрижена им в мантию с именем Евгения, а затем до 28 сентября небольшими группами – и остальные рясофорные монахини. Посвящение растянулось потому, что сёстры захотели принять его по правилам Спасо-Преображенской обители: постригали за раз не более 2 человек, только во время литургии с приобщением Святых Тайн и последующим затвором в церкви на 5 дней. Наконец, 9 ноября 1860 г. за богослужением в Крестовой церкви Самарского Архиерейского дома инокия Евгения (Овсянникова) была возведена в сан игуменьи епископом Феофилом по его представлению Св. Синоду о «благочестной и смиренной ее жизни, постоянной заботливости о благоустройстве ... монастыря, введению в оном доброго порядка и благоразумному управлению»³⁰.

В 1861 г. подошло и завершение постройки соответствующего новому статусу обители монументального собора. По благословению епископа благочинным монастыря, священником Александром Петровичем Островидовым 10 октября 1861 г. был освящён главный престол этого храма во имя чудотворного Тихвинского образа Божьей Матери, 16 мая 1862 г. – правый придел во имя Архистратига Михаила, а 16 мая 1863 г. – левый придел во имя первомученика Архидиакона Стефана, устроенный по обету настоятельницы.

Тихвинский собор

³⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 6686. Л. 43, 51, 63, 66–66 об, 70 –72.

Таким образом, Тихвинский собор монастыря был трёхпрестольным, крестообразной формы. Каменное неотапливаемое здание храма имело в длину 16 саженей (34,14 м), в ширину 12 саженей (25,60 м), а в высоту до крыши 7 саженей (14,94 м). На него был поставлен осьмерик шириной 5 и высотой 4 сажени (10,67 на 8,53 м). Собор, покрытый зелёной железной крышей, венчали 5 глав шириной 7 и высотой 9 аршин (4,98 на 6,40 м). Снаружи здание было выкрашено белой масляной краской, а внутри – зелёной. Интерьер также украсил иконостас длиной 12 саженей (25,60 м) и высотой 8 $\frac{3}{4}$ сажени (18,67 м). Сюда же в главный храм обители из скромной Никольской церкви были перенесены святыни монастыря: чтимые иконы и мощи святых.

И по своему численному составу обитель также вышла на уровень полноценных монастырей. К 1865 г. количество её сестер выросло до 122 человек (1 игуменьи, 20 манатейных и 41 рясофорной монахини, 60 послушниц)³¹. Для их размещения в том же 1865 г. был закончен 2-этажный каменный корпус на северной стороне монастырской ограды, размерами 20 на 8 саженей (42,67 на 17,07 м) покрытый железом и разделенный продольным коридором на 2 половины. А в нём устроена 41 келья для сестёр.

В том же году, вместо обветшавшей деревянной ограды, монастырь был обнесён каменной стеной в 1,5 сажени (3,20 м) вышины и 1 аршин (0,71 м) ширины с двумя воротами и двумя башнями под железной кровлей, разнесёнными по углам на западной стороне.

8 сентября 1865 г. на южной стороне монастырской усадьбы заложили третий храм во имя Св. Троицы с примыкавшим к нему игуменским корпусом. А в 1866 г. вне ограды поставили крытую тёсом деревянную гостиницу для богомольцев на пространстве 10 саженей в длину и 2 в ширину (21,34 на 4,27 м)³².

За ревностное служение Церкви Божией и устройство обители 26 марта 1866 г. настоятельница была награждена золотым наперсным крестом, а 7 октября того же года отмечена благословением Св. Синода за пожертвование в пользу духовно-учебных заведений Самарской епархии³³. Но 15 декабря 1866 г. игуменья Евгения по собственному прошению и болезни ушла на покой. «Неустанная деятельность в продолжение 30 лет, требовавшая постоянного напряжения телесных и душевных сил, особенно в борьбе с препятствиями при многих огорчениях, тем более глубоких и потрясающих, чем менее они выражались жалобами и раздражением, расстроили здоровье игумении Евгении». Тем не менее, она продолжала проживать в основанной ею обители, окружённая почётом и уважением. Игуменья Евгения (Овсянникова) «оставила по себе добрую и назидательную память не только как основательница и строительница Бузулукского женского монастыря, но и как строгая подвижница. По

³¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 41. Л. 1–22.

³² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 70.

³³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 67. Л. 1 об. – 2.

рассказам лиц, знавших её, она не пропускала ни одной церковной службы. Нередко видели её в храме молящеюся слёзной молитвою. Кроме обычного монашеского молитвенного правила, она каждодневно прочитывала по Четьи Минеям св. Димитрия Ростовского жития дневных святых, так что в продолжение года она прочитывала все Четьи Минеи. Пищу вкушала самую простую. Иногда по несколько дней сряду не принимала никакой пищи. Даже в одно время, с благословения духовного отца своего, не вкушала пищи 40 дней. Рассказывают, что причастившись Св. Тайн в последний раз незадолго пред своею смертью, она запела: «Зряще мя безгласна» ... На вопрос присутствующих: «Зачем это поёшь?» она отвечала: «Так нужно»... Скончалась она в четверг Св. Пасхи, 28 марта 1885 г.³⁴, в возрасте 88 лет.

По удалении на покой игуменьи Евгении, в том же 1866 г. исправляющей должность настоятельницы в Бузулуке была определена казначея Симбирского Спасского Новодевичьего монастыря монахиня **Евфросиния**. Однако она управляла обителью всего 4 месяца и по прошению своему была возвращена обратно в Симбирск (ныне Ульяновск).

Для подбора ей замены церковные власти обратились к опытным местным кадрам. По представлению епархиального начальства указом Св. Синода от 28 сентября 1867 г. на должность настоятельницы Бузулукского Тихвинского монастыря была переведена с повышением до игуменьи начальница Бугурусланской женской общины монахиня **Дорофея** (в миру Домника Петровна Зуева). Она родилась в 1821 г., вышла из купеческого сословия и отличалась грамотностью. В 1849 г. девицей поступила в Самарскую Иверскую женскую общину, где с того же времени по поручению настоятельницы служила казначеей. 24 июня 1862 г. пострижена там в монашество. С 1863 г. по назначению настоятельницы проходила должность благочинной. 8 августа 1864 г. распоряжением епархиального начальства определена настоятельницей Бугурусланской Покровской женской общины. После постановки во главе Бузулукского Тихвинского монастыря возведена в сан игуменьи 12 октября 1867 г.³⁵

При матушке Дорофее в обители по указу Св. Синода и распоряжению Самарской духовной консистории от 16 ноября 1868 г. № 6021 было открыто училище для девочек на правах школы грамоты³⁶. Под него была отведена половина здания монастырской гостиницы. В 1869 г. на средства благотворителей достроены третий храм с примыкающим к нему игуменским корпусом. Торжественное освящение церкви подготовили к приезду в Бузулук епископа Самарского и Ставропольского, будущего святителя Герасима (в миру Георгия Ивановича Добросердова) (1809–1880), который с 9 по 23 сентября совершал обозрение своей епархии. 15 сентября 1869 г. по просьбе настоятельницы в 6 часов вечера из города он от-

³⁴ Тихвинско-Богородицкий женский монастырь в г. Бузулуке, Самарской епархии 1847–1897 год. (Краткий исторический очерк) / Сост. свящ. М. Малиновский. – Самара: Паровая типография Н. А. Жданова, 1897. – С. 15–16.

³⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 76. Л. 1 об. – 2.

³⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 14.

правился ко всеобщей в приготовленную к открытию Троицкую церковь. А на следующий день, 16 сентября, в 8 часов утра совершил её освящение, в конце которого была почтена возгласением многолетия проживавшая в обители на покое основательница монастыря игуменья Евгения (Овсянникова). Закончена литургия была назидательным словом Владыки ко всем присутствующим о том, что «устроая храмы Божия, мы должны вместе с тем благоустроить свои души, в противном случае устройство храмов будет не прочно, что и подтверждено было судьбою ветхозаветных храмов и некоторых новозаветных, славившихся в своё время художеством и богатством». После богослужения епископом были осмотрены кельи и монастырское училище, «найденное в отличном состоянии»³⁷.

Троицкий храм

Освящённый им Троицкий храм был каменным, тёплым, имел 17,5 сажень (37,34 м) в длину и 8,5 сажень (18,14 м) в ширину. Покрыт железной кровлей, выкрашенной зелёной медянкой. Снаружи оштукатурен, а внутри покрашен в голубой цвет. Вмещал в себя иконостас шириной

³⁷ Тихомиров А., протоиерей. Пребывание Преосвященнейшего Герасима в г. Бузулуке // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1869. – № 21. – 1 ноября. – С. 509; Выдержки из журнала путешествия Преосвященнейшего Герасима по уездам Самарскому, Бузулукскому и Бугурусланскому в сентябре месяце (с 9 по 23) // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1869. – № 22. – 15 ноября. – С. 528.

8,5 и высотой $2\frac{3}{4}$ сажени (18,14 на 5,87 м)³⁸. К церкви прилегал игуменский корпус под зелёной железной крышей, с одной стороны 2-этажный. В его каменном здании размерами 14 на 8 саженой (29,87 на 17,07 м) располагались не только покои настоятельницы из 5 комнат наверху, но и 15 келий для сестёр на обоих этажах³⁹.

В 1870 г. трудами игуменьи Дорофеей с сёстрами на участке возле монастырской мельницы, на берегу реки Самары был разведён фруктовый сад, состоявший из 150 корней яблонь, 100 корней смородины и других ягод⁴⁰.

Однако посреди многочисленных забот о благе обители ещё не старую настоятельницу поразила тяжёлая болезнь. До её выздоровления 22 июля 1870 г. благочинный женских монастырей Самарской епархии игумен Нифонт (Рева) (1819–1898) поручил временное управление Тихвинской обители её казначее Мелитине. Но поскольку улучшения не наступало, 30 августа 1870 г. игуменья Дорофея по расстроенному здоровью была уволена на покой в Самарский Иверский женский монастырь, где скончалась 29 июня 1901 г., а должность настоятельницы продолжила исполнять её ближайшая помощница по хозяйству монахиня **Мелитина** (в миру Марина Евграфовна Волгушева).

Она появилась на свет в 1820 г. в семье крестьян с. Лабазы (ныне Курманаевского района Оренбургской области). Выучилась дома читать и писать. По увольнительному свидетельству от сельской общины 20 октября 1849 г. поступила в Бузулукский Тихвинско-Богородицкий женский монастырь. 5 ноября 1857 г. официально зачислена в состав послушниц. 18 сентября 1860 г. пострижена в мантию иеромонахом Спасо-Преображенской обители Аароном. Проходила певческое и рукодельническое послушания. 20 апреля 1867 г. заняла пост казначеи монастыря. 30 августа 1870 г. Самарской духовной консисторией назначена исправлять должность настоятельницы, в которой утверждена указом Св. Синода от 25 февраля 1871 г. 8 ноября 1878 г. епископом Самарским и Ставропольским Серафимом (в миру Симеоном Ивановичем Протопоповым) (1818–1891) возведена в сан игуменьи⁴¹.

При матушке Мелитине монастырь продолжал пополняться и обновляться необходимыми строениями. Так, в 1872 г. была переделана трапезная, добавлен деревянный жилой корпус на каменном фундаменте, деревянная баня с тёсовой крышей для сестёр, а к монастырской стене пристроен деревянный амбар. В 1873 г. сооружены 2 деревянные избы для работников. В 1874 г. выкопаны 2 погреба, выложенные кирпичом и укрытые деревянными погребницами. В 1877 г. за ветхостью заново перекрыта железная крыша и поновлены интерьеры в Никольской церкви и капитально отремонтирован примыкающей к ней старейший больнич-

³⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 36.

³⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 230а. Л. 140 об.

⁴⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 19.

⁴¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 256. Л. 1 об. – 2; ГАОО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об. – 2.

ный корпус, к которому через сени дополнительно пристроена бревенчатая кухня. В 1878 г. у въездных ворот в обитель поставлен деревянный караульный флигель на каменном фундаменте⁴².

Недвижимость обители прирастала и добровольными пожертвованиями. По духовному завещанию, утверждённому Самарским окружным судом 19 октября 1873 г., крестьянин с. Васильевки Ефимовской волости Бузулукского уезда (ныне Курманаевского района Оренбургской области) Степан Васильевич Поляев оставил монастырю в 15 верстах (16 км) от него 20 десятин (21,85 га) пахотной земли возле с. Перевозниково (ныне Перевозинка Бузулукского района)⁴³.

Сын благодетеля Леонтий Степанович Поляев сдавал инокиням в аренду за плату ещё 100 десятин (109,25 га) земли по нехватке у разрастающегося монастыря собственных угодий под посевы и особенно пастбища, требовавшие простора. К 1880 г. Тихвинская обитель держала 48 голов скота, в том числе 10 крупного, 14 мелкого и 24 лошади. Их выпас обходился дорогой ценой – по 2 руб. за голову в лето. На зиму же монастырь заготавливал со своих лугов 17 стогов сена.

Для занятия земледелием в 1880 г. обителью было засеяно 83,5 десятины (91,2 га), из них с 53 десятин (57,9 га) пшеницы собрано только 400 пудов (6 тонн 552 кг), с 8 десятин (8,7 га) проса – 400 пудов (6 тонн 552 кг), с 2 десятин (2,2 га) гречихи – 50 пудов (819 кг), с 9 десятин (9,8 га) овса – 40 пудов (655 кг), с 11,5 десятин (12,6 га) ржи по неурожаю не взято ничего, а всего намолочено 890 пудов (14 тонн 578 кг) разного хлеба. С приусадебного огорода получено 1000 кочанов капусты, но другие овощи также не уродились⁴⁴. К 1885 г. ситуация улучшилась. При меньшей площади посевов в 55 десятин (60,1 га) земли было собрано гораздо больше, а именно 1840 пудов (30 тонн 139 кг), в том числе: пшеницы с 38 десятин (41,5 га) – 1200 пудов (19 тонн 656 кг), ржи с 6 десятин (6,6 га) – 600 пудов (9 тонн 828 кг), овса с 9 десятин (9,8 га) – 40 пудов (655 кг), а гречихи с 2 десятин (2,2 га) не получено. Из них на Поляевском хуторе обители с 34 десятин (37,1 га) убрано 1300 пудов (21 тонна 294 кг): пшеницы с 23 десятин (25,1 га) – 700 пудов (11 тонн 466 кг) и ржи с 6 десятин (6,6 га) – 600 пудов (9 тонн 828 кг), а 5 десятин (5,4 га) овса не принесли урожая. Монастырский участок при с. Ключегорье с 21 десятины (23 га) дал 540 пудов (8 тонн 845 кг), в том числе с 15 десятин (16,4 га) пшеницы намолочено 500 пудов (8 тонн 190 кг) и с 4 десятин (4,4 га) овса – 40 пудов (655 кг), а на 2 десятинах (2,2 га) посеянной гречихи не уродилось ничего⁴⁵.

Собранные зерновые культуры перерабатывались в муку и крупы на принадлежавшей монастырю так называемой Квасцовой мельнице в 5 верстах (5,3 км) от обители, на реке Самаре. По тогдашним временам это было

⁴² ГАОО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 68 об. – 69 об.

⁴³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 17 об.

⁴⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 230а. Л. 141 об. – 142.

⁴⁵ ГАОО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 70 об.

крупное и технически сложное производство, оснащённое 8 мукомольными поставами, просообдиркой и сукновальней. Для регулирования подачи воды на мельничное колесо река была перегорожена плотиной длиной 70 саженей (149,35 м) и шириной 20 саженей (42,67 м) с проездным мостом на 24 свайных опорах. При мельнице имелся дом для помольцев и 2 амбара. На момент передачи из казны в монастырскую собственность весь комплекс оценивался в 14393 руб. 30 коп. серебром⁴⁶. В дополнение к заведённому здесь инокинями фруктовому саду, в 1875 г. сёстры устроили поблизости ещё и пчельник на 50 ульев. Саму мельницу они сдавали в аренду: сначала бузулукскому купцу Алексею Ивановичу Болтунову с 1862 г. – за 600 руб., а с 1872 г. – за 2000 руб. и 2000 пудов (32 тонны 760 кг) хлеба в год, а с 1888 г. – бузулукской купеческой жене Марии Семёновне Болтуновой за 1000 руб. и 3000 пудов (49 тонн 140 кг) хлеба в год (2000 пудов пшеницы и 1000 пудов ржи), который шёл на продовольствие монастыря.

Полученные в качестве государственного пособия рыбные ловли на озёрах Горшково и Мартыново у с. Тримихайловки (ныне Сухоречки Бузулукского района) сёстры также отдавали внаём, например, бузулукским мещанам Василию Рогалёву за 30 руб. в год или Иосифу Николаеву за 20 руб. ежегодно.

Все поступления Тихвинского монастыря за 1880 г. составили 9595 руб. 49 коп., а за 1885 г. – уже 10031 руб. 3 коп. Расходы за то же время выразились суммой в 9640 руб. 42 коп. на 1880 г. и 10012 руб. 45 коп. на 1885 г. Помимо наличных средств, обитель владела и ценными бумагами на вклады благотворителей. К 1880 г. в монастырской казне хранились 27 процентных бумаг на 8250 руб. (6300 руб. в пользу обители и 1950 руб. в пользу её причта), а к 1885 г. – 34 доходных билета на 9550 руб. (5800 руб. насельникам и 3750 руб. священнослужителям)⁴⁷.

Разумеется, материальные ресурсы служили целям не личного обогащения удалившихся от мира, посвятивших себя служению Господу, а выполнению основной, духовной миссии монастыря, созданию условий для богослужебной, образовательной, культурно-просветительской деятельности.

При игуменье Мелитине в 1874 г. за чертой обители, рядом с её гостиницей и училищем был построен деревянный дом на каменном фундаменте с кухней, баней и хозяйственными службами для младшего монастырского иерея. А с 1879 г. в такой же новый дом на углу Петропавловской и Уральской улиц г. Бузулука вселился и старший священник обители.

В 1880 г. уже на средства этого протоиерея Александра Петровича Острового на правой стороне монастырского храма Св. Троицы был сооружён придел, который 8 сентября 1881 г. самарским епископом Серафимом освящён во имя святителя Митрофана, Воронежского чудотворца. На левой же стороне Троицкой церкви тогда находился келья для чтения Псалтыри.

⁴⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 6686. Л. 82–88.

⁴⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 230а. Л. 142 об.; ГАОО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 71–71 об.

Долгое время при трёх храмах в обители не было собственной колокольни, так что 7 монастырских колоколов помещались в одной из глав Тихвинского собора⁴⁸. Озаботившись этой проблемой, игуменья Мелитина добилась разрешения Самарской духовной консистории от 19 апреля 1882 г. за № 2124 на постройку отдельной каменной 8-гранной колокольни длиной основания 10 саженей (21,34 м) и шириной 5 саженей 2 аршина (12,09 м), которую и довела к 1887 г. до третьего яруса.

При настоятельстве Мелитины в 1880-е годы главный монастырский собор во имя Тихвинской иконы Божьей Матери также украсился важной святыней – напрестольным крестом с частицами мощей апостола от 70, евангелиста Луки (ум. ок. 84), апостольского мужа, священномученика Игнатия Богоносца (ум. 107), основателей монашества преп. Антония Великого (ок. 251 – 356) и преп. Евфимия Великого (ок. 377 – 473); преп. Пимена Великого (340 – ок. 450), священномученика Петра, архиепископа Александрийского (ум. 311); одного из Отцов Церкви, святителя Афанасия Великого, архиепископа Александрийского (ок. 295 – 373) и св. Евфросина Сийского (возможно, Синозерского, ум. 1612).

Много внимания настоятельница уделяла и распространению христианского благочестия посредством культурно-просветительских учреждений. Под её руководством в 1877 г. было отремонтировано монастырское училище, где к 1880 г. занимались уже 80 девочек разного звания, преимущественно дочерей городских обывателей и в меньшей степени жителей окрестных сёл. Закон Божий им преподавал бесплатно монастырский священник. Светские же дисциплины с 1872 г. вела за 150 руб. в год девица Сусанна Яковлевна Благовещенская, с 1880-х годов – окончившая Самарское епархиальное женское училище Антонина Яковлевна Чернозатонская, которая стала поучать за труды уже 200 руб. ежегодно. Содержалась школа грамоты на средства обители, а учебники и пособия получала по большей части от земской управы⁴⁹. Указом Самарской духовной консистории от 22 мая 1887 г. № 4390 она была преобразована в одноклассную церковно-приходскую школу с более глубокой программой обучения⁵⁰.

В начале 1880-х годов игуменья Мелитина впервые завела при монастыре библиотеку, чтобы православные женщины могли продолжать своё духовное воспитание чтением святоотеческих трудов, житий святых, дидактической, назидательной литературы. К 1885 г. в её фондах имелось 100 наименований книг в 120 томах, а к 1910 г. – 154 названия печатной продукции в 593 экземплярах⁵¹.

⁴⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 36; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 230а. Л. 139 об.

⁴⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 230а. Л. 142 об.; Д. 267. Л. 81 – 81 об.

⁵⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 14.

⁵¹ ГАОО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 67 об.; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 5 об. – 6.

Монахини Бузулукского Тихвинского монастыря

Улучшение материально-бытовых условий и укрепление многоотраслевого хозяйства, растущее благолепие храмов и слава святынь, развитие школы и появление библиотеки способствовали широкому притоку в Бузулукский Тихвинский монастырь всё новых и новых насельниц, устремлявшихся сюда на обучение и послушания. Если в 1870 г. обитель насчитывала 163 человека (1 настоятельницу, 1 игуменью на покое, 24 манатейные и 31 рясофорную монахиню и 108 послушниц), то в 1875 г. – уже 201 женщину 201 человек (1 настоятельницу, 1 игуменью на покое, 31 манатейную и 26 рясофорных монахинь, 19 указных и 123 неуканых послушницы), в 1880 г. – 217 насельниц (1 действующую игуменью и 1 на покое, 1 схимницу, 33 манатейных и 38 рясофорных монахинь, 20 указных и 123 неуканых послушницы), а в 1885 г. – 224 человека (1 игуменья, 45 манатейных и 25 рясофорных монахинь, 15 указных и 138 неуканых послушниц)⁵². Это с новой остротой поставило на повестку дня вопрос о дальнейшем расширении жилых площадей в обители. Для его решения в 1884 г. на каменных фундаментах были возведены сразу 2 новых одноэтажных деревянных корпуса с железной кровлей, выкрашенной в зелёный цвет. Первый из них, на одной линии к северу от Никольской церкви, был сложен из брёвен на 12 сажень (25,60 м) в длину, 6 сажень (12,80 м) в ширину и 2,5 сажени (5,33 м)

⁵² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 119. Л. 1 об. – 30; Д. 199. Л. 1 – 38; Д. 230а Л. 188 об. – 189; ГАОО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 68.

в высоту. Второй, обшитый тёсом, был длиной 10 сажень (21,34 м), шириной 2 2/3 сажени (5,69 м) и вышиной 4 аршина (2,84 м)⁵³.

Положив много сил и здоровья на благо обители, игуменья Мелитина 29 января 1888 г. по болезни подала в отставку и в марте была уволена на покой, после чего занималась в монастыре чтением Псалтыри и мирно отошла ко Господу 6 марта 1892 г.

После её ухода с марта 1888 г. обязанности настоятельницы были временно возложены на казначею монастыря, монахиню **Евсению** (в миру Екатерину Гавриловну Храпову). Она родилась в 1819 г. и происходила из крестьян с. Кутуши (ныне Курманаевского района Оренбургской области). Грамоте обучалась дома. В 1846 г. ушла от мира в Бузулукскую Тихвинскую обитель, куда по указу от 29 мая 1852 г. была принята в число послушниц. 7 сентября 1860 г. там же пострижена в мантию иеромонахом Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря Аароном. Проходила чередные послушания, была эконошкой и благочинной. С 20 августа 1870 г. исполняла в монастыре обязанности казначеи, а 23 ноября 1872 г. была утверждена в этой должности⁵⁴. Под её временным управлением Бузулукская Тихвинская обитель ещё более нарастила свои земельные владения. Связанный с ней на протяжении многих лет деловыми и тёплыми человеческими отношениями арендатор монастырской мельницы, бузулукский купец Алексей Иванович Болтунов по дарственной от 28 октября 1888 г. добавил к монастырскому участку у с. Перевозниково смежные 69 десятин (75,4 га) пахотной земли⁵⁵.

По указу Св. Синода от 21 августа 1889 г. № 3140 новой настоятельницей Бузулукской Тихвинской обители, уже на постоянной основе была определена с возведением в сан игуменьи монахиня **Валентина** (в миру Варвара Ефимовна Озерова, урождённая Андреева). Она увидела свет 2 октября 1819 г. в г. Симбирске (ныне Ульяновске) в дворянской семье статского советника, председателя губернской палаты уголовного суда и и. о. губернатора Ефима Фёдоровича Андреева и Федосьи Ивановны Порошиной. Вышла замуж за помещика Курской губернии Озерова, но детей в браке не имела и овдовела. С августа 1877 г. по январь 1885 г. работала начальницей Самарского епархиального женского училища. 4 декабря 1887 г. удалилась в Ключегорский Казанско-Богородицкий монастырь (в с. Таллы ныне Грачёвского района Оренбургской области). Указом Самарской духовной консистории от 8 декабря 1887 г. № 10659 определена в число его послушниц. Там же архимандритом Нифонтом (Ревой) 21 января 1888 г. пострижена в рясофор, а 27 мая 1888 г. – и в мантию. Указом Св. Синода от 21 августа 1889 г. № 3140 назначена настоятельницей Бузулукского Тихвинского монастыря с возведением в сан игуменьи. После перевода на должность настоятельницы Бузулукской Тихвинской обители, 8 сентября 1889 г. епископом Самарским

⁵³ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 37 об.

⁵⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 199. Л. 3 об – 4; Д. 256. Л. 3 об. – 4.

⁵⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 17 об.

Серафимом возведена в сан игумены. А 12 октября 1889 г. определена и попечительницей монастырской женской школы⁵⁶.

На новых постах матушка Валентина проявила себя рачительной и энергичной руководительницей, не упускавшей из виду ни одной стороны сложного монастырского хозяйства.

Прежде всего, она обратилась к приведению в надлежащий порядок храмов и связанных с ними построек, необходимых для организации богослужений.

В 1889 г. из Троицкой церкви была убрана келья для чтения Псалтыри, а для молитвы по усопшим построен на каменном фундаменте отдельный деревянный флигель, крытый тёсом, на пространстве 5 саженей (10,67 м) в длину, 2 2/3 саженей (5,69 м) в ширину и 1 1/3 саженей (2,84 м) в высоту. Половина псалтирной предназначалась собственно для «неугасимого», постоянного чтения священной книги, а вторая часть была отведена под проживание сестёр.

Следом настоятельница изыскала средства на возобновление строительства монастырской колокольни, приостановленное в 1887 г. после 2-го яруса. По указу Самарской духовной консистории от 30 апреля 1890 г. № 488 сооружение продолжилось каменной кладкой 3-го и 4-го ярусов, оконченных ударными темпами уже 11 июля. В 1891 г. на колокольне завершены плотничные, столярные и отделочные работы, здание оштукатурено и покрыто белым железом. 8 сентября на него подняты колокола, из которых крупнейший весом 308 пудов 35 фунтов (5 тонн 59 кг) был пожертвован монастырским протоиереем Александром Петровичем Островидовым. 14 сентября водружён железный крест, вызолоченный искусными мастерами из числа самих сестёр. При этом на доведение постройки израсходовано 14985 руб. 24 коп. Каменное здание колокольни с 2 дверями и 18 окнами устремилось ввысь на 19 саженей (40,54 м), шпиль с главкой – на 7 саженей (14,93 м) и крест – ещё на 2 сажени (4,27 м), так что общая высота строения составила 28 саженей (59,74 м). В 1895 г. его стены были выбелены, а глава покрыта синей краской и украшена 390 звёздами, также позолоченными сёстрами самостоятельно⁵⁷.

Параллельно приводился в надлежащий вид и расположенный поблизости главный монастырский собор во имя Тихвинской иконы Божьей Матери, который прежде капитально не ремонтировался. В 1890 г. внутри него были перестланы и выкрашены в жёлтый цвет полы, во всю длину сделана решётка, отделяющая монашествующих от мирян, рамы покрашены и стёкла промазаны. Вся резьба снята, вычищена и вновь переклеена, сделаны 2 новых киота, а на пожертвования монастырского протоиерея Александра Петровича Островидова живопись в куполе поновлена, стены внутри окрашены зелёной масляной краской и расписаны картинами духовного со-

⁵⁶ ЦГАСО. Ф. 31. Оп. 11. Д. 403. 1 об. – 2.

⁵⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 4 об.

держания. Фасады были оштукатурены, крыша и церковные главы покрыты зелёной масляной краской. В 1894 г. дополнительно почистили резьбу иконостаса, внутренние стены промыли, а наружные – выбелили по новой штукатурке.

Колокольня

Также благоустраивалась прихрамовая территория. В 1891 г. находящийся вокруг Никольской церкви и больничного корпуса небольшой садик был обнесён деревянной оградой столярной работы. В 1894 г. сам храм отремонтирован: крылечки в нём перестроены, а пол, интерьеры, фасады, купол и крыша заново окрашены⁵⁸.

Наконец, в 1891 г. был улучшен и Троицкий храм обители, в котором на средства протоиерея Островидова перечищена и заново наклеена вся резьба, выкрашены иконостас, киоты, стены и полы.

⁵⁸ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 403. Л. 113.

Для обеспечения монастырских храмов приношением при литургии в 1894 г. к северу от колокольни за 7725 руб. 23 коп. был построен каменный одноэтажный корпус просфорной, покрытый железной кровлей зелёного цвета. В здании размерами 12 на 8 саженей (25,60 на 17,07 м), помимо двух русских печей для приготовления богослужебного хлеба, располагались 5 келий для просфорниц и 2 кельи для вратарницы монастыря с кирпичным подвалом и погребом.

Богослужебные здания монастыря не только снабжались всем необходимым и ремонтировались, но и расширялись. Во время пребывания с некоторыми сёстрами монастыря в г. Чернигове, в сентябре 1896 г. на открытии св. мощей новоявленного угодника Божия святителя Феодосия (1630-е – 1696) игуменья Валентина возымела благочестивое желание устроить в его честь придел, о чём и поведала находившемуся там же епископу Самарскому Гурию (в миру Сергею Васильевичу Буртасовскому) (1845–1907). Владыка благословил усердие настоятельницы и предложил добавить новый придел на левой стороне Троицкого храма монастыря. По окончании строительства Преосвященный Гурий сам и освятил этот придел 13 сентября 1897 г. во имя святителя Феодосия, Черниговского чудотворца⁵⁹.

В новых площадях нуждалась и действовавшая в обители церковно-приходская школа, которая делила тесное 1-этажное помещение с монастырской гостиницей. Сначала, в 1892 г. только для школьной учительницы на фундаменте из воздушного кирпича был устроен отдельный деревянный флигель, обшитый тёсом. С 1895 г. здесь проживала окончившая курс Казанского духовного училища Александра Дмитриевна Панормова. Под её руководством к 1895 г. в монастырской церковно-приходской школе занимались 70 девочек⁶⁰. Из-за большой нагрузки в 1896 г. помощницей к ней была определена Елена Рафаиловна Куракина, окончившая 5 классов гимназии в г. Уфе. А в 1897 г. училище и гостиница также переехали в новое более просторное, уже 2-этажное

Панормова А.Д.

⁵⁹ Тихвинско-Богородицкий женский монастырь в г. Бузулуке, Самарской епархии 1847–1897 год. (Краткий исторический очерк) / Сост. свящ. М. Малиновский. – Самара: Паровая типография Н.А. Жданова, 1897. – С. 2–3.

⁶⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 403. Л. 119.

здание, крытое железом, размерами 12 на 8 на 2 сажени (25,60 на 17,07 м на 4,27 м). На нижнем кирпичном этаже для богомольцев были оштукатурены и выбелены 6 комнат, поставлены русская печь и водонагревательный куб. Ежегодно здесь получали от монастыря бесплатный кров и еду 6200 проходящих паломников (1200 мужчин и 5000 женщин)⁶¹. Снаружи на второй деревянный этаж, обшитый тёсом и выкрашенный в серый цвет, вела отдельная парадная лестница в крытом и остеклённом коридоре под железной кровлей. Наверху в 7 комнатах разместилось училище, отделанное для детей с большим лоском: стены в нём были покрашены клеевой краской, а потолки оклеены белой бумагой. Комплекс, обнесённый дощатым палисадником, встал монастырю в 12600 руб.⁶².

Благоустройство храмов, училища и прилегающей территории было завершено к 1897 г., когда Бузулукский Тихвинский монастырь торжественно отметил своё 50-летие, представ в обновлённом блеске. Младший монастырский священник о. Михаил Малиновский, издавший к юбилею краткий исторический очерк обители, так описывал её тогдашнее состояние:

«Храмы и прочие здания при игумении Валентине были все отремонтированы и содержались в примерной чистоте и благолепии.

В общем, вид монастыря представлял привлекательную для взора картину. При входе в монастырские ворота, прежде всего, представляется взору монастырский пятиглавый собор, которого простая, но величественная архитектура и его самое положение, на открытой, довольно обширной площади среди монастыря, производит сильное впечатление на богомольца: так и чувствуется, что здесь обитель богоугождения молитвенными подвигами. Вдали на восток за собором, среди зелени деревьев, виднеется скромная начальная церковь деревянная во имя святителя Николая, Мирликийского Чудотворца, примыкающая к больничному деревянному корпусу. Эта простая скромная церковка, с простым, незатейливым крылечком, с обеих сторон окружённая зеленеющими палисадниками, своею трогательною простотою говорит сердцу о Всеблагое Творце окружающей природы и производит умиляющее на душу впечатление. И странно: такая внешняя простота сельская этого начального храма обители как будто говорит о благочестивом вкусе основательницы монастыря, простой крестьянской девицы; но внутри устройство храма как будто выдаёт великие замыслы о будущности обители, которые предносились уму Евфимии Герасимовны. В трапезе потолок устроен крутым, высоким сводом, что указывает на образец более обширных и великолепных храмов; в этой маленькой церковке солея и амвон устроены в три, довольно мелкие ступени, так же как и престол с жертвенником: видимо,

⁶¹ Благотворительность в России. Т. 2. Список благотворительных учреждений. Ч. 2. I. Губернии и области: Олонецкая-Ярославская, Привислинские, Кавказа, Средней Азии и Сибири. II. Дополнительный список благотворительных учреждений. – СПб.: [Б. и.], 1902. – Самарская губерния. – С. 8–9.

⁶² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 14 об. – 15.

что иконостас изображает в миниатюре иконостас более величественного храма. Окна и двери на северной стороне церкви выходят в больничное помещение, так что больные не только могут слышать, но и видеть весь ход Богослужения.

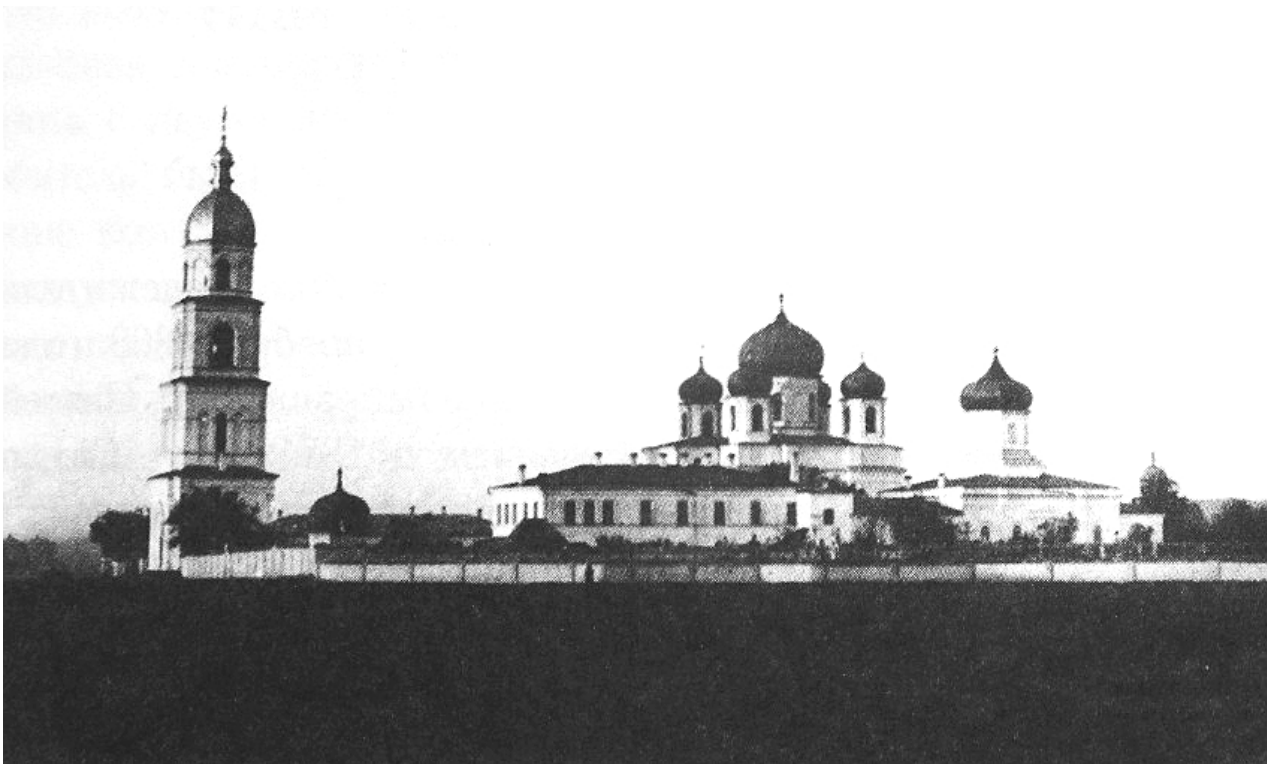
На юг от Тихвинского собора видится скромный осмерик и глава тёплого храма во имя Пресвятыя Троицы, с приделами на южной стороне во имя святителя Митрофана, Воронежского чудотворца, и на северной – во имя святителя Феодосия, Черниговского чудотворца. Это – поистине храм иноческой молитвы: богомысленной, самоуглубленной, покаянной в слезах, смиренной в радости; здесь каждое местечко – уголок для внутреннего духовного уединения, – и только Царице Небесной и Ея Божественному Сыну, Господу Спасителю, Иисусу Сладчайшему, известны те духовные из глубины души воздыхания, которые здесь изливаются пред Богом. Троицкий храм непосредственно соединён с кельями монахинь – в нижнем этаже, и с кельями игуменскими в верхнем этаже. В нижнем этаже находится «живописная», т. е. мастерская для иконописи, которой обучаются девять девиц под руководством мастерицы-монахини. Игуменья Валентина посылала мастерицу-иконописку в Петербург для обучения живописи и иконной чеканке по золоту; близость храма имеет благотворное влияние на благочестивое чувство мастериц-иконописиц, а иногда представляет очень удобное место для работы копий с икон храма. В верхнем этаже, при келиях игуменнии, помещается мастерская «золотошвейная».

Внутри монастырской каменной ограды идут монастырские корпуса для обитательниц-монахинь и для необходимых хозяйственных заведений, а при тёплом Троицком храме расположено монастырское кладбище. Около монастырских корпусов и на кладбище, – повсюду палисадники и сады; от святых врат и до собора, около самого собора и по пути к Троицкому храму зеленеют молодые тополи; самый двор зеленеет травой, точно зелёным ковром, – и всё это в совокупности представляет именно обитель, т. е. один дом одной семьи, собранной во имя Божие, для единого на потребу – спасения души. Понятно, что люди с непредубеждённым чувством, с простой верующей душой идут сюда излить свою душу в молитве в монастырских храмах, успокоить волнующееся в мирской суете сердце тишиною монастырской жизни и вкусить радость отрешения от мирских печалей»⁶³.

⁶³ Тихвинско-Богородицкий женский монастырь в г. Бузулуке, Самарской епархии 1847–1897 год. (Краткий исторический очерк) / Сост. свящ. М. Малиновский. – Самара: Паровая типография Н.А. Жданова, 1897. – С. 18–20.

Бузулукский Тихвинский монастырь

Молитвенный покой и благолепие обители зиждились на непрестанном труде и значительных издержках религиозной общины. Нередко постройки здесь начинались без наличных средств, на одном энтузиазме и искренней вере во всемогущество Господне. Из-за этого к 1893 г. на монастыре накопилось около 6000 руб. долгов, с которыми он не мог расплатиться самостоятельно. И только деятельная поддержка своего архиерея, Преосвященнейшего Гурия помогла урегулировать эту ситуацию.

Ещё одной проблемой, сдерживавшей развитие обители, была острая нехватка в её угодьях хорошего леса не только на строительные материалы, но даже на отопление существующих 180 монастырских печей. Земельные владения монастыря занимали преимущественно степи, пашни и сенокосы, а леса возле обители имелось всего 4 десятины 1000 кв. саженей (4,8 га), причём в основном малопригодного кустарника, осокори и ветлы. Поэтому для обеспечения строительства и отопления 13 марта 1896 г. игуменья Валентина обратилась к властям с просьбой о прирезке дополнительного лесного участка, смежного с монастырской мельницей и городским выгоном Бузулука. Войдя в сложное положение обители, 15 апреля 1896 г. Лесной департамент предписал отмежевать Тихвинскому монастырю из Бузулукской лесной дачи 49 десятин 180 кв. саженей (53,6 га)⁶⁴.

По-прежнему не оставляли молитвенных заступниц помощью и частные благотворители.

⁶⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 3907. Л. 1 – 16 об.

Так, в 1893 г. по духовному завещанию бузулукского мещанина Кузьмы Петровича Шаталова к Тихвинскому монастырю перешёл земельный участок в 1-й части г. Бузулука, в 34-м квартале, № 239 мерой по Ярмарочной улице 8 саженей (17,07 м) и в глубину двора 32 сажени (68,28 м). На нём располагался одноэтажный деревянный флигель, крытый тёсом, размерами 6 на 3 на 1 1/3 сажени (12,80 м на 6,40 на 2,84 м) с необходимыми надворными постройками.

Н.Д. Батюшков

По дарственной от 7 ноября 1897 г. другой бузулукский мещанин Иван Григорьевич Красилов передал обители 460 десятин (502,6 га) земли, оценённых в 27000 руб. И в том же году ещё 162 десятины (177 га) стоимостью 15000 руб. подарил монастырю российский экономист и публицист, оценщик Самарского отделения Дворянского банка и старшина Самарского биржевого комитета, дворянин Николай Дмитриевич Батюшков (1855–1916), внучатый племянник известного в своё время поэта. Оба этих участка находились вблизи дер. Медведки Погроминской волости Бузулукского уезда (ныне Тоцкого района Оренбургской области).

В результате совокупные земельные владения Тихвинского монастыря возросли до 1022 десятин 180 кв. саженей (1116,6 га)⁶⁵.

За счёт вкладов на помин души и сбережений неприкосновенный капитал обители к 1895 г. увеличился до 101 ценной бумаги на 25100 руб., включая 32 билета в пользу монастыря на 12110 руб. и 69 билетов в пользу причта на 12990 руб. Движения монастырских сумм за этот же год было: прихода – 25853 руб. 12 коп. и расхода – 21441 руб. 4 коп.⁶⁶

Значительная часть денежных средств и продуктов питания поступала от собственной хозяйственной деятельности, развитию которой матушка Валентина также уделяла самое пристальное внимание. Участок при монастырской мельнице она превратила в доходную дачу, где в 1890 г. был построен деревянный дом с двумя кухнями и двумя погребами, ледник для хранения молочных продуктов, омшаник для зимовки пчёл, а в 1893 г. поставлены 3 избы для сестёр, ведущих здесь хуторское хозяйство: пчельниц,

⁶⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 16 об., 17–17 об.

⁶⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 403. Л. 124 об. – Л. 126 об.

скотниц, садовниц и огородниц⁶⁷. На усадьбе самого монастыря в 1891 г. из сэкономленных от других построек материалов игуменья возвела рядом с трапезным корпусом 1-этажную каменную пекарню мерой 7 на 3 сажени (14,94 на 6,40 м), которая в 1894 г. была надстроена вторым деревянным этажом на 5 келий для сестёр-хлебниц. Из таких же материалов в 1891 г. была утверждена на каменном фундаменте деревянная квасоварня, имевшая в длину 5 саженей (10,67 м), в ширину 3,5 сажени (7,47 м) и в высоту 1 сажень (2,13 м). Также при игуменье Валентине для трудниц с восточной стороны монастырской ограды был устроен специальный рабочий двор. К имевшейся избе, сараю для дров, навесу для телег, саней и сбруи в 1895 г. прибавлен деревянный флигель для проживания рабочих, а в 1896 г. весь комплекс огорожен деревянным забором на пространстве 43 саженей (91,74 м) в длину и 12 саженей (25,60 м) в ширину с пристройкой навеса и сенника. Игуменья стремилась и максимально использовать уже существующие ресурсы. Для увеличения доходности с 1 января 1898 г. она перестала отдавать на сторону в аренду мельницу, которую монастырь принял в своё непосредственное ведение и пользование⁶⁸.

Укрепления и наращивания хозяйства требовало, в том числе, выполнение традиционной монастырской функции по призрению пожилых, слепых, калек и сирот, которые получали в стенах обители бесплатный кров и еду. Особенно много осиротевших детей Тихвинский монастырь взял на своё иждивение после холерной эпидемии 1893 г., поразившей всю округу⁶⁹. Но для содержания неспособных к труду обитель была вынуждена принимать всё новых молодых послушниц, распределяя их на многочисленные работы по уходу за немощными, больными и малолетними, земледелию, скотоводству и ремёслам. Как следствие, число насельниц стремительно росло: если 1885 г. в обители проживали 224 человека (1 игуменья, 45 манатейных и 25 рясофорных монахинь, 15 указных и 138 неуказных послушниц), то в 1895 г. – уже 383 женщины (1 игуменья, 98 манатейных и 46 рясофорных монахинь, 72 указных и 166 неуказных послушниц)⁷⁰.

Для размещения вновь прибывающих продолжалось и активное жилищное строительство. Первоначально эта проблема решалась за счёт расширения уже существующих зданий. Так, в 1890 г. к бревенчатому корпусу, возведённому при игуменье Мелитине в 1884 г., был сделан пристрой на 9,5 саженей 2 аршина в длину (21,69 м) и 6 саженей (12,80 м) в ширину. А по указу Самарской духовной консистории от 24 ноября 1890 г. каменный игуменский корпус уже на всём протяжении был надстроен вторым этажом за 7367 руб. 40 коп. В результате к 12 кельям внизу добавились 10 комнат с кухней наверху. Однако небольшие переделки не могли удовлетворить растущие потребности монастыря в жилых площадях. Поэтому в 1892 г.

⁶⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 456. Л. 121–122.

⁶⁸ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 11– 11об, 13 об., 18, 19.

⁶⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 3645. Л. 1–1 об.

⁷⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 403. Л. 1 об. – 112.

для помещения сестёр на каменном фундаменте был построен 1-этажный деревянный флигель, крытый тёсом, длиной 5 сажений (10,67 м), шириной 3 сажени (6,40 м) и высотой 4 аршина (2,84 м). В 1893 г. в северной части монастырской усадьбы на каменном фундаменте сложен и покрыт тёсом 1-этажный деревянный дом, занимавший пространство 7 на 3 сажени (14,94 на 6,40 м), с холодным погребом для хранения молочных продуктов. В 1894 г. к югу от колокольни за 4367 руб. 99 коп. сооружён 1-этажный бревенчатый корпус с железной кровлей, покрашенной в зелёный цвет. Это здание размерами 12 на 8 на 2,5 сажени (25,60 на 17,07 на 5,33 м) было рассчитано на 9 комнат. Практиковалось в монастыре и строительство индивидуальных келий для уединённого проживания, в том числе сестёр, принявших великую схиму. Так, в 1897 г. на восточной стороне был поставлен такой 1-этажный деревянный дом с тёсовой крышей, который имел 6,5 сажени (13,87 м) в длину, 3 2/3 сажени (7,82 м) в ширину и 1 сажень (2,13 м) в высоту. Тогда же к монастырской ограде пристроен ещё один персональный деревянный флигель на каменном фундаменте, крытый железом, длиной 5 2/3 сажени (12,09 м), шириной 3 сажени (6,40 м) и вышиной 1 сажень (2,13 м). В 1899 г. под железную кровлю подведён деревянный флигель, имевший 6 1/3 сажени (13,51 м) в длину, 2 1/3 сажени (4,98 м) шириной и 1 сажень (2,13 м) в высоту.

При большой скученности проживания насельникам были созданы и надлежащие гигиеническо-бытовые условия. В 1891 г. для сестёр срублена новая баня, соединённая под общую крышу с отремонтированной тогда же прачечной. А в 1896 г. на западной стороне монастыря, вблизи игуменского корпуса появилась и отдельная баня для настоятельницы.

Созидательное служение игуменьи Валентины увенчало приведение в порядок монастырской каменной ограды, обвалившейся в 1899 г. на протяжении 60 сажений (128,01 м). Под руководством настоятельницы она была не только восстановлена, но и укреплена 33-мя контрфорсами на опасном участке в 111 сажений (236,83 м), что потребовало дополнительных расходов на 1849 руб. 20 коп.⁷¹

Заслуги игуменьи Валентины по благоустройству вверенной ей обители были неоднократно отмечены церковными и светскими властями. 17 апреля 1892 г. за отлично-ревностную службу Церкви Божией она получила наперсный крест от епископа Самарского и Ставропольского, будущего священномученика Владимира (в миру Василия Никифоровича Богоявленского) (1848–1918). 18 декабря 1897 г. награждена серебряной медалью в память царствования императора Александра III. А 20 июня 1898 г. удостоена наперсного креста с украшениями из Кабинета Её Императорского Величества⁷².

⁷¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 6 об. – 7 об., 9–10, 11 об. – 12 об.

⁷² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 451. Л. 1 об. – 2.

5 октября 1899 г. игуменья Валентина почилa. Её преемницей во главе Бузулукской Тихвинской обители стала воспитанница монастыря **Херувима** (в миру Елена Дмитриевна Волгушева). Она родилась 17 мая 1861 г. в семье крестьян с. Лабазы (ныне Курманаевского района Оренбургской области) Дмитрия Евграфовича и Елены Егоровны Волгушевых. Ребёнком была отдана на обучение в школу грамоты при Тихвинской обители 9 мая 1869 г., а не 1867 г., как пишут повсеместно. По окончании училища проходила послушания певческое и рукодельное, а с 1880 г. – регентши и учительницы нотного пения. 15 августа 1887 г. получила от своего сельского общества увольнительное свидетельство на поступление в этот монастырь, куда 13 декабря 1891 г. принята в число уже указных послушниц. 5 ноября 1893 г. самарским епископом Гурием пострижена в мантию. Указом Самарской духовной консистории от 12 октября 1899 г. № 18920 допущена к управлению монастырём, а указом Св. Синода от 2 ноября 1899 г. № 6868 утверждена в должности настоятельницы с присвоением сана игуменьи. В том же монастыре и возведена в этот сан 6 декабря 1899 г.⁷³.

Игуменья Херувима (Волгушева) —

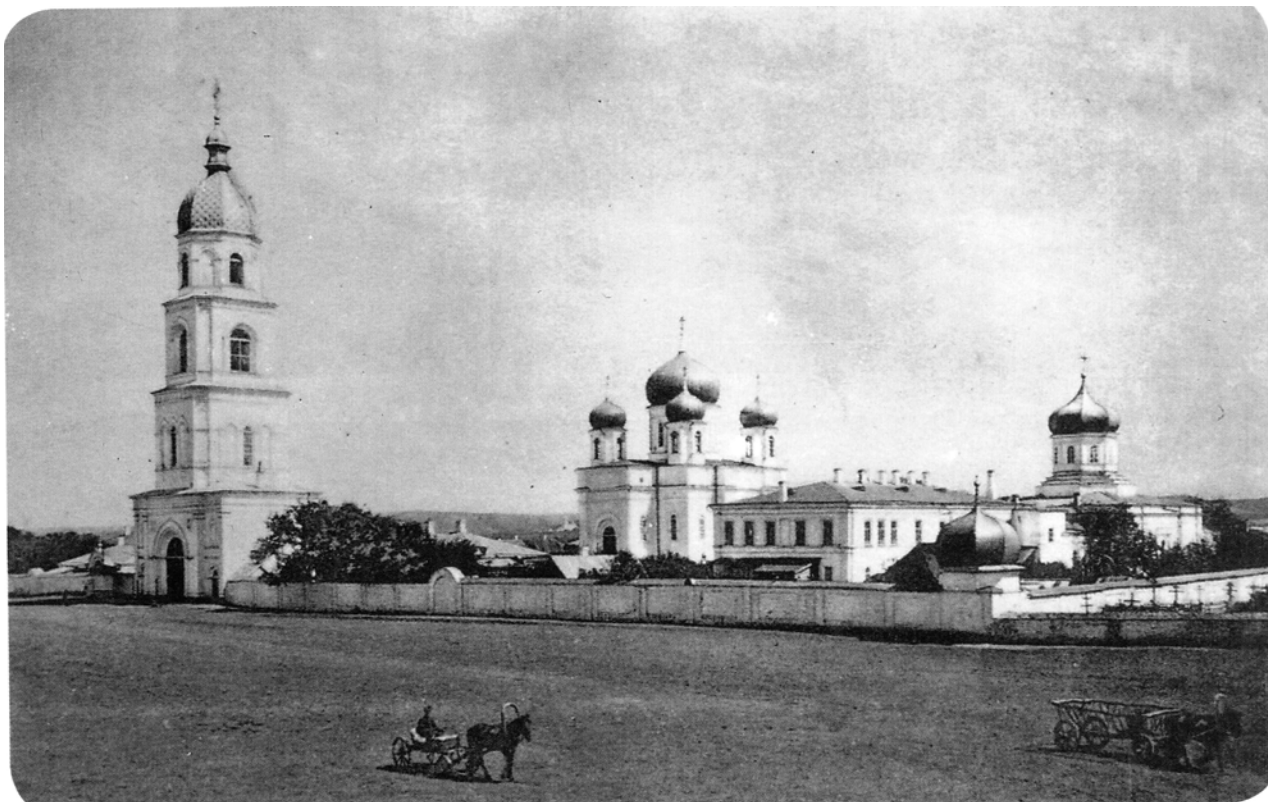
С замечательной энергией и деловитостью новая игуменья обратилась к перестройке принципов ведения монастырского хозяйства. До конца XIX в. сёстры снимали вблизи монастыря за плату до 100 десятин чужой земли под распахку и выгоны для скота. А собственные угодья использовали мало по отдалённости или неудобству, которые не оправдали бы вложений. Но в 1897 г. Тихвинский монастырь получил от благотворителей огромные пространства хорошей пахотной земли на комфортном расстоянии в 25 вёрст у дер. Медведка. С приходом к управлению обителью игуменья Херувима приступила к поэтапному освоению этого перспективного участка и к заведению на нём нового хутора. В 1901 г. там был поставлен первый полевой амбар. В 1902 г. с монастырской дачи на участок перенесён дом для проживания сестёр, занятых земледелием и животноводством. В 1904 г. добавлен второй полевой амбар. В 1908 г. сооружён телятник. В 1911 г. на хуторе сложена баня. В 1913 г. построены третий амбар и де-

⁷³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 403. Л. 29 об. – 30; Д. 451. Л. 27 об. – 28; Д. 540. Л. 1 об. – 2.

ревянная конюшня, которую дополнили каретники. Обнесён плетнём скотный двор, крытый соломой. Устроен птичник. Для работниц поставлены кухня, трапеза и даже разбит цветник⁷⁴.

Бузулукский Тихвинский монастырь

Продолжалось и развитие монастырской дачи, расположенной у принадлежавшей обителю мельницы на реке Самаре. В 1901 г. она пополнилась деревянным флигелем, в 1903 г. – амбаром, погребом, двумя избами для помольцев и баней, а в 1904 г. – новым ледником для молочного хозяйства и сукновальней для выделки тканей. В 1905–1910 гг. был значительно расширен новыми посадками фруктовый сад до 250 яблонь, 400 кустов смородины, 300 малины, 30 крыжовника, 5 винограда и 2 грядки клубники длиной 10 саженей (21,34 м) и шириной 1 сажень (2,13)⁷⁵. Сохранялся и пчельник на 18 ульев. Наконец, в 1912 г. была разобрана за ветхостью и заново отстроена из соснового леса за 30047 руб. монастырская мельница с французскими камнями и 8-ю поставами, включая 6 мукомольных, 1 обдирочный и 1 обойный. Заведовал ею наёмный мельник Ермолай Иванович Иринархов. Одновременно в 1912 г. на местной даче поставлен скотный сарай. В отличие от мельницы, рыбные ловли монастыря по-прежнему сдавались на сторону в арендное содержание, но приносили уже 60 руб. в год.

⁷⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 48–48 об.

⁷⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 29. Д. 449. Л. 22 об.

По данным 1910 г., из числа недвижимости одни только постройки монастыря, с городскими подворьями, причтовыми домами, училищем и хуторами оценивались в 220855 руб.⁷⁶.

Укрепление материальной основы стабилизировало численность насельниц, которая даже несколько откатилась назад. Если в 1905 г. обитель объединяла 370 человек (1 игуменью, 2 схимонахини, 77 манатейных и 62 рясофорных монахини, 42 указных и 186 неуказных послушницы), то в 1910 г. – 357 женщин (1 игуменью, 80 манатейных и 40 рясофорных монахинь, 38 указных и 200 неуказных послушниц)⁷⁷. Поэтому масштабного жилищного строительства в обители больше не велось.

Насельницы и духовенство Бузулукского Тихвинского монастыря

Финансовые же поступления от многоотраслевого хозяйства и добровольные пожертвования направлялись на содержание в исправности и дальнейшее благоустройство монастырской усадьбы. На храмах обители регулярно поновлялись крыши и фасады. В 1905 г. при всех трёх церквях были исправлены паперти. В 1906 г. на всём протяжении выбелены стены монастырской каменной ограды.

В 1907 г. пришёл черед обновления Троицкого храма, последнего в обители, который не подвергался ещё полному, капитальному ремонту. За 3260 руб. 93 коп. в нём были заново оштукатурены фасады, вставлены новые двери и оконные рамы, выкрашены масляной краской полы и стены, поновлена живопись в куполе, исправлены и позолочены старые колонны иконостаса, который переписан сёстрами с заменой резьбы и царских врат. Перестроен был даже алтарь, который заново освящён 12 января 1908 г. епископом Са-

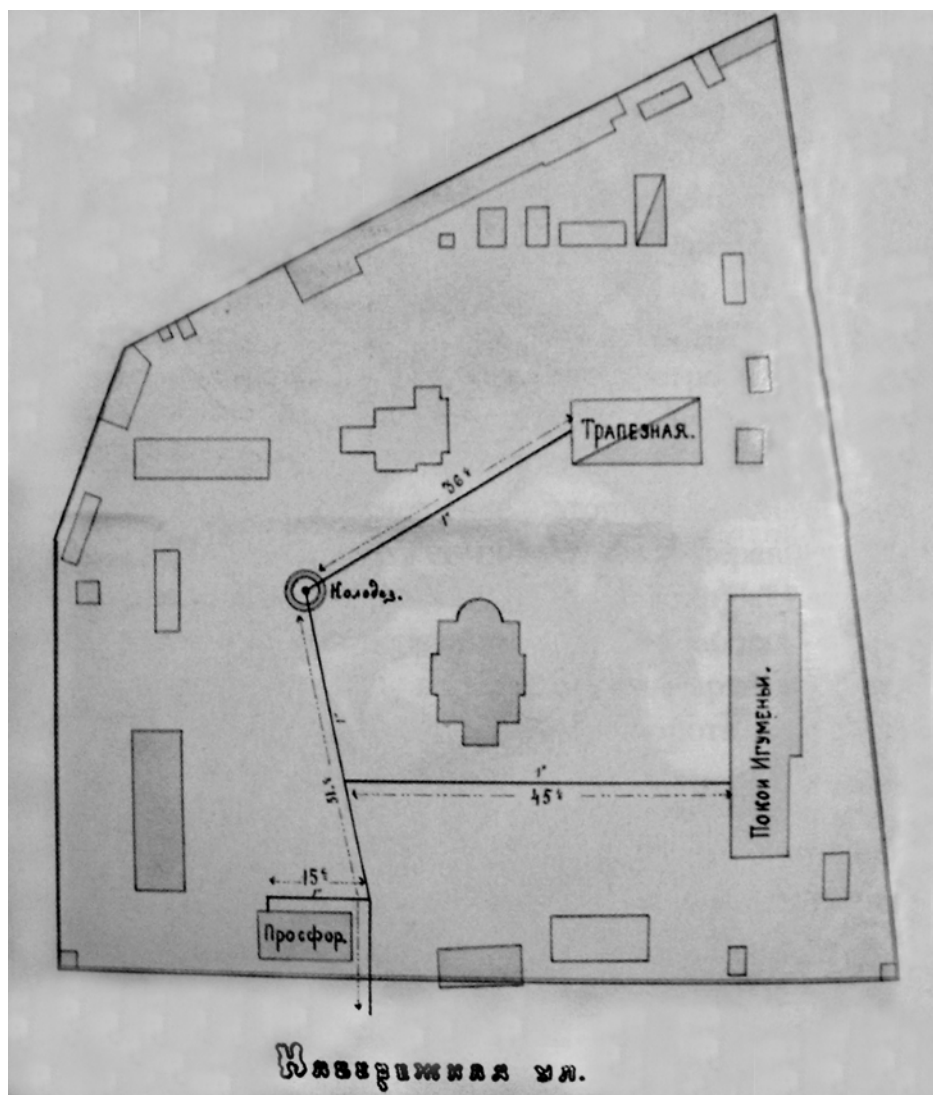

⁷⁶ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 41, 43, 45, 47, 50, 53, 56.

⁷⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 1 об. – 100; Д. 540. Л. 6.

марским и Ставропольским Константином (в миру Кириллом Иоанновичем Бульчёвым) (1858 – середина 1930-х)⁷⁸.

Проект прокладки водопровода в Тихвинский монастырь. 1912 г.

Для обеспечения земных нужд обители в 1912 г. сюда был проведён водопровод, на прокладку которого пожертвовали деньги 2 бузулукских вдовы: дворянка Феврония Фёдоровна Белоновская – 2000 руб. и мещанка Феврония Михайловна Галдеева – 1000 руб. При этом на средства госпожи Белоновской в 1913 г. на водоразборе в ограде монастыря была выстроена ещё и деревянная часовня размерами 1 1/3 на 1 1/3 сажени (2,84 на 2,84 м), окрашенная белой масляной краской и покрытая железной крышей.

С того же 1913 г. при финансировании бузулукского купца Ивана Фёдоровича Красикова началась реконструкция монастырской колокольни, на которой отбита штукатурка и очищен кирпич. В 1914 г. строение окрашено

⁷⁸ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 586. Л. 4.

белой масляной краской, а его главка покрыта алюминием и украшена 390 звёздами, которые заново позолочены мастерицами из числа самих сестёр⁷⁹.

Однако спокойное, созидательное течение жизни монастыря было нарушено разразившейся в 1914 г. Первой мировой войной. С её началом Тихвинский монастырь обратил свои значительные ресурсы на открытие и содержание двух лазаретов для раненых и больных воинов в стенах самой обители и на её подворье⁸⁰.

Новые, гораздо более тяжкие испытания принесла Октябрьская революция 1917 г., которую монастырь встретил ещё крупной и хорошо обеспеченной общиной из 336 монахинь и послушниц. Но вскоре пришедшая к власти партия большевиков в соответствии со своей материалистической, атеистической идеологией повела наступление против религиозных структур, постепенно сокращая жизненное пространство обители арестами и конфискациями.

Монахиня

Тихвинского монастыря. 1913 г. —

Уже в 1918 г. советскими властями была впервые задержана игуменья Бузулукского Тихвинского монастыря Херувима, которая подозревалась в «контрреволюционной деятельности», но была освобождена. Между тем, из владения обители под различными предлогами стали постепенно изыматься земельные угодья, постройки, инвентарь и припасы. А в 1922 г. уездная комиссия по изъятию церковных ценностей конфисковала у монастыря и наиболее ценные предметы богослужебной утвари.

Несмотря на это, к 1926 г. Тихвинско-Богородицкий монастырь ещё оставался домом для 195 насельниц (64 манатейных и 5 рясофорных монахинь, 56 указных и 80 неуказных послушниц). Более того, в 1920-е годы обитель стала опорой для православных жителей г. Бузулука и его окрестностей, оплотом викарных архиереев и духовенства в борьбе против обновленческого движения, инициированного властями для раскола Церкви.

⁷⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 29. Д. 449. Л. 4 об. – 5.

⁸⁰ Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.): справочник / Сост. В.С. Блок, К.А. Катренко. – Самара: Самарский Дом печати, 2002. – С. 52.

В 1927 г. игуменья Херувима с сёстрами были выселены с территории монастыря. Они обосновались небольшими группами в близлежащих частных домах, откуда ходили на уставные богослужения во всё ещё открытую церковь обители. Предчувствуя скорую разлуку, настоятельница подписала сёстрами со своим благословением небольшие образки Тихвинской Божьей Матери, некоторые из которых и поныне хранятся в монастыре. 22 мая 1929 г. игуменью Херувиму снова арестовали, чтобы обезглавить религиозную общину перед намеченным закрытием монастыря. Когда за ней пришёл наряд милиции, сёстры с плачем последовали за конвоем, умоляя отпустить их матушку. На это Херувима говорила им, чтобы они возвращались домой, и что «каждому воздаёт Господь: кому – по грехам, кому – по заслугам». 16 августа 1929 г. коллегией ОГПУ по ст. 58-10 УК РСФСР она была приговорена к 3 годам ссылки с лишением права проживать в Средне-Волжском крае, а также 6 крупнейших городах с их губерниями: в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Киеве, Харькове и Одессе. В итоге её выслали в г. Уфу. 11 декабря 1931 г. она была там снова арестована и находилась под следствием в уфимской тюрьме до 31 мая 1932 г.

Развязав себе руки, власти приступили к окончательной ликвидации Бузулукского Тихвинского монастыря. 21 января 1930 г. Президиум Исполкома Средневолжского края протоколом № 78 постановил закрыть все 3 храма обители. Верующие пытались бороться за сохранение церквей и на своём собрании 5 февраля решили подать жалобу во ВЦИК, но она не была принята во внимание. Комплекс бывшего монастыря был передан энергетикам, причём в его главном Тихвинском соборе размещена дизельная электростанция, а остальные здания заняли производственные помещения, склады и гаражи для автотехники.

Тем не менее, сёстрам и церковному совету удалось забрать из монастырской ризницы оставшиеся облачения, богослужебную утварь и иконы, в том числе главную святыню обители – Тихвинский образ Божьей Матери. Она была перенесена во Всехсвятскую (кладбищенскую) церковь г. Бузулука, после закрытия которой в 1937 г. была сохранена верующими и дошла до наших дней.

*Игуменья Херувима (Волгушева)
в заключении. 1930-е годы*

Изгнанные из обители монахини и послушницы в немалом количестве расселились в городе и окрестных сёлах, где снова возродили келейничество, но уже тайное. Нередко сёстры селились небольшими группками, ухаживали за престарелыми и принимали новые постриги.

В 1932 г. из уфимской ссылки к ним в Бузулук вернулась матушка Херувима, которая опять поселилась в частном доме недалеко от стен закрытого монастыря. Но с раскручиванием маховика репрессий 5 декабря 1937 г. она была в четвёртый раз арестована в составе группы из более чем 100 священнослужителей, монашествующих и мирян бузулукской округи. 9 декабря тройкой УНКВД по Оренбургской области приговорена к высшей мере наказания, якобы, за «активное участие в контрреволюционной церковно-монархической организации». А 11 декабря расстреляна и похоронена в Зауральной роще г. Оренбурга⁸¹.

Её оставшиеся в живых сёстры, верные монашескому призванию, сыграли важную роль в возрождении легальной церковной жизни в 1945–1950 гг. С либерализацией государственной конфессиональной политики они передали сохранённые ими иконы, утварь и книги в заново открытые храмы, где организовали хоры. Несколько монахинь даже дожили до начала 2000-х годов и тем самым проложили живой мостик между двумя эпохами в истории монастыря.

Широкое восстановление православия в новой демократической России создало условия и для возрождения Бузулукского Тихвинского женского монастыря, который был учреждён по решению Священного Синода РПЦ от 19 июля 2000 г. Первоначально он был основан на базе прихода Всех Святых г. Бузулука. Вместе с тем, на протяжении многих лет церковные власти Оренбургской области настойчиво добивались возвращения исторического комплекса монастыря, занятого энергетиками. Однако решению вопроса препятствовало отсутствие площадей для их переезда. Лишь в 2012–2015 гг. в Бузулуке был построен новый комплекс для Западных электрических сетей филиала ОАО «МРСК Волги» – «Оренбургэнерго». А 9 июля 2015 г. компания подписала соглашение об окончательной передаче в церковную собственность зданий Бузулукского Тихвинско-Богородицкого женского монастыря.

⁸¹ Мученики и исповедники Оренбургской епархии / сост. Е. Банникова. – Саракташ; СПб.: Реноме, 2014. – Кн. 5. – С. 288–295.

БУЗУЛУКСКИЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Место будущей обители самой природой было уготовано для людей, ищущих уединения. Расположенное неподалёку, всего в 4 верстах (4,3 км) к северу от шумного города Бузулука оно было ограждено от мира с трёх сторон отрогами Общего Сырта – Атаманскими горами, поросшими деревьями и кустарниками. За ними расстилалась прекрасная долина с клёнами и дубравами, получившая впоследствии название Иосафатовой по библейскому месту будущего Страшного суда над народами в Святой земле. В местную долину стекали многочисленные и обильные родники, бьющие из обступающих её гор. «Отсюда куда ни кинь свои поражающиеся удивлением взоры, всюду увидишь чарующие картины дивных окрестностей. И так хорошо, так возвышающе на душу действует эта своеобразная красота гор и лесов, что хочется верить, что Сам Творец от создания мира предназначил это место для обители, для жизни иноков, уже отказавшихся от греховной красоты мира»⁸².

По преданию, прежде в этом глухом уголке гнездились разбойники во главе с атаманом, по которому и получили название окружающие горы. А в 20-е годы XIX века здесь укрылись люди, напротив, бежавшие от греха для иного, духовного подвига.

В поисках спасения на этом месте поселился крестьянин с. Тримихайловки (ныне Сухоречки Бузулукского района Оренбургской области) Никита Лоскутов, к которому приходили по временам и другие: казак Иван Иванович Гнедышев с товарищем своим Тимофеем и некоторые из г. Бузулука. На склоне восточного хребта старцы ископали себе пещеры, в которых угождали Господу постом и молитвой. Позднейшая монастырская летопись говорит, что «они неоднократно слышали по ночам раздававшийся близ этих пещер чудесный звон колоколов, который им как бы пророчески вещал, что здесь, в недалёком будущем воссияет благодать Божию иноческая жизнь, процветут христианские добродетели и умножатся подвиги Господа ради; воссияют, как светильники спасительных маяков и как бы должныствующие ярко озарят всех плавающих в глубокой темноте ночной глубокого житейского моря, Христовы подвижники, и их победная над миром и грехом песнь раздастся в молчаливых горах и лесах, как этот тихий и торжественно-чудный звон незримых колоколов»⁸³.

Но скрытое отшельничество старцев продолжалось недолго. В 30-х годах XIX столетия слух о ревнителях благочестия быстро распространился по всем окрестностям, и широкой рекой потекли к ним и горе, и радость человеческая, толпы народа, жаждущего видеть и слышать новоявленных подвижников. Эти многочисленные и частые паломничества скоро привлекли

---

⁸² Бузулукский Спасо-Преображенский, 3-го класса, подгородный, общежительный мужской монастырь, Самарской епархии / Сост. Е. Мишанов. – М.: Типолитография И. Ефимова, 1909. – С. 7.

⁸³ Там же. – С. 8.

внимание властей, которые приказали пустынникам оставить свои пещеры и немедленно вернуться на предписанные им места жительства, как незаконно занявшим чужие земли. Смиренные старцы были вынуждены подчиниться и разошлись по своим домам.

Однако оставленное ими место как духовным магнитом продолжало притягивать к себе людей, стремившихся послужить Господу в самоотречении. В 40-е годы XIX в. его снова облюбовали подвижники. Чтобы не быть изгнанными как предшественники, они официально сняли в аренду у казны необходимый им участок земли с пещерами. До официального разрешения монастыря на этом месте формирующаяся община временно базировалась в Бузулуке, в собственном доме, рассчитанном на 40 человек. С 1844 г. желавшие удалиться от мира дважды ходатайствовали перед епархиальным начальством о дозволении основать при пещерах общежительный монастырь через своих доверенных братьев: государственных крестьян с. Александровки Поликарпа и Мефодия Рыжих, Старотепловской волости Михаила Чикунова и др. 14 июня 1848 г. епископ Оренбургский и Уфимский Иосиф (в миру Иван Иванович Богословский) (1800–1892) испросил разрешение на начатие дела у Святейшего Синода, который указом от 27 августа № 8970 предписал содействовать всеми возможными способами сему богоугодному предприятию.

Поскольку строительство нового монастыря требовало значительных средств, старший братии Поликарп Рыжих обратился за помощью к двум известным в округе благотворителям: помещику Петру Ивановичу Чепурнову и бузулукскому купцу 3-й гильдии Роману Денисову, которые по убеждению согласились выделить 25 тыс. руб. ассигнациями на сооружение в обители храма во имя Спаса Преображения и других построек при условии, что их пожертвование останется «безгласным», то есть анонимным. К сожалению, во время затянувшейся переписки по делу об организации монастыря оба они скончались и не успели внести свой вклад в это начинание, но их благое намерение ведомо Богу, а теперь и потомкам.

Между тем, 10 марта 1849 г. члены формирующейся монашеской общины во главе с Поликарпом Рыжих ходатайствовали о принятии их в духовное ведомство. 26 мая 1850 г. 5 человек из них были формально причислены в Уфимский Успенский мужской монастырь, а 6 братьев определены послушниками в Оренбургский архиерейский дом с оставлением всех на месте предполагаемой обители, где было и разрешено уже начать необходимые постройки.

Для финансирования строительных работ братия была вынуждена продать принадлежавший ей дом в Бузулуке. Впрочем, для богоугодного дела дополнительно нашлись и новые благотворители. И в том же 1850 г. на средства бузулукского купца Артемия Зуева и других сочувствующих был куплен у помещика дер. Твердиловой (ныне Бузулукского района) и перевезён к подошве Атаманских гор деревянный дом с мезонином на 12 сажень (23,47 м). Его первый этаж отвели под кельи для настоятеля и братии, а в мезонине после расширения устроили домовую церковь. Для неё был

сделан благолепный иконостас, приобретены «серебряный сосуд в позолоте» (потир) со всей литургической утварью, ризница, «изрядный звон», необходимая литература: 5 Евангелий большого формата (4 с аплековыми – посеребренными крышками, а оставшееся с одной стороны обложено серебром, а с другой позолоченными изображениями евангелистов по углам и Спасителя в центре), круг богослужебных книг, 2 Четыминей.

Рядом с домовою церковью в братском корпусе отстроен новый 2-этажный деревянный флигель на каменном фундаменте для помещения хлебопекарни, кухни и трапезной. В нём временно принимали и первых приходивших в обитель богомольцев.

Для обеспечения будущих монастырских построек потребными материалами заблаговременно, на перспективу было организовано собственное кирпичное производство.

Вообще первые насельники обители были людьми, с детства приученными к тяжёлому труду, с крестьянской сноровкой, а потому сразу насадили поблизости огород, заложили фруктовый сад, устроили пчельник на 50 пеньков, завели необходимый скот: 40 лошадей (в том числе 10 маток и 2 орловских жеребца), 20 коров и 3 быка заводов Карамзина, зимние и летние повозки со всей упряжью⁸⁴.

Тем временем с выделением в 1851 г. из состава Оренбургской Самарской губернии дело о создании монастыря было передано в новоучреждённую Самарскую епархию. В 1852 г. её первый епископ Евсевий (в миру Ефимий Поликарпович Орлинский) (1806–1883) вторично ходатайствовал перед Святейшим Синодом об открытии обители. По докладу оберпрокурора графа Н.А. Протасова 21 февраля 1853 г. император Николай I изъявил на это согласие с тем, чтобы:

- 1) новый мужской общежительный монастырь именовался Спасо-Преображенским с присвоением ему 3-го класса;
- 2) в нём был введён устав в духе древнего пустынножительства, по примеру Софрониевой (Молченской) и Глинской пустынь;
- 3) штат обители составлял 24 человека (игумен, казначей, эконо́м, 4 иеромонаха, 2 иеродиакона и 15 монахов с послушниками);
- 4) способами его содержания служили собственные средства, а также отводимые из государственной собственности 150 десятин (163,9 га) земли из Дружинского казённого участка, рыбные ловли на озерах Каютине и Атаманском, мельница на реке Колтубанке⁸⁵.

Указом Св. Синода от 30 мая 1853 г. о положительном решении вопроса был извещён епископ Самарский и Ставропольский Евсевий. 4 октября он лично приехал открыть монастырь, освятил в нём домовую церковь во имя Смоленской иконы Божьей Матери и постриг в рясофор некоторых из братии, которая насчитывала 13 человек. Поскольку по недавнему заведе-

⁸⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1804. Л. 2–3 об.

⁸⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 2-е. – Т. XXVIII. – Ч. 2. – № 27299.

нию в обители ещё не было рукоположенных в сан иеромонахов с правом совершения литургии, для окормления иноков Духовной консисторией был определён священник Никифор Куликов. А временное управление монастырём при отъезде архиерея поручено рясофорному монаху **Поликарпу Фёдоровичу Рыжих**, стоявшему у истоков новой обители. О себе самом он писал, что «с юношества имея ревностную привязанность к истинной Христианской религии, как только возмужал, посещал святые места и мощи угодников Божьих и в таком положении решился жизнь свою провести в уединении и смирении и, получив от общества своего увольнение, подтверждённое местным начальством, начально жил в келье с пришедшими ко мне братьями и, потом ... ходатайствовал у местного епархиального правительства об открытии на избранном мною близ города Бузулука Самарской губернии месте общежительного монастыря»⁸⁶.

Однако для устроения юной обители требовался человек более сведущий в правилах монашеского общежития, чинопоследовании богослужебного круга, обладающий священным саном. Поэтому для введения здесь, согласно требованиям синодального указа, общежительного устава по образцу знаменитых Софрониевой и Глинской пустынь самарский архиерей Евсевий обратился с просьбой прислать опытного иеромонаха с послушниками к епископу Курскому и Белгородскому Илиодору (Чистякову) (ок. 1792 – 1861), под омофором которого находились названные монастыри. Тот избрал на эту миссию из Глинской пустыни уставщика иеромонаха **Аполлинария**, как раз отвечавшего за порядок богослужений по монастырскому и церковному уставам, а также послушников Никиту Реву (будущего архимандрита Бузулукской обители Нифонта) и Евфимия Кравцова (её будущего казначея Епифания). Указом Св. Синода от 31 октября 1853 г. № 14535 иеромонах Аполлинарий (в миру Андрей Лукашёв) был официально утверждён первым настоятелем Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря.

Он родился в 1809 г. и происходил из мещан г. Харькова. Женат не был. Обучался в Харьковском уездном училище. 11 апреля 1833 г. ушёл от мира в Глинскую Рождество-Богородицкую пустынь (ныне в с. Сосновка Глуховского района Сумской области Украины), где исполнял различные послушания. 18 февраля 1839 г. игуменом этой обители преп. Филаретом Глинским (Данилевским) (1777–1841) пострижен в монашество. 4 марта 1843 г. епископом Курским и Белгородским Илиодором рукоположен во иеродиакона, а 6 марта – во иеромонаха. «Глинский Патерик» сообщает, что о. Аполлинарий отличался особым рвением к молитве: «Состоя в должности уставщика Глинской пустыни, старался приучить себя к ночному бдению ради избежания искушений на грех и ради бодрствования на молитве. На ночь о. Аполлинарий привязывал себя длинными волосами к стулу, на ко-

⁸⁶ Кольчев С. В. Обитель: историко-биографический очерк о Спасо-Преображенском Бузулукском мужском монастыре с момента его возникновения и до наших дней. – Самара: ОФОРТ, 2009. – 174 с.

тором успокаивался от дневных трудов. Как только задремлет и покачнётся, стул дёрнет его за волосы. Проснётся о. Аполлинарий, побудит своего ученика-послушника и начнёт с ним класть поясные и земные поклоны с молитвами»⁸⁷. За честное поведение и рачительность по должности уставщика 7 июля 1846 г. он был награждён набедренником⁸⁸.

Получив назначение на новое место службы, о. Аполлинарий с двумя послушниками 20 марта 1854 г. прибыл в Самару, где 25 марта согласно указу Св. Синода епископом Евсеем был возведён в сан игумена, а 30 марта по приезду принял дела Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря. Прежний начальник обители Поликарп Рыжих был пострижен 9 мая 1854 г. в мантию с именем Палладий и определён при настоятеле на вторую по значимости должность казначея. Однако два управителя, бывший и нынешний, навсегда оставшиеся в монастырской хронике своим решающим вкладом в устройство обители, не сошлись характерами. Как основатель общины Палладий держался с приезжим настоятелем гордо, независимо, оспаривал его распоряжения, будоражил братию и даже самовольно отлучался по своим делам в столицы. В конце концов, со своим родным братом Мефодием (в монашестве Мартирием) он и вовсе уехал из родной обители в Уфу, где 8 ноября 1855 г. обоих зачислили в местный Успенский мужской монастырь⁸⁹. Известно, что к концу 50-х годов Палладий был уже тяжело болен и не мог даже стоять на ногах без костылей.

Несмотря на сделанные им первые полезные начинания, новый настоятель Аполлинарий нашёл Спасо-Преображенскую обитель в крайней бедности, но не упал духом, а «воодушевившись твёрдою, непоколебимою верою в скорую помощь Божию, с энергией приступил к необходимым постройкам».

Посетивший в это время монастырь член Казанского экономического общества К. Г. Евлентьев (1824–1885) зафиксировал состояние обители перед стартом преобразований. В своих путевых заметках он отмечал, что «заведения вновь возникающей Преображенской мужской обители расположены на уступе Атаманской горы ... на восхитительном и удобном местоположении ... С этого редкого по своей красоте пункта виден весь незатейливый Бузулук, река Самара и озёра, покрывающие займище её, деревня Палимовка и городская мельница на реке Бузулук, а дальше, на конце горизонта, представляется туманная даль, ограниченная лазоревым небосклоном.

Просторный деревянный с крестообразным мезонином корпус, главное здесь здание, включает в себе братские келии, а в мезонине устраивается домовая монастырская церковь, для которой уже написан очень красивый иконостас в греческом вкусе и приобретены храмовые принадлежности. Другое не столь большое строение, составляющее монастырскую кухню и трапезную, назначается быть гостиницей, то есть местом отдохновения богомольцев. При обители есть пчельник и кирпичеделательное заведение;

⁸⁷ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинский Патерик. – М.: Самшит, 1997. – С. 267.

⁸⁸ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об. – 2.

⁸⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1804. Л. 1–3 об., 9–9 об.

вообще Атаманская местность благоприятствует пчеловодству; на монастырских бахчах засеваются арбузы, дыни, огурцы и разные корнеплодные растения. На ключе, бьющем в нескольких шагах от главного корпуса из прелестного Атаманского ущелья, можно устроить мукомольную мельницу на 1 постав. Местность вообще изобилует текучими родниками»⁹⁰.

С открытием строительного сезона, весной 1854 г. в южной части обители был возведён 2-этажный странноприимный корпус на 18 гостиничных номеров с двумя крыльцами и чуланами. Его каменный низ был сложен собственными силами, а деревянный верх пожертвован Анной Ивановной Бахчаниновой. Здание длиной 12 и шириной 4 сажени (25,60 на 8,53 м) было отделано штукатуркой внутри и снаружи, а сверху покрыто зелёной железной крышей.

С северной стороны монастыря деятельный игумен Аполлинарий прибавил вновь несколько зданий для скота, мельницу на Атаманском ручье о 2-х поставах, каменную солодовню, квасоварню, маслобойню, кузницу, баню, хлебные амбары и помещения для чернорабочих.

К этому времени численность монастырской братии выросла с 13 человек в 1853 г. до 27 мужчин в 1854 г. Поэтому, в следующем 1855 г. был заложен на 18 саженьях (38,40 м) 2-этажный полукаменный общежительный корпус, объединявший с запасом, на перспективу сразу 36 келий.

В 1856 г. на средства помещицы Анисьи Александровны Пыхачевой по периметру в 250 саженьей (533 м) обитель была обнесена с востока, юга и запада деревянной оградой, а с севера прикрыта плетнём. Внутри благотворительницей построены деревянная просфорная на 7 саженьей (14,94 м) и близ монастырской гостиницы полукаменный 2-этажный дом на 6 саженьей (12,80 м) с кухней и людской внизу, балконом и 9 комнатами для почётных посетителей вверху, а на скотном дворе заведены каретник, конюшня, ледники и новые хлебные амбары.

Тогда же за оградой, с юго-западной стороны монастыря, на роднике в густой чаще разнолесья поднялась часовня в честь иконы Божьей Матери «Живоносный источник», воздвигнутая на пожертвования самарского епископа Евсевия и оренбургского генерал-губернатора Василия Алексеевича Перовского (1795–1857)⁹¹. Её здание было восьмигранным, деревянным, на дубовых сваях, высотой 3,5 и диаметром 2 сажени (7,47 на 4,27 м), покрыто железом, окрашенным в небесно-голубой цвет. Рядом располагался отделанный колодец. В положенные дни церковного календаря здесь совершался чин водоосвящения. Часовня быстро приобрела широкую известность среди местных жителей, которые считали её источник целебным. Люди разных сословий, одержимые недугами, приезжали сюда даже из отдалённых

⁹⁰ Евлентьев К. Г. Путевые заметки из поездок по Заволжью в 1851, 1852, 1853 и 1854 гг. // Записки Казанского экономического общества. – 1855. – Ч. 1, кн. 2. – С. 17–22; кн. 4. – С. 55–64.

⁹¹ Спасо-Преображенский Бузулукский подгородний мужской монастырь. Пятидесятилетний период существования, 1853–1903 год. – Самара: Типография С.С. Шалагурова, 1903. – С. 7–8.

мест, чтобы помолиться перед чтимой иконой, заказать молебны и помазать освящённой водой больные места с религиозной надеждой на выздоровление. И как свидетельствует монастырская летопись, многие по вере действительно получали исцеление. Поэтому заказные молебны в водосвятной часовне служились в течение летних месяцев, почти не переставая.

г. Бузулукъ

Часовня Цѣлебнаго Источника

Часовня на роднике в честь иконы Божьей Матери «Живоносный источник» —

Тем не менее, для духовного утверждения и стержня монашеской жизни в разрастающейся обители всё ещё не хватало полноценного храма, строительство которого вышло на первый план. 8 декабря 1855 г. Самарская духовная консистория представила на рассмотрение Губернской строительной и дорожной комиссии присланный игуменом Аполлониарием проект сооружения в монастыре большого каменного собора с грандиозной колокольней в 21 сажень (44,81 м). Журналом комиссии от 22 декабря 1855 г. № 205 он был одобрен. Однако при согласовании в Санкт-Петербурге центральные органы строительного надзора выразили сомнение в целесообразности возведения столь высокой и технически сложной колокольни, предложив её уменьшить. Дополнительные исследования грунта на месте показали, что он способен выдержать большой вес здания. Сооружения высокой колокольни требовали условия горизой местности, которые подавляли бы, скрадывали впечатление от меньшей постройки, а также настойчивое желание самого настоятеля монастыря. Для придания прочности конструкции помощник губернского архитектора Николай Николаевич Еремеев внёс в первоначальный чертёж изменения, расширив основание звонницы. В результате проект

храма с колокольной был окончательно согласован лишь весной 1857 г.⁹². А 25 июня по благословению нового епископа Самарского и Ставропольского Феофила (в миру Фёдора Ивановича Надеждина) (?–1865) в Бузулукском монастыре был, наконец, заложен большой каменный собор, который через 4 года при помощи усердных благотворителей окончен и 13 сентября 1861 г. освящён игуменом Аполлинарием во имя Казанской иконы Божьей Матери.

Храм четырёхугольной формы простирался в длину на 17 саженей (36,27 м), в ширину от 6 до 14 саженей (от 12,80 до 29,87 м), в высоту до края карниза на 8 саженей (17,07 м), а до верха купола – на 16 саженей (34,14 м)⁹³. В соборе было 4 окна, в своде с куполом – 8, в полукруглом алтаре – 3 и в трапезе – ещё 6 окон. Своды его поддерживались 4-мя колоннами. С северной стороны был устроен придел для помещения братии, ризницы и пономарки.

В стенах, разделяющих помещения, сделаны арки. Внутри собор был окрашен по штукатурке небесно-голубой краской, а местами расписан историческими картинами Священного Писания и изображениями святых. Главный 3-ярусный иконостас столярной работы покрыт кармином – красно-пурпурным тоном и украшен резьбой, позлащённой на полимент (клеящий состав). Иконы первого яруса в нём были академической работы и пожертвованы белгородской монахиней Серафимой Чуриковой, а прочие – греческого письма. Вместе с заклиросными образами главный иконостас оценивался в 4500 руб. Над Царскими вратами помещена была Владимирская икона Божьей Матери 7-ми вершков (31 см) в серебропозлащённой ризе весом 1 фунт 56 золотников (648 г). Пожертвована она была первым самарским епископом Евсевием в благословение обители при её открытии. За клиросами были также установлены иконостасы столярной работы, украшенные резьбой. В арке с левой стороны устроен обыкновенный иконостас за 120 руб., пожертвованных самарской помещицей Марией Алексеевной Васильевой. В нём выделялась Иверская икона Божьей Матери, греческого письма, принесённая с Афона.

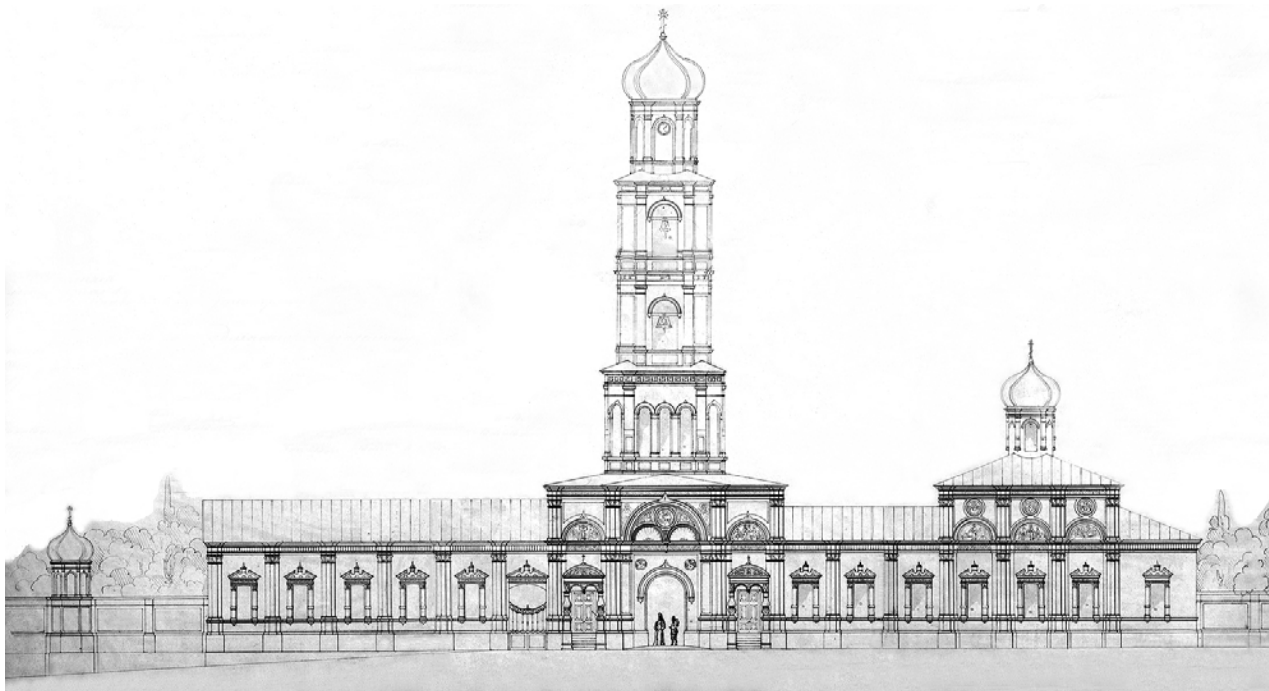

Н.Н. Еремеев

⁹² ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 277. Л. 1–13.

⁹³ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 26–27.

Проект Казанского собора Бузулукского мужского монастыря. 1857 г. —————

меньшего размера, а также 1 маленькая главка над алтарём. Внутреннее убранство собора стоило 10000 руб., а всё здание целиком оценивалось в 25000 руб.⁹⁴.

Щедростью благотворителей была и укомплектована монастырская ризница. Из наиболее выдающихся, древних церковных вещей в ней имелось напрестольное Евангелие московского издания 1748 г., размером $7 \frac{3}{7}$ вершка (33 см), на котором верхняя доска была резная, серебряная и позолоченная весом 12 фунтов 42 золотника (5 кг 93 г). Помещиком Харьковской губернии Хрущёвым обители пожертвованы серебropозлащённые дарохранильница и напрестольный крест. Самарским епископом Евсеем подарена фелонь серебropозлащённой парчи на белой шёлковой подкладке стоимостью 300 руб. В 1862 г. императрицей Марией Александровной (1824–1880) вложены ещё 1 риза и 2 стихаря с принадлежностями малинового бархата и оплечьями из золотого глазета с коронами, облачения на престол, жертвенник, аналой, столик с покрывалами и воздухи. А белгородской монахиней Серафимой Чуриковой также внесены воздухи малинового бархата, шитые золотом⁹⁵.

⁹⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 26–27.

⁹⁵ Спасо-Преображенский Бузулукский подгородний мужской монастырь. Пятидесятилетний период существования, 1853–1903 год. – Самара: Типография С. С. Шалагурова, 1903. – С. 10.

Здесь же в ризнице хранились монастырские ценные бумаги, архив и библиотека. Её основу составили книги, подаренные настоятелем знаменитой Введенской Оптиной пустыни (возле г. Козельска ныне Калужской области), схиархимандритом и преподобным старцем Моисеем Оптинским (в миру Тимофеем Ивановичем Путиловым) (1782–1862), который и в своей обители прославился собиранием богатейшей библиотеки. Среди присланных им изданий преобладали сочинения духовно-нравственного содержания: преп. Варсонофия Великого (ум. ок. 563), преп. Максима Исповедника (580–662), преп. Исаака Сирина (613 – ок. 700), преп. Феодора Студита (759–826), преп. Симеона Нового Богослова (949–1022), преп. Нила Сорского (1433–1508), житие преп. Паисия Величковского (1722–1794) и др. На 1880 г. в фондах библиотеки хранилась 341 книга, а к 1895 г. их число расширилось до 382 экземпляров 321 наименования⁹⁶.

Преп. Моисей Оптинский —

В материальном же плане юную обитель укрепляли солидные пожертвования недвижимого имущества и денежных капиталов, столь необходимые в период её первоначального роста.

Так, 8 ноября 1855 г. известная в крае благотворительница, вдова капитана артиллерии и помещица Анна Ивановна Путилова (ум. в 1871) подписала дарственную Спасо-Преображенскому монастырю на 112 десятин (122,4 га) земли стоимостью 336 руб. серебром в Сынянской волости Бузулукского уезда, под Общим Сыртом, в смежность с угодьями с. Васильевки (ныне Курманаевского района), купца Жижина и господ Лобановых. Из-за долгой переписки по делу высочайшее соизволение на передачу этого участка в монастырскую собственность последовало лишь 16 марта 1862 г.⁹⁷

В 1857 г. крестьянка Федосья Серебрякова отписала обители дом в г. Бузулуке. В 1862 г. казанская мещанка Алексеева пожертвовала монастырю дворовой участок в 3-й части г. Самары, в 109-м квартале, длиной по ул. Садовой 30,5 сажени (65,07 м) и шириной по ул. Александровской (ныне Вилоновской) 21,5 сажени (45,87 м) с деревянной избой и сенями. По проекту, утверждённому протоколом Строительного отделения Самарского губернского правления от 12 мая 1865 г. № 2128, прежние здания на этом участке были снесены, а на их месте сооружены деревянный флигель на каменном фундаменте с нежилыми службами, обнесённые новым забором

⁹⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 230а. Л. 60 об. – 61; д. 239. Л. 3–3 об.; Д. 402. Л. 24.

⁹⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 790. Л. 1; Д. 1467. Л. 1–2, 32–36 об., 39–39 об.

с воротами⁹⁸, Вместе они составили Самарское подворье Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря. Но поскольку затраты на его содержание не оправдывали себя, в 1880 г. обитель продала это подворье частным лицам за 3200 руб., которые были вложены в доходные ценные бумаги⁹⁹.

Проект Самарского подворья

Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря. 1865 г.

В 1859 г. иеромонах Самарского Архиерейского дома Илларион пожертвовал монастырю 510 руб., в 1860 г. петербургский купец Варлаам Лукин внёс 600 руб. на вечное поминовение родителей, а крестьянин Капитон Иванович Смирнов – 100 руб. на поминовение родных¹⁰⁰. По духовному завещанию вдовы семипалатинского купца 2-й гильдии Пелагеи Петровны Токаревой от 11 июня 1860 г. после её смерти в 1861 г. обители были высла- ны 1500 руб. серебром¹⁰¹.

Для привлечения дополнительных пожертвований по благословению епископа Самарского и Ставропольского Феофила 17 мая 1862 г. монастырём была поставлена его вторая часовня в полуверсте от Бузулука, на участке в 20 кв. саженей (91 кв. м), который выделило городское общество. Её сделали деревянной, на каменном фундаменте, в одном корпусе с помещением для сборщиков из числа монахов, общей длиной 9 аршин (6,40 м), шириной 6 аршин (4,55 м) и высотой 10 аршин (7,11 м), покрыли железной крышей и выкрасили масляной краской. Ежегодно сбор добровольных пожертвований и заказ треб в этой часовне приносили в монастырскую казну до 500 руб.

Наряду с материальным, игумен Аполлинарий активно занимался и духовным устройением вверенной ему обители «с любовью пастыря и отца». В самое короткое время он ввёл в Бузулукском Спасо-Преображенском монастыре все чинопоследования, совершаемые в Глинской пустыни, где ранее жил и подвизался. В особенности же упорядочил церковный годовой круг служб. В будничные дни утренняя была положена в 12 часов ночи, а в 5 часов

⁹⁸ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 1543а. Л. 3–4 об.

⁹⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 239. Л. 3.

¹⁰⁰ Описание Бузулукского Спасопреображенского мужеского третьеклассного монастыря, Самарской губернии // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1873. – № 8. – 15 апреля. – С. 162–163.

¹⁰¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 1672.

утра следовал акафист (по дням). Литургия начиналась в 8 часов утра (а иногда и ранее), вечерня летом – в 5 часов и зимой – в 4 часа пополудни, а повечерие – в 8 часов вечера. Накануне воскресных и праздничных дней совершалась весьма продолжительная всенощная. На службах в обители вошло в практику старинное столповое пение.

Кроме того, единовременно был введён пришедший с Востока древний обычай в праздничные дни ходить из храма после литургии на трапезу с Трисвятой или Пречистой – большой просфорой, из которой изъята частица в честь Богоматери. Иеромонах, совершавший литургию, в епитрахили нёс её в трапезную. Предшествоваемый ему иеродиакон читал псалом «Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой». А за ними попарно шествовала и вся братия во главе с игуменом под колокольный трезвон. После общей трапезы часть эта разделялась между всеми присутствовавшими¹⁰².

Заведённые игуменом Аполлинарием обряды и чинопоследования соблюдались без малейшего упущения и изменения на протяжении всего существования Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря.

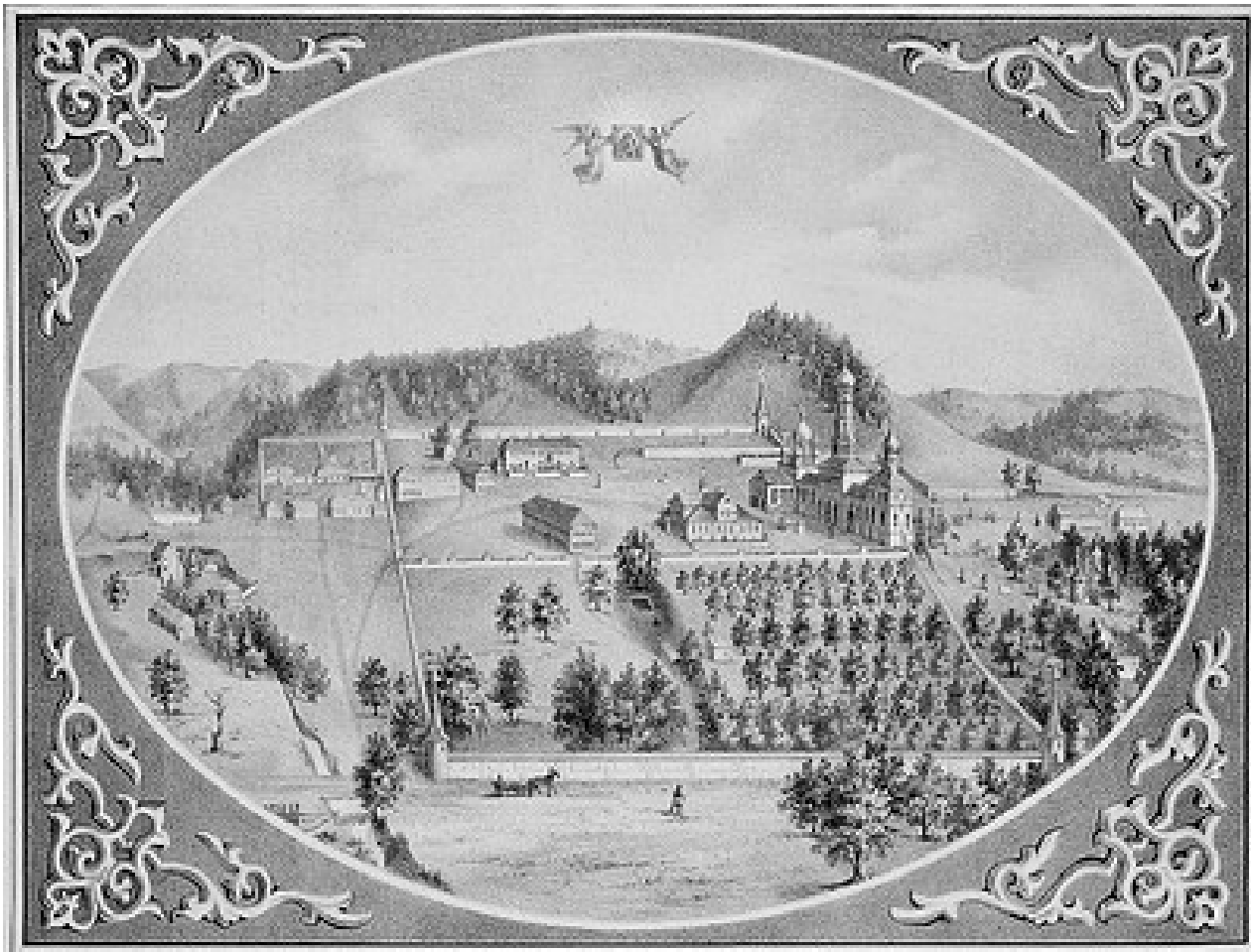
Настоятель сам подавал в служении пример братии своим неиссякаемым рвением, за которое 27 ноября 1856 г. был награждён наперсным крестом от Св. Синода, а при указе Самарской духовной консистории от 17 мая 1857 г. получил ещё один, бронзовый наперсный крест на Владимирской ленте в память Крымской войны 1853–1856 гг.¹⁰³. И в преклонных уже летах игумен оставался бодрым и трудолюбивым, отличался отменным умом, хотя о себе постоянно приговаривал, что «мало учён, да много толчён». О. Аполллинарий «сам лично наблюдал за всяким движением дела и, благодаря ему, всё шло быстро и успешно. Он не выпускал из виду ничего, что только могло содействовать благосостоянию обители».

В 1862 г. им начата замена деревянной ограды каменной на протяжении 90 саженей (192,02 м) с восточной стороны, а с полуденной (южной) стороны, близ алтаря главного храма в ней устроены каменные ворота и угловая башня с помещением для монахов. В 1862–1863 гг. сооружён деревянный корпус размерами 12 на 3 сажени (25,60 на 6,40 м) с открытой галереей под навесом во всю длину. В оштукатуренном здании под зелёной железной крышей разместились портная, сапожная и столярная мастерские, а с северной стороны под ним имелось каменное жильё для братьев, занятых ремёслами. Наконец, в 1863 г. на северо-западной стороне монастыря заложено ещё и 2-этажное каменное помещение для общей трапезы.

¹⁰² Бузулукский Спасо-Преображенский, 3-го класса, подгородный, общежительный мужской монастырь, Самарской епархии / Сост. Е. Мишанов. – М.: Типолитография И. Ефимова, 1909. – С. 17–20.

¹⁰³ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об. – 2.

*Бузулукский Спасо-Преображенский монастырь.
Тонированная литография 1864 г.*

Однако посреди этих неоконченных трудов игумен Аполлинарий тяжело заболел и 30 октября 1864 г. скончался. В знак особой признательности к его заслугам в обустройстве обители он был погребён в склепе под сводами главного монастырского храма, с левой стороны притвора.

Преемником же был избран его лучший друг и сотаинник, казначей обители, иеромонах **Нифонт** (в миру Никита Рева), некогда приехавший вместе с игуменом из Глинской пустыни. Он появился на свет в 1819 г. Родом был из государственных крестьян Николаевской слободы Царёвского уезда Астраханской губернии (ныне г. Николаевск Волгоградской области). Обучался в приходском училище. Вдов первым браком. Имел 2-х дочерей, из которых одна вышла замуж за крестьянина Николаевской слободы и овдовела, вторая ушла в Чагринский Покровский женский монастырь (ныне пос. Кировский Красноармейского района Самарской области), а оттуда в Бузулукскую Тихвинскую обитель. По увольнению слободского общества 20 апреля 1849 г. поступил в Глинскую Рождество-Богородицкую пустынь. 17 июня 1851 г. официально определён туда послушником. 25 марта 1854 г. перемещён в Бузулукский Спасо-Преображенский монастырь. 19 марта 1855 г. игуменом Аполлинарием пострижен в мантию. 28 июня 1855 г. епископом Самарским и Ставропольским Евсеем посвящён в сан иеродиа-

кона. 7 ноября 1856 г. утверждён в должности ризничего, которую проходил до 3 июля 1859 г. Епископом Самарским и Ставропольским Феофилом 15 мая 1857 г. рукоположен во иеромонаха. 9 февраля 1859 г. определён в монастыре на пост казначея. За смиренную жизнь и ревностное прохождение службы 11 мая 1861 г. награждён набедренником. По смерти игумена Аполлинария Самарская духовная консистория 14 декабря 1864 г. предписала ему временно исполнять обязанности настоятеля. А указом Св. Синода от 11 февраля 1865 г. по выбору братии он был утверждён в этой должности¹⁰⁴.

На посту настоятеля о. Нифонт столкнулся как с грузом старых неразрешённых дел, так и с новыми вызовами и задачами.

В ночь с 8 на 9 мая 1865 г., во 2-м часу на территории обители произошёл пожар, от которого сгорел главный 2-этажный общежительный корпус с деревянным верхом. Поэтому для неотложного размещения братии пришлось срочно в течение года возвести новое уже полностью каменное 2-этажное здание, оштукатуренное и покрытое железной крышей зелёного цвета. По спешности оно было меньше сгоревшего: имело в длину 15 сажень (32 м), в ширину 4 сажени (8,53 м) и всего 16 келий с подвалом на 9 сажень (19,20 м). Поскольку милостью Божьей в пожар удалось избежать больших разрушений, с этого времени по благословению самарского епископа Феофила 9 мая каждого года в монастыре стал устраиваться благодарственный крестный ход на пещеры, источник и вокруг обители.

Верный заветам и примеру своего друга и соратника, второй настоятель привёл к завершению и многие начинания, положенные прежним игуменом.

В 1866 г. был окончен из камня заложенный предшественником 2-этажный трапезный корпус на 14,5 сажени (30,94 м) в длину и 6,5 сажени (13,87 м) в ширину под зелёной железной крышей. В его оштукатуренных помещениях наверху расположились общая столовая и кухня с кельями для двух поваров, а внизу поместились хлебопекарня с двумя комнатами для пекарей, 2 подвала для хранения муки и овощей, а также свечное заведение, на месте которого после закрытия в конце XIX в. устроены 2 братских кельи. Главная комната для приёма пищи была расписана по стенам картинами из ветхозаветной жизни.

В 1867 г. по недостатку жилых площадей после пожара был дополнительно созижден на каменном фундаменте оштукатуренный деревянный флигель размерами 8 на 4 сажени (17,07 на 8,53 м) из 12 келий, который с одной стороны был 2-этажным под тёсовой крышей.

Доведённая при строительстве Казанского собора в 1864 г. только до 2-го яруса и примыкающая к нему каменная колокольня в том же 1867 г. окончена до последнего 7-го яруса с куполом и крестом. Сама она выкрашена масляной краской и разделана её полосками под кирпич, купол покрыт белой жстью, а ярусы – железными крышами зелёного цвета. Монументаль-

¹⁰⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 239. Л. 8 об. – 9.

ное сооружение высотой 29 сажень 2 аршина (56,90 м), длиной 7 сажень (14,94 м) и шириной 6 сажень (12,80 м) стало главной архитектурной доминантой монастыря, издали привлекая взгляд своеобразным духовным маяком. Под колокольной устроены были Святые ворота, расписанные церковной живописью¹⁰⁵. На звонницу подняты колокола, из которых крупнейший весил 169 пудов (2 тонны 768 кг 304 г), а подаренный бузулукским купцом Артемием Зуевым полиелейный стоимостью 700 руб. тянул на 46 пудов (753 кг 503 г)¹⁰⁶. Современники отмечали мелодичность их звона.

Также на средства благотворителей во 2-м ярусе колокольни в 1869 г. был достроен и начатый в 1864 г. покойным игуменом Аполлинарием холодный храм во имя Преображения Господня. Внутри он имел 2-ярусный иконостас простой работы и хоры с деревянной витой лестницей. Для освящения готовой церкви в обитель приехал лично епископ Самарский и Ставропольский, будущий святитель Герасим (в миру Георгий Иванович Добросердов) (1809–1880), который в это время совершал обозрение своей епархии.

«Выехав из Самары 9 сентября, Преосвященнейший Владыка путешествовал чрез Утевку, Логачёвку, Погромное, в коих совершал Богослужение 10, 11 и 12 чисел, и в 4 часа пополудни означенного 12 числа прибыл в Бузулукский мужеской монастырь»¹⁰⁷. «Владыка ... приветствовал монашествующую братию речью о мире, высказав, что мир душевный весьма важен и нужен как для монашествующих, так и для мирян. В покоях настоятельских приняли благословение Архипастыря игумен Нифонт с братиею и настоятельница Бугурусланской общины Раиса, прибывшая сюда по своим делам»¹⁰⁸.

«13 число проведено Им в отдыхе, столь необходимом после путевого беспокойства. К приезду его в монастыре сём всё было уже приготовлено к освящению церкви во имя Преображения Господня, основанной ещё покойным о. игуменом Аполлинарием во втором этаже колокольни (в нижнем св. врата), возвышающейся вровень с горою с восточной стороны монастыря. О. Аполлинарий ... предположил было застроить всю южную сторону монастыря с церковию на восток и при ней колокольню ... с тем, чтобы в сей последней со временем иметь церковь. Но ранняя смерть о. Аполлинария остановила на время это предприятие.

13 числа отправлено было всенощное бдение в колоколенной церкви празднику Преображения, а в нижней совершалась рядовая служба Воздвижению. Стечение народа, и без того во множестве собравшегося на этот праздник из разных мест, увеличилось особенно по случаю предполагаемого освящения церкви самим Владыкою: весь монастырь бук-

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 27–27 об., 28 об.–29.

¹⁰⁶ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.

¹⁰⁷ Тихомиров А., протоиерей. Пребывание Преосвященнейшего Герасима в г. Бузулуке // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1869. – № 21. – 1 ноября. – С. 507.

¹⁰⁸ Выдержки из журнала путешествия Преосвященнейшего Герасима по уездам Самарскому, Бузулукскому и Бугурусланскому в сентябре месяце (с 9 по 23) // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1869. – № 22. – 15 ноября. – С. 527.

важно битком был набит»¹⁰⁹. «По выслушании божественной литургии в церкви, Архипастырь осматривал новую, устроенную в колокольне монастыря церковь, приготовленную к освещению, и сделал нужные при этом распоряжения»¹¹⁰.

«В самый день освящения [14 сентября 1869 г.], в 8 часов Владыка из настоятельских келий в мантии, как и накануне ко всенощной, отправился в церковь, в сопровождении назначенных к служению о. игумена Нифонта, протоиерея Жданова, местного протоиерея А[лександра] Тихомирова, благочинного священника Островидова и иеромонаха Порфирия [Мальцева]. Освящение совершено с возможным соблюдением устава»¹¹¹. «К этому монастырскому празднику столь много стеклось богомольцев из г. Бузулука и соседних селений, что вновь освящённый храм и главный монастырский довольно обширный храм едва могли вмещать 6-ю часть народа. По уверению монашествующей братии такого стечения народа в монастыре ещё никогда не было»¹¹². «Процессия вокруг храма была совершена в порядке; но при восходе в самую колокольню давка была невыносимая: каждому хотелось попасть в церковь и видеть служение Архиерейское. По окончании освящения провозглашено было многолетие Государю Императору с Его Августейшим Домом, Св. Синоду и Владыке. Потом протодиакон пониженным тоном произнёс: «во блаженном успении вечный покой .... всечестнейшему игумену Аполлинарию...». Этот неожиданный возглас до того тронул и умилил всех знавших приснопамятного о. Аполлинария, что слёзы неудержимо потекли из глаз, и молитва от всей души вознеслась об нём Богу духов и всякие плоти... За литургиею был рукоположен в иеродиакона настоятель Бугульминского Александро-Невского монастыря о. Тихон. Обедня закончилась приличным случаю назидательным словом и преподанием ... святительского благословения всему народу, с час продолжавшегося во время шествия Его в мантии из церкви в настоятельские келии. Здесь в своё время была приготовлена скромная трапеза, удостоенная, по заранее сделанному приглашению, и Господином начальником губернии

¹⁰⁹ Тихомиров А., протоиерей. Пребывание Преосвященнейшего Герасима в г. Бузулуке // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1869. – № 21. – 1 ноября. – С. 507.

¹¹⁰ Выдержки из журнала путешествия Преосвященнейшего Герасима по уездам Самарскому, Бузулукскому и Бугурусланскому в сентябре месяце (с 9 по 23) // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1869. – № 22. – 15 ноября. – С. 527–528.

¹¹¹ Тихомиров А., протоиерей. Пребывание Преосвященнейшего Герасима в г. Бузулуке // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1869. – № 21. – 1 ноября. – С. 507–508.

¹¹² Выдержки из журнала путешествия Преосвященнейшего Герасима по уездам Самарскому, Бузулукскому и Бугурусланскому в сентябре месяце (с 9 по 23) // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1869. – № 22. – 15 ноября. – С. 528.

Преображенский и Казанский храмы

Григорием Сергеевичем Аксаковым [сыном писателя], прибывшим в ночь на 14 число в Бузулук для ревизии»¹¹³.

С того же 1869 г. при обители начала работу школа грамоты. В ней обучались крестьянские дети из окрестных селений, преимущественно сироты, которых монастырь содержал на своём полном иждивении в течение всего 3-летнего курса. Учебниками же и пособиями их снабжала за свой счёт земская управа. Повидимому, в 1872 г. для школы был построен отдельный деревянный флигель из 4 комнат на 5 сажень (10,67 м) длины и 4 сажени (8,53 м) ширины, обшитый снаружи тёсом, с деревянной же крышей, окрашенной коричнево-красной охрой. В 1880 г. здесь постигали Закон Божий, русский язык, арифметику и историю 12 мальчиков, в 1885 г. – 17 воспитанников, а в 1895 г. – уже 19 учеников¹¹⁴. В 80-е годы XIX в. законоучителем в школе состоял Александр Вознесенский, а остальные предметы вёл послушник, отставной землемер Александр Морозов. С 1894 г. Закон Божий стал преподавать иеромонах Вениамин (в миру Василий Алексеевич Софинский). Под их руководством учащиеся показывали хорошие знания и успешно сдавали экзамены.

¹¹³ Тихомиров А., протоиерей. Пребывание Преосвященнейшего Герасима в г. Бузулуке // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1869. – № 21. – 1 ноября. – С. 508.

¹¹⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 239. Л. 3; Д. 402. Л. 19 об. – 21

5 сентября 1873 г. при пещерах первоначальных насельников обители достроена деревянная изба, пожертвованная под келью крестьянами с. Елшанки (ныне Бузулукского района) по просьбе старца Евстратия¹¹⁵.

В 1879 г. сооружён отдельный корпус и для проживания игумена, имевший 10 сажень (21,34 м) в длину, 5 1/3 сажени (11,38 м) в ширину и 4,5 аршина (3,2 м) в высоту до края карниза. С одной стороны кирпичное здание было надстроено вторым деревянным этажом, а по бокам к нему примыкали двое бревенчатых сеней с кладовками. Верх дома заняли настоятель, казначей и канцелярия, а низ поделили просфорная, 2 кельи для просфорников и подвал. Весь комплекс был внутри оштукатурен, а снаружи обшит тёсом. Его фасады первоначально окрасили в тёмносиний цвет, а железную крышу – зелёной медянкой.

Поскольку освободились прежние настоятельские покои под домовою Смоленской церковью, решено было их здание целиком отдать под храм. В 1879 г. с разрешения епископа Самарского и Ставропольского Серафима (в миру Симеона Ивановича Протопопова) (1818–1891) положивший начало обители старейший деревянный дом с мезонином был перенесён на обширную монастырскую площадь и основательно перестроен. Укреплённая на каменном фундаменте деревянная тёплая церковь получила длину в 15 сажень (32 м), наибольшую ширину в 5 сажень (10,67 м) и высоту до верха карниза в 3,5 сажени (7,47 м). Внутри она была оштукатурена, снаружи обшита тёсом и выкрашена в белый цвет, а сверху покрыта зелёной железной крышей с небольшой главкой из белой жести. 19 сентября 1882 г. в переделанном здании о. Нифонтом был освящён новый храм во имя свт. Николая Мирликийского Чудотворца.

Никольская церковь

¹¹⁵ Кольчев С.В. Обитель: историко-биографический очерк о Спасо-Преображенском Бузулукском мужском монастыре с момента его возникновения и до наших дней. – Самара: ОФОРТ, 2009. – 174 с.

В 70-е –80-е годы XIX века настоятелем была инициирована широкая программа обновления и хозяйственных построек монастыря. В 1875 г. появился новый ледник на 3 отделения с 2-мя амбарами, в 1879 г. – деревянные каретник и конюшни, в 1880 г. – кирпичные конюшни и сарай, в 1881 г. – флигель с избой для коровниц и погребом для молочных изделий, а в 1882 г. – погребница. В 1885–1888 гг. на экономическом дворе раскинулся на 12 саженей (25,60 м) вдоль и 3 сажени (6,40 м) поперёк деревянный хозяйственный корпус, крытый тёсом в разбежку и оштукатуренный с обеих сторон. В нём поселились эконо́м, его помощник, рабочие, кучер и караульщик.

Хозяйственную основу обители заметно упрочили и новые пожертвования. В 1868 г. мещанин Свешников подарил монастырю дворовое место в г. Бузулуке. Помещица Пыхачева отрезала обители из своих владений 51 десятину (55,6 га) земли у дер. Араповки (ныне Шахматовки Бузулукского района). Крестьянин Поляев добавил 104 десятины 900 квадратных саженей (114 га) к смежным монастырским угодьям под Общим Сыртом. А мещанка Шевлягина в 1892 г. подарила обители ещё 14,5 десятин (15,8 га) земли у дер. Дементьевки (ныне исчезнувшей в Бузулукском районе). В результате, если в 1880 г. земельные владения Спасо-Преображенского монастыря составляли 587 десятин 900 кв. саженей (641,7 га), то к 1895 г. расширились до 769,5 десятин (840,7 га)¹¹⁶. Из них 390 десятин (425,1 га) находились рядом с монастырём, в 17 верстах (18,1 км) у дер. Араповки 51 десятина (55,6 га) и у дер. Дементьевки 14,5 десятин (15,8 га), в 30 верстах (32 км) у дер. Романовки 98 десятин (106,8 га) и в 80 верстах (85,3 км) под Общим Сыртом 216 десятин (235,4 га). Для занятия земледелием и скотоводством на этих участках были основаны 3 монастырских хутора (Араповский, Мочаловский и Поляевский) со всеми необходимыми жилыми и хозяйственными постройками, скотом и инвентарём. В Араповке для послушников, занятых трудом, даже имелась собственная часовня.

Благодаря земельным ресурсам монахи самостоятельно, своим трудом добывали себе пропитание: обрабатывали землю, сеяли хлеб, а для жатвы дополнительно нанимали рабочих. Например, в 1880 г. они распахали 84 десятины (91,77 га), с которых собрали 1385 пудов (22 тонны 687 кг) урожая: пшеницы с 53 десятин (57,9 га) – 1090 пудов (17 тонн 855 кг), ржи с 15 десятин (16,39 га) – 65 пудов (1 тонну 64 кг), овса с 10 десятин (10,93 га) – 110 пудов (1 тонну 802 кг), проса с 5 десятин (5,46 га) – 110 пудов (1 тонну 802 кг) и гороха с 1 десятины (1,09 га) – 10 пудов (164 кг)¹¹⁷. Для переработки зерна в муку и крупы на расстоянии 45 вёрст (48 км) от обители, в Бузулукском бору, у железнодорожного разъезда «Лес» (ныне пос. Лесной Борского района Самарской области) монастырь держал на реке Колтубан-

¹¹⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 239. Л. 2 об.; Ф. 32. Оп. 11. Д. 402. Л. 25 об.

¹¹⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 239. Л. 2 об. – 3.

ке водяную мельницу на 2 постава с обдиркой, бревенчатым домом, баней, двумя амбарами и сараем стоимостью 2950 руб.¹¹⁸. Этот комплекс пополнял монастырские кладовые и дополнительным хлебом за счёт так называемого гарнцевого сбора – взимания доли от зерна в качестве платы за размол по сторонним заказам. В 1880 г. мельница добавочно принесла 500 пудов (8 тонн 190 кг) хлеба, а в 1895 г. – уже 1900 (31 тонну 123 кг).

Возле самого монастыря был разбит огород с различными корнеплодами, огурцами, дынями и арбузами. За 1880 г. с этого участка было собрано 600 пудов (9 тонн 828 кг) одного только картофеля, не считая других овощей. Также вблизи обители были разведены верхний (настоятельский) и нижний сады, где росли 350 яблонь, а также вишня, крыжовник, чёрная и красная смородина. Имелась пасека на 30–40 ульев, рыбные ловли на озёрах Атаманское, Каютино и Синещёкое. Выращивались лошади и коровы, для которых ежегодно накашивали более 20 стогов сена. Перерабатывались молочные продукты, варился квас, мололась мука, и выпекался собственный хлеб. Потребности личного и богослужебного обихода удовлетворяли разнообразные мастерские обители: портная, сапожная, столярная, живописная и свечная. В 1895 г. общие доходы Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря составили 8046 руб. 59 коп., а расходы выразились суммой в 6947 руб. 7 коп.¹¹⁹.

Помимо наличных денег, обитель располагала и неприкосновенным капиталом, благоразумно вложенным в процентные бумаги, которые постоянно умножались частными пожертвованиями. Например, в 1866 г. Санкт-Петербургским купцом Харлампием Лукиным было внесено 600 руб., в 1877 г. Белгородской монахиней Серафимой Чуриковой – билет в 3000 руб., в 1891 г. потомственным почётным гражданином и самарским купцом Василием Андреевичем Головачёвым – в 2000 руб. на вечный помин родных, в 1895 г. Румянцевым и Шуваловым – по 500 руб. и т. д. Если в 1880 г. Бузулукскому Спасо-Преображенскому монастырю принадлежали 17 ценных бумаг на 12410 руб., то в 1895 г. – уже 30 билетов и сберегательных книжек на 18560 руб.¹²⁰.

Подъём благосостояния обители закономерно способствовал увеличению числа её насельников. Поначалу, в период становления обители их количество было относительно невелико и стабильно. На 1860 г. в монастыре проживали 42 человека (1 игумен, 8 иеромонахов, 1 иерей, 6 иеродиаконов, 2 монаха, 24 послушника), на 1865 г. – 43 насельника (1 игумен, 7 иеромонахов, 1 иерей, 3 иеродиакона, 8 монахов, 23 послушника), на 1870 г. – 47 братьев (1 игумен, 6 иеромонахов, 2 иерея, 4 иеродиакона, 2 диакона, 6 манатейных и 14 рясофорных монахов, 12 послушников) и

¹¹⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 34–35.

¹¹⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 402. Л. 26 об.

¹²⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 239. Л. 3; Ф. 32. Оп. 11. Д. 402. Л. 26.

на 1875 г. – 43 человека (1 игумен, 6 иеромонахов, 2 иерея, 3 иеродиакона, 1 диакон, 10 монахов и 20 послушников)¹²¹. Но по мере развития своего хозяйства монастырь приобрёл как необходимые средства для содержания, так и широкий фронт работ для приёма новых послушников, отправляемых на удалённые хутора для занятия земледелием и скотоводством и в мастерские для упражнения в ремёслах. Как следствие, к 1880 г. численность братии возросла до 92 человек (1 игумен, 6 иеромонахов, 1 иерей, 3 иеродиакона, 1 диакон, 12 манатейных и 10 рясофорных монахов, 6 указных и 52 неуказных послушника), а к 1885 г. – даже до 106 насельников (1 игумен, 5 иеромонахов, 1 иерей, 2 иеродиакона, 1 диакон, 7 манатейных и 13 рясофорных монахов, 6 указных и 74 неуказных послушника). Правда, в 1892 г. монастырь, как и всю округу, поразила холерная эпидемия, которая унесла жизни многих монашествующих¹²². Так что к 1895 г. их количество откатилось к 81 человеку (1 архимандрит, 5 иеромонахов, 3 иеродиакона, 1 схимонах, 11 манатейных и 16 рясофорных монахов, 44 послушника)¹²³.

Рост обители, её благолепия и славы привлекал и увеличивавшийся приток паломников. Поэтому в 1886 г. для прибывающих богомольцев был приготовлен второй гостиный корпус 10 саженой длины (21,34 м) и 5 саженой (10,67 м) ширины, деревянный, а с одной стороны 2-этажный с каменным низом, окружённый с трёх боков террасой, под штукатуркой и зелёной железной крышей. Он имел 4 комнаты внизу и 8 номеров наверху. В 1887 г. срублена баня вместо старой, отремонтированной, у которой ещё в декабре 1880 г. сгорели крыша и потолок. В 1889 г. поставлена и новая квасоварка с кельей послушника при ней. Наконец, в том же 1889 г. прежняя келья при монастырских пещерах была заменена деревянным флигелем размерами 8 на 6 аршин (5,69 на 4,27 м), крытым тёсом в разбежку¹²⁴.

¹²¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 8. Л. 1–20; Д. 49. Л. 1 об. – 2, 3 об. – 18; Д. 120. Л. 1 об. – 17; Д. 197. Л. 1 об. – 12.

¹²² Спасо-Преображенский Бузулукский подгородный мужской монастырь. Пятидесятилетний период существования, 1853–1903 год. – Самара: Типография С.С. Шалагурова, 1903. – С. 15.

¹²³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 239. Л. 4 об. – 7; 8 об. – 18, 21 об. – 22; ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–20; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 402. Л. 1 об. – 19, 22 об. – 23.

¹²⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 27 об. – 28, 30–32.

Необходимость этой постройки объяснялась сохранением в общежительном Бузулукском монастыре и традиции обособленного, уединённого отшельничества, которая привлекала сюда со всех сторон паломников, ищущих в духовной мудрости старцев житейского совета и утешения.

Ещё в 50-х годах XIX столетия вблизи Спасо-Преображенской обители поселился отдельно известный подвижник Флегонт Дормидонтович Островский (1820-е – 1870). Родившись в семье благочестивого диакона с. Волгапино Пензенской губернии (ныне Ковылкинского района Республики Мордовия), он с детства и сам отличался глубокой религиозностью и желал посвятить свою жизнь служению Господу. В 1851 г., услышав внутренний глас «изыди из дому отца твоего в землю, юже ти покажу», испросил благословение родителей и отправился по святым местам в поисках уготованного ему удела: посетил Саров и Дивеево, Троице-Сергиеву и Киево-Печерскую лавры, Оптину пустынь и другие монастыри. В странствиях по земле на Покров, в октябре 1853 г. он дошёл до Бузулука, зиму провёл в Сорочинске, а Четырнадцатую весной 1854 г. прожил в Спасо-Преображенском монастыре. Братия предложила ему остаться в обители, но, получив на родине благословение отца, Флегонт Островский по возвращении обосновался отшельником поодаль, через овраг от монастыря, на соседней дикой горе. Здесь он вырыл себе землянку в виде продолговатой ямы глубиной 2 аршина (1,42 м). Крышей ему служил кузов от тележки, в котором было вырезано отверстие для освещения убогого жилища. Сначала подвижнику жилось спокойно, но потом его стали одолевает почитатели, привлечённые примером праведной жизни. Самовольный приём посетителей вызвал недовольство братии и церковных властей, которые настойчиво предлагали пустыннонику присоединиться к монашескому общежитию. Но убеждённый отшельник, получив глас «не здесь место трудов твоих и упокоения», в 1856 г. вернулся на родную сторону и продолжил подвизаться один у с. Кимляй (ныне Ковылкинского района Республики Мордовия), где впоследствии, уже после его смерти был основан Александро-Невский женский (ныне мужской) монастырь на Флегонтовой горе¹²⁵. На месте же его первого отшельничества, у Бузулука сохранился земляной ход в горе. А выкопанный оттуда грунт в

Флегонт Островский —

¹²⁵ Жизнеописание труженика раба Божия, Флегонта Островского. – М.: Типолитография И. Ефимова, 1897. – С. 17–18.

виде небольшого кургана ещё долгое время носил в народе название «Флегонтовой шишки».

С основания Бузулукской обители и её иноки порой отделялись от братии на обособленное, скитское жительство. Этой цели по-прежнему служили подземные кельи, ископанные первыми насельниками в горе на расстоянии 1 версты (1,067 км) к северо-востоку от Спасо-Преображенского монастыря, из которого туда вела густолиственная аллея. Из числа подвизавшихся здесь известны схимонах Евфимий, монахи Макровий и Геден, упокоившиеся в пещерах.

В монастыре среди братии жило «предание про схимонаха Евфимия, что он был высоконравственной жизни, за долголетнюю подвижническую жизнь был одарён от Бога великими дарами благодати, свойственными христианскому совершенству: младенческой простотой, обильным источником благодатных слёз, и неоднократно терпел нападения со стороны злых духов. Незадолго до своей блаженной кончины он объявил в то время приехавшему из Москвы его почитателю, чтобы тот на следующий раз не замедлил своим приездом к сказанному числу, в крайнем случае его здесь по случаю отъезда не застанет. Когда же его почитатель своим приездом просрочил сказанное ему старцем число, то он уже к своему прискорбию встретил своего глубокоуважаемого старца на пути, когда его несли во гробе в монастырский соборный храм на отпевание. А монах Геден однажды незадолго до своей блаженной кончины в этих же пещерах во время молитвы был удостоен чудесного видения Пресвятой Богородицы»¹²⁶.

Высокий нравственный авторитет и мудрая прозорливость старцев, отточенные аскетизмом и непрестанной молитвой наедине с Всевышним, притягивали к себе нуждающихся всех званий и сословий, среди которых был и великий русский писатель Лев Николаевич Толстой (1828–1910), переживавший острый духовный кризис.

Приезжая в Самарскую губернию на отдых и купив имение в Бузулукском уезде, он трижды беседовал со старцами Спасо-Преображенской обители.

Первый раз Толстой приехал в Бузулук с кумысолечения летом 1871 г., чтобы развеяться, на проходившую в городе крупную Петровскую ярмарку. Сопровождавший его шурин (брат жены) Степан Андреевич Берс (1855–1910) впоследствии вспоминал, что в Бузулуке они «посетили старика отшельника, который жил около монастыря в пещере. Лев Николаевич только внимательно слушал старика, говорившего исключительно о Священном Писании, но сам не говорил и впечатление своё мне не передавал»¹²⁷.

¹²⁶ Бузулукский Спасо-Преображенский, 3-го класса, подгородный, общежительный мужской монастырь, Самарской епархии / Сост. Е. Мишанов. – М.: Типолитография И. Ефимова, 1909. – С. 36–37.

¹²⁷ Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. – Смоленск: Типолитография Ф.В. Зельдович, 1894. – С. 55.

Однако, по-видимому, этот неизвестный подвижник всё-таки произвёл на мыслителя эффект, коль скоро он решил снова посетить его в 1875 г. Этот интерес засвидетельствовал в своём дневнике старший сын писателя Сергей (1863–1947): «29 июня в Бузулуке бывала большая ярмарка. Отец поехал туда ... С ним поехала моя мать, Стёпа и мы, трое старших... за Бузулуком был тихий монастырь, где в скиту, в пещере, им самим вырытой, жил отшельник, простой мужик, умиленно, попросту, по-народному религиозный. Отец с ним много разговаривал и очень интересовался»¹²⁸. Выходя из подземной кельи, отшельник «гулял по саду; посетителям показывали яблоню, посаженную им 40 лет тому назад, под которой он любил сидеть, принимая богомольцев. Он сам показывал Льву Николаевичу и его семье своё пещерное жилище, гроб, в котором он спал, и большое распятие, перед которым он молился»¹²⁹.

Дочь писателя Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864–1950) вторила, что «отшельник жил в пещере совсем один и питался тем, что приносили ему местные жители. Время он проводил в молитве и в беседе с приходящими к нему посетителями.

Помню о жутком и благоговейном чувстве, которое я испытала, входя в тёмную, низкую, сырую пещеру. Старец дал нам по маленькой восковой свече, которой мы освещали себе путь. Он показал нам вырытые им и его предшественниками кельи под землёй и показал нам могилы тех, кто здесь умер. О каждом он своим тихим, мягким голосом говорил что-нибудь хорошее, каждого помянул добрым словом. Сам он уже двадцать пять лет жил в этой пещере.

Мимо одной могилы старик прошёл молча.

– А здесь кто похоронен? – спросил папá.

– Это приготовлено место успокоения для следующего, – тихо и спокойно сказал отшельник и с опущенной головой прошёл дальше.

Когда мы с папá вышли из тёмной, пахнувшей землёй пещеры на солнечный свет, он в первую минуту ослепил меня. Старец вышел нас проводить. Простившись с ним, мы пошли на постоялый двор, где стояли наши лошади.

Мы долго шли молча, потом папá спросил меня:

– Ты заметила, как он сказал о «следующем»? Ты поняла, о ком он говорил?

– О себе?

– Да, – ответил папá. – С каким тактом он это сказал!

¹²⁸ Толстой С. Л. Очерки былого. – Тула: Приокское книжное издательство, 1975. – С. 45–46.

¹²⁹ Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. Т. 2. – М.: Государственное издательство, 1923. – С. 89.

И я видела, что папá понравился этот ответ»¹³⁰.

По свидетельству Льва Николаевича, уважение, которое народ питал к этому человеку, было проявлением серьёзного религиозного чувства и показывало, что этот отшельник удовлетворял насущной потребности народа, служа примером чистой жизни, «не от мира сего»¹³¹.

Наконец, в 1881 г. Толстой, уже вставший на антицерковный, антиклерикальный путь, в третий раз встретился с бузулукским отшельником, который теперь сам пришёл к нему на хутор. Об этом Лев Николаевич рассказывает уже лично в письме к жене 31 июля 1881 г.: «Вчера был у меня старик пустынный. Он живёт в лесу по Бузулуцкой дороге. Он сам мало интересен и приятен. Но интересен тем, что он был один из 6 мужиков, которые 40 лет тому назад поселились в Бузулуке на горе и завели тот огромный монастырь, который мы видели. Я записал его историю»¹³². Однако запись биографии отшельника не сохранилась, и долгое время даже имя его не было известно.

Обращение автора к послужным спискам Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря показывает, что к 1881 г. из его основателей в живых оставались всего 2 человека: манатейный монах Вениамин (в миру Василий Каньшин) и рясофорный послушник Алексей Глухов. Из них именно Глухов указан в ведомости на послушании при пещерах¹³³, следовательно, он и был неведомым прежде собеседником великого писателя. Законспектированные Л.Н. Толстым несомненно интересные подробности его биографии, к сожалению, не дошли до нас. Но скудные строчки формуляров позволяют отчасти восстановить основные вехи жизненного пути этого старца. Алексей Глухов родился в 1816 г. и происходил из крестьян с. Лаврентьевки Бузулукского уезда (ныне Курманаевского района Оренбургской области). Читать и писать выучился дома, у своих родителей. Женат не был. Поступил в формирующуюся Бузулукскую мужскую общину 9 декабря 1848 г., ещё до официального открытия монастыря. После отчисления Казённой палатой из податного сословия по указу Самарской духовной консистории от 9 декабря 1855 г. формально определён в число послушников. 13 января 1856 г. облечён в рясофор. Во всех послужных списках настоятель Спасо-Преображенской обители давал ему самые похвальные характеристики: поведения весьма хорошего, смиренный, трезвой жизни, к Церкви Божией усердный и ревнительный. В Бузулукском монастыре Алексей Глухов исполнял различные послушания: при псалтырном чтении, будильщиком братии, сторожем церкви и при пещерах. 16 апреля 1888 г.

¹³⁰ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. – М.: Директ-Медиа, 2015. – С. 232–233.

¹³¹ Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. Т. 2. – М.: Государственное издательство, 1923. – С. 89.

¹³² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 83. Письма к С. А. Толстой 1862–1886 гг. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1938. – С. 301–302.

¹³³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 239. Л. 15 об. – 16.

своим архимандритом Нифонтом пострижен в мантию с именем Алипий. К концу жизни лишился зрения и тяжело болел¹³⁴. Скончался, по-видимому, в 1898 г. По крайней мере, последний раз он упоминается в послужном списке 1897 г. Ведомость 1898 г. не сохранилась. А в формуляре 1899 г. Алипий уже не значится, как и в поименном списке умерших за этот год. Похоронен он был на общем монастырском кладбище, а не в пещерах, где подвизался, поскольку вход в подземные кельи тогда был временно заколочен для безопасности людей.

Некоторые исследователи, например оренбуржец Е.В. Курдаков, полагают, что именно в Бузулуке, возможно из биографии этого старца, Л.Н. Толстой почерпнул сюжет для своей повести «Отец Сергей». Но это крайне сомнительно, учитывая позднее формирование замысла этого произведения в 1889–1890 гг., а также явные расхождения между образом главного героя как бывшего гвардейского офицера, дворянина и народной простотой бузулукского подвижника.

С такой же непритязательностью монастырские отшельники обустроили свой первоначальный быт в пещерах. Для нужд же проживающих на территории самой обители при о. Нифонте в 1890 г. был ещё перестроен ветхий хлебный амбар. А на протяжении 60–90-х годов XIX столетия в дополнение к существующей восточной он обнёс монастырь с южной и западной сторон каменной стеной высотой 1,5 сажени (3,20 м) и шириной $\frac{3}{4}$ аршина (0,53 м) с постановкой в 1880 г. башни и начал прохождение северного участка. Так что к концу его настоятельства прикрытой плетнём оставалась только северо-западная часть монастырского периметра. Въезд в обитель венчали массивные каменные ворота с тремя крестами.

В целом о. Нифонт оказался достойным продолжателем дела первого игумена, так как на их управление пришёлся период наиболее интенсивного строительства в монастыре, обеспечивший обитель всем необходимым.

Обратив внимание на многолетнюю трудную и полезную деятельность о. Нифонта, Преосвященный Герасим, епископ Самарский предложил для пользы других монашествующих поставить его благочинным всех монастырей епархии, что и было утверждено указом Духовной консистории от 21 сентября 1867 г. «Мягкость характера о. Нифонта, его голубиная кротость в обращениях со всеми, и его ум и опытность всюду и здесь, в новом деле увеличивали число его почитателей». И по синодальному указу тем же архиереем 25 мая 1869 г. в Самарском Иверском женском монастыре он был возведён в сан игумена. Затем императором Александром II 15 апреля 1878 г. награждён золотым наперсным крестом за отлично-усердное

¹³⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 49. Л. 14 об. – 15; Д. 197. Л. 8 об. – 9; Д. 210. Л. 8 об. – 9; Д. 239. Л. 15 об. – 16; Д. 364. Л. 9 об. – 10; Д. 402. Л. 7 об. – 8; Д. 412. Л. 9 об. – 10; Д. 420. Л. 9 об. – 10 и др.

Бузулукский Спасо-Преображенский мужской монастырь

служение Церкви Божией, а 19 мая 1882 г. императором Александром III удостоен ордена Св. Анны 3-й степени за 12-летнее служение в должности благочинного монастырей Самарской епархии¹³⁵. Наконец, 4 мая 1886 г. епископ Оренбургский и Уральский Вениамин (в миру Владимир Петрович Быковский) (1821–1893) за божественной литургией в Николаевской церкви г. Оренбурга возвёл настоятеля Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря Нифонта в сан архимандрита.

10 лет спустя, в 1896 г. Нифонт по расстроенному здоровью уволился на покой с оставлением в своей обители, сохранив почёт и наставническое влияние на монастырские дела.

26 сентября 1898 г. он мирно почил о Господе кончиной праведника и был погребён в главном монастырском соборе, рядом со своим товарищем, игуменом Аполлинарием¹³⁶.

По указу Св. Синода от 14 марта 1896 г. новым настоятелем Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря был определён иеромонах **Михаил** (в миру Иоанн Семёнович Соколов). Он родился в 1838 г. в семье священника с. Александров Гай Новоузенского уезда Самарской губернии (ныне Александрово-Гайского района Саратовской области). 15 июня 1860 г. окончил с аттестатом 1-го разряда полный курс богословских наук в Самарской духовной семинарии. Женился и имел в браке 3-х детей: сын работал главным контролёром железных дорог в Санкт-Петербурге, одна дочь вышла замуж за священника Аполлония Лавровича Малютина, а другая стала рясофор-

¹³⁵ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 16. Л. 1 об. – 2.

¹³⁶ Бузулукский Спасо-Преображенский, 3-го класса, подгородный, общежительный мужской монастырь, Самарской епархии / Сост. Е. Мишанов. – М.: Типолитография И. Ефимова, 1909. – С. 24.

ной послушницей в Новоузенском Свято-Троицком женском монастыре (в нынешнем городе Новоузенске Саратовской области). После венчания епископом Самарским и Ставропольским Феофилом 13 сентября 1860 г. рукоположен во священника к Иоанно-Предтеченскому собору г. Николаевска (ныне г. Пугачёв Саратовской области) с должностью 5-го учителя Николаевского духовного училища. 13 февраля 1861 г. епархиальным начальством переведён на 2-е священническое место к Спасо-Преображенской церкви г. Самары с назначением 4-м учителем при Самарском духовном училище. По собственному желанию перемещён 20 января 1861 г. в с. Мусорку Ставропольского уезда (ныне Ставропольского района Самарской области), 20 августа 1864 г. – 2-м священником к Петропавловской церкви Покровской слободы Новоузенского уезда (ныне г. Энгельс Саратовской области), а 25 августа 1865 г. – в с. Воскресенку того же уезда (ныне Энгельсского района Саратовской области). Писал катехизические поучения по назначению епархиального начальства в 1864, 1865, 1868, 1873, 1875, 1884, 1885 гг. и по собственному желанию в 1870 г. За их удачное составление и простое изложение отмечен благодарностями епархиального начальства в 1869, 1871, 1874 и 1876 гг. За ревностное проповедание Слова Божия и честное житие по резолюции епископа Самарского и Ставропольского Герасима 28 ноября 1868 г. награждён набедренником. С 1 января 1869 г. по 11 июня 1894 г. одновременно состоял законоучителем Воскресенской земской школы. За преподавание в ней Закона Божьего в 1869, 1870, 1871, 1872, 1873, 1875 гг. получил благодарности Новоузенского училищного совета, в 1870 г. – денежную награду в 50 руб. от уездного земства, в 1877 г. – 100 руб. от Министерства народного просвещения, а 26 февраля 1889 г. – благодарность епархиального начальства. Отмечен ею же за усердное прохождение своих обязанностей в 1871, 1872 и 1875 гг. По представлению епархиальных властей за отлично ревностное служение Церкви Божией 10 апреля 1872 г. удостоен благословения Св. Синода, а 26 марта 1877 г. – фиолетовой бархатной скуфьи. По выбору Преосвященного Герасима с 19 декабря 1877 г. по 11 июня 1894 г. был членом Новоузенского училищного совета от епархиального ведомства. Согласно резолюции епископа Самарского и Ставропольского Серафима с 1879 по 1886 гг. состоял помощником благочинного 3-го округа Новоузенского уезда. По ходатайству епархиального начальства 29 марта 1882 г. награждён от Св. Синода фиолетовой бархатной камиллавкой за отлично-ревностную службу Церкви Божией. В 1890 г. овдовел. 11 июля 1894 г. по собственному прошению уволен за штат. 14 декабря 1894 г. по его желанию принят епископом Самарским и Ставропольским Гурием (в миру Сергеем Васильевичем Буртасовским) (1845–1907) в братию Самарского Николаевского мужского монастыря. Тем же Преосвященным уже 28 декабря 1894 г. был определён в этой обители и. о. наместника, 4 марта 1895 г. пострижен в монашество с наречением имени Михаил, а 5 марта утверждён в должности наместника. С назначением настоятелем Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря по синодальному указу

19 апреля 1896 г. Пресвященным Гурием возведён в сан игумена. По докладу Св. Синода 14 мая 1896 г. высочайше награждён наперсным крестом. А 19 мая дополнительно поставлен благочинным трёх ближайших женских монастырей епархии: Ключегорского, Бугурусланского и Бугульминского¹³⁷.

Приняв дела Бузулукской обители, игумен Михаил провёл в ней некоторые преобразования. В частности, отменил вышедший из употребления в других русских монастырях древний обход с биллом, во время которого один из монахов ударами молоточка по доске созывал братию на общие богослужения¹³⁸. При игумене Михаиле в двух местах насквозь обвалились знаменитые монастырские пещеры, так что настоятель распорядился наглухо забить досками вход в них для обеспечения безопасности людей, ведь прежде на Николу летнего, Воздвижение Животворящего Креста и во время Великого поста подземные кельи посещало множество народа, «большею частию простого, даже из других губерний»¹³⁹. В 1898 г. хозяйственные постройки обители приросли новым амбаром для ссыпки хлеба¹⁴⁰.

Но основной заслугой кратковременного, 2-летнего настоятельства о. Михаила стало приобретение им будущей главной святыни Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря – списка чудотворной иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» (с грошиками). Этот особый иконописный тип Богоматери появился по случаю явленного свыше чудесного знамения. 23 июля 1888 г. во время страшной грозы в часовню у Стеклянного завода Санкт-Петербурга попала молния. Её ударом разбило кружку для пожертвований, из которой дождём брызнули и вошли в икону «Всех Скорбящих Радость» 12 полукопеечных медных монет (грошей). Огнём небесным опалило стены часовни и все её иконы, кроме отмеченного, избранного образа Божьей Матери, который, напротив, обновился от копоти и просветлел, опустившись вниз как бы для поклонения и лобзания. В скором времени эта чудесно сохранившаяся икона прославилась многочисленными исцелениями. С неё стали снимать копии, которые так и переписывались с монетами по фону.

Список с образа был приобретён в 1897 г. и настоятелем Бузулукской Спасо-Преображенской обители игуменом Михаилом. 16 июня монастырским братством при громадном стечении народа с крестным ходом икона была торжественно встречена за городом. «Вера и усердие приобретающих и встречавших этот чудный образ были награждены тут же некоторыми чудотворениями. После этого слух о новом источнике благодати быстро распространился по всем окрестностям. Религиозное одушевление всех было необычайно велико и вот, чтобы дать возможность всем желающим видеть

¹³⁷ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об. – 2.

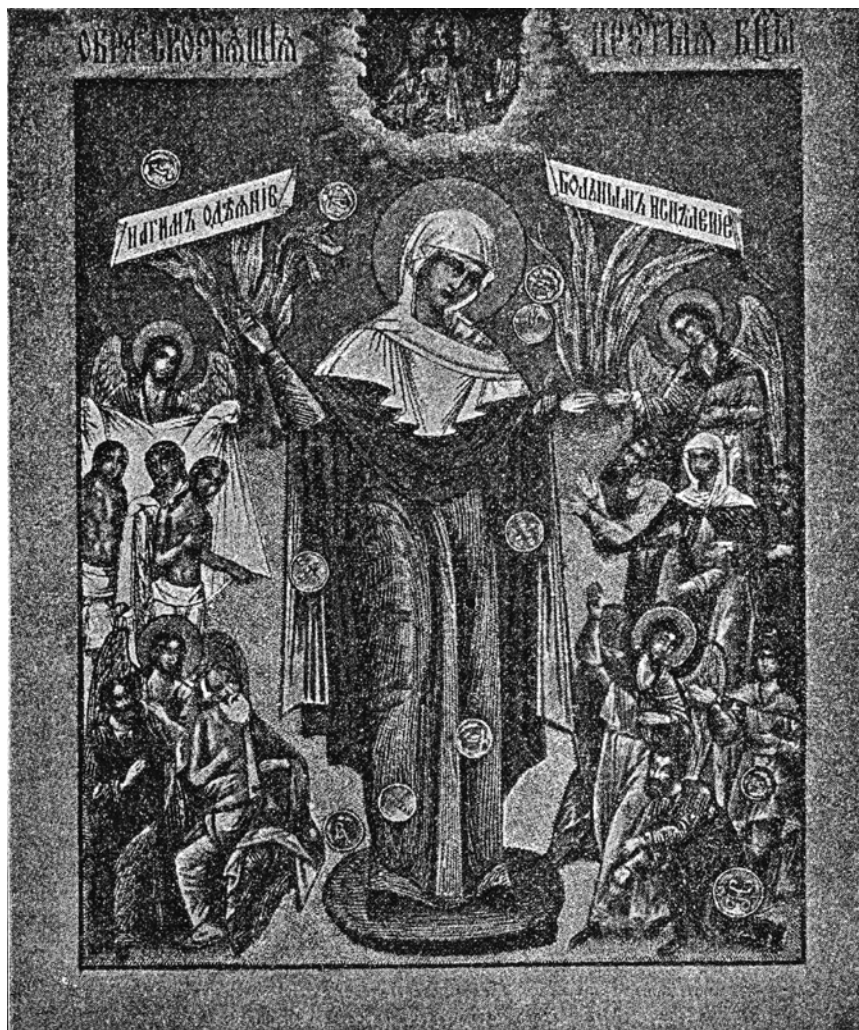
¹³⁸ Спасо-Преображенский Бузулукский подгородный мужской монастырь. Пятидесятилетний период существования, 1853–1903 год. – Самара: Типография С. С. Шалагурова, 1903. – С. 13.

¹³⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4514. Л. 1–1 об.

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 29 об. – 30.

и поклониться чудесному образу, Преосвященнейший Гурий, епископ Самарский, разрешил и благословил отпускать этот образ ходить по всему Бузулукскому уезду на молебны. И бесчисленные богомольцы всё более удостоверялись в его благодатной силе чудотворения, которая изливалась на всех веровавших в исцеление болезней».

*Бузулукский список Иконы Божьей Матери
«Всех Скорбящих Радость» (с монетами)*

Игумен Михаил, приобретший этот чудный образ, только год после этого правил Спасо-Преображенской обителью. 3 марта 1898 г. по болезни он уволился на покой с причислением к братии Самарского Архиерейского дома, а затем проживал в своём прежнем Самарском Николаевском монастыре, где вскоре мирно предал дух свой Богу¹⁴¹.

25 февраля 1898 г. временное управление Бузулукской обителью было доверено многоопытному о. **Христофору** (в миру Ионе Дмитриевичу Ясницкому). Он увидел свет в 1835 г. в семье священника г. Казани. Обучался в Казанской духовной семинарии. По окончании полного курса богослов-

¹⁴¹ Бузулукский Спасо-Преображенский, 3-го класса, подгородный, общежительный мужской монастырь, Самарской епархии / Сост. Е. Мишанов. – М.: Типолиитография И. Ефимова, 1909. – С. 24–29.

ских наук 28 ноября 1854 г. определён учителем русского языка, церковного устава и пения в Казанское духовное училище. В Крымскую войну 1853–1856 гг. получил высочайшую благодарность за пожертвования на раненых воинов. Не быв женатым, 17 марта 1857 г. принял постриг в Казанском Иоанно-Предтеченском монастыре. 6 августа 1857 г. рукоположен во иеродиакона, а 11 августа – в иеромонаха. 15 сентября 1858 г. согласно прошению уволен от учительства и зачислен в братию Седмиозерной Богородицкой пустыни (ныне в пос. Семиозёрка Высокогорского района Республики Татарстан). 14 октября 1859 г. перемещён в Свияжскую подгородную Макарьевскую пустынь (ныне в пос. Введенская слобода Верхнеуслонского района Республики Татарстан). 3 июня 1870 г. удостоен благословения Св. Синода за пожертвование 3-х икон московских святителей на юбилей Киевской духовной академии. 30 августа 1870 г. награждён набедренником за благочестивое поведение и усердную службу. 30 августа 1881 г. по прошению переведён в Казанский Успенский Зилантов монастырь. 24 июня 1882 г. утверждён в должности его казначея, а с 5 июля даже временно управлял обителью по случаю отпуска настоятеля. 11 февраля 1884 г. поставлен исправляющим должность настоятеля Седмиозерной Богородицкой пустыни. За отлично-усердную службу 10 мая 1884 г. награждён от Св. Синода наперсным крестом. 4 сентября 1884 г. определён казначеем Кизического Введенского монастыря г. Казани. 6 февраля 1889 г. по прошению возвращён в братию Казанского Успенского Зилантова монастыря, а 25 января 1890 г. поставлен благочинным этой обители. По приглашению своего друга, Преосвященного Гурия, окончившего Казанское духовное училище, 30 октября 1896 г. перешёл в его епархию с припиской к Самарскому Архирейскому дому. А указом Св. Синода от 28 марта 1898 г. утверждён в должности настоятеля Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря. 29 марта 1898 г. епископом Гурием возведён в сан архимандрита¹⁴².

На новом поле работы о. Христофор в полной мере проявил свои блестящие знания и организаторские способности, наработанные за многие годы на различных должностях монастырского управления, живо реагируя на запросы нового времени и насущные потребности обители.

При нём в 1899 г. элементарная монастырская школа грамоты была преобразована в одноклассную церковно-приходскую школу с более продвинутым курсом обучения¹⁴³. Преподавателем Закона Божьего в ней был определён с жалованьем по 200 руб. в год окончивший курс Духовной семинарии Иван Обновленский, которого впоследствии сменил послушник Иосиф Крылов, работавший без оплаты. Осенью 1899 г. деревянное здание школы было полностью отреставрировано с отведением помещений для общежития воспитанников, квартир учителя и наблюдателя. К 1900 г. здесь обучались 12 крестьянских мальчиков, по большей части сирот на полном монастырском содержании¹⁴⁴. К сожалению, 14 мая 1901 г. отремонтиро-

¹⁴² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 464. Л. 28 об. – 31.

¹⁴³ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.

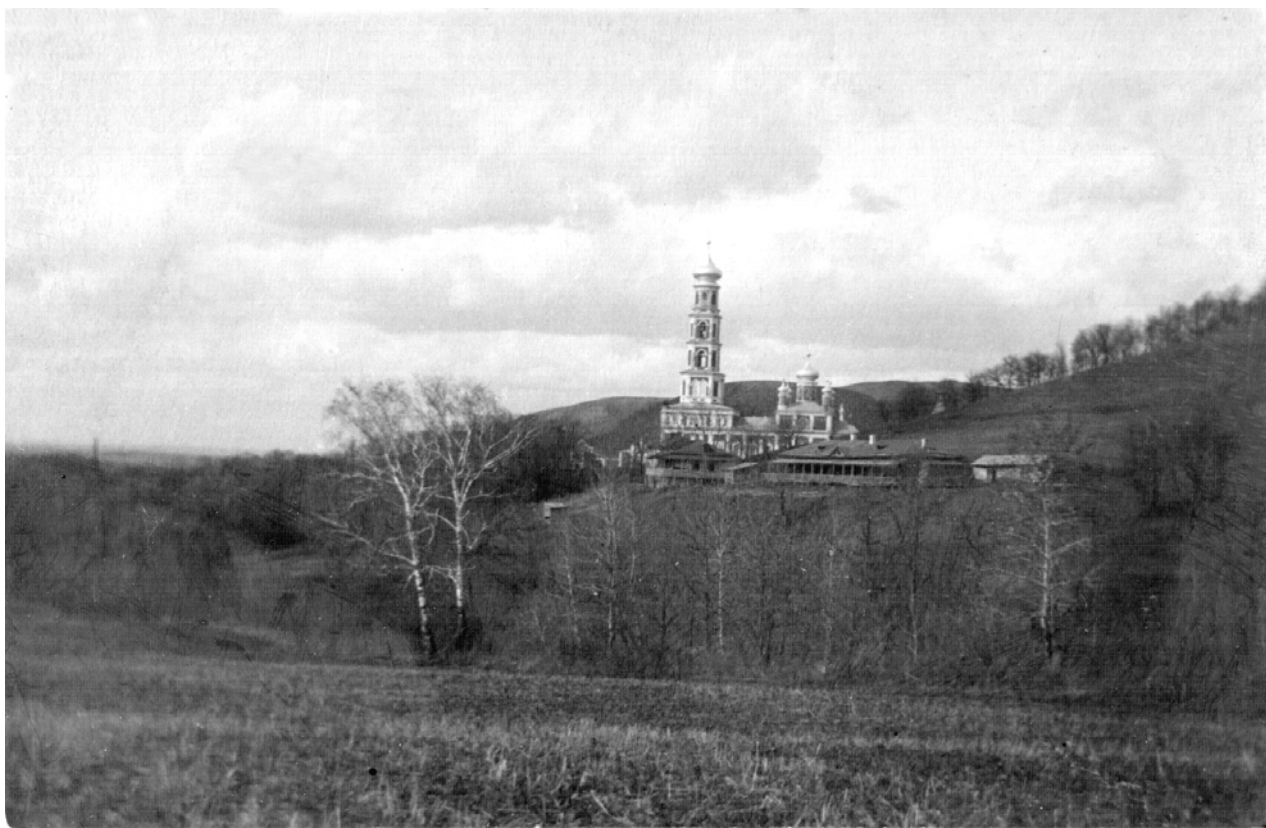
¹⁴⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 464. Л. 26 об.

ванный училищный корпус сгорел. После пожара школа приютилась в полукруглой каменной башне на юго-восточном углу монастырской ограды с примыкающим к ней деревянным флигелем размерами 5 на 4 аршина (3,56 на 2,84 м) напротив алтаря собора, а впоследствии была переведена во второй гостиный корпус монастыря¹⁴⁵. В 1910 г. там занимались уже 17 учеников¹⁴⁶.

Преобразования затронули и другое культурное учреждение обители – её библиотеку. Прежде по тесноте ризницы она была перенесена в келью одного из послушников, а затем складировалась в бывшей книжной лавке монастыря, что создавало значительные неудобства для пользования. Поэтому в 1899 г. при архимандрите Христофоре монастырская библиотека была помещена в кладовую под каменной колокольней¹⁴⁷. На все издания имелся организованный каталог, по которому братии выдавались для чтения святоотеческие труды, журналы и газеты. К 1915 г. библиотека при Бузулукском Спасо-Преображенском монастыре насчитывала 364 книги¹⁴⁸.

Бузулукский Спасо-Преображенский мужской монастырь

В надлежащий вид были приведены соборный храм, колокольня, жилые корпуса и монастырская ограда. При этом по недостатку у обители собственных финансов все ремонтные работы осуществлялись исключительно на средства благодетелей, найденных о. Христофором в его родной Казани.

¹⁴⁵ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.

¹⁴⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 579. Л. 1 об. – 15.

¹⁴⁷ Ф. 32. Оп. 11. Д. 452. Л. 7 об.

¹⁴⁸ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

Летом 1899 г. были поновлены главный храм со звонницей, а нижний ярус соборного иконостаса с резными деревянными ризами заново позолочен. Поправлен настоятельский корпус с печами, в подвале которого устроена кухня, а фасады перекрашены из тёмно-синего в серый цвет. Наконец, незавершённая в камне северо-западная сторона монастырской ограды вместо прежнего плетня прикрыта дощатым зелёным частоколом.

Когда в 1899 г. от неизвестной причины сгорел гостинный флигель для почётных гостей, настоятель заменил его новым, гораздо более просторным зданием по разрешению епархиального начальства от 4 ноября 1899 г. № 20628. Под рачительным руководством о. Христофора был заготовлен лес в монастырских угодьях, приобретены другие необходимые стройматериалы и уже в следующем 1900 г. за минимальные средства в 2155 руб. 38 коп. на территории обители поставлен третий гостинный корпус. Он представлял собой деревянное здание на каменном фундаменте под зелёной железной крышей, размерами 13 на 4 сажени (27,74 на 8,53 м), с деревянными сенями по двум бокам и террасой с подгорной стороны¹⁴⁹. Два отделения корпуса были тёплыми, оштукатуренными и отапливаемыми для проживания паломников, а два других – холодными для сдачи на лето в аренду бузулукским дачникам и размещения живописной мастерской во главе с учителем Иваном Черенковым. Для удобства богомольцев в том же 1900 г. при гостинных корпусах обители дополнительно устроены деревянная кухня и 2 ледника для хранения съестных припасов.

На посту настоятеля о. Христофор вообще всячески способствовал привлечению паломников и прославлению святынь монастыря. В память Священного коронования императора Николая II он украсил местночтимый образ «Всех Скорбящих Радость» жемчужной ризой, украшенной драгоценными камнями, в серебряном окладе с золотым венцом и чеканной надписью внизу. Изготовлена она была у него на родине, в Казанском Богородицком женском монастыре из материалов, частью пожертвованных благотворителями, а частью вынутых из негодной утвари самой Бузулукской обители. Помещалось её великое сокровище на почётном месте, в особом резном с позолотой киоте, за правым клиросом Казанского собора. Также с главной святыни монастыря была сделана копия в серебропозлащённой ризе и резном деревянном киоте, которая всегда оставалась в обители, пока оригинал отправлялся с крестными ходами и молебнами по окрестным селениям¹⁵⁰.

О. Христофор также озаботился восстановлением паломничества к знаменитым пещерам монастыря, заколоченным после обвалов его предшественником. Под руководством нового настоятеля вход в подземные кельи был распечатан, зияющие дыры в сводах заложены, а проходы расчищены от упавшей сверху земли и мусора.

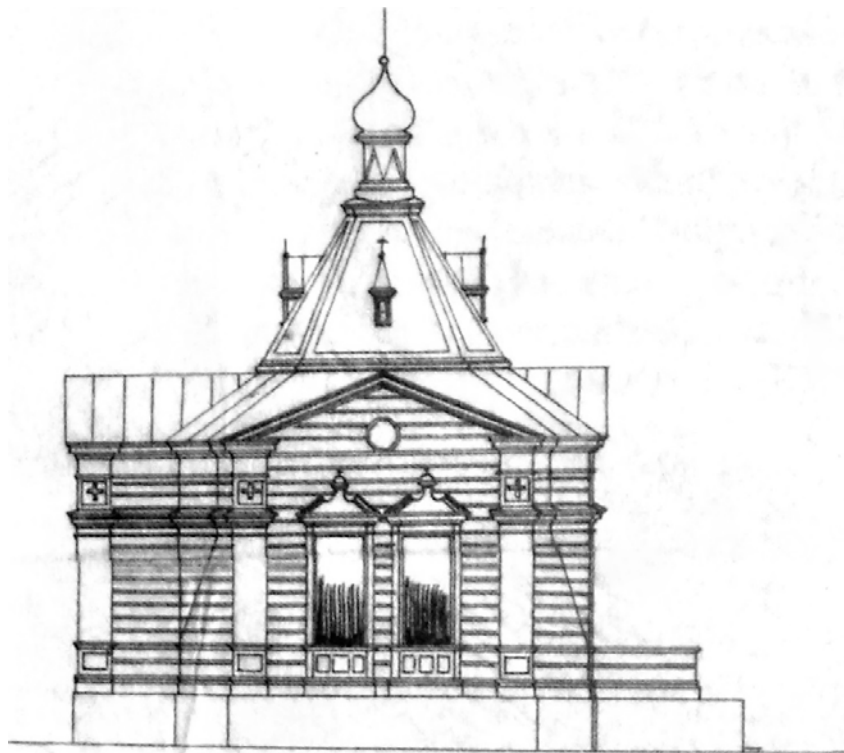

¹⁴⁹ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–1 об.

¹⁵⁰ Бузулукский Спасо-Преображенский, 3-го класса, подгородный, общежительный мужской монастырь, Самарской епархии / Сост. Е. Мишанов. – М.: Типолитография И. Ефимова, 1909. – С. 30; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 464. Л. 24 об. – 25.

Для большого притока богомольцев 15 февраля 1902 г. архимандрит Христофор ходатайствовал о разрешении постройки над пещерами каменного храма в честь прославленной иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость». 26 апреля Строительное отделение Самарского губернского правления одобрило проект новой церкви, а 1 мая Духовная консистория позволила её сооружение и сбор необходимых для этого добровольных пожертвований.

Проект Скорбященского храма на пещерах. 1902 г.

Летом на склоне горы началась выемка грунта для выравнивания площадки под будущий храм. Однако самарский епископ Гурий, лично осмотревший ход земляных работ в июле 1902 г., обратил внимание, что вынутая глина сбрасывалась ниже по откосу, прямо над пещерами, отчего в их сводах под тяжестью образовалась трещина, угрожавшая новым обвалом. Проконсультировавшись со специалистом, инженером Луниным архиерей пришёл к выводу, что по соображениям безопасности следует заменить каменную церковь более лёгкой деревянной, а также распорядился убрать наваленную землю и укрепить пещеры прочными устоями. До устранения недостатков строительные работы были приостановлены почти на год. Лишь 9 мая следующего 1903 г. была произведена закладка уже деревянной церкви, строительство которой в 20-х числах июня снова удостоил посещением и благословил епархиальный архиерей. Под наблюдением техника Адамовича в течение лета храм был окончен вчерне, 29 августа на него подняты кресты и подвешены колокола, а к 30 сентября завершена отделка алтаря и установка иконостаса работы живописца Семёнова. По благословению епископа 5 октября 1903 г. Скорбященская припещерная церковь была освящена самим настоятелем Христофором с участием бла-

гочинного протоиерея Николая Богоявленского и избранных иеромонахов обители. Торжество было приурочено к празднованию 50-летнего юбилея Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря. По освящении церкви отслужена божественная литургия и за ней молебен иконе Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость».

Скорбященская церковь на пещерах

Строительство храма обошлось в 5111 руб. 10 коп. Большая часть необходимых для этого денег на сумму 4500 руб. была пожертвована известной в Казани благотворительницей, вдовой статского советника Марией Фёдоровной Ушаковой (ум. 25.04.1902), и ещё 1459 руб. 32 коп. привлечены монахом Мелитоном (Самойловым), отправленным по городам и весям со сборной книжкой¹⁵¹.

Построенный на эти средства храм был холодным, бревенчатым, на каменном фундаменте, длиной и шириной в 4 сажени (8,53 м). При нём алтарь, имевший ещё 2 сажени в длину и 3 в ширину (4,27 на 6,40 м). Высота церкви в вырубке от фундамента до крыши составляла 2 сажени 1,5 аршина (5,33 м). Сверху она была покрыта листовым железом, окрашенным в зелёный цвет, а над крышей сделана обшивная глава деками. С западной стороны к храму примыкали дощатые сени размерами 5 аршин на 2 сажени (3,56 на 4,27 м), из которых устроен ход в пещеры с деревянной винтовой лестницей длиной 4 сажени (8,53 м). Стены спуска выложены кирпичом, а над лестницей поставлена небольшая колокольня, обитая тёсом. Для пущей безопасности и сами пе-

¹⁵¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4514. Л. 1–23, 31–32.

щеры с переходами укреплены каменной кладкой. Сени и колокольня покрыты железом, выкрашенным медянкой (зелёной краской). Стены церкви, алтаря и сеней проклеены и раскрашены под штукатурку, а полы в них – жёлтой масляной краской. 2 дубовых креста, на храме и колокольне, обиты белой жостью.

Внутри церкви перед алтарём установлен одноярусный иконостас из соснового дерева столярной работы с простой позлащённой резьбой по белому фону. В него вставлены 4 иконы: Спасителя, Троицы, св. муч. Христофора и копия образа Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» (с монетами). Полукруглые царские врата украшены сверху образом Благовещения, а внизу – четырёх евангелистов. На правом клиросе, в простенке помещены иконы свт. Гурия Казанского, преп. Серафима Саровского, а над ними образ Божьей Матери «Взыскание погибших» по золотому фону в киоте с позлащённой резьбой за стеклом – дар и благословение обители епископа Самарского и Ставропольского Гурия в память 50-летия монастыря 4 октября 1903 г.

Вдовой известного казанского купца Александрой Чернояровой новому храму были пожертвованы потир, дискос, звезда, лжица и 2 блюда сребропозлащённые, а также катапетасма (занавес за иконостасом) с облачениями на престол и жертвенник общей стоимостью 165 руб. Машинистом станции Бузулук Самарско-Златоустовской железной дороги В. И. Ильиным преподнесены в дар фелонь и стихарь светло-голубого атласа. А супругами Гречушкиными из г. Бузулука 3 апреля 1905 г. в храмовую ризницу вложено полное иерейское облачение чёрного шёлка.

На церковную колокольню подняты 5 колоколов. Из них крупнейший в 27 пудов (442 кг 273 г) был подарен крестьянкой с. Сухой Дол Марией, а второй по весу 14-ти пудов (229 кг 327 г) оплачен мещанином г. Бузулука З. М. Тимотаевым. Из оставшихся колоколов один был 7-ми пудов (114 кг 663 г) и 2 других по 1-му пуду (16 кг 380 г)¹⁵².

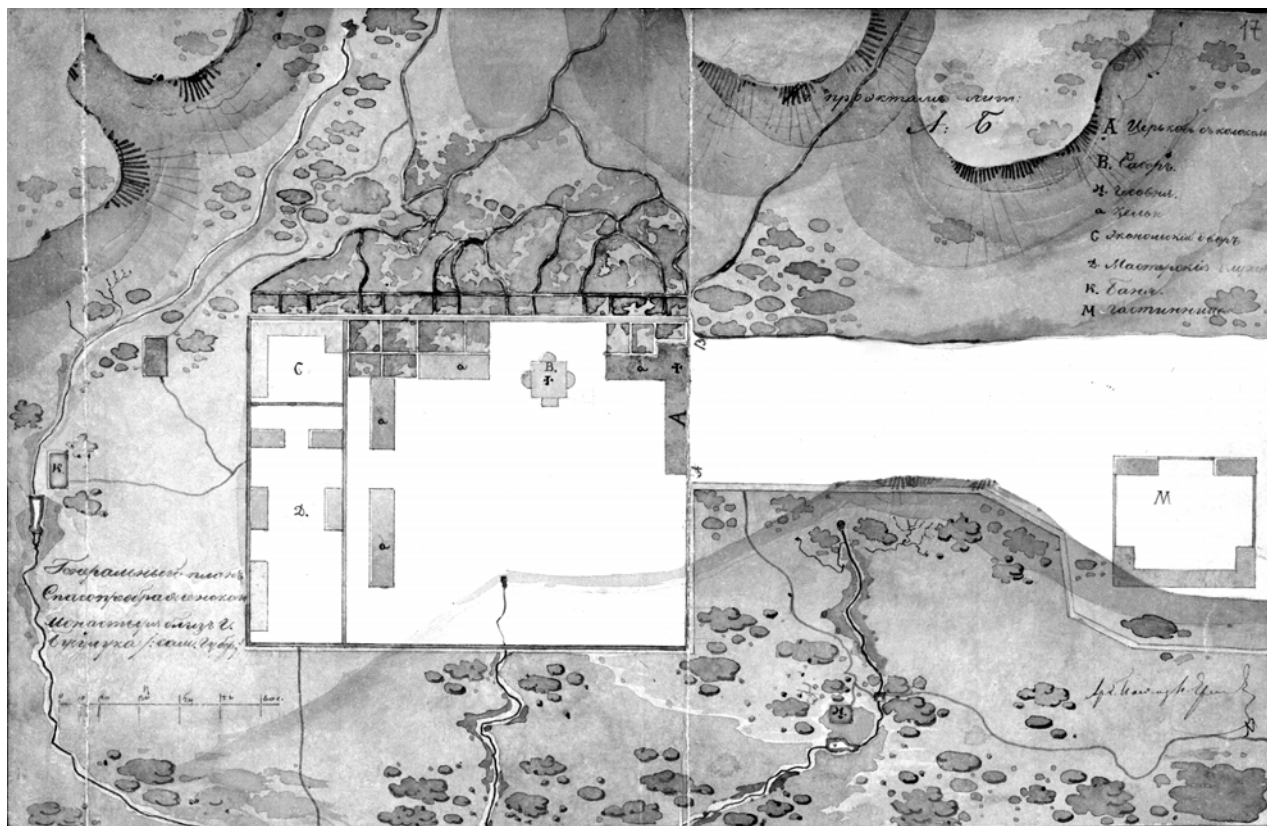
С постройкой четвёртого храма в Бузулукском Спасо-Преображенском монастыре окончательно определился круг торжественных богослужений. Храмовые праздники здесь отмечались: в Казанском соборе – 8 июля и 22 октября, в Преображенской церкви – 6 августа, в Никольской – 9 мая и 6 декабря и в Скорбященской на пещерах – 16 июня¹⁵³. Кроме того, в Великий четверг с 5 часов утра в соборном храме монастыря проводилось общее елеосвящение. А 14 сентября, в память обретения в 326 г. Животворящего Креста Господня совершался древний

¹⁵² ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 38. Л. 4–12.

¹⁵³ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 44. Л. 6 об.

чин его Воздвижения с пятикратным осенением верующих. Все эти праздники вызывали в монастырь обильный приток богомольцев¹⁵⁴.

План Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря

В будничные дни за повечерием в монастыре пелся акафист Божьей Матери во все дни, кроме четверга, когда служился акафист Святителю Николаю. По субботам совершалось последование похвалы Пресвятой Богородице, на котором читался акафист Казанской иконе Божьей Матери или Благовещению. Наконец, с 15 июля 1897 г. во все воскресные дни перед иконой Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» (с монетами) в конце литургии, после заамвонной молитвы монахи пели «Высшую небес» и служили с торжественностью похвалу Пресвятой Богородице с акафистом. При богослужении использовались напевы русских хоровых композиторов Д.С. Бортнянского (1751–1825), П.И. Турчанинова (1779–1856), Н.И. Бахметева (1807–1891), А.А. Архангельского (1846–1924) и др.

Настоятель с удовлетворением отмечал, что «во всех обитателях монастыря заметно искреннее расположение как ко всякому Богослужению вообще, так и к молитве в частности, особенно в праздники». Все незанятые срочными работами посещали богослужения неупустительно, а остальные по мере возможности. Также и монашествующие, и по-

¹⁵⁴ Бузулукский Спасо-Преображенский, 3-го класса, подгородный, общежительный мужской монастырь, Самарской епархии / Сост. Е. Мишанов. – М.: Типолиитография И. Ефимова, 1909. – С. 18.

слушники в положенное время исповедовались и причащались Святых Тайн, причём во всякий пост 2 раза и говели.

Каждый день все собирались за общей трапезой, кроме престарелых и больных, которым пища разносилась по кельям. Туда же старшей братии выдавался чай и сахар. Младшие первоначально пили его в братской столовой по 2 раза в день, но с 1900 г. по указанию епископа также стали получать чай и сахар по кельям. По мере надобности монастырь снабжал братию одеждой и обувью из своих запасов¹⁵⁵.

Создавались они трудом рук самих насельников, за счёт монастырского хозяйства, которое при настоятеле Христофоре продолжало активно расширяться. За 20 лет, с 1880 по 1900 гг., сбор зерновых с монастырских угодий вырос почти в 4 раза. В 1900 г. на Мочаловском хуторе обители было получено: ржи с 11 десятин (12,02 га) – 1300 пудов (21 тонна 295 кг), пшеницы с 19 десятин (20,76 га) – 700 пудов (11 тонн 466 кг), овса с 5 десятин (5,46 га) – 530 пудов (8 тонн 682 кг), а всего с 35 десятин (38,24 га) – 2530 пудов (41 тонна 443 кг). На Поляевском хуторе уродилось: пшеницы с 15 десятин (16,39 га) – 1500 пудов (24 тонны 571 кг), проса с 3 десятин (3,28 га) – 300 пудов (4 тонны 914 кг), овса с 2 десятин (2,18 га) – 200 пудов (3 тонны 276 кг), а всего с 20 десятин (21,85 га) – 2000 пудов (32 тонны 761 кг). Наконец, возле самого монастыря собрано: овса с 6 десятин (6,56 га) – 600 пудов (9 тонн 828 кг), пшеницы с 2,5 десятин (2,73 га) – 300 пудов (4 тонны 914 кг), а всего с 8,5 десятин (9,29 га) – 900 пудов (14 тонн 742 кг). Все монастырские угодья дали: пшеницы с 36,5 десятин (39,87 га) – 2500 пудов (40 тонн 951 кг), овса с 13 десятин (14,20 га) – 1330 пудов (21 тонну 786 кг), ржи с 11 десятин (12,02 га) – 1300 пудов (21 тонну 295 кг), проса с 3 десятин (3,28 га) – 300 пудов (4 тонны 914 кг), а в общей сложности с 63,5 десятин (69,37 га) – 5430 пудов (88 тонн 946 кг). Кроме того, 1069 пудов (17 тонн 511 кг) хлеба было получено в виде пожертвований при хождении по окрестным селениям с чудотворной иконой Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость». Из старых запасов оставалось ещё 535 пудов (8 тонн 723 кг). Таким образом, всего в монастырских закромах хранилось 7034 пуда (115 тонн 252 кг) разного хлеба. Помимо земледелия, обитель занималась и разведением скота, имея к 1900 г. 107 голов, в том числе 37 лошадей и 70 коров¹⁵⁶. Обширность угодий позволяла в случае бескормицы перегонять скотину с хуторов в монастырь, а оттуда направлять на более обильные травами пастбища¹⁵⁷.

По мере необходимости при архимандрите Христофоре прибавлялись новые хозяйственные службы: в 1900 г. – садовый флигель и прачечная, в 1901 г. – холодные сараи для скота, кирпичные конюшни и коровник, лед-

¹⁵⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 464. Л. 24–25 об.

¹⁵⁶ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 44. Л. 10–10 об.

¹⁵⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 464. Л. 25 об. – 26, 27.

ник и амбар для постановки телег и саней, а в 1902 г. – баня¹⁵⁸. Водой эти постройки обеспечивались по деревянным трубам, проложенным в монастырь от горных родников.

В целом, можно сказать, что архимандрит Христофор поднял славу, благолепие и богатство обители на новую высоту, почему монастырский летописец называет его «идеальным» управителем. 6 мая 1900 г. он получил от императора Николая II орден Св. Анны 2-й степени, 31 мая 1902 г. за аккуратное ведение отчётности и хозяйства удостоен благодарности архиерея, а 22 сентября 1903 г. высочайше отмечен орденом Св. Владимира 4-й степени¹⁵⁹. Но в 1905 г. по слабости здоровья был вынужден уволиться на покой. Известно, что ещё в июле 1917 г. он по-прежнему проживал в Спасо-Преображенском монастыре и, хотя зрение его притупилось до последних пределов, но всё же по желанию своему о. Христофор иногда служил здесь литургии, уже с трудом и неизменно с поддержкой потому, что стал очень плохо видеть Святое Писание.

Кормило же монастыря из его ослабевших рук принял также приглашённый со стороны о. **Модест** (в миру Михаил Прокопец). Он родился в 1848 г. и по происхождению принадлежал к купеческому сословию. Но, не прельстившись земными благами мира сего, холостым, в 1865 г. ушёл в Софрониеву Молченскую пустынь Рождества Пресвятой Богородицы (ныне на горе Чудной в с. Новая слобода Путивльского района Сумской области Украины). Проходя различные послушания, 14 марта 1879 г. был пострижен там в мантию. 21 января 1881 г. рукоположен во иеродиакона, а 14 мая 1897 г. – во иеромонаха. В 1897 г. получил серебряную медаль в память царствования императора Александра III. 9 декабря 1898 г. командирован на 2 года в Иерусалимскую Духовную Миссию – представительство Русской Православной Церкви в Святой земле. По окончании срока вернулся в Софрониеву пустынь. 1 июля 1901 г. награждён набедренником. А 6 сентября 1901 г. ему преподано благословение Св. Синода за усердную службу, засвидетельствованную начальником Иерусалимской Духовной Миссии. 6 ноября 1905 г. назначен настоятелем Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря с возведением в сан игумена¹⁶⁰.

О. Модест продолжил линию своего предшественника на благоукрашение обители, во всех отношениях уже достаточно обустроенной.

Под его управлением в 1906 г. был отремонтирован главный Казанский собор монастыря. Снаружи он был выкрашен масляной краской, причём разделан её полосками под кирпич, а 5 соборных глав покрыты алюминием («серебрянкой»). Внутри же окрашены стены и полы, церковная живопись местами поновлена, а большинство картин и вовсе переписаны. Во второй половине 1909 г. пришла очередь Преображенского храма в колокольне. Его интерьеры были выкрашены белой краской, а пол – коричнево-жёлтой

¹⁵⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 30, 31, 32–32 об.; Ф. 32. Оп. 11. Д. 487. Л. 34–34 об.

¹⁵⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 590. Л. 7 об. – 8.

¹⁶⁰ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 49. Л. 1 об. – 2.

охрой. Настенная живопись полностью написана заново, иконостас поправлен и вычищен. Наконец, колокольную главу также покрыли алюминием.

В Казанском соборе на пожертвования вдовы Марии Беловой и других благотворителей в 1911 г. вделана в серебряный круг с исходящим от него сребропозлащённым сиянием Владимирская икона Божьей Матери. Во время совершения по субботам соборного акафиста Богоматери, под пение кондака «Взбранной воеводе» она стала при помощи специального механизма торжественно и медленно опускаться на столик. Тогда же в храме помещены 2 новые иконы Спасителя и Божьей Матери размерами 2 на 1 аршин (1,42 на 0,71 м) в сребропозлащённых ризах и золочённых багетных рамах под стеклом. Они были писаны и чеканены в Москве по заказу Самарского епархиального склада церковной утвари. Наконец, в 1913 г. за счёт монастыря приобретены меднопозлащённый чеканный футляр под стеклом на престол, золочённый чеканный седмисвечник за престол и золочённая же люстра художественной работы¹⁶¹.

Для придания завершённости облику обители о. Модест продолжил начатую при его предшественниках замену деревянной монастырской ограды на каменную. Начиная от угловой башни с западной стороны в 1907 г. она была достроена на протяжении 42 саженей (89,61 м), а в 1910–1911 гг. пройдено ещё 50 саженей (106,68 м) с постановкой на углу третьей башни. Часть этой каменной ограды была покрыта железом, а с восточной стороны – тёсом.

В 1910 г. также обнесён уже деревянным забором по периметру в 50 саженей (106,68 м) экономический двор монастыря, на котором сделан новый загон для рогатого скота, флигель для коровниц, ледник для хранения молочных продуктов и сарай для лошадей с тёплыми конюшнями¹⁶². Поставлена новая прачечная. К этому времени принадлежавшие монастырю постройки на его усадьбе с близлежащими окрестностями оценивались по страховой стоимости уже в 72720 руб.¹⁶³. В 1913 г. к ним прибавлен каменный амбар, а при настоятельском корпусе устроен дровяник.

Словом, к рубежу военных и революционных потрясений Бузулукский Спасо-Преображенский монастырь подошёл в самом расцвете. За вклад в его развитие трудолюбивый игумен Модест ещё 1 сентября 1907 г. был награждён от Св. Синода наперсным крестом. Однако перед лицом новых вызовов Первой мировой войны он уступил место человеку более молодому, энергичному и не удручённому годами и болезнями. 1 сентября 1914 г. игумен Модест удалился на покой в родную Софрониеву пустынь, где и доживал свой век.

¹⁶¹ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 44. Л. 6–7.

¹⁶² ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 44. Л. 9–9 об., 10 об. – 11.

¹⁶³ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1686. Л. 31, 33.

Бузулукский Спасо-Преображенский монастырь

На посту настоятеля его сменил воспитанник не менее славной Оптиной пустыни иеромонах **Димитриан** (в миру Дометий Андреевич Кванин). Он родился в 1872 г. в семье крестьян с. Губкино (ныне Малоархангельского района Орловской области). Окончил Орловское губернское 2-классное училище. 4 марта 1891 г. поступил послушником в Введенскую Оптину пустынь (близ г. Козельска ныне Калужской области). 24 июля 1899 г. принят в Вяземский Иоанно-Предтеченский монастырь (ныне Смоленской области), а ровно через год, 24 июля 1900 г. официально зачислен в его братию. 20 августа 1901 г. по прошению переведён в Виленский Свято-Духов монастырь (в нынешней столице Литвы). 13 сентября 1901 г. пострижен там в монашество. 25 ноября 1901 г. рукоположен во иеродиакона, а 25 марта 1906 г. – во иеромонаха. 1 сентября 1908 г. определён и. о. священника к церкви Рождества Богородицы Литовской епархии. 3 февраля 1909 г. командирован в Сурдегский Свято-Духов монастырь (в местечке Сурдеги ныне Аникщяйского района Утенского уезда Литвы). 15 июня 1909 г. назначен временно исправляющим должность эконома Литовского Архиерейского дома, а 25 апреля 1910 г. – заведующим свечной торговлей в епархии. 5 апреля 1911 г. перемещён в Самарский Николаевский монастырь. 6 марта 1912 г. награждён набедренником. Очень короткое время, с 3 по 9 января 1913 г., исполнял обязанности настоятеля. 28 ноября того же года поставлен духовником братии своего монастыря, а 20 декабря – Самарской Иверской женской обители. В 1914 г. назначен экономом Самарского Архиерейского дома. 26 августа 1914 г. определён и. о. настоятеля Бузулукского Спасо-Пре-

ображенского монастыря, а указом Св. Синода от 11 декабря 1914 г. № 19899 утверждён в этой должности¹⁶⁴.

В отличие от своих предместников о. Димитриану пришлось решать невиданные прежде проблемы, обусловленные тяготами военного времени и революционной анархии. Первой из них стал небывалый наплыв беженцев, захлестнувший внутренние, тыловые районы Российской империи после оккупации летом 1915 г. германскими войсками западных губерний страны в Польше, Прибалтике, Белоруссии и Украине. Наряду с государственными и общественными структурами, Бузулукский Спасо-Преображенский монастырь внёс свой посильный вклад в дело помощи обездоленным людям, потерявшим нажитое имущество, хозяйство, кров, а зачастую и близких. В 1915 г. братия без раздумий уступила под размещение беженцев Первой мировой войны все 3 гостиных корпуса монастыря. Переехавшая ранее в один из них церковно-приходская школа обители с осени была закрыта, а большинство учеников распущено по домам к родителям. Но монастырь оставил на своём полном содержании 6 мальчиков-сирот, для которых был устроен приют в корпусе мастерских.

При этом число трудовых рук в обители существенно сократилось из-за призыва на фронты Первой мировой войны многих молодых, работоспособных послушников. Если в 1905 г. братия монастыря насчитывала 79 человек (1 архимандрита, 5 иеромонахов, 3 иеродиаконов, 12 манатейных и 9 рясофорных монахов, 49 послушников), а в 1910 г. – 75 насельников (1 игумена, 1 архимандрита на покое, 6 иеромонахов, 1 заштатного священника, 5 иеродиаконов, 2 схимонахов, 15 манатейных и 5 рясофорных монахов, 9 указных и 30 неуказных послушников), то в 1915 г. – уже только 54 человека (1 настоятеля, 1 архимандрита на покое, 6 иеромонахов, 3 иеродиаконов, 12 манатейных и 11 рясофорных монахов, 20 послушников)¹⁶⁵.

Тем не менее, Бузулукский Спасо-Преображенский монастырь ещё сохранял накопленные в прошлые благополучные годы солидные запасы продовольствия и денежные капиталы, предусмотрительно вложенные в 51 ценную бумагу на сумму в

Вениамин (Аверкиев)

¹⁶⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 616. Л. 2 об. – 3.

¹⁶⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 537. Л. 1 об. – 19; Д. 579. Л. 1 об. – 15; ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 44. Л. 8 об.

28426 руб. 20 коп. Более того, даже в этих сложных обстоятельствах, при значительном росте социальных расходов обитель ещё продолжала и благоустраиваться христианским усердием к вящей славе Господней. В 1916 г. на местной колокольне были установлены механические башенные часы, подаренные в знак признательности архимандритом Можайского Лужецкого монастыря и церковным писателем Вениамином (Аверкиевым) (1845 – после 1919), который начинал свой монашеский путь 14-летним послушником как раз в Бузулукской Спасо-Преображенской обители¹⁶⁶. Её собственный настоятель о. Димитриан 6 мая 1916 г. за свои труды на благо обители был награждён синодальным наперсным крестом.

Окончательно сложившийся при нём облик монастыря идилическим, но мимолётным снимком сохранился в воспоминаниях детства бузулукской учительницы П. А. Логачёвой (1899–1994):

«Издали из города было очень красиво смотреть на красный кирпичный монастырь с белой отделкой, на высокую колокольню с часами, на домики для монашеских келий и поодаль на дома для приезжих... Монастырь был окружён лесом... Вокруг монастырской церкви был цветник, где росли кусты белых и розовых пионов и огненно-красные «царские кудри» [лилии]. Под монастырской горой было несколько ключей холодной, чистой и вкусной воды... В одном месте стояла часовня с отделанным колодцем. Горожане, идя в лес, брали всегда с собой чайники и котелки для этой воды...»¹⁶⁷.

Бузулукский Спасо-Преображенский мужской монастырь

¹⁶⁶ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 44. Л. 7 об., 9; Мельников М.А. Прожитые дни настоятеля Лужецко-Ферапонтовой обители священно-архимандрита Вениамина (Аверкиева): Вып. 1. – М.: Типолитография Торгового дома И. Ефимов, Н. Желудков и К°, 1916. – 72 с.

¹⁶⁷ Логачёва П.А. Бузулук моего детства и юности. Воспоминания. – Бузулук: Бузулукская типография, 1999. – 57 с.

Однако вскоре эти благолепие и покой были безжалостно сметены натиском бурь житейских. После свержения самодержавной монархии в ходе Февральской революции 1917 г. рухнула вся прежняя правовая система, неприкосновенность частной собственности, авторитет власти и боязнь ответственности. Как следствие, хутора обители были хищнически разграблены. Не сдерживаемые более ничем крестьяне окрестных деревень беззастенчиво, открыто, днём вырубали лес, косили сено и распахивали землю в монастырских угодьях. Угроза безопасности от расплодившихся повсюду банд и дезертиров нависла над самой святой обителью и её братией. Поэтому 29 апреля 1917 г. Бузулукский уездный комиссар Временного Правительства даже выдал настоятелю монастыря о. Димитриану разрешение на ношение револьвера «Смит и Вессон» и приобретение к нему 100 патронов! Впрочем, ещё 16 апреля решением епархиальных властей он был уволен от должности и запрещён в священнослужении до исправления за вскрывшийся подлог при избрании его настоятелем¹⁶⁸. Сразу после этого, в мае 1917 г. при царившем вокруг хаосе и безвластии о. Димитриан самовольно оставил монастырь и исчез в неизвестном направлении. Судьбы монашествующих в эту переломную эпоху складывались по-разному, в соответствии с их моральным выбором перед лицом гонений. Например, впоследствии, при советской власти из числа родных братьев того же о. Димитриана (Кванина) двое, Анатолий (в миру Андрей) (1871–1937) и Дмитрий (в миру Дмитрий) (1873–1937), стали «епископами» в так называемом «григорианском расколе», инициированном органами ОГПУ для подрыва православия, и всё равно расстреляны, а третий – архимандрит Митрофан (в миру Михаил) (1875–1937) до конца остался верным канонической Церкви и принял за это венец преподобномученика¹⁶⁹.

На замену своему отрешённому и бежавшему настоятелю 10 мая 1917 г. братия Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря была вынуждена избрать из своей среды временно управляющим иеромонаха **Герасима** (в миру Георгия Семёновича Казакова). Он родился в 1863 г. в Кинель-Черкасской слободе Бугурусланского уезда Самарской губернии (ныне район Кинель-Черкассы Самарской области). В мае 1873 г. 10-летним мальчиком поступил на обучение в монастырскую школу. По её окончании без указа исполнял послушание певчего¹⁷⁰. 24 января 1899 г. официально зачислен послушником в Бузулукскую обитель. 21 мая 1905 г. принял там

¹⁶⁸ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 616. Л. 2.

¹⁶⁹ Фаст М.В., Фаст Н.П. Нарымская голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. – Томск: Водолей, 2004. – С. 125; Митрофан (Кванин Михаил Андреевич) // Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века [Электронный ресурс]. URL: http://martyrs.pstbi.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcGZfSmCeeuhtu0heCyFeyCadOqcvrsmAru2dOiUTawsBGsmAXQ* (дата обращения: 28.08.2016).

¹⁷⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 230а. Л. 56 об.

монашеский постриг. 21 ноября 1905 г. рукоположен во иеродиакона¹⁷¹, а 30 августа 1914 г. – во иеромонаха. 17 октября 1916 г. утверждён в должности казначея¹⁷².

Встав во главе обители, о. Герасим приложил все силы для защиты монастыря, его братии и имущества от посторонних посягательств, но, конечно, смиренный инок не мог полностью оградить их от чужого насилия. Ситуация особенно ухудшилась с приходом к власти после Октябрьской революции 1917 г. атеистически настроенной партии большевиков и последовавшей за этим Гражданской войной. В этих условиях для охраны наиболее ценных, лесных угодий монастыря от разорений в декабре 1917 г. братии пришлось нанять за 75 руб. в месяц с готовыми квартирами двух вооружённых милиционеров, которые согласились взяться за работу с оговоркой, если не будет никакого нового переворота¹⁷³. Но установившаяся власть и организованный произвол оказались ничуть не лучше прежней анархии и стихийных грабежей.

Правившая партия большевиков провозглашала себя выразительницей интересов простого народа, а всех церковников и монашествующих рассматривала в качестве классовых врагов, накопивших эксплуатацией тружеников несметные богатства. Поэтому в Бузулукскую обитель зачастили разного рода уполномоченные чрезвычайных органов с оружием и сомнительными мандатами, которые добивались выдачи имущества, по-видимому, считая монастырские кладовые бездонными. Например, комиссар продовольствия г. Бузулука и уезда потребовал от монахов «заимообразно» 1000 пудов (16 тонн 381 кг) хлеба, угрожая за отказ применением строгих репрессивных мер. В феврале 1918 г. у монастыря были реквизированы 37 пудов (606 кг) ржаной муки. В ноябре 1918 г. в обитель нагрянул инспектор отдела юстиции, который забрал без расписки все монастырские ценные бумаги на 28526 руб. 20 коп. В декабре 1919 г. были конфискованы 362 пуда (5 тонн 929 кг) монастырского хлеба, хранившегося на элеваторе в с. Старо-Мочаловке. Тогда же был изъят и весь рабочий скот, хотя к лету в обители оставалось всего 17 голов: 5 коров, 3 телят, 4 рабочих лошади и 1 годовалый жеребёнок, 3 верблюда и 1 хряк¹⁷⁴.

Под различными предлогами советские органы начали и постепенное выдавливание монашествующих с территории обители. 25 марта 1918 г. Бузулукский уездный исполнительный комитет постановил в дополнение к 3-м гостиным корпусам забрать у монастыря под приют для беженцев и детей 4-й, настоятельский корпус.

Зимой 1918–1919 гг. в стенах обители был размещён на постой 1-й Карачевский кавалерийский полк Красной армии, который под натиском белогвардейского наступления ушёл, но разломал за собой все колодцы. Ког-

¹⁷¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 579. Л. 7 об. – 8.

¹⁷² ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 56. Л. 3 об. – 4.

¹⁷³ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 52. Л. 10 об.

¹⁷⁴ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 52. Л. 12, 109, 126, 186, 200, 207.

да же летом монахи стали спиливать засыхавшую берёзу для ремонтных работ, им пригрозили арестом за самовольную порубку деревьев в своём же саду, который власти считали принадлежащим детскому приюту, размещённому в обители. Однако интересы детей не помещали в июле 1919 г. жителям Бузулука и расквартированным в окрестностях города солдатам варварски ободрать монастырский сад, поломав множество веток и утоптав вскопанную землю. Они легко присвоили себе выращенные монашеским трудом 70 пудов (1 тонну 147 кг) яблок, 8 пудов (131 кг) чёрной и 7 пудов (115 кг) красной смородины, 5 пудов (82 кг) вишни и 3 пуда (49 кг) крыжовника. Когда же заведующий садом хотел остановить их увещеванием, его чуть не избили, «от чего спасла случайность». На жалобу иноков органы власти вновь сообщили, что сад «вместе с караулкой» находится в ведении детского дома, почему монахи не имеют право вступаться в него¹⁷⁵.

Между тем, ещё 20 мая 1919 г. временно управляющий Спасо-Преображенским монастырём о. Герасим оставил свою должность. На его место по выбору братии в Самарскую епархию был вызван бывший насельник обители иеромонах **Пантелеймон** (в миру Пётр Емельянович Пресняков). Он родился в 1868 г. в с. Сарбай (ныне Кинель-Черкасского района Самарской области). Обучался в сельской школе. Не быв в браке, 28 марта 1898 г. ушёл от мира в Бузулукский Спасо-Преображенский монастырь. 27 июня 1900 г. пострижен в мантию. 15 августа 1902 г. Преосвященный Гурий (Буртасовский) рукоположил его во иеродиакона, а 21 ноября 1905 г. новый епископ Самарский и Ставропольский Константин (в миру Кирилл Иоаннович Бульчёв) (1858 – середина 1930-х) посвятил его в сан иеромонаха. В 1909 г. по своему желанию о. Пантелеймон был переведён в Спасо-Преображенский миссионерский монастырь г. Казани. После объявления Первой мировой войны и мобилизации 25 июля 1914 г. отправлен в действующую армию и зачислен в 450-й полевой подвижный госпиталь. В том же 1914 г. архиепископом Казанским и Свияжским Иаковом (в миру Иваном Алексеевичем Пятницким) (1844–1922) отмечен набедренником. Приказом по войскам 4-й армии от 9 мая 1915 г. № 734 за усердно-отличную службу и понесённые труды военного времени награждён орденом Св. Анны 3-й степени, а в 1916 г. приказом главнокомандующего Северным фронтом № 267 удостоен ордена Св. Анны 2-й степени. После заключения большевиками 3 марта 1918 г. сепаратного Брестского мира с Германией 9 марта уволился из действующей армии. В 1919 г. Патриархом Московским святителем Тихоном (в миру Василием Ивановичем Белламиным) (1865–1925) к первому дню Святой Пасхи награждён наперсным крестом. По выбору братии указом Самарской духовной консистории от 2/20 июня 1919 г. № 1249 назначен и. о. настоятеля Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря, а указом Св. Синода от 21 октября 1919 г.

¹⁷⁵ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 52. Л. 25, 187–187 об., 201.

№ 3363 утверждён в этой должности¹⁷⁶. Его же предшественник о. Герасим 29 ноября 1920 г. был определён духовником обители.

Наставляя и сплачивая братию, эти бывалые, заслуженные люди, тем не менее, не могли остановить передела обители извне.

24 сентября 1919 г. Бузулукский уездный земельный отдел надумал организовать при мужском монастыре молочную ферму для обслуживания городских больниц и детских приютов. А для этого решено было отобрать у иноков вынужденно пустующие скотный сарай, телятник и прочие помещения, необходимые для ведения хозяйства и проживания рабочих.

19 апреля 1920 г. тот же отдел «предложил» монастырю немедленно сдать верхний и нижний сады, а также 3 десятины вспаханной земли возле него со всеми постройками и инвентарём под устройство семенного огорода. При этом монашествующим было предписано принять и расселить промеж себя 15 дезертиров, которых предполагалось использовать для обработки этих участков.

9 июня 1920 г. в связи с решением об открытии санатория на базе монастыря его насельникам приказано освободить 2-этажный каменный корпус в ограде, самим же разместиться частью по комнатам деревянного корпуса, частью – по левую сторону трапезной, а остальным – в освобождённом помещении дезинфекционного отряда.

Но уже 10 сентября 1920 г. Бузулукский уездный исполнительный комитет постановил бывший санаторий в монастыре передать подотделу охраны детства для детского дома, а расположенный там же бывший детский дом – уездному земельному комитету под жилые помещения для рабочих¹⁷⁷.

В условиях постоянных реквизиций, подорвавших хозяйственную, материальную основу обители, она выживала одной верой. Во многих людях революционные потрясения лишь усилили религиозное чувство. Они увидели в грозных событиях не возможность лёгкого обогащения, а кару за грехи, ниспосланную свыше. Поэтому широко сохранившие веру крестьяне и городские жители продолжали прибегать ко спасению и нести в обитель свою малую лепту: заказывали молебны и поминовения умерших, навещали духовных старцев в монастырских пещерах, приглашали в свои селения иноков с чтимой иконой «Всех Скорбящих Радость» во избавление от напастей, например, в январе 1920 г. от поразившей округу тифозной эпидемии. Из приношений верующих тонкими ручейками и стали собираться основные средства монастыря, обесценивавшиеся чудовищной, галопирующей инфляцией первых лет советской власти.

¹⁷⁶ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 56. Л. 1 об. – 2.

¹⁷⁷ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 52. Л. 190, 234–235, 272, 280.

Таблица 1 – Приход денежных средств Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря за 1920 г.

Статьи прихода	Сумма	
	Руб.	Коп.
От продажи свечей	181 082	
От продажи просфор	53 081	
От записи на поминаения	555 013	95
От поминов на проскомидиях	66 217	52
За исполнение треб	3 125	
От командирования монахов в приходские церкви	25 621	
От выездных молебнов с иконой «Всех Скорбящих Радость»	18 699	
От молебнов в церкви и водосвятной часовне	65 613	86
От заведующего пещерами	8 707	
Тарелочного сбора	1 622	67
От приклада и пожертвований	51 387	
От продажи молока и овощей	8 530	
От продажи скота	30 000	
Остаток от 1919 г.	1 607	93
Всего:	1 070 347	93

Сэкономленные верующими трудовые рубли тратились только на самое необходимое в богослужебном, личном и хозяйственном быту.

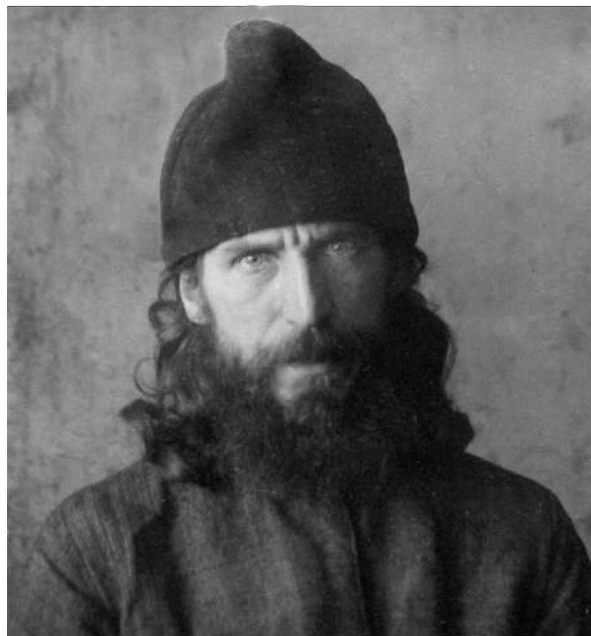
Таблица 2 – Расход денежных средств Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря за 1920 г.

Статьи прихода	Сумма	
	Руб.	Коп.
На покупку церковных свечей, ладана, масла и вина	228 683	
На выпечку просфор	13 050	
На покупку продовольствия	186 419	
На покупку одежды и обуви	132 220	
На покупку товаров в кооперативе	11 737	90
По хозяйству	123 786	55
На покупку корма для скота	253 800	
По канцелярии	36 428	50
На непредвиденные нужды	80 447	58
Всего:	1 066 572	59
Остаток к 1 января 1921 г.	28 526	20

К этому времени вытесненная из большинства монастырских помещений и уплотнившаяся братия всё ещё сохраняла значительную численность. На 1920 г. её составляли 44 человека (1 настоятель, 8 иеромонахов, 2 иеродиакона, 2 схимонаха, 15 монахов и 16 послушников)¹⁷⁸. Чтобы получить законные права на пользование остатками своего имущества они были вынуждены зарегистрировать сельскохозяйственную артель, которой из обширных прежде монастырских владений были переданы для обработки всего 12 десятин (13 га) земли.

Руководил общиной в заключительные годы её существования в качестве последнего настоятеля иеромонах **Кирилл** (в миру Георгий Тихонович Макаров). Он родился в 1881 г. в семье крестьян с. Ивановка Бугурусланского уезда (ныне Бугурусланского района Оренбургской области). Обучался в сельской школе. В 1902 г. поступил послушником в Бузулукский Спасо-Преображенский монастырь¹⁷⁹. Затем, по-видимому, был призван на военную службу. После демобилизации согласно указу Самарского духовного совета от 12 февраля 1920 г. пострижен в монашество, а по указу от 20 декабря архиепископом Самарским и Ставропольским Филаретом (в миру Гавриилом Петровичем Никольским) (1858–1921) рукоположен во иеродиакона. Исполнял послушание регента монастырского хора¹⁸⁰.

Настоятель Кирилл (Макаров) —

О. Кирилл стал свидетелем самых горестных страниц в истории обители. Несмотря на все попытки кротких иноков оградить обитель от окончательного расхищения, в апреле 1922 г. под предлогом помощи голодающим советские власти описали и конфисковали последние монастырские ценности: иконы Божьей Матери «Живоносный источник», Преображения Господня, Спаса Нерукотворного, Воскресения Христова, Святителя Николая в кованой ризе, серебряные богослужебные сосуды с принадлежностями, парчовую митру с рубинами и аметистами, напестольные кресты, 4 Евангелия в серебряных обложках, из которых одно украшенное 13 хризолитами и аметистами, и многое другое. Правда, в списках на изъятие не значится главная святыня монастыря – чудотворный список иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» (с монета-

¹⁷⁸ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–44 об.

¹⁷⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 487. Л. 26 об. – 27.

¹⁸⁰ ГАОО. Ф. 311. Оп. 1. Д. 56. Л. 9 об. – 10.

ми). Историки полагают, что монахи могли укрыть его от поругания или передать на хранение надёжным людям. Дальнейшая же судьба чтимого образа остаётся неизвестной.

Наконец, очередь дошла и до последнего прибежища верующих в храмах. Постановлениями от 22 марта и 11 апреля 1929 г. Бузулукский районный исполнительный комитет ходатайствовал перед властями Средневожского округа об окончательной ликвидации монастыря и передаче его культовых зданий органам народного образования под размещение детской трудовой колонии, переводимой из с. Таллы (ныне Грачёвского района Оренбургской области). Ещё до утверждения этого решения началось спешное переоборудование храмов для нужд колонии. Осенью община Спасо-Преображенского монастыря обратилась к властям с просьбой об оставлении за ней и открытии для богослужений хотя бы малой деревянной церкви во имя свт. Николая Чудотворца. Но в заседании 15–16 октября 1929 г. райисполком отклонил этот скромный запрос и обратил внимание вышестоящих органов на бюрократическое затягивание вопроса об официальном изъятии храмов. Как следствие, Средневожский окружной административный отдел согласился расторгнуть договор с монашеской общиной на пользование культовыми зданиями. И в 1929 г. иноки были изгнаны с территории обители.

Схимонахи обители с настоятелем Кириллом (Макаровым)

Не дожидаясь окончательного решения о судьбе монастыря, власти начали расправу над хранителями монашеских традиций, благочестия и духа православия, в которых видели главных конкурентов насаждаемым сверху коммунистическим идеям. Ещё в марте 1929 г. были заключены под арест настоятель обители иеромонах Кирилл (в миру Георгий Тихонович Макаров) (1881–1930), ризничий иеромонах Андрей (в миру Венедикт Фролович Долгих) (1863–?), иеромонах Иероним (в миру Игнатий Тимофеевич Карлов) (1878–?), схимонах Максим (в миру Матвей Георгиевич Полипцев) (1854–1937) и послушник, монастырский писарь Игнатий Антипovich Жуков (1892–?). Все они были приговорены к ссылке в различные города сроком на 3 года.

После официальной ликвидации монастыря жестокость репрессивных мер только нарастала. В марте 1930 г. был повторно арестован отбывавший ссылку в Уфе прежний настоятель Кирилл (Макаров), а вместе с ним задержаны бывший благочинный обители иеромонах Лин (в миру Лука Степанович Безуглов) (1869–?) и схимонах Варсонофий (в миру Василий Алексеевич Семёнов) (1860–1930). Все они проходили по делу епископа Бузулукского Сергия (в миру Михаила Александровича Никольского) (1892–1930) и обвинялись в создании контрреволюционной организации, направленной против советской власти. Несмотря на категорическое отрицание подсудимыми своей вины и отсутствие вещественных доказательств по делу, 27 апреля 1930 г. тройка ОГПУ по Средневолжскому краю приговорила бывшего благочинного Спасо-Преображенского монастыря иеромонаха Лина (Безуглова) к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, а его настоятеля иеромонаха Кирилла (Макарова), схимонаха Варсонофия (Семёнова) и епископа Сергия (Никольского) – к высшей мере наказания. По преданию, расстреляны они были на мысу при впадении реки Сакмары в Урал, над которым после этого люди долго видели сияющие столпы света.

Карательные органы продолжали преследовать и других оставшихся в живых монахов, простая ссылка которых не могла сломить их глубокой веры, привлекавшей отовсюду и укреплявшей многочисленных последователей. В июле 1937 г. был вторично подвергнут аресту престарелый слепой старец схимонах Максим (Полипцев), возвратившийся по отбытия срока первого наказания из Алма-Аты в Бузулук. Ему было предъявлено обвинение в том, что он «является активным членом контрреволюционной фашистско-повстанческой организации. В контрреволюционных целях организации был произведен в «святые», в связи с чем к нему было организовано паломничество через посредство которого добывались средства для организации. Паломникам ПОЛИПЦЕВ давал явно контрреволюционные установки на развёртывание работы против Советской власти». Постановлением тройки УНКВД по Оренбургской области от 14 августа 1937 г. схимонах Максим был приговорён к смертной казни и 16 августа в 1 час ночи расстрелян.

Уголовно-исполнительная система забрала и сам Бузулукский Спасо-Преображенский мужской монастырь, обращённый в колонию. Но именно бла-

годаря особому режиму и уединённости он сохранился лучше всех других обителей Оренбургского края, разрушенных в годы советской власти. 23 августа 1936 г. по приказу НКВД СССР на базе бывшего Бузулукского мужского монастыря была создана колония-коммуна для детей репрессированных родителей и беспризорников. Воспитывали их трудом и учёбой по системе известного советского педагога А.С. Макаренко. Для этого были устроены токарные мастерские в Казанском храме, а кузница – в Никольском, который впоследствии был снесён за ветхостью. Преображенскую церковь в соборной колокольне сломали и построили на этом месте из полученного кирпича клуб. 2-этажное здание трапезной с пекарней приспособлено под карантин для вновь прибывших заключённых. Меньше повезло строениям, расположенным вне каменной ограды. Скорбященский храм был уничтожен, а пещеры засыпаны. 3 гостиничных корпуса монастыря разобрали на стройматериалы, которые увезли в соседнее село Сухоречку.

С октября 1941 г. в Бузулукскую трудовую детскую колонию стали направлять осуждённых несовершеннолетних. Приказом МВД СССР от 6 декабря 1950 г. № 0799 она была реорганизована в трудовую воспитательную колонию для мальчиков на 250 мест с металлообрабатывающим профилем производства. С 1985 г. преобразована в колонию усиленного режима для несовершеннолетних осуждённых, не раз преступавших закон. С 2001 г., в связи с отменой видов режимов в воспитательных колониях, здесь стали отбывать наказание несовершеннолетние за все виды преступлений, в том числе и впервые осуждённые. Наконец, в июне 2011 г. воспитательная колония была перепрофилирована в женскую исправительную колонию № 2 общего режима¹⁸¹, которая и занимает комплекс бывшего монастыря до настоящего времени.

С изменением характера взаимоотношений с Церковью в современном Российском государстве, выстраиванием диалога и сотрудничества между ними в решении общих задач религиозные структуры вернулись на территорию обители. В 1998 г. на втором этаже бывшего Казанского собора, перестроенного под общежитие № 3 и швейных цех, открылась молитвенная комната в честь вмч. Анастасии Узорешительницы – покровительницы заключённых, облегчающей их страдания. С конца 1990-х годов под руководством благочинного Леонида Антипова (ныне епископа Бузулукского Алексия) и настоятеля Спасо-Преображенского храма г. Бузулука игумена Виталия (Климова) началось восстановление изначальных пещер монастыря. Была обнаружена и освобождена от мусора 12-метровая шахта, обложенная кирпичом с проёмами для крепления винтовой лестницы, ведущей под землю. Следом расчищены около 200 метров коридоров, частично возобновлена порушенная кладка стен,

¹⁸¹ Кригер Н. В. История и современность Бузулукской исправительной колонии // Молодой учёный. – 2015. – № 11 (91). – С. 118–120.

проведено электричество. В пещерах найдены 2 кельи, пространство под часовню, фрагменты строительных инструментов и осветительных приборов, массивный параманный крест, выкованный из железа и принадлежавший одному из подвижников¹⁸². В 2008 г. у подножия горы, на роднике отстроена заново уже кирпичная часовня в честь иконы Божьей Матери «Живоносный источник». А 5 августа 2012 г. епископом Бузулукским и Сорочинским Алексием (Антиповым) был освящён храм в честь иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость», построенный по проекту архитектора Г.П. Чистякова из кирпича на месте разрушенного деревянного, над входом в пещеры.

Восстановленные святыни Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря снова пользуются большой популярностью среди православных паломников со всего Оренбургского края и других регионов России, которые охотно посещают местные пещеры и целебный источник.

¹⁸² Кольчев С. В. Спасо-Преображенский Бузулукский мужской монастырь // Ведомости Оренбургской митрополии. – 2014. – № 12 (190). – С. 36.

ОРЕНБУРГСКИЙ УСПЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Истоки становления крупнейшей и богатейшей обители региона восходят к 1854 г., когда при Покровской церкви губернского центра сложилась небольшая община келейниц под руководством казачьей вдовы **Татьяны Алексеевны Кононовой**, урождённой Амарцевой. Её основательница родилась 10 января 1805 г. в семье оренбургских казаков Алексея и Матрёны Амарцевых. С юных лет девочка много читала духовной литературы и решила стать монахиней. Но в 16 лет родители выдали её замуж за казака Якова Кононова. Через 9 месяцев после свадьбы супруг заболел и умер, и Татьяна осталась вдовой. С благословения родителей в 1821 г. Татьяна Кононова отправилась на богомолье в Иерусалим ко Гробу Господню, где прожила ровно год. На обратном пути она посетила Киевский Свято-Вознесенский Флоровский женский монастырь и побывала в Сарове у преподобного Серафима (в миру Прохора Исидоровича Мошнина) (1754–1833). Эта встреча надолго ей запомнилась. Тогда показались загадочными и непонятными слова старца: «Иди, куда идёшь, и живи, как жила раньше. И вон, где ждёт тебя твоя община!». Вручив посох, прозорливец указал ей рукой вдаль. Вернувшись домой, девушка объявила родителям о своем желании удалиться от мира¹⁸³.

Вместе с ней десяток богомольных женщин, вдов и девиц, поселились в частном доме неподалёку от оренбургской Покровской церкви, в которой несли различные послушания: читали Псалтирь, пели на клиросе, поддерживали чистоту и порядок в храме. Они пользовались покровительством зажиточной семьи оренбургских купцов Деевых, состоявших прихожанами Покровского храма. Глава династии Николай Михайлович Деев предложил сёстрам-келейницам организовать монашескую общину.

По его ходатайству 4 января 1863 г. Городское Управление выделило 10 десятин (10,9 га) земли под устройство женской обители, рядом со старейшим христианским кладбищем Оренбурга, в северо-восточной части Конно-Сенной площади. На участке, обнесённом деревянным забором, для прокормления сестёр был заведён огород и поставлена саманная сторожка со складом инвентаря. В 1863–1864 гг. на средства купцов Деевых здесь был построен первый 2-этажный полукаменный жилой корпус общины, по цвету отделки получивший название «Белого». Он был рассчитан на 36 келий, каждая из которых состояла из двух комнат, жилой и бытовой, где располагалась небольшая кухня с печкой и плитой для приготовления пищи.

На базе этих владений указом Св. Синода от 17 февраля 1866 г. была официально учреждена Оренбургская женская община. А 11 апреля того же года её начальницей была назначена Татьяна Алексеевна Кононова, которая 9 августа 1867 г. пострижена в монашество с именем **Таисия I**¹⁸⁴.

¹⁸³ Потапова А.Н., Алиева Р.У. Игуменья Таисия – основательница Оренбургского Успенского женского монастыря // Религиозное многообразие Уральского региона. Мат. Всеросс. науч.-практ. конф. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – С. 65.

¹⁸⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4685. Л. 103 об. – 104.

По отсутствию собственного храма первые насельницы общины посещали для богослужений расположенную поблизости кладбищенскую церковь во имя Смоленской иконы Божьей Матери. Но с учреждением общины в 1866 г. к юго-западному углу «белого» корпуса начал пристраиваться небольшой каменный храм, который был освящён 18 июля 1868 г. в честь святителя и чудотворца Николая Мирликийского. По нему и сама женская община в Оренбурге первоначально именовалась Николаевской.

В том же 1868 г. епископом Оренбургским и Уральским Митрофаном (в миру Марком Алексеевичем Вицинским) (1807–1887) была совершена закладка в обители грандиозного Успенского собора по проекту известного архитектора, академика К.А. Тона (1794–1881)¹⁸⁵.

В 1870 г. на Главной рыночной площади г. Оренбурга общиной была также заведена часовня для увеличения поступлений за счёт сбора пожертвований, платы за духовные требы и продажи просфор.

Средства были необходимы не только на поддержание самих сестёр, но и нуждающихся. Для девочек бедного состояния в марте 1870 г. при общине была открыта школа грамоты, в которой преподавались Закон Божий, церковно-славянский и русский языки, арифметика и рукоделие. В сентябре 1891 г. она была преобразована в одноклассную церковно-приходскую школу¹⁸⁶. Если в 1870 г. при открытии здесь обучалось 25 воспитанниц, то в 1900 г. – 65, а в 1910 г. – уже 113.

С учётом роста обители и её духовно-нравственного влияния на окрестное население указом Св. Синода от 28 сентября 1872 г. Оренбургская Николаевская община была преобразована в Успенский общежительный женский монастырь. А 24 февраля 1874 г. его настоятельница Таисия I возведена в сан игуменьи оренбургским епископом Митрофаном¹⁸⁷. К 1875 г. вместе с ней в монастыре проживали уже 104 женщины (1 игуменья, 15 манатейных и 15 рясофорных монахинь, 18 указных и 55 неуказных послушниц)¹⁸⁸.

К. А. Тон

¹⁸⁵ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 30. Л. 36.

¹⁸⁶ Попов В. Одноклассная женская церковно-приходская школа при Оренбургском женском Успенском монастыре // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1896. – № 10. – 15 мая. – С. 302–313.

¹⁸⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4685. Л. 103 об. – 104.

¹⁸⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 2. Д. 3622. Л. 109 об. – 110.

Рост числа насельниц и повышение статуса обители объективно требовали завершения строительства соответствующего им соборного храма, который был окончен только в 1881 г. Главный каменный храм обители во имя Успения Пресвятой Богородицы был 5-главым и 2-этажным. На его нижнем тёплом уровне имелось три престола: главный – в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня, правый придел – в честь Казанской иконы Божией Матери и левый придел – в честь святого пророка Илии. На втором холодном этаже главный престол был посвящён Успению Пресвятой Богородицы, правый – свт. Николаю Чудотворцу и левый – великомученику Пантелеимону.

Оренбургский Успенский монастырь

В Успенском соборе монастыря хранились чтимые святыни, которые привлекали сюда многочисленных богомольцев. Главной из них была Иверская икона Божьей Матери, написанная в Русской Пантелеимоновской обители на Святой горе Афон и присланная в дар девицей Анной Суркиной 23 мая 1874 г.¹⁸⁹. Считалось, что во время страшного городского пожара, опустошившего Оренбург 16 апреля 1879 г., именно этот образ сохранил монастырь от истребления огнём. Поэтому еженедельно, по субботам после литургии перед иконой читался особый акафист в благодарность Царице Небесной за спасение монастыря.

¹⁸⁹ ГАОО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 69. Л. 3.

Рядом с образом в специальном ковчеге хранились частицы Древа Животворящего Креста Господня, а также мощей преподобномучеников афонских Евфимия (ум. 1814), Игнатия (ум. 1814) и Акакия (ум. 1816). Они были подарены Успенской обители в 1874 г. настоятелем Русского Пантелеимоновского монастыря на Святой горе архимандритом Макарием (Сушкиным) (1820–1889) и присланы землякам стараниями оренбуржца, афонского монаха Паисия (в миру Василия Филипповича Балабанова) (1834–1906).

Помимо названных святынь, в главном храме Оренбургского Успенского женского монастыря также располагался иконостас, полностью написанный иноками Святой горы Афонской в 1879–1881 гг. на средства благотворительницы, купеческой вдовы Анастасии Фёдоровны Введенской, решившей по смерти мужа и сына поступить в эту обитель¹⁹⁰.

Ежегодно из Оренбургского Успенского монастыря совершались крестные ходы: 6 января, в Преполовление и 1 августа – на колодец, в пятницу Пасхи – к часовне во имя «Живоносного источника» на городском рынке, 15 августа – кругом обители и 12 сентября, в день принесения сюда Табынской иконы Божией Матери – покровительницы Оренбургского края¹⁹¹.

Литургия в монастыре совершалась ежедневно: летом – на холодном верхнем этаже собора, а зимой – в тёплом нижнем. К церковным службам в будни являлись только старшие сестры, а остальные несли разного рода послушания и потому не всегда могли присутствовать в храме. К праздникам же на службу являлись все находящиеся в монастыре сестры¹⁹².

Кроме церковных служб ежедневно в 10 часов вечера совершалось вечернее правило, которое дополнялось чтением монастырского синодика. Большинство сестёр вычитывали утреннее и вечернее правила в собственных кельях¹⁹³.

Для обеспечения растущего числа молитвенниц жилыми помещениями в 1881 г. на монастырской усадьбе был сложен из кирпича второй 2-этажный келейный корпус, получивший название «Красного». Его нижний этаж заняли просфорная, свечное заведение и училище для девочек, а наверху расположились 14 келий и мастерские.

¹⁹⁰ М. Р. Торжество освящения главного предела в честь Успения Богоматери, в Оренбургском женском монастыре // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1881. – 15 октября. – № 20. – С. 739–741.

¹⁹¹ Православные монастыри Российской империи / сост. Л.И. Денисов. – М.: Издание А.Д. Ступина, 1908. – С. 625.

¹⁹² ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л.132.

¹⁹³ ГАОО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 89. Л. 3.

В 1885–1887 гг. рядом с Успенским собором поднялась на 46,6 м каменная колокольня по проекту архитектора Ф. Д. Маркелова¹⁹⁴. 3 июля 1888 г. на неё были подняты колокола¹⁹⁵. На первом ярусе колокольни были устроены Святые врата, сквозь которые звонницу в 1889 г. соединили с храмом крытым коридором. Врата были украшены живописными образами преподобных Антония и Феодосия Печерских, архистратига Михаила и святителя Николая.

В 1890 г. в монастырь проведён водопровод, а вокруг храма и келий разведены сады¹⁹⁶.

Ф. Д. Маркелов —

Игуменья Таусия I (Кононова) —

В 1891 г. возле проездных ворот на юго-западном углу усадьбы поставлен игуменский дом, в котором помимо покоев настоятельницы размещались монастырский архив и библиотека. Домик был обнесён деревянным палисадником с устроенными в нём цветочными клумбами.

В том же 1891 г. при обители был организован приют для сирот. Его возникновение было связано с неурожаем, охватившим осенью 17 губерний Российской империи в Черноземье, Среднем Поволжье и на Урале, вследствие чего в Оренбургском крае число голодающих, не имевших никаких средств на пропитание, дошло до 75000 человек. По свидетельству современника, беднейшее население губернии терпело крайнюю нужду, в городе Оренбурге дома для неимущих были переполнены бедствующими, среди которых было немало «людей нравственно испорченных». И среди них находилось много малолетних детей, на восприимчивые молодые натуры которых, особенно на девочек, это совместное жительство оказывало пагубное влияние. Видя такое положение бедных малюток, председатель Комитета по призрению неимущих г. Оренбурга вице-губернатор Асин-

¹⁹⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4685. Л. 103 об. – 104.

¹⁹⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4289. Л. 139 об.

¹⁹⁶ Оренбургский листок. – 1891. – 9 марта.

крит Асинкритович Ломачевский (1848–1921) и городской голова Степан Иванович Назаров (ум. 1905) решили приютить сырых девочек в отдельном помещении, где воспитать их и дать возможность быть полезными, а не вредными членами общества. К этой мысли чрезвычайно сочувственно отнёсся и местный епископ Макарий (Троицкий) (1830–1906). По его благословению Оренбургская Успенская обитель безвозмездно уступила находящийся в монастырской ограде вместительный деревянный флигель с хозяйственными службами под устройство приюта для девочек-сирот, учреждаемого в память чудесного спасения царской семьи во время крушения поезда на станции Борки 17 октября 1888 г. Прилегающий к дому небольшой участок в 30 кв. саженей (137 кв. м.) обнесли решётчатой оградой, провели туда водопровод и разбили садик, где благодаря обильному поливу скоро поднялись тополя, ягодные кусты и овощи. А для обеспечения растущих детей свежими молочными продуктами были выделены 2 коровы.

Средства на устройство приюта были собраны городским головой Оренбурга С. И. Назаровым по подписке среди отзывчивых жителей. Под своё покровительство заведение приняла супруга оренбургского купца Ольга Николаевна Савинкова (ум. 1915), а её ревностным помощником в этом добром начинании стал оренбургский купец Михаил Иванович Рыжков.

Подготовленный совместными усилиями приют был торжественно открыт 1 октября 1891 г., в праздник Покрова. Первоначально в него были приняты на воспитание 32 девочки. Затем их состав пополнился детьми, потерявшими родителей в холерную эпидемию 1892 г. К 1900 г. в монастырском приюте получали кров, еду и надлежащее воспитание уже 40 девочек в возрасте от 4 до 17 лет⁸. А к 1915 г. их число выросло до 100 человек⁹.

Целью сиротского приюта было дать девочкам, оставшимся без родительского присмотра и наставления, хорошее религиозно-нравственное воспитание и элементарное образование, научить ведению домашнего хозяйства, рукоделиям и ремёслам, чтобы по достижении совершеннолетия они смогли самостоятельно зарабатывать средства пропитания, поступить в услужение или выйти замуж. Воспитание детей игуменья Успенской обители Иннокентия (Подковырова) (1841–1913) поручила двум послушницам под руководством опытной монахини Филареты.

В первый год существования приюта девочки осваивали рукоделия непосредственно в монастырских мастерских: белошвейной, ризной и др., где обучались шитью, вышиванию крестиком и гладью, вязанию крючком и иглами. Но затем по настоянию попечителей занятия были перенесены в само здание приюта, причём главное внимание обращено на шитьё простой одежды и белья, необходимых в повседневной жизни. В 1895 г. купцом М.И. Рыжковым была приглашена в приют особая швея из светских, которая стала обучать детей кройке и шитью платьев. Под руководством монастырских мастериц девочки достигли таких успехов, что уже в 1896 г. профессионально изготавливали бельё для городской больницы и двух богаделен.

Помимо освоения ремёсел, все воспитанницы приюта соответствующего возраста бесплатно обучались в монастырской церковно-приходской школе. Например, в 1905 г. из их числа 15 девочек постигали в ней чтение, письмо, Закон Божий и церковное пение¹⁰.

Под руководством регентши Успенской обители монахини Манефы был образован хор из 23 сирот, который отличался стройным и умелым пением. Он сопровождал богослужения во временном Казанско-Богородицком соборе г. Оренбурга, а после окончания постройки и освящения нового кафедрального храма первую половину 1896 г. заменял в нём мужской хор.

Представление о распорядке жизни приюта даёт уникальное свидетельство современника: «Время дня у девочек распределяется таким образом: в 6 часов утра девочки встают и собираются в одной из спален на молитву. Молитва совершается пред зажжённой лампадкой. Некоторые молитвы девочками поются, другие читаются. В 8 часов девочкам даётся чай с хлебом. После чаю одни остаются дома – работают (старшие) или играют (маленькие), другие идут в школу. Старшие девочки сами убирают комнаты, свои постели и постели младших, топят печи, готовят кушанье, моют полы, шьют бельё, моют, гладят его. По окончании уроков в школе, в 1 час дня, девочки обедают. Пред обедом и после него поют положенные молитвы. За обедом более взрослые по очереди подают кушанье, прислуживают, по окончании обеда убирают стол, моют и чистят посуду. Время послеобеденное проходит в отдыхе (развлечениях), рукодельных работах, занятиях в садике (весной и летом), приготовлении уроков (школьниц) и спевках. Около 4 часов бывает вечерний чай; в 8 часов дети ужинают, в 9, после вечерних молитв, ложатся спать. Чрез 2 недели для них положена баня, находящаяся в монастыре»¹¹.

По достижении 17 лет девушек выпускали из приюта во взрослую жизнь, причём судьба их складывалась по-разному. Так, за 1896–1899 гг. было выпущено 18 воспитанниц, из которых 13 девушек вышли замуж, 1 переехала к родственникам и 4 решили остаться в обители уже как послушницы, проникнувшись любовью к монастырскому уединению и служению Богу¹².

Характеризуя воспитанниц, современник заключал, что «внешний вид девочек, их скромное поведение производят приятное впечатление и ни у одного из жителей г. Оренбурга вызывают искреннюю благодарность Комитету по призрению неимущих и женскому монастырю».

После упразднения этого временного Комитета заведование содержанием приюта взял на себя особый комитет из числа оренбургского купечества. Его почётной попечительницей и ближайшей помощницей М.И. Рыжкова стала жена оренбургского купца Ираида Александровна Зарывнова, которая не только сама обеспечивала сирот щедрыми пожертвованиями, но и привлекла к этой поддержке широкий круг своих знакомых. А в начале XX столетия двух попечителей во главе комитета сменил купец Т.О. Шевченко.

Средства на содержание приюта поступали за счёт:

- ежегодного самообложения Оренбургского купеческого общества по 20 руб. с каждого свидетельства 1-й и по 5 руб. со 2-й гильдии;
- доходов от часовни во имя св. Осии, устроенной торговцами на Главной рыночной площади города в память чудесного спасения царской семьи при железнодорожной катастрофе на станции Борки 17 октября 1888 г.;
- разовых добровольных пожертвований;
- организации благотворительных концертов и других мероприятий.

Подняв на бывшем городском пустыре обширный монастырь с великолепными храмами, мастерскими и социальными учреждениями, садами и цветниками, игуменья Таисия I скончалась в пятницу первой недели Великого поста, 8 марта 1891 г. в 14.30, на 85-м году жизни «от старческого и подвижнического изнеможения». «Игуменья Таисия сподобилась, наконец, увидеть своё праведное дело законченным, окрепшим и, подражая св. Симеону, спокойно сказала: «Ныне отпускаеши рабу твою с миром», – сказала она и тихо умерла, окруженная сотнями искренно преданных ей сердец». Погребение всеми горячо любимой и уважаемой матушки совершил 12 марта лично епископ Оренбургский и Уральский Макарий (в миру Макарий Трифионович Троицкий) (1830–1906) в присутствии оренбургского губернатора, начальника военного штаба, губернского предводителя дворянства, заступающего место городского головы, духовенства, почётного купечества и многочисленного простого народа. Похоронена она была в построенном ею Успенском соборе монастыря, в склепе у первого алтаря, близ южной стены»¹⁹⁷.

Её преемницей стала ближайшая помощница в делах казначея **Магдалина**. Она родилась в 1826 г. в семье мещан г. Оренбурга. 2 апреля 1872 г. была пострижена в монашество. 10 ноября 1883 г. назначена казначеей Оренбургского Успенского женского монастыря. За усердную службу на этом посту удостоена благословения Св. Синода¹⁹⁸. В 1891 г. возглавила обитель, но срок её настоятельства оказался очень коротким. Уже 1 апреля 1892 г. она умерла от грудного рака, а 4 апреля была погребена в главном храме монастыря в одном склепе с игуменьей Таисией¹⁹⁹.

После её смерти у руля обители встала ещё одна верная соратница основательницы, бывшая при ней экономкой, монахиня **Иннокентия** (в миру Агафия Семёновна Подковырова). Она родилась 12 февраля 1841 г. в г. Оренбурге, в семье местных мещан Семёна и Анастасии Подковыровых. Была пятым ребёнком у родителей, когда отца забрали в армию, где он заболел и умер. Поэтому в многодетной семье вдовы она рано извела нужду и тяжёлый труд, выезжая в деревню на полевые ра-

¹⁹⁷ Оренбургский листок. – 1891. – 9 марта.

¹⁹⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4685. Л. 105 об. – 106.

¹⁹⁹ Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1892. – 15 апреля. – № 8. – С. 235.

боты. В то же время её мать старалась воспитывать детей в строгой морали и христианском духе, посвящая вечера в кругу семьи чтению житий святых. Это способствовало формированию у Агафьи с юных лет сильного религиозного настроения. И поэтому, когда пришло время, она наотрез отказалась выходить замуж, желая посвятить свою жизнь служению Богу. Вместо брака девица уговорила мать в 17 лет отпустить её со знакомыми на поклонение святым угодникам в Киев. Там Агафья прожила целый год, работая в одной из женских обителей и усердно посещая монастырские службы. Здесь окончательно созрело её желание удалиться от мира. Вернувшись из богомолья, она выучилась грамоте, чтобы самостоятельно читать религиозную литературу. А через 3 года снова отправилась паломницей в Киев, где хотела остаться навсегда в тихом монастыре. Но некий старец направил её обратно на родину и, благословляя, дал ей посох и большой кусок сахара, сказав при этом: «возьми это, у тебя много будет детей, сахаром будешь кормить и посохом учить». При организации женской общины в г. Оренбурге Агафия Подковырова одной из первых поступила в неё 2 июля 1865 г. Обладая от природы большой физической силой, она обратила на себя внимание начальницы также исключительным трудолюбием и добросовестностью. 25 мая 1866 г. матушка назначила ей послушание экономки по постройке церкви и других зданий. На этом поприще Агафия развернула свои богатые от природы силы. С раннего утра экономка бывала уже на своём посту: уезжала на лесную пристань, принимала материалы, рассчитывала подённых. После 6-летнего подготовительного искуса 23 декабря 1872 г. она была облечена в рясофор. Затем с 25 октября 1873 г. до 18 июля 1876 г. находилась в сборе средств на сооружение Успенского собора монастыря по различным городам Сибири вплоть до Иркутска. По возвращении со 2 января 1877 г. снова была назначена экономкой и помощницей казначеи по постройке монастырских зданий. 16 ноября 1881 г. архимандритом Самуилом (Зубаревским) пострижена в мантию. 18 июня 1891 г. назначена казначеей. После смерти настоятельницы Магдалины Самарская духовная консистория указом от 27/28 апреля 1891 г. поручила ей временное управление монастырём. А указом Св. Синода от 7 августа 1892 г. она была утверждена в должности настоятельницы с возведением в сан игуменьи, которое совершено епископом Макарием 15 августа. За неусыпные

Игуменья Иннокентия (Подковырова)

труды на пользу обители 18 ноября 1893 г. ей выражено архипастырское благословение. А 19 сентября 1894 г. она дополнительно определена попечительницей монастырской церковно-приходской школы²⁰⁰.

Если игуменья Таисия I осталась в летописи монастыря как его основательница, то матушка Иннокентия прославилась как его главная строительница, и в бытность экономкой, и собственными широкомасштабными работами на посту настоятельницы.

Оренбургский Успенский монастырь

При ней на втором ярусе монастырской колокольни был устроен и 19 сентября 1893 г. освящён храм во имя Иверской иконы Божьей Матери по обету сестёр в память чудесного избавления обители от пожара 1879 г. Стены небольшой церкви были выкрашены масляной краской и расписаны самими инокинями под руководством художника-передвижника оренбуржца Лукиана Васильевича Попова (1873–1913). На звонницу 16 ноября 1896 г. при большом стечении благочестивых горожан и просто любопытных был поднят новый благовест весом 262 пуда 30 фунтов (4 тонны 304 кг), пожертвованный оренбургским купцом Петром Михайловичем Деевым²⁰¹.

В 1897 г. для значительно умножившегося числа насельниц построено из камня отдельное просторное 2-этажное здание трапезной. На первом полуподвальном этаже размещались пекарня, квасоварка и кладовые

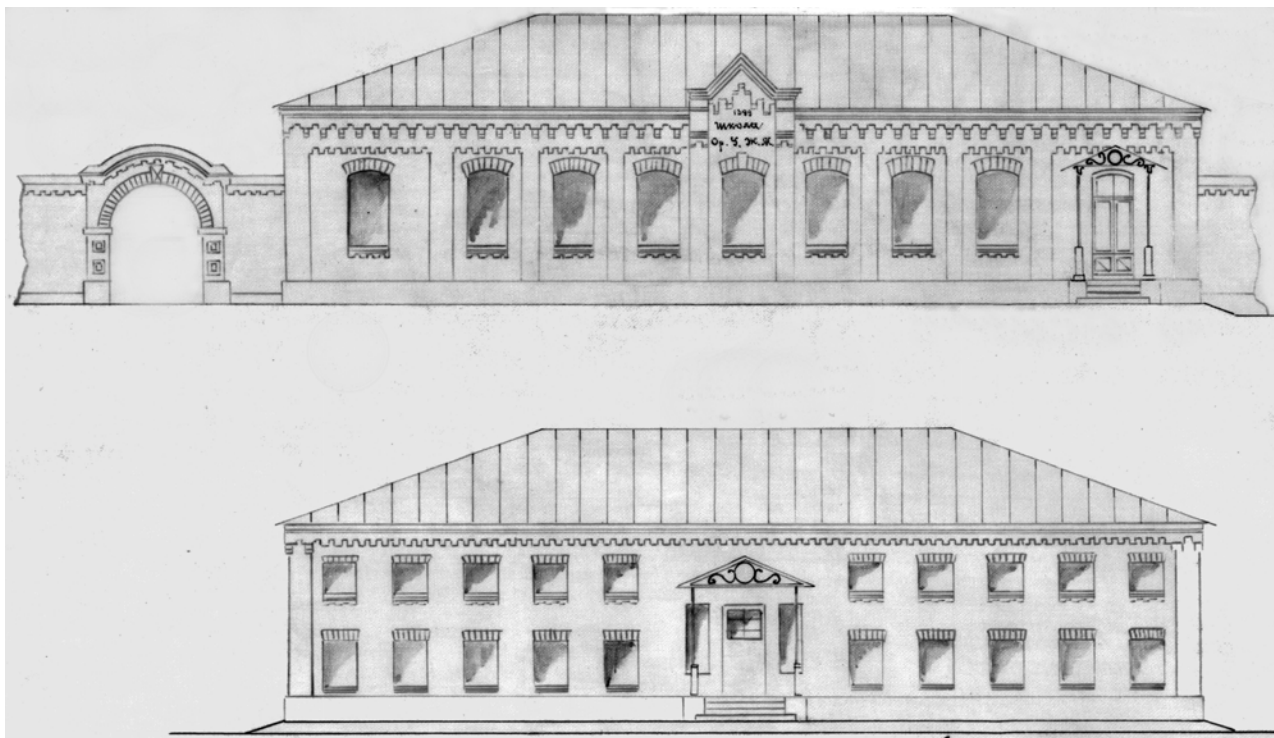
²⁰⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 240–243; Сысуев П., прот. Памяти Настоятельницы Оренбургского Успенского женского монастыря, Игумении Иннокентии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1913. – 10 июня. – № 21–22. – С. 463–470; № 23–24. – С. 491–503.

²⁰¹ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 241. Л. 24.

для припасов, а на втором уровне находился огромный зал столовой со сводчатыми потолками, кухня и подсобные помещения для посуды. Всё внутреннее пространство трапезной сёстры сами расписали узорами и орнаментами в древнерусском стиле. Однако на общую трапезу монахини обязательно собирались только раз в год – в 1-й день Пасхи для разговения. Устраивались в столовой и поминальные обеды по заказам горожан. Во время таких встреч за едой читались вслух жития святых. В остальное же время сёстры получали хлеб, супы и каши в свои кельи, где при печах имелись особые плитки – «таганки» для подогрева пищи²⁰². Рядом со зданием трапезной были заведены каменные амбары с погребами для хранения продуктов.

В 1899 г. завершено строительство вокруг всего монастыря каменной ограды высотой 1 сажень 2 аршина (3,56 м), в которой устроены 2 новых ворот с часовней, а по углам поставлены 4 башни высотой 3 сажени (6,40 м). Главные проездные ворота монастыря с двумя калитками по бокам располагались с правой стороны колокольни. Над проездными воротами в сводчатую нишу был установлен написанный сёстрами монастыря большой образ Спасителя с предстоящими Богородицею и Иоанном Крестителем, а над калитками установлены иконы Благовещения и Введения во храм Пресвятой Богородицы. В 1899 г. на главках двух других ворот установлены чугунные кресты, вызолоченными мастерицами из числа самих насельниц.

*Проект нового здания церковно-приходской школы
при Оренбургском Успенском женском монастыре. 1899 г.*

²⁰² ГАОО. Ф. 174. Оп. 4. Д. 6318. Л. 141 об.

В 1900 г. для монастырской церковно-приходской школы было построено отдельное каменное здание с паровым отоплением на 1300 руб., пожертвованные дочерью полковника Е.О. Новгородцевой.

В 1903 г. на юго-восточной стороне усадьбы окончен скотный двор с конюшнями, каретником, коровником, двумя флигелями для лошадиц и коровниц, колодцем и амбаром для хранения инвентаря и кормовых запасов.

В 1904 г. выстроен отдельный дом для монастырской больницы из двух комнат для больных и квартир для ухаживающих сестёр. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. здесь находились на излечении 10 раненых и больных воинов.

В 1906 г. на монастырской колокольне были установлены башенные часы на средства иеромонаха Дмитровского Борисоглебского мужского монастыря Московской епархии отца Виталия.

Для размещения монастырских мастерских в 1907 г. был возведён из кирпича отдельный 2-этажный корпус, получивший название «Нового». Он был оборудован паровым отоплением, водопроводом и электричеством. В северо-восточной части монастыря соорудили также особый деревянный корпус для пуховых мастерских.

К 1910 г. в стенах Оренбургского Успенского женского монастыря действовали 19 разнообразных мастерских, где работали 178 человек: белошвейная, модного платья, верхней тёплой одежды, чулочная, сапожно-башмачная, чистки пуховых платков, одеяльная, ковровая, шитья гладью, золотом, риз, живописная, промывки иконостасов, чеканная, серебрения, позолотная, малярная, цветочная и переплётная.

Монахини в мастерских Оренбургского Успенского монастыря

Монахини в мастерских Оренбургского Успенского монастыря

На небывалую высоту игуменья Иннокентия подняла и сельское хозяйство монастыря, которое прежде влачило жалкое существование. При ней Успенский женский монастырь стал богатейшим в Оренбургском крае. За счёт пожертвований благотворителей и покупки он сосредоточил в своих руках 7 земельных участков общей площадью 3486 десятин 1660 кв. саженей (3809,2 га). Главной житницей обители стал монастырский хутор на р. Каргалке, в 35 верстах от города (ныне с. Бродецкое Оренбургского района). В 1910 г. тут засеивалось 200 десятин пшеницы, ржи, ярицы, гречихи, овса, ячменя, проса, гороха, конопли и льна. Под огородом находилось ещё 15 десятин картофеля, капусты, лука, огурцов, свеклы, моркови, помидоров, редьки, чеснока. Имелся фруктово-ягодный сад из яблонь, вишни, малины, смородины и клубники. Насчитывалось 169 голов крупного рогатого скота, 113 лошадей, 156 овец, 178 кур, уток и гусей, 10 ульев пчёл. Поскольку ежегодно на летние полевые работы сюда выезжало более 100 сестёр, в 1901–1904 гг. на монастырском хуторе был открыт отдельный деревянный храм во имя Архистратига Божия Михаила. В 1909 г. заведена водяная мельница о 2-х поставах. Имелась просообдирка. В самой обители действовал свечной завод и крупное пекарное производство, обеспечивавшее просфорами все городские церкви.

Росту доходов и посещаемости обители способствовало её близкое соседство с главным христианским кладбищем г. Оренбурга. Родственники погребённых там заказывали в монастырском храме годовые и вечные поминовения, чтение Псалтири, сорокоусты. На территории обители было и собственное кладбище, где за особую плату хоронили именитых горожан. Здесь покоились оренбургские губернаторы Г.И. Зенгбуш (1823–1878), М.И. Астафьев (1821–1884), городской голова Н.В. Ладыгин (?–1875), генералы Г.В. Карманов (1827–1906), С.И. Мясоедов (1827–1879), И.В. Чернов (1825–1902) и др.

К 1910 г. общие доходы монастыря составили 24579 руб. 1 коп. Кроме того, он владел неприкосновенными капиталами на помин души в ценных бумагах на общую сумму ещё в 44333 руб. 83 коп.²⁰³. К этому времени постройки монастыря оценивались в 750 тыс. руб.

Самым внушительным в крае монастырь был и по численности своей общины. Если в 1895 г. здесь проживало 320 человек (1 настоятельница, 51 манатейная монахиня, 1 рясофорная, 23 указных и 244 неуказных послушниц), а в 1900 г. – 389 женщин (1 настоятельница, 63 монахини, 13 указных послушниц и 312 на временном испытании), то в 1910 г. – уже 481 насельница (78 монахинь, 10 указных послушниц и 393 неуказных)²⁰⁴.

²⁰³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 138–164 об.

²⁰⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 236–237; Оп. 3. Д. 5747. Л. 11 об. – 12; Оп. 4. Д. 6318. Л. 142.

Приведя монастырь к наивысшей точке расцвета, его настоятельница игуменья Иннокентия тихо почил в Бозе 4 апреля 1913 г., в 9 часов 40 минут утра после продолжительной болезни²⁰⁵.

На её место 15 мая 1913 г. сестры избрали из своей среды монахиню **Таисию II** (в миру Татьяну Ильиничну Смирнову)²⁰⁶. Она родилась в 1861 г. в семье казаков пос. Изобильного Буранной станицы Оренбургского казачьего войска (ныне Соль-Илецкого района Оренбургской области) Ильи Евсеевича и Февронии Смирновых. В 1877 г. поступила в Оренбургский Успенский женский монастырь. Сначала несла послушание на монастырском хуторе у р. Каргалы, а затем была переведена в обитель, где занималась выпечкой просфор. В 1895 г. как одну из лучших и наиболее грамотных послушниц её направили в Москву на обучение в Общину Красного Креста. Получив там звание сестры милосердия, по возвращении заведовала монастырской больницей и аптекой. Ухаживая за больными сёстрами, заслужила всеобщую любовь и уважение. В 1904 г. приняла монашеский постриг. По выбору сестёр указом Св. Синода от 27 июня 1913 г. № 10004 утверждена в должности настоятельницы Оренбургского Успенского женского монастыря с возведением в сан игуменьи²⁰⁷. Посвящена в него 7 июля 1913 г. епископом Челябинским Дионисием (в миру Павлом Ивановичем Сосновским) (1859–1918) за литургией в главном соборе монастыря²⁰⁸.

Игуменья Таисия II (Смирнова) —

²⁰⁵ Сысуев П., прот. Памяти Настоятельницы Оренбургского Успенского женского монастыря, Игумении Иннокентии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1913. – 10 июня. – № 21–22. – С. 463.

²⁰⁶ Епархиальная хроника. Избрание Настоятельницы Оренбургского Успенского женского монастыря // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1913. – 10 июня. – № 21–22. – С. 485–486.

²⁰⁷ Оренбургские епархиальные ведомости. – 1913. – 19 июля. – № 27–28. – С. 243.

²⁰⁸ Епархиальная хроника. Архиерейские служения в мае, июне и июле месяцах // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1913. – 17 августа. – № 31–32. – С. 627.

При ней в обители больше не велось широкого строительства. Причиной этому стала полоса тяжких испытаний, в которую вступил монастырь с началом Первой мировой войны. Следуя христианским идеалам любви и сострадания, с первых же дней боевых действий монашеская община обратила свои ресурсы на помощь нуждающимся. Уже 1 сентября 1914 г. открылся монастырский лазарет на 10 коек для раненых и больных воинов, а 16 октября 1916 г. в стенах обители разместился и епархиальный лазарет на 30 мест. В сентябре 1915 г. Успенский монастырь приютил в своих стенах 132 человека, бежавших от германских войск из западных губерний страны. Для обеспечения неимущих заработком здесь была организована сапожная мастерская со школой, где обучались ремеслу 20 детей беженцев. В июле-сентябре 1916 г. монастырь оборудовал в своей церковно-приходской школе ещё один лазарет на 40 коек, который был освящён 16 октября.

Оренбургский Успенский монастырь

Новые тяготы принесла революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война.

В 1923 г. Оренбургский Успенский женский монастырь был закрыт. Его последняя настоятельница, игуменья Таисия II (Смирнова) уехала на родину в пос. Изобильный, где скончалась в феврале 1930 г., но похоронена была в Оренбурге на старом городском кладбище.

Территории же обители заняли медтехникум, школа, производственные мастерские и другие учреждения. В 1926 г. здания бывшего монастыря были переданы для проживания семей лётчиков военной школы воздушного боя и бомбометания.

Несмотря на это, главный Успенский собор монастыря продолжал действовать уже как приходской до 1928 г., когда также был ликвидирован.

Все храмовые постройки, включая каменную ограду с башнями, были разобраны. Разорены фамильные склепы, скрыты все могилы кладбища, на которых долгое время стояли машины воинской части. В разных концах территории выстроены новые производственные и жилые здания. В 1930-х годах здание Успенского собора было полностью снесено, а на фундаменте его колокольни поставлена силовая подстанция. Впоследствии на части территории монастыря расположилась воинская часть № 74033, а трапезный и монашеские корпуса были отданы под частное жильё.

Игуменья Таисия II (Смирнова) —

В 1998 г., в связи с началом строительства многоэтажного жилого дома по ул. Аксакова в юго-восточном углу бывшего монастыря были уничтожены постройки скотного двора и каменный флигель.

Долгое время территория бывшего монастыря находилась в ведении Министерства обороны. И только после долгих обращений началось возвращение Русской Православной Церкви монастырских помещений. Первой в 2000 г. была передана полуразрушенная водосвятная часовня. 24 мая 2001 г. на её базе был зарегистрирован приход Успения Пресвятой Богородицы. Часовня была переделана в храм, посвящённый иконе Божьей Матери «Живоносный источник», где с 2004 г. стали проводиться молебны. В 2010 г. епархии было передано здание бывшей трапезной, а в 2012 г. – монастырской церковно-приходской школы. Наконец, решением Священного Синода РПЦ от 20–26 декабря 2013 г. было принято решение о возрождении в Оренбурге Успенского женского монастыря²⁰⁹.

²⁰⁹ Сорокина С.Е., Морозова Т.А., Плаксин С.Е. Оренбургский Успенский женский монастырь // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский обл. обществ. благотв. фонд «Совесть», 2014. – С. 358–362.

БУГУРУСЛАНСКИЙ ПОКРОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

В конце 50-х годов XIX в. среди благочестивых жительниц уездного города Бугуруслана возникло стремление к объединению в монашескую общину. В июле 1858 г. вдова из дворян Мария Васильевна Марехина обратилась в Бугурусланскую городскую ратушу с просьбой продать ей пустопорожние дворовые участки под заведение женской обители, но сделка не состоялась. Тогда в дело вступила вдова коллежского советника Елизавета Ермолаевна Ягодинская (в девичестве Пополутова), которая пожертвовала на организацию общины крупную сумму денег²¹⁰. 27 января 1859 г. Ягодинская также купила под размещение обители в 1-й части г. Бугуруслана, в 19-м квартале дворовой участок № 531 по Набережной улице, близ реки Кинель с расположенными там двумя деревянным домами. Родной брат благотворительницы, местный помещик и штаб-ротмистр Дмитрий Ермолаевич Пополутов приобрёл смежное каменное здание дворянского собрания с надворными постройками. Все три дома они пожертвовали на организацию женской общины. Каменное здание было обращено в домовую церковь в честь иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость», а один из деревянных домов за ветхостью разобран с употреблением материалов на постройку жилого флигеля²¹¹.

Создание в Бугуруслане женской общины активно поддержал епископ Самарский и Ставропольский Феофил (в миру Фёдор Иванович Надеждин) (?–1865), который видел в открытии обители средство для противодействия пропаганде и возвращения в лоно Православной Церкви разошедшихся по округе инокинь разгромленных властями старообрядческих скитов на реке Иргиз. По ходатайству архиерея Святейший Синод указом 30 июля 1860 г. № 2970 официально учредил в г. Бугуруслане Покровскую женскую общину. 14 августа 1860 г. в обители после литургии полученный указ был зачитан вслух и совершён благодарственный Богу молебен с коленопреклонением.

Для руководства юной общиной из Самарского Иверского женского монастыря была направлена опытная и благонадёжная сестра **Феоктиста Леонтьева** из дворян. Однако из-за разногласий в обители через полгода она была вынуждена покинуть её и вернуться обратно. Начальницей же общины была определена её основательница **Елизавета Ермолаевна Ягодинская**. Внутреннее положение обители осложнялось тем, что она была не готова посвятить себя иноческой жизни, а хотела жить при общине независимо.

С утверждением общины в 1860 г. был сооружён и настоятельский кор-

²¹⁰ Сладков А.М. Бугурусланский Покровский женский монастырь // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский областной общественный фонд «Совесть», 2014. – С. 326.

²¹¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 11. Л. 1–1 об.

пус. В 1861 г. начальница, видя, что с увеличением числа сестёр и прихожан домовая церковь стала тесной, обратилась с прошением к правящему архиерею позволить ей построить каменный храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Не имея к тому достаточных средств, она также ходатайствовала перед архипастырем о выдаче книг для сбора пожертвований. Постройка храма была дозволена с разрешением сбора на неё средств в Москве, Санкт-Петербурге, Сибири и вообще по всей Российской империи.

Под руководством Ягодинской в 1862 г. строительство церкви началось, но через 2 года она была отстранена от должности из-за внутренних неурядиц. Вместо неё во главе обители была поставлена присланная со стороны, из Самарского Иверского монастыря благоразумная инокиня **Дорофея** (в миру Домника Петровна Зуева). Она родилась в 1821 г. и принадлежала к купеческому сословию. В 1849 г. девицей поступила в Самарскую Иверскую женскую общину, где с того же времени по поручению настоятельницы служила казначеей. 24 июня 1862 г. пострижена там в монашество. С 1863 г. по назначению настоятельницы проходила должность благочинной. 8 августа 1864 г. распоряжением епархиального начальства определена настоятельницей Бугурусланской Покровской женской общины²¹².

При ней в 1864 г. обитель была обнесена оградой на пространстве 90 саженей (192 м) в длину и 60 саженей (128 м) в ширину. С восточной и северной сторон она была каменной высотой 1 3/4 сажени (2,67 м) и шириной 1 аршин (0,71 м), а в западной и южной частях – деревянной. К 1865 г. внутри проживало уже 73 человека²¹³. Для их размещения в том же году к ограде был пристроен деревянный жилой дом с кладовыми, а у врат поставлен ещё один деревянный корпус келий. Тогда же на северо-восточном углу монастырской ограды по благословению епископа Феофила устроена небольшая каменная часовня для сбора пожертвований с проезжающих, но она приносила не более 2 руб. в месяц. Желание материально поддержать бедную общину, не имевшую никакой земли, кроме усадебной, побудило в 1867 г. городское общество Бугуруслана выделить обители в полуверсте (0,5 км) от неё бесплатно 3 десятины (3,3 га), на которых сёстры развели огород с караульной избой, летней прачечной и каменной красильней²¹⁴.

Наконец, в том же году была окончена постройка главного холодного храма общины во имя Покрова Пресвятой Богородицы, который был освящён 9 августа 1867 г. епископом Самарским и Ставропольским Герасимом (в миру Георгием Ивановичем Добросердовым) (1809–1880).

Благоустроив обитель, прекрасно зарекомендовавшая себя инокиня Дорофея вскоре после этого, 28 сентября 1867 г. была переведена на долж-

---

²¹² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 76. Л. 1 об. – 2.

²¹³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 55. Л. 1–4.

²¹⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 462. Л. 7 об.

ность настоятельницы Бузулукского Тихвинского монастыря для устранения уже там произвола и беспорядков. Её преемницей в Бугуруслане стала также присланная со стороны инокиня **Рахиль** (в миру Раиса Гавриловна Тейс). Она родилась в 1830 г. в семье потомственного дворянина, советника Симбирской казённой палаты Г. Н. Тейса. Обучалась в г. Симбирске (ныне Ульяновске) в женском пансионе госпожи Верниковской, а завершила своё образование в доме родителей под руководством гувернантки, окончившей курс в Петербургском патриотическом институте. По предварительному 5-летнему испытанию 4 марта 1859 г. девицей официально поступила послушницей в Свяжский Иоанно-Предтеченский девичий монастырь (в нынешнем с. Свяжск Зеленодольского района Республики Татарстан). Здесь она пользовалась особым доверием игумений Каллисты и Рахили, исполняя по их назначению разнообразные монастырские послушания. 19 мая 1866 г. облечена в рясофор архимандритом Свяжского Богородице-Успенского мужского монастыря Мартирием (в миру Михаилом Семёновичем Горбачёвым) (1801–1873). 17 мая 1867 г. перемещена на должность и. о. настоятельницы в Раковскую Свято-Троицкую женскую общину Самарской епархии (ныне пос. Красный Городок Красноярского района Самарской области). По указу Св. Синода от 4 сентября 1867 г. утверждена настоятельницей Бугурусланской Покровской общины²¹⁵. 21 февраля 1871 г. в Самарском Иверском монастыре пострижена в мантию епископом Самарским Герасимом²¹⁶.

С приходом её к управлению обителью первым делом был перестроен изначальный тёплый каменный храм общины во имя Иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость», освящённый 6 октября 1868 г. В том же году был завершён трапезный корпус. А в следующем 1869-м на территории обители сооружена на каменном фундаменте небольшая деревянная колокольня, крытая железом. На ней были подвешены колокола общим весом около 75 пудов (1 тонны 228 кг). Отдельно на козлах висел колокол в 105 пудов (1 тонну 720 кг), половина средств на который была пожертвована для вечного поминовения умершего купца Николая Косарева.

19 ноября 1870 г. в обители было открыто женское училище на правах школы грамоты, куда первоначально поступила 21 девочка. «Этого числа, после божественной литургии, за которой стояли и будущие ученицы, приведённые своими матерями, местный о. протоиерей со священником общины открыл ход с иконами, при пении «Царю Небесный» в помещение, назначенное под училище. Здесь, в присутствии настоятельницы общины, отслужен был молебен с водоосвящением. Стройное пение клирошанок, вид маленьких молитвенниц – девочек, и в особенности трогательное содержание молебного пения, положенного при начатии учения, невольно располагали

²¹⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 313. Л. 1 об. – 3.

²¹⁶ Добросердов К., свящ. Пострижение двух родных сестёр в мантию и речь, сказанная по сему случаю // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1871. – № 8. – 15 апреля. – С. 169–172.

предстоявших к молитве. По окончании молебна возгласено было многолетие Государю Императору со всей Царской фамилией, Св. Правительствующему Синоду, Благопопечительному Архипастырю ... и начальнице общины с сёстрами. Затем о. протоиерей произнёс ... краткую речь». По её завершении он «окропил святою водою как девочек-учениц, так и самое училищное помещение. Не больше как чрез час после этого, когда присутствовавшие на молебне пили чай у настоятельницы общины, вновь открытое училище получило от Преосвященнейшего Владыки в благословение несколько экземпляров священной истории ... Этим как нельзя лучше и закончилось описываемое нами торжество.

20 числа во вновь открытом училище был первый урок. Учениц (собственно городских) было 15. Большая часть их мещанского сословия, от 8 до 12 лет. С ними вместе выразили желание учиться ещё 6 девочек, того же возраста, из живущих в общине. Учить предположено Славянскому и Русскому чтению, письму, первым действиям Арифметики, Закону Божию и рукоделью»²¹⁷.

Однако дальнейшее развитие общины сдерживала её крайняя бедность и практически полное отсутствие земельных угодий для занятия сельским хозяйством, которое могло бы дать сёстрам средства к пропитанию. Между тем, по законам Российской империи монастыри пользовались правом на государственное пособие в 150 десятин (163,9 га) земли, мельницу и рыбные ловли.

Поэтому для обеспечения обители остро необходимыми средствами её начальница Рахиль 3 января 1871 г. возбудила ходатайство о преобразовании Бугурусланской Покровской женской общины в монастырь с предоставлением ему положенной по закону помощи. По рассмотрении всех обстоятельств 9 августа 1874 г. по докладу обер-прокурора Св. Синода император Александр II изъявил на это своё согласие, о чём и было сообщено самарским епархиальным властям синодальным указом от 11 сентября 1874 г. № 2519²¹⁸.

По преобразовании общины Пресвященнейший Герасим вызвал настоятельницу Рахиль в Самару, где 1 октября 1874 г. в Иверском женском монастыре возвёл её в сан игуменьи со вручением жезла²¹⁹. А 6 октября в Бугуруслане состоялось торжественное открытие собственного монастыря. «Накануне, пред самой всенощной, прибыла из Самары настоятельница обители, произведённая за несколько дней пред этим в звание игуменьи. С нетерпением сёстры обители ожидали свою мать игуменью, с радостью и с подобающим почтением они встретили её. Началось все-

²¹⁷ Об открытии училища для девиц при Бугурусланской женской общине // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1871. – № 2. – 15 января. – С. 43–46.

²¹⁸ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5456. Л. 1–1 об., 14–15.

²¹⁹ Речь при вручении жезла настоятельнице Бугурусланской Покровской общины, монахини Рахили, произведённой в игуменьи, 1 октября 1874 года, по случаю утверждения сей общины монастырём // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1874. – № 20. – С. 433–436.

нощное бдение, при обильном праздничном освещении. Тем же вечером прибыл в Бугуруслан и нарочито по этому случаю эконо́м дома Его Пресвященства иеромонах Николай. Он вместе со священником общины Г. М. Архангельским служил литургию. Пред литургией, после часов, прочтён был указ о переименовании бугурусланской общины, с Высочайшего соизволения, общежительным монастырём. После литургии отправлен был благодарственный молебен, с возгласением многолетия Государю Императору со всем Царствующим Домом, Святейшему Правительствующему Синоду и Преосвященнейшему Герасиму с Богохранимою Его паствою. Обитель ликовала»²²⁰.

Следом в 1875 г. ей были отмежеваны из Агеевских казённых дач 160 десятин 872 кв. сажени (175,2 га) земли по берегу реки Большой Кинель у с. Завьяловка (ныне Бугурусланского района Оренбургской области)²²¹. По отсутствию у государства свободной мельницы и рыбных ловель взамен положенного пособия в 1880 г. из Агеевских дач монастырю дополнительно прирезали 52 десятины 1925 кв. саженей (57,7 га)²²². Наконец, в 1886 г. по новому ходатайству игуменьи обитель получила из казны ещё 104 десятины 462 кв. сажени (113,8 га) земли.

Земельные владения монастыря увеличивались и частными пожертвованиями. Так, в сентябре 1881 г. бугурусланский купец Сергей Мануилович Шувалов подарил обители 35 десятин (38,2 га) пахотной земли в дачах соседней с городом дер. Карповки (ныне Бугурусланского района). А 29 мая 1893 г. самарский купец Семён Илларионович Аржанов подписал монастырю дарственную на 20 десятин (21,9 га) луговой земли.

Полученные обширные земельные ресурсы создали основу для самообеспечения обители за счёт развития сложного многоотраслевого хозяйства. На участке в 8 верстах (8,5 км) от монастыря, между с. Завьяловка и Краснояровка (ныне Бугурусланского района) сёстры завели так называемый Ближний хутор. Здесь были построены флигель для приезда настоятельницы, дом для сестёр, изба для скотниц, флигель для работников, летняя пекарня-землянка,

С.И. Аржанов

²²⁰ Благовидов Ф. Открытие женского монастыря в г. Бугуруслане и пострижение в монашество // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1874. – № 23. – С. 501–505.

²²¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5456. Л. 40.

²²² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 2732. Л. 12–12 об.

баня, молотильный плетнёвый сарай (рига), 2 амбара для хлеба, скотные сараи и 2 ледника для молочных продуктов, омшаник для зимовки пчёл. По сути, на хуторе было сосредоточено всё полевое хозяйство монастыря, сельскохозяйственные орудия, рогатый и рабочий скот, хлебные запасы. В 80-е годы XIX в. здесь засеивалось зерном 37 десятин (40,4 га), с которых собиралось 4760 пудов (77 тонн 969 кг) хлеба. Сёстры держали 89 голов скота, в том числе 24 коровы, 25 телят, 6 быков для пахоты, 18 рабочих лошадей, 11 маток и 5 жеребят. Для их прокормления на зиму с монастырских лугов накашивалось 508 возов сена общим весом в 8 тысяч пудов (131 тонну). Был устроен пчельник на 60 ульев. Разводился фруктовый и ягодный сад. Тяжёлые полевые работы производились наймом рабочих, а остальные – самими сёстрами. Для нужд монастыря инокини также занимались швейным, вязальным, ковровым и переплётным рукоделиями. В 1884 г. на хуторе хозяйственным способом был устроен кирпичный завод, где ежегодно выделялось от 150 до 200 тыс. штук кирпича для ведения собственного строительства²²³.

Налаживание крепкого хозяйства и помощь благотворителей позволили обители значительно нарастить свою недвижимость.

В 1868 г. на усадьбе монастыря был построен новый деревянный корпус, а в 1870 г. – каменный флигель для проживания сестёр и пекаря.

В 1873 г. обитель приросла сразу 5-ю дворовыми участками, пожертвованными ей отставным коллежским асессором Николаем Степановичем Фастрицким, дочерью коллежского секретаря Пелагеей Павловной Абражовой и мещанкой г. Бугуруслана Татьяной Илларионовной Лузановой²²⁴.

В 1875 г. на территории монастыря были сооружены каменный и деревянный флигели для проживания сестёр, а в 1876 г. – деревянный общежительный корпус.

Когда 8 января 1877 г. от пожара выгорел Скорбященский храм, инокини споро возвели домовую полукаменную церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, освящённую уже 3 февраля протоиереем г. Бугуруслана Ф. Благовидовым. Впрочем, в течение 1877 г. был заново отделан и сгоревший храм, который заново освятил 11 сентября епископ Самарский и Ставропольский Герасим²²⁵.

В 1878 г. на средства благодетелей игуменья Рахиль приобрела в г. Самаре, на Уральской улице (ныне Братьев Коростелёвых), против церкви Покрова, вблизи вокзала удобное место. На нём в 1878–1879 гг. было построено Самарское подворье Бугурусланского Покровского женского монастыря, которое включало 2-этажный полукаменный дом, конюшню с каретником и

²²³ Сладков А.М. Бугурусланский Покровский женский монастырь // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский областной общественный фонд «Совесть», 2014. – С. 333.

²²⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 2332. Л. 51–51 об.

²²⁵ Благовидов Ф. Слово на освящение храма в Бугурусланском женском монастыре // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1877. – № 12. – С. 227–330; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 538. Л. 50.

сеновалом, 2 погреба и амбар. Весь комплекс обошёлся обители в 6000 руб.

Активного строительства требовал и постоянный приток людей в монастырь, устремлявшихся сюда на послушания и обучение. Если в 1875 г. здесь подвизались 125 человек (1 игуменья, 15 манатейных и 3 рясофорных монахини, 15 указных и 91 неуказная послушница), то в 1880 г. – 151 женщина (1 игуменья, 24 манатейных и 16 рясофорных монахинь, 110 послушниц), а в 1885 г. – уже 165 насельниц (1 игуменья, 26 манатейных и 62 рясофорных монахини, 10 указных и 66 неуказных послушниц)²²⁶.

Для их нужд на территории самой обители в 1880 г. был сложен деревянный келейный корпус, в 1881 г. – деревянное здание для рукодельных мастерских, а в 1882 г. – деревянный общежительный корпус возле колокольни. В 1884 г. монастырское училище преобразовано в церковно-приходскую школу.

По мере роста монашеской общины расширялся и её главный соборный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. С его правой стороны на средства генерал-майора Александра Васильевича Позднякова был устроен придел во имя святого благоверного князя Александра Невского и святой мученицы Любви, который освятил 26 августа 1884 г. епископ Самарский и Ставропольский Серафим (в миру Симеон Иванович Протопопов) (1818–1891). С левой же стороны Покровского собора на пожертвования различных благотворителей был возведён придел во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона, освящённый 12 июля 1887 г.

Вид с Набережной ул. на Покровский храм с колокольней

²²⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 203. Л. 1–11; Д. 229. Л. 4; Д. 313. Л. 1 об. – 66.

Параллельно в 1885 г. с западной стороны от Покровского храма была заложена каменная колокольня, завершённая строительством в 1891 г. К тому времени для неё был приобретён новый колокол в 300 пудов (4 тонны 914 кг), а вес всех колоколов на звоннице доходил до 500 пудов (8 тонн 190 кг).

В 1891 г. в обители поставлен новый игуменский корпус с каменным подвалом. Тогда же монастырский квартал в г. Бугуруслане прирос ещё одним дворовым участком, который пожертвовал статский советник Иван Яковлевич Терсинский²²⁷.

Увеличение обители и числа её насельниц поставило на повестку дня вопрос о необходимости постройки в обители нового храма. Главный Покровский собор был достаточно вместительным, но неотапливаемым, а потому богослужения в нём зимой создавали неудобства для молящихся. Тёплый же Скорбященский храм был невелик, тесен и за долгое время использования со времени основания общины обветшал, так что для поддержания его свода даже были поставлены подпорки. Исходя из насущной потребности монастыря, 18 мая 1893 г. его игуменья Рахиль ходатайствовала перед

Т. С. Хилинский

властями о разрешении строительства нового тёплого собора. Проект величественного 17-главого каменного храма во имя Святой Живоначальной Троицы вместимостью 2000 человек был разработан самарским губернским архитектором Т.С. Хилинским (1855–1905), а потому без проблем одобрен региональной администрацией 12 июня 1893 г. Следом по разрешению Самарской духовной консистории благочинным протоиереем Евгением Веригиным были проведены освящение места и закладка собора²²⁸.

Но достроить его игуменья Рахиль не успела, поскольку уже в следующем 1894 г. оставила должность настоятельницы Бугурусланского Покровского монастыря. Её заслуги по благоустройству вверенной обители неоднократно отмечались поощрениями и наградами со стороны церковного начальства. Так, 9 августа 1879 г. ей была объявлена благодарность самарского епископа Серафима за внимание к нуждам монастырских священнослужителей и сооружение дома для причта. 20 августа 1879 г. она удостоилась новой похвалы архиерея за привлечение средств благотворителей и постройку Самарского подворья монастыря.

²²⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 3496. Л. 2–19.

²²⁸ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 3627. Л. 1–8 об.

20 апреля 1880 г. по ходатайству Преосвященнейшего Серафима игумена была всемилостивейше награждена золотым наперсным крестом за отлично-ревностное служение Церкви Божией. Наконец, указом Самарской духовной консистории от 25 августа 1880 г. Рахили была вновь выражена благодарность Владыки за христианское сочувствие и помощь нуждающейся Новоузенской женской общине²²⁹.

В 1894 г. на её место в Бугуруслан была переведена настоятельницей казначея Бузулукского Тихвинского женского монастыря **Ангелина** (в миру Анастасия Васильевна Хватова). Она родилась в 1841 г. в семье купцов г. Казани. Образование получила в казанском пансионе госпожи Юнгвальд. В браке детей не имела, овдовев, 16 сентября 1888 г. ушла от мира в Самарский Иверский женский монастырь. 13 марта 1893 г. самарским епископом Гурием пострижена в мантию. 26 августа 1893 г. перемещена на пост казначеи в Бузулукский Тихвинский монастырь. Указом Св. Синода от 8 августа 1894 г. определена на должность настоятельницы Бугурусланского Покровского монастыря. 24 июня 1895 г. епископом Гурием возведена в сан игуменьи²³⁰.

Под её руководством были приведены в порядок уже имеющиеся и возведены новые монастырские здания. В 1895 г. перестроена прачечная. В 1896 г. сооружена каменная просфорня.

Тогда же в новое 2-этажное здание с каменным низом и деревянным верхом переехала монастырская церковно-приходская школа. Занятия здесь посещали уже 60 воспитанниц. Закону Божьему они обучались под руководством монастырского священника, церковному пению – под управлением регентши монашеского хора, а рукоделиям – под надзором искусных мастериц из числа сестёр. Все они преподавали бесплатно и только для чтения светских предметов за 180 руб. в год нанималась учительница. С 1892 г. эти обязанности лежали на Евгении Покровской, получившей образование в Самарском епархиальном женском училище. В 1896 г. её сменила Анисия Васильевна Быстрицкая, окончившая то же епархиальное заведение. А в начале XX столетия в монастырской школе преподавала ещё одна выпускница епархиального училища Любовь Михайловна Миронова, помощницей при которой была определена окончившая 2-классную школу Александра Фёдоровна Тарасова²³¹.

В интересах духовного воспитания и развития при Бугурусланском монастыре также действовала библиотека, которая состояла из 100 наименований книг в 250 томах религиозно-нравственного содержания.

Для пищи телесной в 1898 г. на территории обители был возведён новый 3-этажный трапезный корпус. Внизу его помещались пекарня и

²²⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 357. Л. 1 об. – 3.

²³⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 410. Л. 10 об. – 11.

²³¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 462. Л. 6; Д. 410. Л. 5; Д. 538. Л. 53 об.

квасоварка, на втором этаже – кухня и столовая, а на самом верху – рукодельные и кельи для мастериц.

В том же году к строениям монастыря прибавилась новая баня. А в 1899 г. его территория была прикрыта каменной оградой и с южной стороны, так что деревянной оставался лишь небольшой участок западной монастырской стены в 24 сажени (51,21 м).

Продолжалось и строительство нового соборного храма обители, который был вчерне завершён и покрыт крышей ещё в 1897 г., а 19 октября увенчан крестами²³². Однако отделочные работы затянулись ещё на 2 года. И освящён он был лишь в 1899 г. епископом Самарским и Ставропольским Гурием (в миру Сергеем Васильевичем Буртасовским) (1845–1907). Поскольку храм задумывался трёхпрестольным, эта торжественная процедура была разбита на 3 дня. 7 февраля 1899 г. Владыка освятил главный престол во имя Св. Троицы и Св. Михаила, князя Черниговского, 8 февраля – правый придел во имя Иконы Божьей Матери «Скоропослушница» и преп. Ангелины Сербской, а 9 февраля – и левый

Троицкий собор

²³² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 3627. Л. 12.

М.Ф. Рожнов

придел во имя Святителей Митрофана Воронежского, Тихона Задонского, Гурия Казанского и Феодосия Черниговского²³³.

Возведён был собор на средства екатеринбургского купца 1-й гильдии, владельца винокуренных заводов Михаила Фёдоровича Рожнова (1828–1898), который выделил на богоугодное дело крупную по тем временам сумму в 80 тысяч рублей. А потому храм вышел очень величественным, с семнадцатью главами и позолоченными на них крестами. Его внутреннее пространство освещалось 32 окнами разной величины, «все три иконостаса поставлены в ряд, иконы живописные весьма хорошей работы и писаны в Екатеринбургском женском монастыре, всё дерево в иконостасе и

резьба сплошь покрыты лучшим золотом. Стоимость трёх иконостасов простирается до 20000 рублей. Все три престола изготовлены также в Екатеринбурге. Церковная утварь: три дарохранительницы, большое Евангелие, потир со всеми принадлежностями, три паникадила, три семисвечника и все нужные подсвечники со свечами куплены в Москве»²³⁴.

С постройкой собора в 1899 г. была упразднена за ненадобностью домовая церковь монастыря во имя Рождества Иоанна Предтечи. А её иконостас сёстры пожертвовали для открытия церкви-школы в чувашской деревне Малое Микушкино Бугурусланского уезда (ныне Искалинского района Самарской области).

В храмах же самого монастыря хранилось немало прекрасных икон и других чтимых святынь, а также дорогой богослужебной утвари из драгоценных металлов, собранных на протяжении долгой истории обители.

Так, ещё при её открытии в 1860 г. самарский епископ Феофил благословил общину иконой Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость», для которой впоследствии была изготовлена серебряная риза с позолоченным венцом.

В том же 1860 г. бугурусланский купец Цынговатов, исцелившийся от тяжкой болезни по молитвам у Табынской иконы Божьей Матери, пода-

²³³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 462. Л. 1 об. – 2.

²³⁴ Сладков А.М. Бугурусланский Покровский женский монастырь // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский областной общественный фонд «Совесть», 2014. – С. 330.

рил местному монастырю точную копию чудотворного образа, считавшегося покровителем Оренбургского края.

И тогда же дворянин Николай Матвеевич Шестаков и его жена Юлия Григорьевна, урождённая княжна Чегодаева, пожертвовали обители малый серебряный крест с вложенной частицей мощей одного из Отцов Церкви, выдающегося богослова и святителя Василия Великого (ок. 330 – 370).

1 октября 1867 г. помещиком и дворянином Сергеем Васильевичем Филипповичем был преподнесён в дар ещё один небольшой серебропозлащённый крест с помещёнными внутри мощами св. апостола Петра (ум. ок. 67), великомученицы Варвары (ум. 306), Алексея человека Божия (конец IV – начало V вв.), преп. Сергия Радонежского (1314–1392), преп. Феодосия Тотемского (ок. 1530 – 1568) и свт. Митрофана Воронежского (1623–1703).

В 1869 г. игуменья Свяжского Иоанно-Предтеченского монастыря Каллиста прислала в благословение своей воспитаннице Рахиль (Тейс) список с чудотворной иконы преп. Сергия Радонежского, внесённой в Свяжскую обитель царём Иваном Грозным в 1552 г.

14 декабря 1870 г. усердием игуменьи Рахиль в Покровский монастырь была прислана со святой горы Афон икона Божией Матери «Скоропослушница», которая широко прославилась в Бугуруслане и его окрестностях быстрой и действенной помощью по молитвам нуждающихся. Летом 1871 г. округу поразила засуха, а в конце июля охватила холера. Жители города в течение Успенского поста массово прибегали к этому образу в храм, говели, причащались и брали икону «положительно в каждый дом», после чего эпидемия отступила. Вследствие этого образ пользовался особым почитанием, и на него была сделана серебропозлащённая полуриза, украшенная жемчугом, бриллиантами, рубинами, сапфирами, топазами и другими драгоценными камнями на общую сумму в 600 руб.

31 мая 1872 г. бугурусланский чиновник Михаил Акинфиевич Лоретов вложил в обитель ещё один малый серебряный крест с частицами мощей великомученицы Варвары, а также святых Петра и Февронии Муромских (ум. 1228).

В 1877 г. самарский епископ Герасим благословил Бугурусланский женский монастырь списком с древней иконы Царицы Небесной «Взыскание погибших».

23 декабря 1878 г. бугурусланская рясофорная послушница Агриппина Ботвинкина и мать её Мария Валериановна внесли Евангелие серебропозлащённое, кованное, с изображением Воскресения Христова с евангелистами, а на обратной стороне – снятия с креста Спасителя, ценой 500 руб. серебром.

В 1880 г. монахами Андреевского русского скита на Афоне Иезекиилем и Амвросием с братией прислана бугурусланским сёстрам во Христе копия с чудотворной иконы Божьей Матери «В скорбях и печалях Утешение» в бронзово-позлащённом окладе ценой 100 руб. серебром.

В 1881 г. настоятель Свяжской Макарьевской пустыни иеромонах Варсонофий подарил игуменье Рахиль серебряный крест с мощами святите-

ля и чудотворца Казанского Варсонофия (ок. 1495 – 1576), полученные им, в свою очередь, от казанского епископа Антония (Амфитеатрова).

14 октября 1882 г. из Андреевского скита на Афоне поступила икона св. вмч. и целителя Пантелеимона с вделанной частицей его мощей, написанная по просьбе игуменьи Рахили монахом Смарагдом. На этот образ была положена серебропозлащённая риза с эмалированными украшениями весом 834 золотника на сумму 708 руб. 90 коп.

В 1883 г. игуменьей Рахилью приобретена икона св. вмч. Иоанна Воина, писанная в с. Палех Владимирской губернии (ныне области) представителем прославленной династии иконописцев Владимиром Евграфовичем Белоусовым (1831–1896).

18 ноября 1888 г. от афонских монахов из Андреевского русского скита принят в дар серебропозлащённый крест с тремя частицами Честного Животворящего Древа Креста Господня и мощей святого Иоанна Предтечи (ум. ок. 30), апостола Андрея Первозванного (6–60), св. мученицы Фотины Самарянки (ум. 66), св. великомученика Меркурия (III в.), св. великомученика и целителя Пантелеимона (ум. 305), священномученика Ермолая (ум. 305), св. Григория Армянского (ок. 252 – 326) и св. Сильвестра, Папы Римского (ум. 335). Все части мощей были вделаны в кипарисную доску, причём каждая обрамлена листиком с серебряными звёздами вокруг.

В 1896 г. крестьянином с. Воскресенка Новоузенского уезда Самарской губернии Иоанном Васильевичем Петровым пожертвована икона Божьей Матери «Достойно есть».

20 марта 1898 г. самарский игумен Гурий передал в благословение игуменье Ангелине с сёстрами список с чудотворной иконы Божьей Матери «Албазинская», именуемой «Слово – плоть бысть», оригинал которой хранился в г. Благовещенске Амурского края.

Также обители были подарены копии с чудотворных икон Божьей Матери «Млекопитательница» с Афона, «Знамение» Абалацкой и «Всех Скорбящих Радость» «с грошиками»²³⁵.

Все эти святыни привлекали в Бугурусланский Покровский монастырь многочисленных паломников для поклонения и заказа духовных треб.

Для молитвенного чтения по усопшим в 1900 г. на монастырской усадьбе разобран старый настоятельский корпус, а на его месте построен каменный флигель псалтырной с кельями для сестёр. Для приёма же и размещения самих богомольцев в 1901 г. за монастырской оградой поставлена гостиница.

Помимо платы за совершение духовных треб и добровольных пожертвований, поступление средств продолжало обеспечивать и дальнейшее развитие хозяйства обители.

В 1895 г. ею было засеяно 56 десятин (61,2 га), с которых убрано 4045 пудов (66 тонн 257 кг) урожая, в том числе с 16 десятин (17,5 га) ржи – 1760 пу-

²³⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 229. Л. 3 об. – 4; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 462. Л. 2–4.

дов (28 тонн 829 кг), с 23 десятин (25,1 га) пшеницы – 1300 пудов (21 тонна 294 кг), с 8 десятин (8,7 га) овса – 450 пудов (7 тонн 371 кг), с 5 десятин (5,4 га) полбы – 360 пудов (5 тонн 897 кг), с 2 десятин (2,2 га) проса – 100 пудов (1 тонна 638 кг), с 1 десятины (1,1 га) гороха – 60 пудов (983 кг), с 0,5 десятины (0,5 га) конопли – 15 пудов (245 кг), а на 0,5 десятины (0,5 га) гречи не уродилось ничего. С огорода поступило 50 возов картофеля. Для занятия скотоводством имелось 95 голов, в том числе коров – 25, телят – 20, быков – 2 быка, лошадей рабочих – 30, молодых – 10 и жеребят – 8. Им припасено на зиму 40 стогов сена. Имелось 80 пеньков пчёл²³⁶.

Эффективность и урожайность хозяйства постепенно повышались. Так, в 1900 г. из монастырских угодий засевалось немногим меньше земли – 50 десятин (54,6 га), но с них было намолочено уже 6230 пудов (102 тонны 47 кг) урожая, в том числе: с 20 десятин (21,8 га) пшеницы – 2700 пудов (44 тонны 226 кг), с 16 десятин (17,5 га) ржи – 1600 пудов (26 тонн 208 кг), с 10 десятин (10,9 га) овса – 1500 пудов (24 тонны 570 кг), с 3 десятин (3,3 га) проса – 300 пудов (4 тонны 914 кг) и с 1 десятины (1,1 га) гороха – 130 пудов (2 тонны 129 кг). На огороде выращено 100 возов картофеля. На Ближнем хуторе разведены 134 головы скота, в том числе 45 коров, 23 телёнка, 2 быка, лошадей рабочих – 38, молодых – 16 и жеребят – 10. На пасеке число ульев выросло до 100 пеньков²³⁷.

Если 1895 г. наличные поступления Бугурусланского Покровского монастыря из всех источников составили 21452 руб. 96 коп., то в 1900 г. – уже 40120 руб. 16 коп. Соответственно, и расходы увеличились с 23646 руб. 23 коп. до 37228 руб. 57 коп. Сбережения обители в ценных бумагах выросли с 26000 руб. 96 коп. в 1895 г. до 42103 руб. 18 коп. в 1900 г.²³⁸.

Значительные средства позволяли набирать и содержать новых насельниц. Если в 1895 г. монастырь служил прибежищем для 188 человек (1 игуменьи, 58 манатейных и 65 рясофорных монахинь, 36 указных и 28 неуказных послушниц), то в 1900 г. – уже для 243 женщин (1 игуменьи, 1 схимонахини, 57 манатейных и 60 рясофорных монахинь, 124 послушниц)²³⁹.

В интересах дальнейшего развития обители, обеспечения её строительства и отопления 4 мая 1903 г. игуменья Ангелина добилась от Лесного департамента выделения монастырю дополнительных 50 десятин (54,6 га) из казённой дачи дер. Мордовский Бугуруслан (ныне Бугурусланского района)²⁴⁰.

Её вклад в благоустройство монастыря был по достоинству оценён высшестоящими церковными властями, наградившими её ещё в 1898 г. наперсным крестом как знаком отличия. Немало потрудившись на ниве

²³⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 410. Л. 7 об.

²³⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 462. Л. 8 об.

²³⁸ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 410 Л. 9–9 об.; Д. 462. Л. 9 об. – 10.

²³⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 410. Л. 10 об. – 38; Д. 462. Л. 4 об.

²⁴⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 538. Л. 55 об.

управления обителью, игуменья Ангелина скончалась 14 декабря 1902 г. и была погребена в склепе ею же построенного Троицкого собора под правым его приделом в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница» и преподобной Ангелины Сербской²⁴¹.

По указу Св. Синода от 25 февраля 1903 г. новой настоятельницей Бугурусланского Покровского монастыря с возведением в сан игуменьи была назначена монахиня **Каллиста** (в миру Дарья Гавриловна Засыпалова). Она родилась в 1837 г. и происходила из мещан г. Самары. Обучалась в частном училище. В 1853 г. девицей поступила в Самарский Иверский женский монастырь. В 1860 г. пострижена там в рясофор с именем Филарета. Проходила послушания клиросной головщицы и ризничей. В 1877 г. в том же монастыре пострижена в мантию. Служила в обители казначеей. После перевода на пост настоятельницы Бугурусланского монастыря 1 марта 1903 г. самарским епископом Гурием посвящена в сан игуменьи²⁴².

Под управлением Каллисты произошли важные изменения в организации казалось бы налаженного монастырского хозяйства. Ещё при её предшественнице 9 июля 1901 г. надворный советник Николай Александрович Тихомиров пожертвовал сёстрам огромный участок в 550 десятин (600,9 га) при хуторе Никольском Бугурусланского уезда. Однако по причинам самозахвата земли соседями и связанного с этим судебного разбирательства обитель вступила в фактическое владение этими угодьями лишь в 1904 г. Сразу после этого начался перенос сюда монастырского хозяйства с его Ближнего хутора. На подаренном участке в 20 верстах (21,3 км) от обители был заведён новый, так называемый Дальний хутор, куда переведена большая часть скота, перевезены земледельческие орудия и хлебные запасы. В дополнение к имевшимся на участке пятистенку, скотной избе, 3 конюшням, амбару и погребу построены дом с кухней и комнатой для скотниц, дом для работников, летняя кухня на берегу пруда, баня, 3 амбара. Весь хозяйственный двор был обнесён бревенчатым забором, внутри которого плетнём огорожено пространство с сараями для коров.

В 1905 г. уже со 115 десятин (125,6 га) земли собран урожай в 6986 пудов (114 тонн 430 кг), в том числе: с 70 десятин (76,5 га) пшеницы – 5680 пудов (93 тонны 38 кг), с 13 десятин (14,2 га) овса – 970 пудов (15 тонн 889 кг), с 4 десятин (4,3 га) проса – 200 пудов (3 тонны 276 кг), с 27 десятин (29,5 га) ржи – 130 пудов (2 тонны 129 кг) и с 1 десятины (1,1 га) гороха – 6 пудов (98 кг). Накопано 20 возов картофеля. Для обработки земли монастырь имел все необходимые сельскохозяйственные орудия: 5 плугов, 2 механических граблей, 3 сеялки, 2 жатвенных машины, 2 косилки, 3 веялки и 1 молотилку²⁴³. В 1905 г. на обоих монастырских хуторах содержалось 100 голов ско-

---

²⁴¹ Сладков А.М. Бугурусланский Покровский женский монастырь // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский областной общественный фонд «Совесть», 2014. – С. 328.

²⁴² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 538. Л. 1 об. – 2.

²⁴³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5038. Л. 8 об.

та, в том числе лошадей старых – 25, молодых – 15, жеребят – 5, коров – 30 и быков – 25. На зиму для них было заготовлено 4 омёта и 23 стога сена. Пчельник насчитывал 80 ульев²⁴⁴.

В 1910 г. посевы увеличились до 120 десятин, а урожай вырос до 8314 пудов. Так, с 35 десятин пшеницы-кубанки намолочено 3500 пудов, с 35 десятин пшеницы-безоски – 2450 пудов, с 20 десятин овса – 1360 пудов, с 20 десятин ржи – 600 пудов, с 5 десятин полбы – 300 пудов и с 6 десятин проса – 104 пудов²⁴⁵.

Для хозяйственных и бытовых нужд монастыря в 1905 г. был вырыт колодец, над которым поставлена часовня.

В 1906 г. недвижимость обители пополнилась домом в с. Абдулино (ныне городе Оренбургской области), который был построен и передан купцом Андреем Савельевым.

В 1907 г. на территории самого монастыря возведён 2-этажный деревянный дом на 26 келий для проживания сестёр, а в 1908 г. сооружён флигель для рабочих²⁴⁶.

Бугурусланский Покровский монастырь

Наконец, в 1909 г. имущество обители приумножилось земельным участком с деревянным домом и надворными постройками, пожертвованным в г. Бугуруслане местным мещанином Никоном Ивановичем Бессарабовым. Имение не граничило с монастырской усадьбой, но по

²⁴⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 538. Л. 55 об. – 56.

²⁴⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 584. Л. 57 об.

²⁴⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 609. Л. 3–5.

близкому расстоянию оказалось удобным для перевода на его более обширные площади странноприимного дома для богомольцев²⁴⁷.

К 1911 г. одни лишь постройки монастыря без учёта хуторских строений оценивались по страховой ведомости огромной суммой в 151280 руб.²⁴⁸.

Численность его насельниц к 1910 г. увеличилась до 270 человек (1 игуменьи, 1 схимонахини, 57 манатейных и 80 рясофорных монахинь, 92 указных и 39 неуказных послушниц)²⁴⁹.

Ещё больше укрепив положение обители, её игуменья Каллиста скончалась 29 декабря 1912 г. и была похоронена возле Троицкого храма. За ревностную службу Церкви Божией 14 апреля 1904 г. она была награждена наперсным крестом от Св. Синода, а за исправное ведение отчётности и хозяйства 16 марта 1906 г. вместе со старшими сёстрами удостоена благодарности епархиального начальства²⁵⁰.

После её смерти кормило управления впервые приняла воспитанница самого Бугурусланского монастыря **Аполлинария** (в миру Акилина Фёдоровна Злобина). Она появилась на свет в 1850 г. в семье крестьян с. Злобинка Бузулукского уезда (ныне Тоцкого района Оренбургской области). Ещё ребёнком 17 февраля 1860 г. поступила в Покровскую обитель, где получила образование в монастырском училище. С 10 июня 1875 г. проходила послушание шитьём белья. 2 марта 1884 г. была облечена в рясофор, а 2 сентября 1893 г. пострижена в мантию. Несла послушания клиросной и сборщицы, а с 1905 г. служила в обители казначеей. Указом Св. Синода от 30 января 1913 г. назначена её настоятельницей. 17 февраля 1913 г. епископом Самарским и Ставропольским Симеоном (в миру Сергеем Ивановичем Покровским) (1846–1913) в Крестовой церкви возведена в сан игуменьи. 2 апреля 1915 г. за отличное ревностное служение и благоуукрашение Церкви Божией награждена наперсным крестом от Св. Синода²⁵¹.

При ней обитель вступила в череду суровых испытаний, открывшихся Первой мировой войной. За счёт хорошо поставленного хозяйства положение монастыря поначалу оставалось относительно прочным. Так, в 1915 г. он получил со 112 десятин (122,4 га) своей земли рекордные 7465 пудов (122 тонны 277 кг) разного хлеба, в том числе с 39 десятин (42,6 га) пшеницы-кубанки – 3100 пудов (50 тонн 778 кг), с 40 десятин (43,7 га) пшеницы-безоски – 2800 пудов (45 тонн 864 кг), с 17 десятин (18,6 га) ржи – 780 пудов (12 тонн 776 кг), с 11 десятин (12 га) овса – 670 пудов (10 тонн 975 кг) и с 5 десятин (5,5 га) проса – 115 пудов (1 тонна 884 кг). Кро-

²⁴⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4930. Л. 1–6.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1703. Л. 29–47.

²⁴⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 584. Л. 55.

²⁵⁰ Сладков А.М. Бугурусланский Покровский женский монастырь // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский областной общественный фонд «Совесть», 2014. – С. 328; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 584. Л. 1 об. – 2.

²⁵¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 313. Л. 14 об. – 15; Д. 538. Л. 2 об. – 3; Д. 609. Л. 10 об. – 11.

ме того, с 3 осьминников (0,4 га) гороха собрано 19 пудов (311 кг). В то же время поголовье скота сократилось до 79 единиц, включая 16 лошадей, 13 жеребят, 18 коров, 20 рабочих быков и 12 телят. А число пчелиных ульев уменьшилось до 31.

Обитель накопила значительные денежные суммы, вложенные в процентные бумаги. К 1915 г. они оценивались уже в 57222 руб. 73 коп.

Всё это позволяло самостоятельно содержать и обеспечивать всем необходимым религиозную общину, численность которой к 1915 г. составляла 240 человек (1 игуменья, 1 схимонахиня, 70 манатейных и 122 рясофорных монахини, 46 послушниц)²⁵².

После революции 1917 г., в период Гражданской войны территория монастыря с городом Бугурусланом неоднократно переходила из рук в руки противоборствующих сторон. Но обитель серьёзно не пострадала из-за быстрой смены режимов. Так, в 1918 г. Бугурусланский военный комиссариат попытался мобилизовать монахинь в возрасте от 18 до 45 лет и отправить их в Самарский Иверский женский монастырь, где они должны были заниматься пошивом обмундирования для Красной Армии. Но инокини проигнорировали приказ и пересидели за стенами, пока город снова не заняли белые.

И только с окончательным установлением советской власти началось целенаправленное уничтожение Бугурусланского женского монастыря, который рассматривался большевиками в качестве оплота контрреволюции, гнезда эксплуататорских, нетрудовых элементов.

К этому времени обитель возглавляла в качестве настоятельницы игуменья **Серафима** (в миру Пелагея Андриановна Почеревина). Она родилась 23 апреля 1870 г. в с. Радовка (ныне Абдулинского района Оренбургской области). 12 марта 1879 г. была отдана на обучение в школу при Покровской обители. 30 июня 1913 г. приняла монашеский постриг. Упражнялась в «неугасимом», постоянном чтении Псалтыри, пока не возглавила монастырь²⁵³. В годы Гражданской войны она помогла укрыть за стенами обители от разграбления богослужебную утварь и иконы, свезённые с окрестных церквей.

Однако в 1922 г. органами ОГПУ на территории монастыря был проведён

Игуменья Серафима (Почеревина)

²⁵² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 609. Л. 3, 6–6 об., 8.

²⁵³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 613. Л. 18 об. – 19.

обыск, окончившийся изъятием церковных ценностей. Игуменья Серафима за укрывательство «народной собственности» была арестована и провела 9 месяцев в заключении. В 1924 г. проведено «плановое отселение» из корпусов женского монастыря неблагонадёжных и нетрудовых элементов, которое закончилось ликвидацией обители. Её строения были обращены в студенческие общежития, а сам комплекс стал именоваться студенческим или «красным городком». Тем не менее, монастырские храмы ещё продолжали какое-то время функционировать уже как приходские. Так, решение о закрытии Троицкого собора и передаче его под культурно-просветительские цели было принято лишь 27 октября 1929 г. Покровский же храм благодаря размещению в нём епископской кафедры продолжал функционировать на протяжении всех 30-х годов.

Между тем, игуменья закрытого монастыря Серафима в 1937 г. переехала из Бугуруслана в Куйбышев (ныне Самару), где была вторично арестована 9 декабря. В обвинительном заключении указывалось, что по приезду в город она «поселилась в подпольном монастыре, принимала участие в антисоветской деятельности, ставила на обсуждение вопросы борьбы с советской властью, участвовала на нелегальных ночных собраниях в церкви, где обсуждались вопросы повстанческого, террористического характера». Виновной себя матушка Серафима не признала. Но, несмотря на это, 21 декабря 1937 г. постановлением тройки УНКВД по Куйбышевской области по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР была осуждена к высшей мере наказания. Расстреляна в Куйбышеве 15 января 1938 г.

Следом 26 марта 1938 г. Бугурусланским городским советом было принято решение о закрытии последнего монастырского храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Оно было утверждено постановлением исполкома Чкаловского облсовета 22 ноября 1940 г. А 31 мая 1941 г. здание церкви предназначено городскими властями на слом.

Постепенно вся территория бывшего монастыря освобождалась от старых построек, а на их месте возводились новые. Впервые в городе здесь были построены 9-тиэтажные дома. Из числа исторически зданий до наших дней дошли только дом игуменьи (ул. Гая, 3), 2-этажное здание монашеских келий (ул. Фрунзе, 66) и Скорбященская церковь (ул. Гая, 1), которая в 2010 г. по усмотрению собственника была перестроена и потеряла характерные для храма очертания²⁵⁴.

²⁵⁴ Сладков А.М. Бугурусланский Покровский женский монастырь // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский областной общественный фонд «Совесть», 2014. – С. 334–336.

КЛЮЧЕГОРСКИЙ КАЗАНСКО-БОГОРОДИЦКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Побудительной причиной к основанию женской обители у с. Ключегорье (ныне Таллы Грачёвского района Оренбургской области) стало обретение поблизости чудотворной иконы святителя Николая Мирликийского.

Копия чудотворного образа свт. Николая

«31 октября 1854 г., в воскресный день, во время служения в храме утрени, крестьянские подростки возвращались из степи, где ночевали с лошадьми. Проезжая мимо болотистой местности ниже села Таллы, они заметили в камышах два красных флага. С быстротою молнии это событие облетело небольшое селение. Вскоре сюда собрались все сельчане, не бывшие в храме. Дали знать помещице и священнику. Последний, после утрени, прибыв на место, по насланным доскам подошёл к флагам

и обрёл к древкам привешенную на шнурах икону святителя и чудотворца Николая. С подобающею честью святая икона была перенесена в храм. По надлежащему освидетельствованию, через местного благочинного, епархиальное начальство разрешило пред иконою совершать молебные пения, а к месту обретения совершать крестные ходы дважды в год (31 октября и 9 мая)»²⁵⁵. На источнике, где произошло чудесное явление, была поставлена деревянная часовня.

Слух об обретении образа широко разошёлся по округе и привлечённые чудом сюда начали стекаться богомольные женщины. С разрешения местной помещицы, бездетной вдовы Анны Ивановны Путиловой они селились в её усадьбе.

Владелица с. Ключегорье **Анна Ивановна Путилова** и сама была женщиной глубоко религиозной, обладая к тому же значительными средствами для поддержания иноческих стремлений. Родилась она в 1805 г. в семье отставного премьер-майора Ивана Ивановича Христ. Получила домашнее образование²⁵⁶. Вышла замуж за капитана артиллерии и помещика Павла Петровича Путилова (1798–1844), сына бузулукского уездного предводителя дворянства. После его ранней смерти получила в наследство огромные земельные владения в 3088 десятин (3373,6 га), из которых стала щедро одаривать монастыри. В 1842 г. она выделила 100 десятин (109,3 га) земли зарождающемуся Бузулукскому Тихвинскому женского монастырю, в 1855 г. отдала 112 десятин (122,4 га) Бузулукскому Спасо-Преображенскому мужскому монастырю, а в 1858 г. пожертвовала на создание Мойского СвятоТроицкого мужского монастыря ещё 110 десятин (120,2 га). Анна Ивановна выступала попечительницей и при организации в 1860 г. будущего Бугурусланского Покровского женского монастыря. За теснотой помещений 15 девушкам тогда было отказано в приёме туда. Но Анна Ивановна также приютила их у себя в Ключегорье. В 1860 г. она построила в своей усадьбе деревянный холодный храм во имя Казанской иконы Божьей Матери, куда пригретые ею келейницы ходили на богослужение и поклонение чудотворному образу Святителя Николая Мирликийского.

На первых порах они проводили время в молитве и рукоделии, образовали церковный хор и пекли просфоры для храма. К 1861 г. их число достигло 34 человек. Малая часть из них проживала в доме самой помещицы, а большая часть размещалась в избе, где под одной крышей соединились кельи, кухня, трапезная и рукодельная.

²⁵⁵ Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь, Бузулукского уезда, Самарской епархии: (К пятидесятилетию существования монастыря). – Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1914. – С. 14; Краткая история обретения иконы святителя и чудотворца Николая, находящейся в Ключегорском Казанско-Богородицком женском монастыре Бузулукского уезда Самарской губернии, и о некоторых чудесных событиях, явленных по милости святителя и чудотворца Николая. – Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1914. – 8 с.

²⁵⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 118. Л. 1 об. – 2.

Изначальный храм обители во имя Казанской иконы Божьей Матери —

Желая дать им более прочное устройство жизни, в апреле 1861 г. А. И. Путилова лично отправилась в Самару и подала местному архиепископу Феофилу (в миру Фёдору Ивановичу Надеждину) (1808–1865) прошение об официальном открытии в её усадьбе женской общины. На её обеспечение щедрая благотворительница в том же году пожертвовала 207 десятин (226,1 га) земли. Постепенно расширялись и постройки обители. В 1861 г. сооружён деревянный флигель, где устроены 3 кельи, кухня и малая трапезная. А в 1862 г. поставлен второй. В результате появления новых жилых площадей к концу 1863 г. число сестёр увеличилось уже до 70 человек. Наконец, 18 января 1864 г. последовало высочайшее соизволение императора Александра II на учреждение здесь Ключегорской Казанской-Богородицкой женской общины с назначением её начальницей Анны Ивановны Путиловой, о чём было сообщено указом Св. Синода от 10 февраля 1864 г. № 631.

Днём официального открытия общины был символично выбран праздник Благовещения. В этот день, 25 марта 1864 г., по окончании божественной литургии местным священником был прочитан указ об утверждении общины, совершено благодарственное молебствие с коленапоклонением, а в кельях отслужены молебны с водоосвящением²⁵⁷.

Следом Путилова уже как начальница общины продолжила приведение обители в надлежащий вид. Под её руководством в 1864 г. на усадьбе были построены 2 деревянных флигеля для сестёр, а с южной стороны поставлен ещё и деревянный общежительный корпус, в котором предусмотрена более просторная чем прежде общая трапезная. Сложены 4 амбара для ссыпки хлеба. Наконец, тогда же территория общины была огорожена от мира деревянным забором, а большей частью плетнём. Для материального обеспечения обители по дарственной от 21 октября 1865 г. Анна Ивановна добавила сёстрам ещё 43 десятины земли.

Одновременно наставница устраивала и духовную жизнь обители на началах монашеского общежития. Для этого сразу после официального учреждения общины она послала за уставом людей в Спасо-Бородинский женский монастырь, основанный на поле русской ратной славы вдовой погибшего здесь героя Отечественной войны 1812 г. М. И. Тучковой. С первых дней открытия самой Ключегорской общины было положено вычитывать до заутрени повседневное монашеское правило в холодном храме, а зимой – в отапливаемой трапезной, куда сёстры собирались по удару колокола. Затем начиналась полуночница и утренняя, за которой читались 2 акафиста: Спасителю и Божьей Матери. После утрени делался небольшой перерыв для отдыха, а потом служилась обедня. Вечерня совершалась в 4 часа, а непосредственно за ней вычитывались в церкви каноны Спасителю, Божьей Матери, Ангелу Хранителю и возносились молитвы за живых и умерших.

Ежедневно в 12 часов дня по удару колокола сёстры сходились на общую трапезу, во время которой по будням читались жития святых, а по воскресеньям и праздникам – поучения Св. Иоанна Златоуста. Также в праздничные и воскресные дни часть времени, остававшаяся от богослужения, посвящалась чтению Священного Писания, житий святых и других духовных книг.

Заведённый основательницей порядок строго соблюдался на протяжении всей истории обители.

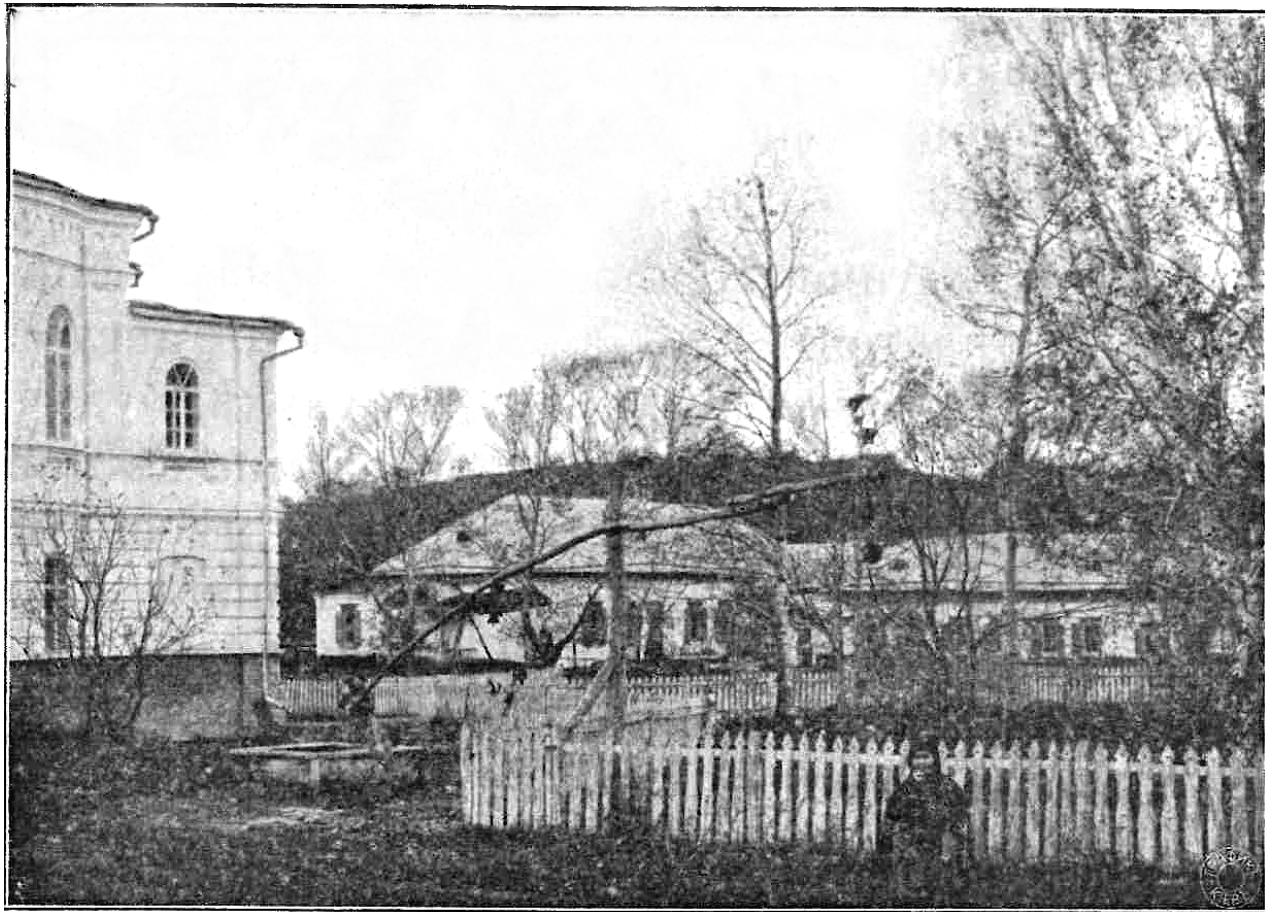
В то же время определённые неудобства для совершения служб создавало то, что единственный храм общины во имя Казанской иконы Божьей Матери не имел печей и располагался за оградой в 30 саженьях (64 м) от обители. Как следствие, в зимнее время при его посещении сёстры испытывали бы стужу и сырость. Поэтому в 1864 г. Анна Ивановна Путилова

²⁵⁷ Орлов Д.Н. Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь в Бузулукском уезде Самарской епархии: историко-статистическое описание. – Самара: Земская типография, 1882. – С. 7–22.

добилась разрешение на устройство в её собственном усадебном доме, при настоятельских кельях новой отапливаемой домово́й церкви во имя Смоленской иконы Божьей Матери. По завершении необходимых для этого переделок в помещении храм был освящён 19 января 1866 г. настоятелем Мойского Свято-Троицкого мужского монастыря иеромонахом Аароном.

*Настоятельские кельи основательницы монастыря
с домово́й Смоленской церковью*

С этого времени вместо столовой в тёплой Смоленской церкви стали практически ежедневно совершаться богослужения, а также утренние и вечерние молитвы. В обитель начали притекать и окрестные поселяне, особенно в двенадесятые и храмовые праздники, пользуясь нередко и бесплатным столом от щедрот общины. Её же начальница Анна Ивановна Путилова с устройством храма «посвятила особенно всё своё внимание и труды на водворение порядка и благочиния в обители, на укрепление духа благочестия и на точное исполнение всех правил и требований иноческой жизни»²⁵⁸.

Заветной же мечтой основательницы было создание полноценного женского монастыря на базе общины, которая к 1870 г. насчитывала уже 84 насельницы (41 указную и 43 неуказных)²⁵⁹. 20 июня 1871 г. Путило-

²⁵⁸ Орлов Д. Н. Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь в Бузу-лукском уезде Самарской епархии: историко-статистическое описание. – Самара: Земская типография, 1882. – С. 33–35.

²⁵⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 17. Л. 14 об. – 15.

ва подала церковным властям прошение о возведении обители в новый статус, причём выразила готовность пожертвовать на её окончательное обеспечение ещё 750 десятин земли. Летом 1871 г. была оформлена и дарственная на эти владения. Однако Анна Ивановна не увидела благополучного завершения своего ходатайства. Тяжёлая и продолжительная болезнь заставила её в июне 1871 г. временно переехать для поправки здоровья в город Бузулук. Здесь 13 августа 1871 г., накануне праздника Успения Пресвятой Богородицы, в 12 часов дня она тихо и спокойно скончалась. Предварительно за несколько дней Анна Путилова была пострижена в мантию с именем Агния игуменом Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря Нифонтом (Ревой) (1819–1898) в доме просфорни при городском соборе Натальи Ефимовой. А перед смертью после соборования она успела причаститься Святых Тайн.

По особому разрешению самарского епископа Путилову было разрешено похоронить в Бузулукской мужской обители. 15 августа, в 3 часа пополудни при многочисленном стечении народа с градским духовенством во главе состоялся вынос её тела из Бузулука в Спасо-Преображенский монастырь. Старшие сёстры Ключегорской общины, поспевшие ко дню погребения, сами несли на плечах гроб своей благодетельницы при пении певчих мужской обители. 16 августа после божественной литургии игуменом Нифонтом был совершён чин погребение, и тело почившей предано земле у тёплого каменного монастырского храма во имя Казанской иконы Божьей Матери²⁶⁰.

Перед смертью Анна Ивановна по завещанию от 30 июня 1871 г. в дополнение к прежним пожертвованиям оставила 20 десятин лучшего леса Ключегорской Богородицкой общине, 33 десятины земли – её причту и 33 десятины 800 кв. саженей – для обеспечения пищей и содержанием богомольцев, приходящих в обитель. Кроме того, ещё 8 десятин леса, оставленных в пользование родной сестре благотворительницы Глафире Ивановне Христ, после смерти последней также должны были перейти в собственность монашеской общины²⁶¹. Таким образом, Анна Ивановна Путилова в общей сложности пожертвовала основанной ей обители 1076 десятин 300 кв. саженей земли. Единственным условием этих даров с её стороны было вечное ежедневное поминовение в общине при каждой проскомидии, за обедней, за молитвенными правилами перед и после трапезы, за псалтырным чтением, а также совершение по субботам большой панихиды за упокой: мужа Павла Путилова, его отца Петра, брата Платона, сестры Анны, собственных родителей Иоанна и Варвары Христ, её братьев Аристарха и Николая Христ, сестёр Глафиры Христ и Екатерины Меч, зятя Николая Меч, племянника Иоанна Меч,

²⁶⁰ Орлов Д. Н. Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь в Бузулукском уезде Самарской епархии: историко-статистическое описание. – Самара: Земская типография, 1882. – С. 33–35.

²⁶¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 2983. Л. 2–6 об.

монахини Магдалины, благодетеля обители епископа Феофила и самой основательницы²⁶².

3 сентября 1871 г. новой начальницей Ключегорской Богородицкой общины была утверждена рясофорная монахиня Феоктиста Александровна Ленивцева. Она родилась в 1804 г. в семье дворян Симбирской губернии. Обучалась в частном пансионе и французскому языку. Вступила в брак, но её муж и 4 детей скончались. Ушла от мира в Симбирский Спасский монастырь (ныне в г. Ульяновске), откуда в декабре 1866 г. переведена на послушание в Бузулукскую Тихвинскую обитель. В мае 1867 г. облечена там в рясофор. В июне 1869 г. назначена помощницей к начальнице Ключегорской Богородицкой общины. В июле 1870 г. определена исправлять должность начальницы в Раковской Свято-Троицкой женской общине (ныне пос. Красный Городок Красноярского района Самарской области). 24 февраля 1874 г. в Самаре пострижена в мантию с именем **Феофания** епископом Герасимом (в миру Георгием Ивановичем Добросердовым) (1809–1880)²⁶³.

Как опытная руководительница она обратила огромные и малоиспользуемые ресурсы общины на улучшение её хозяйственно-бытовых условий.

Для развития животноводства в 1873 г. на расстоянии 40 саженей (85,34 м) от обители, у пруда был устроен плетнёвый скотный двор с сараями для рогатого скота, землянкой для маленьких телят, жилым корпусом для коровниц и холодным погребом для хранения молочных продуктов. На берегу пруда срублена баня с прачечной. А в 50 саженях (106,68 м) обнесён плетнём отдельный конный двор с 2-мя конюшнями из дикого камня, сараем, 3-мя деревянными амбарами для овса, муки и сбруи, 2-мя колодцами и 2-мя деревянными избами для работников. На этом дворе поставлен деревянный корпус для экономки, её помощницы и временного размещения приходящих богомольцев. Тогда же на территории самой обители сооружены 2 больших амбара и 3 погреба для припасов, а также 3 сарая для повозок, телег, саней, дровней и т. п. По правую сторону у ворот выстроен деревянный корпус для хлебопекарни и больницы. А в г. Бузулуке, на Никольской улице заведено монастырское подворье.

В том же 1873 г. проведена реконструкция настоятельского корпуса, при перестройке которого обнаружилась ветхость примыкающей Смоленской церкви. Поэтому в следующем 1874 г. храм был значительно обновлён и расширен за счёт дополнительного придела во имя Святителя Николая Чудотворца. После завершения строительных работ игумен Нифонт 8 октября 1874 г. освятил главный престол, а 22 июня 1875 г. – и новый придел²⁶⁴.

²⁶² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 1467. Л. 57–59.

²⁶³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 233. Л. 2 об. – 3; Д. 254. Л. 1 об. – 2.

²⁶⁴ Орлов Д. Н. Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь в Бузулукском уезде Самарской епархии: историко-статистическое описание. – Самара: Земская типография, 1882. – С. 74–76.

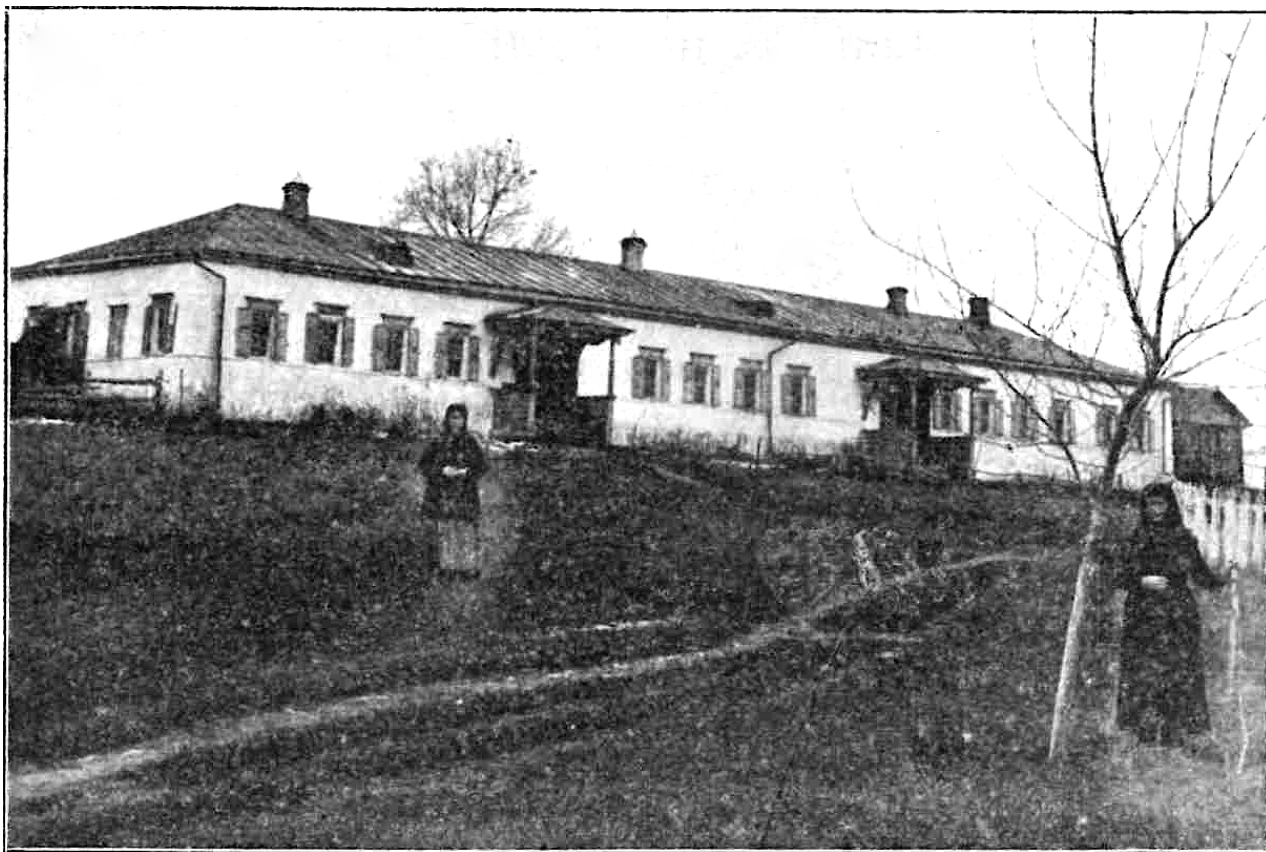

30 января 1875 г., в день Трёх святителей, считающихся покровителями образования и наук, при обители было открыто одноклассное женское училище, куда поступили 37 девочек²⁶⁵. Закону Божьему их обучал местный священник, а светским дисциплинам – одна из сестёр общины Пелагея Ивановна Калетонова, окончившая Бузулукское приходское женское училище.

Под размещение собственного учебного заведения в следующем 1876 г. справа от храма во имя Смоленской иконы Божьей Матери был возведён корпус из воздушного кирпича, часть которого также заняли кельи.

В 1877 г. по левую руку от выездных ворот перестроен и расширен трапезный корпус с 3-мя кельями по концам.

В апреле 1878 г. на расстоянии 4 вёрст от обители, на речке Талле устроена мукомольная водяная мельница о 2-х поставах. Близ тёплой Смоленской церкви, с западной стороны отведен участок на 100 сажень длины и 50 сажень ширины под фруктовый сад для разведения яблонь, груш, вишни, малины, смородины, крыжовника, клубники и земляники. Также выделено место и под пчельник на 100 пеньков, воск от которых шёл на изготовление церковных свечей. Наконец, справа от выездных ворот сложен из воздушного кирпича корпус для помещения просфорной и 9 келий.

Первоначальный келейный корпус из кирпича

На все эти постройки начальница общины Феофания привлекла около 30 тысяч рублей. Развитие обители и её хозяйства, расширение куль-

²⁶⁵ Из Ключегорской общины Бузулукского уезда // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1875. – № 8. – С. 189–192.

товых, жилых и подсобных площадей позволило матушке в сентябре 1878 г. вновь поставить вопрос о переименовании общины в монастырь. 13 февраля 1879 г. её просьбу поддержал перед Св. Синодом епископ Самарский и Ставропольский Серафим (в миру Симеон Иванович Протопопов) (1818–1891). Пока дело рассматривалось, рачительная руководительница в 1880 г. ещё и увеличила пристроенный тесный домовый храм во имя Смоленской иконы Божьей Матери. «За великие труды и заботы ея по внешнему и внутреннему благоустройству обители» Преосвященный Серафим представил начальницу общины к награждению наперсным крестом от Св. Синода, чтобы соединить две радости – от переименования обители и поощрения её руководительницы.

15 марта 1880 г. император Александр II выразил согласие на преобразование общины в Ключегорский Казанско-Богородицкий общежительный женский монастырь с присвоением ему 3-го класса. Как и задумывалось, Св. Синод 30 апреля 1880 г. своим указом объявил одновременно о переименовании обители, возведении её начальницы в сан игуменьи и награждении наперсным крестом.

Настоятельница Феофания была вызвана в Самару, где 30 июня в Иверском монастыре за литургией, во время малого хода епископом Серафимом была посвящена в игуменьи с возложением наперсного креста. Следом в Ключегорскую обитель был направлен игумен Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря Нифонт, который 6 и 7 июля постриг в мантию 18 сестёр из числа наиболее достойных²⁶⁶.

Само торжество открытия женского монастыря было назначено на 8 июля, когда в стенах обители отмечался храмовый праздник явления Казанской иконы Божьей Матери. «Между тем, православные поселяне, ранее ещё 3 дней до торжества, стали во множестве стекаться в обитель, дабы с одной стороны присутствовать при радостной встрече всеми любимой игуменьи Феофании, возвращавшейся из Самары ...

Многие надеялись, не явит ли Божья Матерь знамения своего милосердия в ниспослании дождя земле жаждущей. Действительно, лето этого года отличалось нестерпимым жаром от продолжительного бездождия. Поля, леса, луга – всё опалалось зноем, всё грозило страшною засухой. Небо казалось медным, воздух днём раскалялся до того, что ночи были душные до нестерпимости.

Однако, не взирая, пришельцы не унывали: с сильным религиозным чувством, с великою верою и упованием все ожидали милости от Бога у источника его милосердия – храма.

7 июля совершена была заупокойная литургия с панихидой о покойной Анне Ивановне Путиловой. Уже пред началом, на раскалённом небе стали появляться облака, к полудню всё более начали сгущаться, а вечером во время всеобщего бдения, отправляемого с умилением сердца, разразились тут

²⁶⁶ ГАОО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 15. Л. 38–41.

сильным проливным дождём. Присутствовавшие в храме невольно, все как один человек, пали на землю с благодарною душою, видя милосердие Божие.

8 июля, в 7 часов утра открыт был перезвон для освящения воды. Среди сего перезвона снова полил проливной дождь на землю жаждавшую. Утешённый народ с благодарным сердцем спешил наполнить храм. Те, кто не успели за теснотой, стояли вокруг, внимая гласу пения.

Между тем, за освящением воды непосредственно следовало чтение часов. Когда были окончены часы, все служившие вышли из алтаря на средину храма. По занятии мест благочинным женских монастырей игуменом Нифонтом был прочитан указ Святейшего Синода о переименовании. Затем началось молебствие Спасителю, Божьей Матери и Святителю Николаю, и открыт был в преднесении хоругвей и святых икон крестный ход вокруг монастыря с осенением крестом у четырёх врат, на конце же всего прочитаны молитвы с коленопреклонением. Многочисленный народ, стоя на коленях, умилялся душою, сколько от участия в торжественной процессии, столько же при виде обновлённой и оживлённой природы от обильного дождя.

По входе в храм началась Божественная литургия, во время которой совершена ектения об упокоении души монахини Агнии (Анны Ивановны Путиловой). А в конце произнесено слово священником с. Александровки-Стобеус Василием Белгородским из текста «в дому Отца моего обители многи суть». После литургии совершено благодарственное Господу Богу молебствие с возглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святейшему Правительствующему Синоду, Преосвященнейшему Серафиму и всем благодетелям обители. За сим – вечная память Агнии»²⁶⁷.

С возведением общины на степенъ монастыря встал вопрос о необходимости постройки в нём нового, более просторного и соответствующего высокому статусу каменного храма. Для заготовки материалов к предполагаемому строительству в 1882 г. сёстры организовали в 400 саженьях (853,44 м) от монастыря кирпичное заведение, где ежегодно выделялось собственными силами до 100 тыс. штук кирпича. Но даже с таким подспорьем на возведение собора требовалось не менее 40 тыс. руб., которыми обитель не располагала. Правда, оставалась надежда на помощь Божью через благотворителей. Например, в 1882 г. один из них Евгений Фёдорович Бобков передал по дарственной Ключегорскому монастырю 58,5 десятины (63,9 га) земли. С упованием на отзывчивость других верующих сёстры решили искать денег для постройки храма на стороне и добились разрешения на отправку сборщиц с записными книгами по всей стране. Во время этих поездок они и отыскиали себе благодетеля в Москве. Придя за пожертвованиями к дому московского купца 1-й гильдии

²⁶⁷ Орлов Д. Н. Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь в Бузу-лукском уезде Самарской епархии: историко-статистическое описание. – Самара: Земская типография, 1882. – С. 81–84.

и владельца ткацких фабрик Фрола Яковлевича Ермакова (1815–1895), они застали его жену Екатерину Корнилиевну в тяжёлой болезни. Благотворитель, известный своей религиозностью и щедрыми пожертвованиями на церковные нужды, пообещал средства на строительство собора, если его супруга исцелится по молитвам сестёр. «Всю ночь провели сборщицы в горячей молитве. Много, много раз прочитали они в течение ночи акафист святителю и чудотворцу Николаю пред Его иконою, взятою ими из монастыря». А на утро купец объявил им, что недуг отступил и верный слову выделил 60 тыс. руб. на сооружение храма в Ключегорском Казанско-Богородицком женском монастыре²⁶⁸, для которого сёстры изыскали ещё 10 тыс. руб.

Ф. Я. Ермаков

11 февраля 1883 г. игуменья Феофания представила на рассмотрение властей архитектурный проект этого каменного собора во имя святителя и чудотворца Николая с двумя приделами во имя св. апостолов Петра и Павла и во имя Иакова Исповедника. 3 марта 1883 г. он был одобрен Строительным отделением Самарского губернского правления. А 6 июня 1883 г. по поручению епархиального начальства освящение места и закладку храма совершил настоятель Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря архимандрит Нифонт в сослужении других священников и при многолюдном стечении народа²⁶⁹.

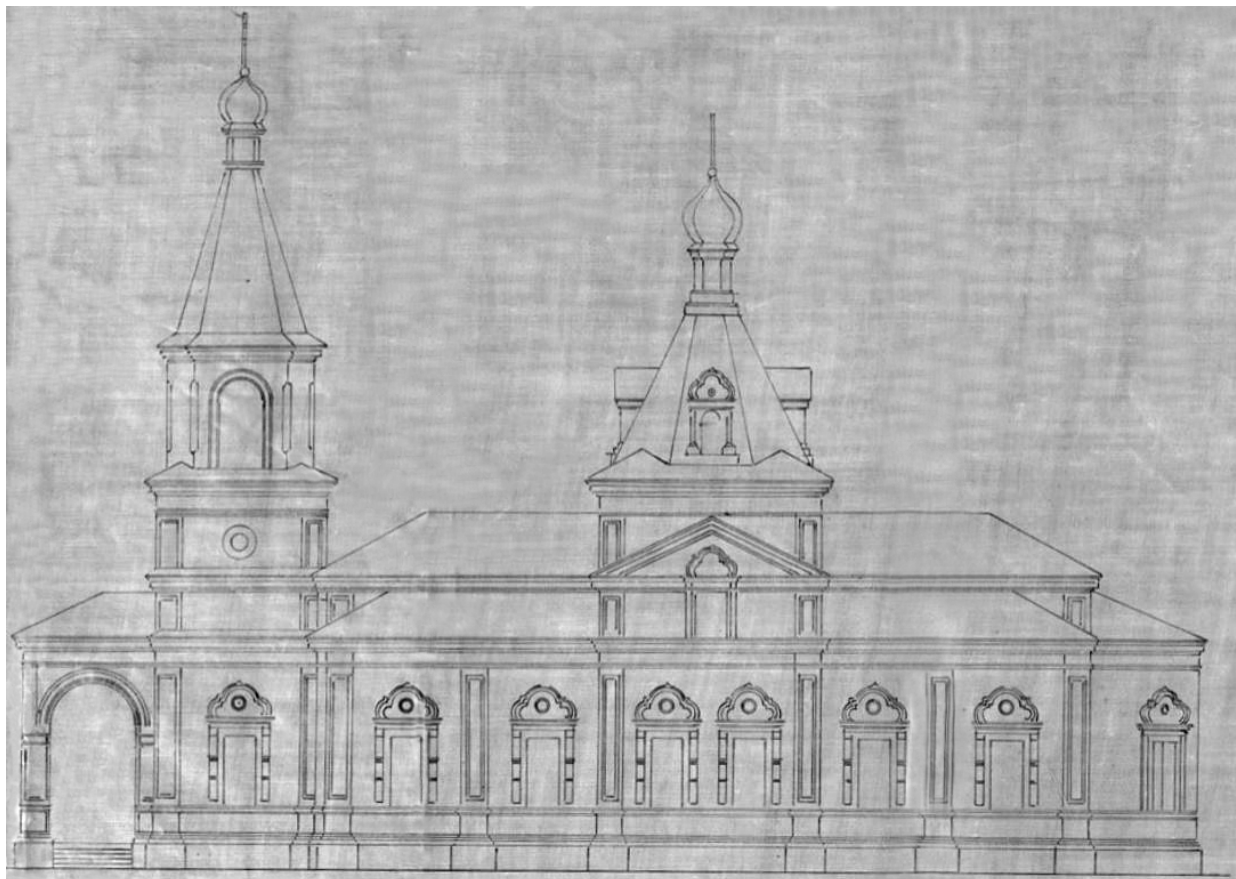
Положив твёрдое начало этому делу, игуменья Ключегорской обители Феофания 1 октября 1883 г. скончалась. А её преемницей была определена монахиня **София** (в миру в миру Вера Ефимовна Андреева). Она родилась в 1820 г. и происходила из дворян Симбирской губернии. Получила домашнее образование. Вышла замуж за помещика Фатьянова, в браке с которым родила сына и дочь. Овдовев, 25 мая 1880 г. поступила в Свято-Троицкую женскую общину г. Новоузенска (ныне Саратовской области) исполняющей

²⁶⁸ Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь, Бузулукского уезда, Самарской епархии: (К пятидесятилетию существования монастыря). – Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1914. – С. 22–24.

²⁶⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 2952. Л. 1–7.

Проект Никольского храма. 1883 г.

обязанности настоятельницы, а 3 ноября была утверждена в этой должности. 21 декабря 1880 г. епископом Серафимом пострижена в монашество в Крестовой церкви г. Самары. Указом Св. Синода от 25 ноября 1883 г. № 3687 назначена настоятельницей Ключегорского Казанско-Богородицкого монастыря с возведением в сан игуменьи, которое совершено Преосвященнейшим Серафимом в Самарском кафедральном соборе 25 декабря 1883 г.²⁷⁰

Под руководством новой игуменьи Софии каменный Никольский храм обители был вчерне окончен в 1885 г., а затем отделан с установкой московскими мастерами летом 1887 г. иконостаса. В присутствии благодетеля Флора Яковлевича Ермакова и его супруги Екатерины Корнилиевны, при многолюдном стечении верующих, благочинный женских монастырей архимандрит Нифонт в сослужении протоиереев Дмитрия Николаевича Орлова, Арсения Васильевича Жданова и Фёдора Ивановича Благовидова 15 августа 1887 г. торжественно освятил левый храмовый придел во имя св. Иакова Исповедника, 16 августа – правый придел во имя первоверховных апостолов Петра и Павла²⁷¹, а 18 августа, в день тезоимениства храмоздателя, уже сам епископ Самарский и Ставропольский Серафим совершил чин освящения и главного престола собора во имя святителя Николая Чудо-

Никольский храм

²⁷⁰ ГАОО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 6. Л. 1 а.

²⁷¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 2952. Л. 16–17 об.

творца. Видя скудость в обители, благотворитель Флор Яковлевич Ермаков тогда же пожертвовал в неприкосновенный капитал на содержание Ключегорского монастыря 5 тыс. руб. и на содержание его причта 1 тыс. руб.²⁷².

Внутренний вид Никольского храма

В заботах о духовном настоятельница обители София также не забывала и об укреплении материальной основы монашеского общежития, численность которого возросла со 183 человек (20 монахинь, 20 указных и 143 неуказных послушницы) в 1880 г. до 237 насельниц (29 монахинь, 20 указных и 188 неуказных послушниц) в 1885 г.²⁷³.

Попечением игуменьи об их нуждах на расстоянии 3 вёрст от монастыря, близ Сухого колка в 1884 г. благоустроен второй фруктовый сад посадкой 2000 яблонь и разных ягод, вырыт пруд и колодец для поливки деревьев.

В 1885 г. монастырское училище переведено в обширное здание из воздушного кирпича к югу от домово́й Смоленской церкви. Половину его занимали учебные классы, а другую часть с отдельным входом и крыльцом – 10 келий для помещения сестёр. С 1886 г. светские предметы в

²⁷² Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь, Бузулукского уезда, Самарской епархии: (К пятидесятилетию существования монастыря). – Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1914. – С. 25.

²⁷³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 233. Л. 2 об. – 72; Д. 310. Л. 44 об. – 45.

училище стала преподавать за 120 руб. в год Анна Ростиславовна Раковская, окончившая курс в Самарском епархиальном женском училище. К 1890 г. под её началом занимались 33 девочки.

В 1887 г. на расстоянии 100 саженей от монастыря был перенесён и значительно расширен скотный двор. В отличие от предыдущего он был уже не плетнёвым, а представлял собой целый комплекс кирпичных зданий из 3 отдельных хлевов для коров, больших и маленьких телят, корпусом для скотниц и погребом для молочного хозяйства.

В том же году для бытовых нужд заново сделаны баня и прачечная.

В 1888 г. основательно перестроена и принадлежавшая обители водяная мукомольная мельница на речке Талле²⁷⁴.

В трудах на благо монастыря его настоятельница София 25 апреля 1889 г. отошла ко Господу, оставив по себе очень добрую память многим полезными свершениями за небольшой срок управления²⁷⁵.

У кормила же обители по заслугам встала её ближайшая помощница во всех делах казначея **Ермиония I** (в миру Елена Максимовна Рогулина). Она появилась на свет в 1830 г. в семье крестьян с. Киселёвки Бузулукского уезда (ныне с. Первокрасное Сорочинского района Оренбургской области). Читать научилась дома, а писать – в Ключегорской обители, куда поступила 27 декабря 1861 г. ещё до официального учреждения местной общины. 18 июля 1872 г. определена в ней помощницей начальницы, а 5 августа поставлена благочинной. 21 ноября 1880 г. игуменом Нифонтом пострижена в мантию. По указу Самарской духовной консистории от 15 октября 1882 г. утверждена казначеей Ключегорского монастыря. После смерти игуменьи Феофании 30 октября 1883 г. ей было поручено временное управление обителью. 12 апреля 1888 г. казначее преподано благословение первенствующего члена Святейшего Синода, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора (Никольского) (1799–1892). По смерти игуменьи Софии 25 мая 1889 г. она снова была назначена заведовать обителью, а синодальным указом от 31 октября 1889 г. № 2943 утверждена настоятельницей Ключегорского Казанско-Богородицкого женского монастыря²⁷⁶. 8 ноября 1890 г. епископом Серафимом возведена в сан игуменьи в Крестовой церкви г. Самары²⁷⁷.

При матушке Ермионии I были приведены к завершению многие начинания, инициированные её предшественницей. Так, заложенный в 1887 г. на юго-восточной стороне монастыря 2-этажный общежительный корпус на 47 комнат был окончен кладкой в 1890 г. А каменная колокольня, доведённая при постройке Никольского собора только до 2-го яруса,

²⁷⁴ ГАОО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об. – 5 об.

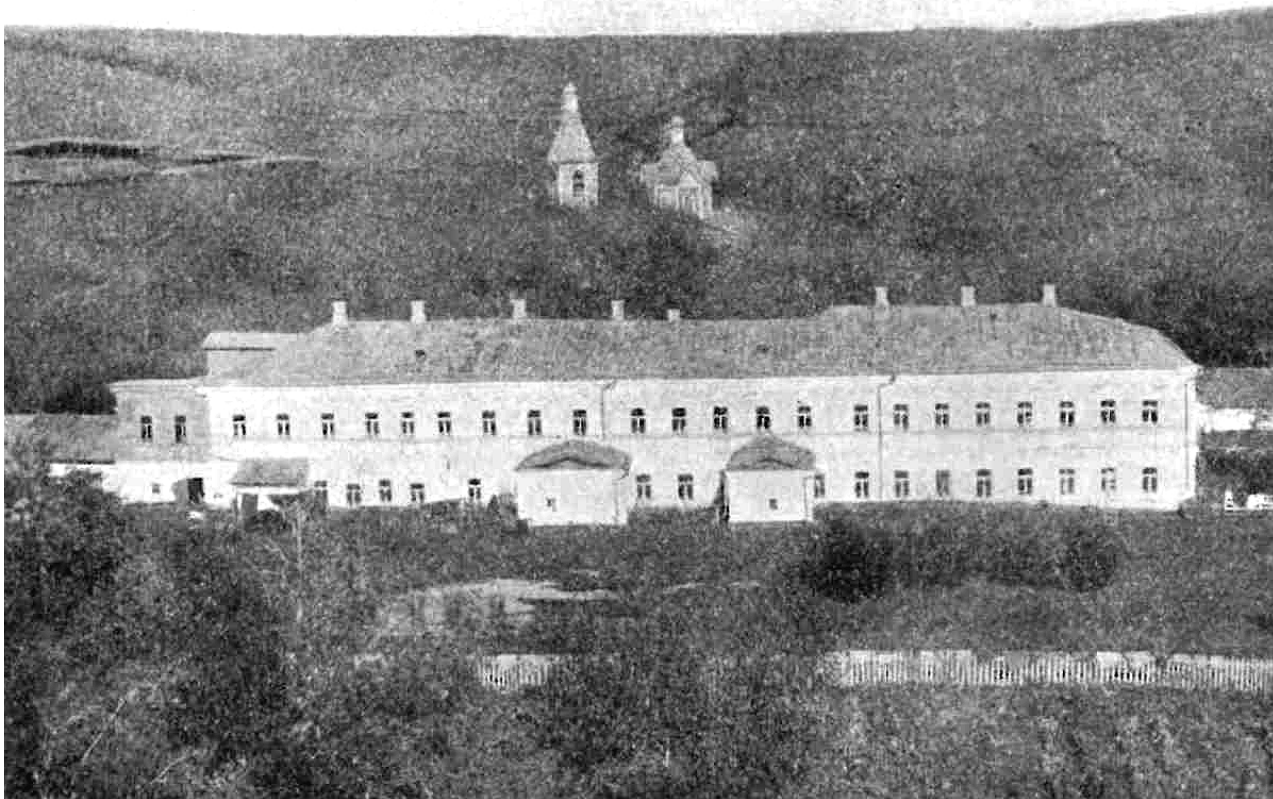
²⁷⁵ Некролог // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1889. – № 12. – С. 373–375; Рыбаков А. Воспоминания о настоятельнице Ключегорского Богородицкого монастыря игуменье Софии // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1890. – № 16. – С. 505–508.

²⁷⁶ ГАОО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 об. – 16; Д. 14. Л. 69 об. – 70.

²⁷⁷ Соковнин П. Архипастырское наставление и пастырское приветствие новопоставленной игуменьи // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1891. – № 2. – С. 46–52.

к 1891 г. была достроена на 4600 руб., пожертвованные храмоздателем Ф.Я. Ермаковым²⁷⁸. На звонницу были подняты колокола общим весом 100 пудов (1 тонну 638 кг), к которым неизвестный благотворитель позднее прислал ещё один благовест на 150 пудов (2 тонны 457 кг).

2-этажный каменный келейный корпус

Со вступлением же на Самарскую кафедру в 1892 г. Преосвященного Гурия (в миру Сергея Васильевича Буртасовского) (1845–1907), любившего благолепие иноческих обителей, начался настоящий расцвет Ключегорского женского монастыря. «Преосвященный Гурий, в первый же год своего управления, обозревая епархию, посетил и Ключегорский женский монастырь. Найдя в нем большую бедность: убогие маленькие домики, большую частью из саманного кирпича, для помещения сестер, плетнёвую ограду кругом монастыря, а главное, недостаточность и бедность церковной утвари, он, единственно он, принял живейшее участие в этом и помог привести обитель, в цветущее состояние своими советами, указанием благотворителей и выдачею книг на сбор добровольных пожертвований на нужды её. Трудницы по сбору добровольных пожертвований прошли, можно сказать, всю Россию. От них узнали о Ключегорском женском монастыре в Москве, Петербурге. Одессе, Астрахани, на Кавказе и даже в дальней Сибири»²⁷⁹. Нашлось много благодетелей, щедротами которых стали украшаться прежние и строится новые здания.

²⁷⁸ ГАОО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

²⁷⁹ Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь, Бузулукского уезда, Самарской епархии: (К пятидесятилетию существования монастыря). – Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1914. – С. 128.

Так, в 1893 г. главный монастырский собор Николая Чудотворца был выкрашен внутри масляной краской и расписан священными изображениями наёмным живописцем при помощи мастериц из числа самих сестёр. Тогда же в здании домово́й Смоленской церкви были устроены трапезная и поварня, а сам храм полностью отремонтирован. В 1893–1899 гг. с двух сторон от колокольни пристроены помещения для псалтырной и ризницы.

В 1894 г. на дворовом месте, пожертвованном самарской мещанкой Стефанидой Денисовой, в г. Самаре, на Уральской улице (ныне Братьев Коростелёвых), близ Покровской церкви было сооружено подворье Ключегорского монастыря. Здесь в подвальном этаже сдавалось жильё квартирантам, а наверху погодно менялись сёстры.

В 1894 г. рядом с обителью, близ холодного храма Казанской иконы Божьей Матери из воздушного кирпича на каменном фундаменте утверждён корпус, половина которого намечена для приёма странников и богомольцев, а другая – под размещение монастырского училища. В 1900 г. здесь обучалась 21 девочка, а в 1905 г. – уже 40 воспитанниц. Для просветительских целей при монастыре также действовала библиотека, которая в 1890 г. имела в своих фондах 270 книг, в 1900 – 290, а в 1910 г. – 313 томов догматического и духовно-нравственного содержания.

В 1894–1897 гг. на западной стороне монастырской усадьбы выстроен 2-этажный полукаменный корпус, где в 65 помещениях расположились покои настоятельницы, кельи сестёр и мастерские.

2-этажный полукаменный корпус для настоятельницы и сестёр

В 1896 г. на западной стороне монастырской ограды близ скотного дополнительно устроен новый конный двор, который объединял в общий комплекс конюшни и сарай, сennую карду, 2 амбара для овса, колодец с насосом, кладовую для сбруи, а также флигели для экономки и рабочего персонала.

В 1896–1898 гг. доселе деревянная, а местами и плетнёвая ограда вокруг обители на полученные от благотворителей 30 тыс. руб. была заменена каменной стеной высотой 5 аршин (3,56 м), шириной 1 аршин (0,71 м) и общей протяжённостью по периметру в 536 саженей (1143,61 м).

В 1897 г. на углу ограды к двумя стенам пристроено общее кирпичное здание для бани и прачечной, соединённых сенями, в которых вырыт колодец с водокачкой и желобами для подачи воды. На берегу речки Таллы поставлена ещё одна деревянная баня. Наконец, в 1899 г. близ игуменского корпуса срублена третья деревянная баня.

Необходимость расширения жилых и бытовых построек была вызвана стремительным ростом наличного штата монастыря. Если 1890 г. обитель служила постоянным приютом для 279 насельниц (44 манатейных монахинь, 70 указных и 165 неуказных послушниц), то в 1900 г. – уже для 426 сестёр (83 манатейных монахинь, 136 указных и 207 неуказных послушниц)²⁸⁰.

Для их обеспечения в 1897–1900 гг. на месте сгоревшей просфорни был отстроен 2-этажный каменный корпус. Половину его нижнего этажа заняла просфорная и квасоварка, для которых внутри был даже вырыт колодец с водокачкой. Вторая половина нижнего и весь верхний этаж предназначены под 20 келий для проживания сестёр²⁸¹.

Одновременно со строительством активно развивалось хозяйство монастыря. Осваивались и распахивались принадлежавшие ему угодья, которые, к тому же, прирастали новыми пожертвованиями. Так, в 1893 г. крестьянин с. Максимовки Бузулукского уезда Даниил Максимович Жоголев подарил обители 302 десятины 345,5 кв. саженей (330,1 га) земли²⁸². В 1897 г. его брат Мирон Максимович Жоголев добавил сёстрам 316 десятин 345 кв. саженей (345,4 га). А в 1900 г. крестьяне соседнего с обителью с. Таллы с общего согласия прирезали ей 1000 кв. саженей (0,5 га) земли. В результате к 1900 г. монастырские владения расширились до 1755 десятин 345,5 кв. саженей (1917,5 га) земли. В 1902 г. мещанка г. Ейска Кубанской области Наталья Ефимовна Алексеева передала монастырю ещё 324 десятины (354 га), специально купленные по соседству с владениями обители у с. Таллы²⁸³.

В 1900 г. с монастырских угодий было получено урожая зерновых и бобовых на 20350 пудов (333 тонны 333 кг), в том числе: пшеницы – 10000 пудов (163 тонн 800 кг), овса – 6000 пудов (98 тонн 280 кг), ржи – 3500 пу-

²⁸⁰ ГАОО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3. Л. 3; Д. 14. Л. 5.

²⁸¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 118. Л. 5–7 об.

²⁸² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4037. Л. 1–11.

²⁸³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4471. Л. 6–9.

дов (57 тонн 330 кг), полбы – 400 пудов (6 тонн 552 кг), гречихи – 200 пудов (3 тонны 276 кг), гороха – 200 пудов (3 тонны 276 кг) и проса – 50 пудов (819 кг). Переработку зерна обеспечивали 3 мельницы. В дополнение к существовавшей на речке Таллы обитель сняла в аренду с 1891 г. на 12 лет ещё одну водяную мукомольную мельницу в 25 верстах (26,7 км), у с. Зубаревки Бугурусланского уезда, на реке Большой Кинель. А в 1899 г. была построена ещё и ветряная мельница о 2-х поставах. Помимо собственной переработки, они приносили ещё и дополнительный хлеб в качестве гарнцевого сбора – удержание доли урожая в качестве платы за помол по сторонним заказам. Например, в 1900 г. таким образом в монастырские закрома поступило ещё 2955 пудов (48 тонн 403 кг) зерна, включая 2057 пудов (33 тонны 694 кг) пшеницы и 898 пудов (14 тонн 709 кг) ржи. Тогда же с монастырского огорода собрано 5200 вилок капусты, 111000 огурцов, 31000 луковиц, 2 воза редьки, 1300 пудов (21 тонна 294 кг) картофеля, 40 пудов (655 кг) свеклы и 1 пуд (16,4 кг) моркови.

В 1900 г. обитель держала 314 голов скота, в том числе 157 лошадей и 150 коров. Сёстрами было наловлено 7 пудов (115 кг) рыбы. На пчельнике имелось 35 ульев²⁸⁴.

Для обеспечения собственных нужд обители при игуменье Ермионии I были заведены мастерские: иконописная, ковровая, белошвейная и пуховая.

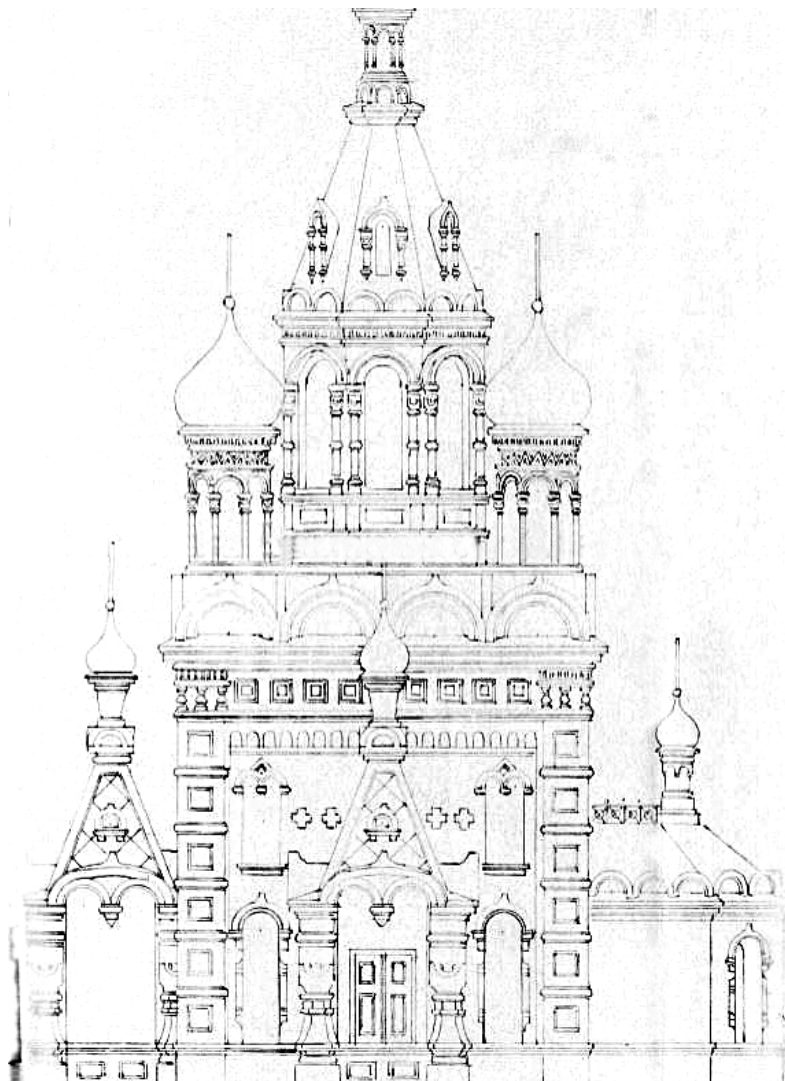
Развитие хозяйства способствовало росту финансовых поступлений Ключегорского монастыря. Если в 1890 г. его приход составил 9781 руб. 35 коп., то в 1900 г. – 11107 руб. 3 коп. Соответственно, и расходы поднялись с 9687 руб. 40 коп. в 1890 г. до 11011 руб. 7 коп. в 1900 г. Ещё больше увеличился неприкосновенный капитал обители за счёт частных пожертвований на помин души. Если в 1890 г. обитель владела ценными бумагами всего на 9400 руб., то в 1900 г. – уже на 22575 руб.²⁸⁵

На средства благодетелей продолжалось и украшение монастыря новыми постройками. В 1899 г. мещанин г. Астрахани Николай Евдокимович Янков, приехавший в Ключегорский монастырь на поклонение иконе Николая Чудотворца, пожелал заменить ветхую деревянную часовню на месте её обретения каменным храмом во имя этого святого. Он сам прислал проект церкви, который был утвержден Строительным отделением Самарского губернского правления 27 мая 1900 г. После совершения соборного богослужения в обители и крестного хода к месту чудесного знамения 29 июня 1900 г. была произведена закладка храма архимандритом Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря Христофором (Ясницким) при участии и. о. благочинного Василия Васильевича Архангельского, местного причта и некоторых приглашённых священнослужителей. Правда, вскоре по болотистой, неустойчивой

²⁸⁴ ГАОО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 14. Л. 48–68.

²⁸⁵ ГАОО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3. Л. 6; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 118. Л. 11.

Проект Никольской церкви на месте обретения чудотворной иконы —

почве строительство пришлось немного сдвинуть от места обретения иконы к югу, где грунт был более твёрдым и мог выдержать немалый вес каменного храма²⁸⁶. Постройка производилась на деньги не только Н.Е. Янкова, но и других благотворителей и обошлась в 15 тыс. руб., из которых 6 тыс. руб. внесла сама обитель. По завершении всех работ новый каменный храм во имя святителя Николая Чудотворца 11 июля 1902 г. был освящён самарским епископом Гурием в сослужении архимандритов Вениамина и Анатолия, благочинного Петра Пономарёва и прочего духовенства в присутствии астраханских благодетелей. Иконостас в эту церковь был пожертвован владельцем иконописной мастерской в Астрахани Фёдором Кононовичем Моисеевым, а вся утварь также прислана тамошними благотворителями. 3 ноября 1902 г. на колокольню храма были подняты колокола²⁸⁷.

²⁸⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 4125. Л. 2–17 об.

²⁸⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 588. Л. 3 об. – 4.

Никольская церковь на месте обретения чудотворной иконы

Ещё одним значимым событием в духовной жизни Ключегорского монастыря стало перенесение в его стены из Бузулукской Спасо-Преображенской мужской обители 20 июня 1900 г. праха основательницы женской общины монахини Агнии (Путиловой), останки которой были положены в особом склепе по правую сторону Никольского собора. Над этой дорогой для монастыря могилой в 1902 г. по проекту самарского губернского архитектора Т.С. Хилинского (1855–1905) была устроена каменная часовня, где в дни памяти почившей служились заупокойные литии.

Наконец, по инициативе матушки Ермионии и проекту того же архитектора 19 июля 1903 г. священником Григорием Ивановым была произве-

Часовня над могилой основательницы монастыря Агнии (Путиловой)

дена в монастыре закладка и освящение места постройки 2-этажной трапезной каменной церкви во имя преп. Серафима Саровского.

Однако настоятельнице не суждено было довести этого дела до конца. Немало потрудившись на благоустройство и развитие своего монастыря, игуменья Ермиония I умерла 21 марта 1904 г. и была похоронена в одном склепе с основательницей обители, монахиней Агнией.

30 марта того же года сестры Ключегорского монастыря единогласно избрали новой настоятельницей рясофорную послушницу Евдокию Ивановну Литвинову. Она увидела свет в 1869 г. в семье крестьян с. Алексеевки Бугурусланского уезда (ныне Бугурусланского района Оренбургской области). Читать и писать обучалась в прогимназии г. Бугуруслана. 24 ноября 1886 г. девицей удалилась от мира в Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь. 10 марта 1893 г. официально зачислена указной послушницей. Проходила послушание по письмоводству. 1 мая 1893 г. в этой же обители архимандритом Нифонтом облечена в рясофор²⁸⁸. 7 апреля 1904 г. в Самарском Иверском монастыре епископом Гурием пострижена в мантию с именем **Ермионии П.** И в тот же день по выбору сестёр указом Самарской духовной консистории № 4899 ей поручено управлять Ключегорским монастырём вместо умершей игуменьи. Синодальным указом от 30 апреля 1904 г. № 4243 она была назначена и. о. настоятельницы, а 18 февраля 1905 г. за № 859 утверждена Св. Синодом в этой должности. Во исполнение этого указа 13 марта 1905 г. епископом Константином (в миру Кириллом Иоакимовичем Бульчёвым (1858 – середина 1930-х) в Самарском Иверском монастыре возведена в сан игуменьи²⁸⁹.

При ней в Ключегорском монастыре была достроена Серафимовская трапезная церковь, причём наёмных работникам активно помогали сами сёстры: возили лес, кирпич, носили воду, песок и извёстку, вставляли окна и красили интерьеры краской. На первом этаже сделаны кельи для монахинь и поварская, а наверху устроена собственно церковь. Иконостас и вся утварь для неё тоже были привезены из Астрахани на средства тамошних благотворителей, прикипевших душой к обители. 19 июля 1906 г. самарский епископ Константин освятил главный престол храма во имя св. преп. Серафима Саровского в сослужении двух протоиереев – ключаря Самарского кафедрального собора Сергея Демидова и Николая Богоявленского, помощника инспектора иеромонаха Иерофея, благочинного Петра Пономарёва и 10 священников. Правый придел церкви во имя св. Иоанна Златоуста был освящён благочинным с 7-ю священниками 20 июля 1906 г., а левый придел во имя св. Николая Чудотворца – им же 7 июля 1907 г. при участии 4-х священников.

²⁸⁸ ГАОО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 14. Л. 165 об. – 166.

²⁸⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 541. Л. 1 об. – 2.

Серафимовская трапезная церковь

Внутренний вид Серафимовской трапезной церкви

Поскольку Николаевская церковь монастыря при постройке по техническим условиям была поставлена в стороне от места явления чудотворной иконы святителя, в 1906 г. на средства астраханских благодетелей Харитона Ивановича Кленкова и Николая Евдокимовича Янкова на самой точке знамения была дополнительно построена деревянная часовня. Внутри она была разделена на 4 части: в первой находился колодезь, а в остальные из него была проведена струящаяся из крестов вода, в которой купались паломники²⁹⁰.

Дважды в год – 9 мая в день Николая Чудотворца и 31 октября в день обретения его чудотворной иконы – на источник устраивались крестные ходы, на которые с окрестностей стекалось до 10 тысяч человек. Современник свидетельствовал, что в Николин день «монастырь положительно напоминает улей, в котором пчёлки работницы – сестры дают приют паломникам, поят, кормят и покоят их. Сюда, в монастырь, текут толпы богомольцев со всех сторон, разные по народностям и одежде: тут великороссы, тут малороссы, тут мордва, тут и чуваша. Но всех их связывает одно – это православная вера и великая любовь к святителю и чудотворцу Николаю. Она-то и влечёт их в монастырь на радостный и великий праздник. Служение молебнов совершается непрерывно за день, а иногда и за два. Накануне праздника поздно кончается всеношная, а после неё начинается чтение акафиста Святителю самим народом. В тихую, тёплую ночь под открытым небом, среди монастыря, соберётся огромная толпа богомольцев; грамотей читает, а припев поётся общенародным хором. О, сколько веры, надежды и любви выливается в заключительных словах: «радуйся, Николе, великий чудотворче»! Так и кажется, что в это время богомольцы чрез своё воодушевлённое пение всем своим существом ощущают присутствие прославляемого Святителя. Чтение акафиста заканчивается пением величания Святителю»²⁹¹.

В Ключегорский монастырь паломников привлекали и многочисленные святыни, хранившиеся в местных храмах: чудесно обрётённая икона свт. Николая Чудотворца; привезённый основательницей обители из Седмиозерной Богородицкой пустыни Смоленский образ Царицы Небесной; полученные с Афона иконы Божьей Матери «Скоропослушница», «Достойно есть» и образ св. вмч. Пантелеимона; список с Табынской иконы Божьей Матери; список с Толгской иконы Божьей Матери, прославившийся в 1894 г. мироточением; крест и ковчежец с частицами Честного и Животворящего Древа Креста Господня, камней от Гроба Господня и Гроба Пресвятой Богородицы, мощей святых Иоанна Предтечи (ум. ок. 30), апостола Андрея Первозванного (I в.), апостола от 70 Варнавы (ум. 61), Архидиакона Стефана (ум. ок. 33–36), вмч. Харалампия (ок. 89 –

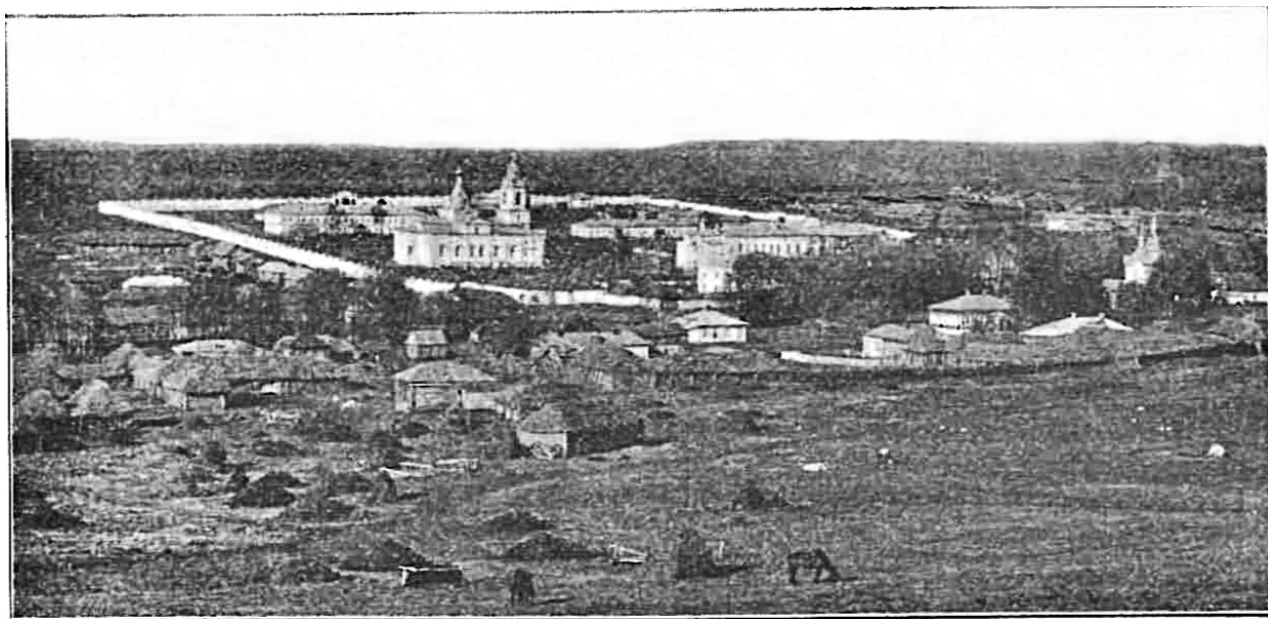
²⁹⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 588. Л. 4, 5 об.

²⁹¹ Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь, Бузулукского уезда, Самарской епархии: (К пятидесятилетию существования монастыря). – Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1914. – С. 34–35.

202), втч. Анастасии Узорешительницы (ум. 304), втч. Варвары (273–306), втч. Георгия Победоносца (280–303), втч. Пантелеимона Целителя (ум. 305), втч. Димитрия Солунского (ум. 306), втч. Феодора Тирона (ум. 306), втч. Феодора Стратилата (ум. 319), свт. Николая Чудотворца (270–343), Григория Богослова (329–389), Василия Великого (330–379), Иоанна Воина (IV в.), Иоанна Златоуста (349–407), преп. Пелагеи Антиохийской (ум. ок. 457), преп. Марии Египетской (ум. 522), Иоанна Милостивого (ум. 609), прав. Евдокима Каппадокиянина (IX в.), преп. Николая Святоши (ок. 1080 – 1143), преп. Сергия Радонежского (1314–1392), преп. Евфимия Суздальского (1316–1404), блаж. Максима Московского (ум. 1434), свт. Филиппа Московского (1507–1569), блгв. царевича Димитрия Углицкого (1582–1591), свт. Димитрия Ростовского (1651–1709)²⁹².

Для размещения возрастающего числа паломников к святыням обители в 1906 г. было полностью освобождено под гостиницу и разбито перегородками на дополнительные комнаты кирпичное здание, половину которого прежде занимало монастырское училище. Для учебного же заведения было построено отдельное просторное, светлое и удобное деревянное здание, включавшее классный зал и 4 комнаты для учительницы и двух послушниц. К 1910 г. здесь постигали азы уже 72 ученицы²⁹³.

Ключегорский Казанско-Богородицкий монастырь

Успехи игуменьи Ермионии II в развитии монастыря и его учреждений были высоко оценены церковным руководством. 11 апреля 1906 г. ей была объявлена благодарность Самарской духовной консистории. 1 сентября 1907 г. она была награждена наперсным крестом от Св. Си-

²⁹² Орлов Д.Н. Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь в Бузулукском уезде Самарской епархии: историко-статистическое описание. – Самара: Земская типография, 1882. – С. 87–90; ГАОО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2 об.; Д. 14. Л. 3 об. – 4.

²⁹³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 588. Л. 9 об. – 10.

нода. 31 августа 1910 г. получила благословение епископа Самарского и Ставропольского Константина за усердную и плодотворную деятельность в пользу церковной школы. 15 октября 1911 г. отмечена серебряной медалью на двойной Владимирской и Александровской ленте в память 25-летия церковно-приходских школ. Наконец, 6 мая 1915 г. удостоена ещё одним золотым наперсным крестом на этот раз уже из Кабинета Его Императорского Величества²⁹⁴.

При матушке Ермионии II монастырь окончательно сложился как крупный хозяйственный комплекс. Его поступления от собственной деятельности и сторонних пожертвований выросли с 17173 руб. 12 коп. в 1905 г. до 23152 руб. 38 коп. в 1910 г. Соответственно, и расходы увеличились с 17517 руб. 6 коп. в 1905 г. до 21263 руб. 21 коп. в 1910 г. Если в 1905 г. обитель владела неприкосновенным капиталом на 26325 руб., то в 1910 г. имела в ценных бумагах уже 28775 руб.²⁹⁵.

В то же время численность насельниц монастыря после бурного роста стабилизировалась: 471 человек (79 монахинь, 123 указных и 269 неуказных послушниц) в 1905 г. и 466 женщин (84 манатейных монахини, 197 указных и 185 неуказных послушниц) в 1910 г.

Земельные ресурсы Ключегорской обители к 1910 г. охватывали 2073 десятины 950,5 кв. саженей (2265,2 га). В 1912 г. её недвижимое имущество пополнилось дворовым участком с постройками в с. Серноводске (ныне Сергиевского района Самарской области), который подарил на помин души умерших родственников сергиевский мещанин Алексей Егорович Потехин²⁹⁶. Тогда же самарская мещанка Акилина Трофимовна Пашкина пожертвовала монастырю на Самарской улице губернского центра дворовой участок с 2-мя деревянными флигелями, которые стали сдаваться в наём квартирантом, принося дополнительные средства.

Для максимального задействования существующих ресурсов при игуменье Ермионии II в 1906 г. была полностью перестроена монастырская мельница на речке Талле, у которой к 2-м мукомольным поставам добавлен ещё один, просообдирочный. В 1910–1913 гг. к монастырской стене пристроен новый конный двор из обожжённого кирпича с конюшнями, коровником, свинарником, птичником, кардами и сеновалом, амбарами для кормов, погребом для молочного хозяйства, кузницей, каретником, сараями для телег, земледельческих орудий и машин. В 1914 г. на средства потомственного почётного гражданина Ивана Семёновича Цветкова устроен абиссинский колодец с водоразборным краном и каменной часовней над ним, откуда по чугунным трубам проведена вода в баню и прачечную. В 1913–1916 гг. на монастырской усадьбе возведено новое 2-этажное здание гостиницы с сараем для приезжих лошадей. На ниж-

²⁹⁴ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 615. Л. 1 об. – 2.

²⁹⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 541. Л. 201–202; Д. 588. Л. 15–16.

²⁹⁶ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5049. Л. 2–9.

нем кирпичном этаже насчитывалось 6 номеров с нарами, а на верхнем деревянном – располагались ещё 6 комнат и 2 общих зала²⁹⁷.

Вложения в развитие хозяйства позволяли обитатели не только обеспечивать себя всем необходимым, но и успешно выполнять традиционную функцию монастырей по защите и поддержке нуждающихся. Современник писал: «Велика отзывчивость Ключегорского женского монастыря и на нужды окрестных жителей. Сколько сирот и бедных питаются от монастыря, особенно в голодные годы. Много и семян выдавалось на обсеменение полей, в особенности новопоселенцам»²⁹⁸.

После начала Первой мировой войны монастырь отдал свою гостиницу под размещение беженцев из оккупированной германскими властями Белоруссии.

С приходом к власти после Октябрьской революции 1917 г. атеистически настроенной партии большевиков монашеская община была вынуждена легализоваться под видом сельскохозяйственной артели, чтобы сохранить хотя бы часть своего имущества от конфискации, неизбежной для чисто религиозных учреждений. Тем не менее, в 1918 г. монастырская гостиница была отобрана под библиотеку и народный дом. Часть корпусов обители, в том числе игуменский, заняло правление совхоза «Коминтерн». Летом 1921 г., когда в районе орудовала вооружённая банда в 25 человек, для охраны правления за монастырскими стенами засел небольшой отряд ЧОН (частей особого назначения). И хотя бандитам удалось ворваться в монастырь, но встреченный вооружённый отпор вынудил их отступить, оставив одного убитого²⁹⁹.

Осенью 1921 г. помещения правления совхоза были переданы открытому в стенах обители детскому дому, с которым на одной территории сосуществовала монашеская община.

По преданию, в 1923 г. ночью через окно кельи неизвестными была застрелена игуменья Ключегорского монастыря Ермиония II. Первоначально она была похоронена в склепе рядом с основательницей монастыря, но беспризорники, жившие в детской колонии, вытащили её тело. После этого прах был перезахоронен на кладбище с. Таллы. В народе считали, что убийство игуменьи было совершено милицией по приказанию властей, чтобы избавиться от авторитетной настоятельницы. И действительно, после её смерти монастырь не смог более противостоять властям, был быстро закрыт и разорён.

В 1924 г. Ключегорская сельхозартель, под видом которой существовала религиозная община, всё ещё владела 500 десятинами земли, которую монахини были не в состоянии обрабатывать только своими сила-

²⁹⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 620. Л. 4, 6–6 об., 7 об.

²⁹⁸ Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь, Бузулукского уезда, Самарской епархии: (К пятидесятилетию существования монастыря). – Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1914. – С. 31, 35.

²⁹⁹ Хлебников Н. Г. Очерки истории Грачёвского района. – Оренбург, 1992. – 114 с.

ми. Поэтому они стали сдавать землю в аренду крестьянам близлежащих деревень безо всяких документов. Узнав об этом, Бузулукский уездный исполком своим постановлением изъял у монастыря ещё 30 десятин земли для размещения детской трудовой колонии № 79, в которую были переведены 600 детей. Остальная часть земельных угодий и недвижимое имущество были взяты на учёт волостным советом³⁰⁰.

В 1925 г. была закрыта домовая монастырская церковь, в здании которой разместились волисполком на первом и клуб на втором этаже. Позднее здание использовалось как сельская школа.

После закрытия монастыря его деревянные корпуса были полностью уничтожены и лишь каменные частично сохранились. В двух зданиях расположены жилые помещения, но они находятся в аварийном состоянии и нуждаются в капитальном ремонте. В части игуменского корпуса работает сельская больница. Местами сохранилась кирпичная кладка монастырской ограды.

Из 5 храмов обители устояло только 2-этажное кирпичное здание трапезной церкви во имя Серафима Саровского, которое до настоящего времени занимает сельмаг.

³⁰⁰ Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.): справочник / Сост. В. С. Блок, К.А. Катренко. – Самара: Самар. Дом печати, 2002. – С. 59.

ОРЕНБУРГСКИЙ БОГОДУХОВСКИЙ ИОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

После выделения в 1851 г. Самарской и в 1859 г. Уфимской епархий из состава Оренбургской, в последней не осталось православных мужских монастырей, отошедших в новые церковно-административные округа. Небольшая группа из 20 послушников и монахов с 1859 г. была образована лишь при Оренбургском Архиерейском доме. Но в 1861 г. по тесноте помещений была намечена его перестройка с расширением, что потребовало временного отселения монашествующих. Некоторые зажиточные горожане вызвались материально поддержать постройку специальной мужской обители. Поэтому 30 января 1861 г. епископ Оренбургский и Уральский Варлаам (в миру Василий Порфирьевич Денисов) (1804–1873) через Духовную консисторию обратился в местную Думу с просьбой о выделении для будущего монастыря в районе горы Маяк и Протоповской луки земельного участка в вечное владение и «помин богоспасаемого града Оренбурга». Однако муниципальные власти поначалу ответили отказом, поскольку не имели право отчуждать городскую собственность.

Варлаам (Денисов)

В апреле 1863 г. монах Оренбургского Архиерейского дома Палладий по собственному почину снова поставил вопрос о выделении земли для монастыря в Городской думе. Его активно поддержали Духовная консистория и правящий архиерей. В результате домовладельцы Оренбурга на общем собрании 22 сентября 1863 г. решили уступить под заведение обители во временное пользование 5 десятин земли, а 12 марта 1864 г. увеличили отвод до 10 десятин (10,9 га) в 5 верстах (5,3 км) от города, на горе Маяк, от бывшего Пугачёвского редута до полуострова Казённая дача с берегом Сакмары. При этом городские обыватели особо оговорили, что монашествующие не должны препятствовать сплаву леса по реке и взимать за это пошлины, а также самовольно рубить деревья в пойме³⁰¹. С другой стороны, отзывчивые благотворители сразу пожертвовали на устройство монастыря до 2000 руб. серебром, небольшой иконостас, колокол и часть богослужебной утвари. За проявленную инициативу 9 июня 1864 г. епи-

³⁰¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 9830. Л. 2–9.

скоп Варлаам назначил монаха Палладия попечителем по сооружению обители. Тот приступил к строительству монастырского храма, но по неопытности допустил при закладке серьёзные технические ошибки. В итоге глава епархии отстранил его от работ, а 8 июня 1865 г. поручил конторе Оренбургского Архиерейского дома разобрать фундамент и самой возвести церковь, употребив на неё из неокладных сумм до 1000 руб. Наконец, 18 сентября 1866 г. епископ Варлаам освятил оконченный постройкой деревянный храм будущей обители во имя Рождества Иоанна Предтечи.

Параллельно ещё 2 марта 1865 г. глава епархии возбудил в Святейшем Синоде ходатайство об официальном учреждении в Оренбурге мужского монастыря. По мысли архиерея, этот важнейший православный институт способствовал бы утверждению в местном населении благочестия, противодействию издавна существующему в крае расколу и большому распространению христианской веры между мусульманами. В своём представлении епископ так же подчеркнул, что по малочисленности священников в крае монастырь призван служить источником пополнения кадров для епархиальных органов управления, командировки пастырей в воинские команды и на пограничную линию, а также местом отбывания епитимьи для провинившихся священно- и церковнослужителей. Поскольку Синод выразил сомнения в материальной обеспеченности будущей обители, епископ Варлаам обратился к управляющему Оренбургской палатой государственных имуществ А.К. Тимашеву (?–1871) и оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому (1818–1888) с просьбой оказать содействие в выделении казённых угодий для монастыря. Губернатор представил свои предложения по укреплению материальной базы обители министру государственных имуществ А.А. Зеленому (1818–1880). Благодаря их помощи, 7 января 1867 г. император Александр II высочайше утвердил определение Св. Синода от 25 ноября 1866 г. об учреждении в г. Оренбурге мужского монастыря с наименованием его Богодуховским³⁰². А по высочайше утверждённому 3 апреля 1867 г. мнению Государственного Совета обители по отсутствию вблизи Оренбурга положенных ей по закону рыбных ловель и мельницы было назначено взамен ежегодное пособие в 600 руб. и для заведения хозяйства отведены 371,2 десятины (405,5 га) из Чернореченского казённого участка³⁰³.

В недавно учреждённой Оренбургской епархии были ещё слабо развиты традиции монашества и старчества. Поэтому местный архиерей решил привлечь к устройству обители опытного архимандрита **Паисия**, знакомого ему по совместной службе в древнем Новгородском Юрьевом монастыре, где будущий оренбургский епископ Варлаам был настоятелем (1857–1860), а Паисий – при нём и далее наместником (1859–1861).

Он родился в 1823 г. в семье священника. Обучался в Новгородской духовной семинарии. По её окончании в 1843 г. определён наставником

---

³⁰² ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. XLII. – № 44090.

³⁰³ ГАОО. Ф. 174. Оп. 5. Д. 9830. Л. 33–33 об., 36.

сельского училища в Новгородском уезде. 11 октября 1846 г. принят послушником в первоклассный Юрьев монастырь. 12 августа 1848 г. пострижен в монашество. 12 января 1849 г. рукоположен во иеродиакона, а 2 февраля того же года – во иеромонаха. С 1853 г. по 1 мая 1859 г. исправлял в монастыре должности письмоводителя и библиотекаря. Имел бронзовую медаль в память Крымской войны 1853–1856 гг. 13 июля 1858 г. награждён набедренником. 4 мая 1859 г. определён наместником обители. После перевода настоятеля Варлаама на должность епископа Екатеринбургского, с 1 августа 1860 г. по 9 февраля 1861 г. временно управлял Новгородским Юрьевым монастырём до прибытия нового настоятеля. 9 ноября 1861 г. по слабости здоровья уволен от должности наместника. 17 октября 1862 г. по приглашению Варлаама, ставшего епископом Оренбургским, перемещён в его епархию и определён экономом местного Архиерейского дома. Указом Св. Синода от 3 июля 1863 г. назначен членом Оренбургской духовной консистории. 6 декабря 1863 г. возведён в сан архимандрита. 5 июля 1866 г. согласно прошению по болезненному состоянию уволен с должности члена консистории. 25 сентября 1867 г. назначен первым настоятелем новооткрытого в г. Оренбурге Богодуховского монастыря. 9 мая 1868 г. согласно прошению освобождён от совместительства по должности эконома Оренбургского Архиерейского дома³⁰⁴.

Причиной тому были многотрудные заботы, выпавшие на долю устроителя нового монастыря. Ко времени его назначения на территории обители имелись только небольшая церковь и 3 простых деревянных хижины, способных разместить всего не более 4 человек. «Чтобы дать монастырю хоть сколько-нибудь приличный вид, собрать братию и начать постоянное богослужение, настоятель должен был, прежде всего, озаботиться постройкой келий и самых необходимых служб»³⁰⁵. Первым делом в 1868 г. архимандрит Паисий обнёс монастырскую усадьбу деревянной оградой в окружности 250 сажень (533 м). В 1868–1871 гг. на этом участке были построены настоятельский дом, большой и малый братские флигели, келейный корпус к юго-востоку от церкви, трапезная с кухней и хозяйственные службы. В 1869 г. за стеной устроено монастырское кладбище, а в 1873 г. разбит огород³⁰⁶. При этом все строительные и хозяйственные работы архимандрит Паисий вёл с невероятными трудностями, при практически полном отсутствии средств, залезая в огромные долги. От благотворителей удалось получить всего 350 руб. деньгами и на 500 руб. стройматериалов. Для привлечения дополнительных средств настоятелю пришлось с разрешения Духовной консистории заложить в банке ценные бумаги, которые были пожертвованы Богодуховскому монастырю бывшим епископом Оренбургским Варлаамом, переведённым на Черниговскую кафедру (1866–1871), но не забывавшем о своём детище. Установленное для оби-

³⁰⁴ ГАОО. Ф. 174. Оп. 3. Д. 4279. Л. 16–18.

³⁰⁵ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 46. Л. 2–2 об, 5–5 об.

³⁰⁶ ГАОО. Ф. 174. Оп. 5. Д. 9830. Л. 85–89.

тели ежегодное пособие из казны в 600 руб. целиком уходило на погашение долгов. Всего же архимандрит Паисий потратил на благоустройство монастыря до 6000 руб. серебром. В 1872 г. он подарил обители из личных средств билет на 150 руб. А с 1873 г. сюда были переведены братия и государственное содержание упразднённого Спасо-Преображенского мужского монастыря г. Астрахани в сумме 1192 руб. 24 коп. ежегодно, что позволило несколько улучшить финансовое положение.

Созидательная деятельность архимандрита Паисия на посту настоятеля была высоко оценена начальством. 22 мая 1868 г. он получил благословение Св. Синода, а 20 апреля 1869 г. был всемилостивейше награждён орденом Св. Анны 3-й степени. Однако, несмотря на заслуги перед братией, в январе 1873 г. один из насельников возвёл на него обвинения в частых отлучках на соседнюю дачу генерал-майора Д. П. Кузьмина-Караваева (1820–1877) и в Оренбург, нетрезвом образе жизни, нарушении обета целомудрия и растрате монастырского имущества. В ходе расследования архимандрит Паисий был полностью оправдан, а клеветник и лжесвидетели понесли достойное наказание³⁰⁷. Но огорчённый неприязненным отношением части своей братии, настоятель попросился в паломничество по святыням христианского Востока согласно давно принесённому обету. 23 июля 1874 г. Духовная консистория уволила архимандрита Паисия в годичный отпуск для посещения Афона и поклонения Гробу Господню в Иерусалиме. 28 июля, в 7 часов утра он выбыл из Оренбурга в Одессу³⁰⁸.

А исправляющим должность настоятеля Богодуховского монастыря по указу Оренбургской духовной консистории от 24 июля 1873 г. был определён эконом Архиерейского дома, иеромонах **Макарий** (в миру Матвей Михайликов). Он родился в 1825 г. в семье государственных крестьян Корочанского уезда Курской губернии. Окончил приходское училище в г. Короча. Женат не был. По увольнении из податного сословия 7 января 1850 г. принят на послушание в Ахтырский Троицкий монастырь Харьковской епархии. 8 января 1853 г. определён туда указным послушником. 3 сентября 1855 г. по прошению переведён в братию Бузулукского Спасо-Преображенского монастыря Самарской епархии. 25 марта 1857 г. местным игуменом Аполлинарием (Лукашёвым) пострижен в монашество. Епископом Самарским и Ставропольским Феофилом (Надеждиным) (?–1865) рукоположен 25 апреля 1857 г. во иеродиакона, а 27 сентября 1860 г. – во иеромонаха. 13 февраля 1861 г. перемещён в Мойский Троицкий монастырь той же епархии. 21 марта 1861 г. утверждён казначеем обители. 17 июня 1861 г. за хорошее поведение и неукоризненное прохождение своей должности награждён набедренником. 13 октября 1861 г. по прошению переведён в братию Оренбургского Архиерейского дома с поручением должности казначея, в которой утверждён 8 января 1863 г. Неоднократно

³⁰⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4292.

³⁰⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4279. Л. 1–9.

командировался в Эмбенское укрепление для исправления христианских треб среди военнослужащих: с 30 марта по 30 августа 1863 г. – на 3 месяца, с 30 мая по 30 сентября 1864 г. – на 4 месяца, с 30 мая 1867 г. по 30 августа 1867 г. – на 3 месяца. 28 мая 1867 г. за ревностное прохождение должности казначея и труды, понесённые в степных командировках, ему преподано благословение Св. Синода. 13 октября 1867 г. по прошению уволен с поста казначея. 3 мая 1868 г. вторично удостоен благословения Св. Синода. 16 апреля 1868 г. снова назначен казначеем Оренбургского Архиерейского дома. 20 апреля 1868 г. по предложению епископа Оренбургского и Уральского Митрофана (Вицинского) (1807–1887) там же ему поручено исправление должности эконома. 1 июня 1869 г. за хорошие качества и благоповедение награждён золотым наперсным крестом, выдаваемым из Св. Синода. 2 июля 1869 г. утверждён в должности эконома Оренбургского Архиерейского дома. По указу Духовной консистории от 10 мая 1873 г. ездил в Москву за св. миром для Оренбургской епархии. После определения и. о. настоятеля Богодуховского монастыря 17 апреля 1874 г. епископом Митрофаном возведён в сан игумена³⁰⁹.

Приняв управление, Макарий продолжил возведение необходимых построек на территории обители. Чтобы привлечь под это необходимые денежные средства, в 1873 г. с разрешения Епархиального Начальства он послал для сбора добровольных пожертвований по губерниям Российской империи иеродиакон Виталия, а по отдалённым районам Западной и Восточной Сибири отдельно иеродиакон Иллариона³¹⁰. В 1874 г. под руководством игумена Макария была достроена на протяжении 162,5 сажень (346,70 м) каменная ограда вокруг монастыря, начатая предшественником архимандритом Паисием, высотой 3–4 аршина (2,13–2,84 м) и толщиной 15 вершков (0,67 м), укреплённая 10 контрфорсами, с 2 широкими деревянными воротами и калитками. Тогда же трапезная была расширена на 2 комнаты длиной 5 сажень (10,67 м) и шириной 1 сажень 2 аршина (3,56 м), заведены монастырская лавка и 3 дровяных сарая. В 1875 г. ограда побелена с обеих сторон, на каменном фундаменте поставлена деревянная баня со спуском воды размерами 4 на 2 сажени (8,5 на 4,27 м), начата постройка флигеля у святых ворот размерами 3 на 1,5 сажени (6,40 на 3,20 м) и нового братского корпуса из 5 келий размерами 8,5 на 3 сажени (18,14 на 6,40 м)³¹¹. За неимением свободных средств на производство строительных и ремонтных работ, как и его предшественник, игумен Макарий заложил в банке монастырские ценные бумаги на 1766 руб. 50 коп. и издержал на постройки собственных денег на 1298 руб. 80 коп.

Между тем, бывший настоятель архимандрит Паисий по завершении паломничества на Восток 19 января 1875 г. вернулся в Оренбург и попросился обратно в Богодуховский монастырь, но братия, возбуждаемая

³⁰⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4685. Л. 78 об. – 80 об.

³¹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4289. Л. 93–94, 105.

³¹¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4685. Л. 301–301 об.

игуменом Макарием, отказалась принять его «во избежание дальнейших неприятностей». Ожидая окончательного решения своей судьбы, Паисий в течение 1875 г. провёл 3 месяца в Бузулукском Спасо-Преображенском монастыре, а затем побывал для поклонения святыням в Костроме и Нижнем Новгороде. В то же время ревизия, проведённая в Богодуховском монастыре, выявила, что его игумен Макарий, горя энтузиазмом и желанием послужить Богу, не обращал внимания на юридические формальности: закладывал ценные бумаги и осуществлял постройки без разрешения Епархиального Начальства, тратил средства без совета с братией, а в приходно-расходных книгах допускал исправления. В итоге резолюцией епископа Митрофана от 16 ноября 1875 г. Паисию и Макарию было объявлено, что они оба не могут быть настоятелями, а братии предложено избрать себе нового главу. Макарий остался в общине, а Паисий по резолюции архиепископа Костромского и Галичского Платона (Фивейского) (1809–1877) от 14 декабря 1875 г. был принят на жительство в первоклассный Костромской Ипатьевский монастырь.

19 ноября 1875 г. братия Богодуховской обители избрала своим новым настоятелем иеромонаха **Ириней**. Он родился в 1817 г. и происходил из купеческого сословия. 13 августа 1838 г. поступил послушником в Козельскую Введенскую Оптину пустынь, где 14 августа 1849 г. был пострижен в монашество. 30 января 1853 г. согласно прошению переведён в Высокогорскую Чуркинскую Успенско-Николаевскую пустынь Астраханской епархии. 25 июня 1853 г. взят в Санкт-Петербург в свите члена Св. Синода, архиепископа Астраханского и Енотаевского Евгения (Баженова) (1784–1862). 9 августа 1853 г. рукоположен во иеродиакона, а 20 сентября того же года – во иеромонаха. В 1857 г. награждён бронзовой медалью на Владимирской ленте в память Крымской войны 1853–1856 гг. 21 мая 1857 г. согласно прошению переведён в Астраханский Спасо-Преображенский монастырь. 30 января 1858 г. определён там казначеем, но 15 ноября 1860 г. по собственному желанию уволен от должности. 6 августа 1861 г. награждён набедренником за хорошее поведение и усердную службу в бытность казначеем обители. 27 мая 1865 г. ему объявлена признательность Епархиального Начальства за пожертвование билета стоимостью 10 тыс. руб. на училище девиц духовного звания при Астраханском Спасо-Преображенском монастыре. По его упразднению 11 октября 1874 г. перемещён в Оренбургский Богодуховский монастырь, куда водворён 18 сентября 1875 г.³¹²

Однако его избрание на должность главы обители не было утверждено. Указом от 27 декабря 1875 г. Св. Синод констатировал, что «Оренбургский Богодуховский монастырь требует по настоящему его состоянию и особому значению в тамошнем крае настоятеля, имеющего при высшем образовании особенную опытность в благоустроении как внутреннего монастырского бытия, так и монастырского хозяйства». А потому высший

³¹² ГАОО. Ф. 173. Оп. 2. Д. 3622. Л. 24 об. – 26.

орган церковного управления решил назначить на этот пост умудрённого годами архимандрита **Иеронима** (в миру Ивана Фёдоровича Геппнера)³¹³. Он родился в 1811 г. и происходил из дворянской семьи лютеранского вероисповедания Царства Польского. Обучался в Рижской гимназии и Кёнигсбергском университете, побывал в Риме и Ватикане, поступил на богословский факультет Дерптского университета, но затем по внутреннему убеждению перешёл в православие и некоторое время жил послушником в Спасо-Преображенском Соловецком монастыре. В 1837 г. поступил вольнослушателем в Киевскую духовную академию, которую окончил в 1841 г. магистром. Владел древними языками, свободно говорил на латыни, по-немецки и по-французски. 10 декабря 1842 г. определён в Харьковскую духовную семинарию на должность учителя церковной истории и канонического права. 7 апреля 1843 г. пострижен в монашество в Крестовой церкви Харьковского Архиерейского дома, следом 10 апреля рукоположен во иеродиакона и 11 апреля – во иеромонаха. 23 сентября 1843 г. награждён набедренником. В том же году назначен в семинарии библиотекарем. В 1844 г. награждён палицей. С 1844 по 1847 гг. был духовником и священником в Харьковском благотворительном обществе. В 1847 г. переведён учителем в Тамбовскую духовную семинарию, где в 1852 г. стал помощником инспектора. За труды на этом поприще удостоен денежной награды и благословения Св. Синода. 14 мая 1854 г. определён инспектором Астраханской духовной семинарии. Тогда же стал настоятелем Астраханского Иоанно-Предтеченского монастыря. 24 июня 1856 г. возведён в сан игумена. За существенное возвышение доходов обители, добрую экономно неутомимую деятельность, благоразумие и истинно иноческую жизнь ему объявлена благодарность Астраханского Епархиального Начальства. В 1856 г. переведён на должность инспектора Кишинёвской духовной семинарии, а 18 апреля 1857 г. определён настоятелем Гербовецкого Успенского монастыря в той же епархии. Получил бронзовые крест и медаль на Андреевской ленте в память Крымской войны 1853–1856 гг. Назначен цензором проповедей. 22 февраля 1859 г. возведён в сан архимандрита. Высочайше утверждён директором Бессарабского Попечительства о тюрьмах. Определён благочинным монастырей и скитов Кишинёвской епархии. 22 апреля 1861 г. за отлично-усердную службу сопричислен к ордену Св. Анны 2-й степени. 28 августа 1863 г. перемещён на должность настоятеля Слободского Крестовоздвиженского монастыря Вятской епархии. На новом месте создал при обители книжно-филологический кружок, получивший название «Слободской Академии»³¹⁴. Одновременно с 1866 г. был членом Слободского духовного правления. За пожертвование библиотеке Вятской духовной семинарии Синайского кодекса в издании К. Тишендорфа ему объявлено благословение Св. Синода. Утверждён председателем Слободского училищного совета.

³¹³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4279. Л. 60–61.

³¹⁴ Петряев Е.Д. Записки книголюба. – Киров: Волго-Вятское книжное издательство, 1978. – С. 122.

В 1868 г. подал прошение о переводе в более тёплый климат в связи с ухудшившимся здоровьем. Перед отъездом подарил Вятской духовной семинарии свою обширную библиотеку из 1066 томов, которая включала не только православную духовную литературу, но также труды античных и средневековых писателей, католических и протестантских богословов, западных церковных историков с автографами авторов, произведения Ф. Бэкона, И. Гёте, Ч. Диккенса, А. Дюма, А. Мицкевича, В. Скотта, Э. Сю, У. Теккерея, Ф. Шиллера³¹⁵ и др. Теперь они составляют основу редкого фонда Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена. Архимандрит Иероним был возвращён в Кишинёвскую епархию, где с 1868 г. возглавил Шабский (Жабский) Вознесенский пещерный монастырь. Сюда он привёз копию чудотворной Гербовецкой иконы Божией Матери. Новый настоятель открыл при монастыре школу для обучения сельских юношей, упорядочил местный архив и перевёл все его документы с молдавского на русский язык³¹⁶. За пожертвование 1500 руб. в пользу Кишинёвского училища девиц духовного звания он был удостоен благословения Св. Синода с выдачей грамоты. 17 февраля 1869 г. назначен членом Кишинёвских духовной консистории и училищного совета, а также благочинным скитов и монастырей епархии. За пожертвование Ватиканского кодекса и 200 руб. на 50-летний юбилей Киевской духовной академии снова получил благословение Св. Синода. 12 апреля 1870 г. за отлично-усердную службу награждён орденом Св. Владимира 3-й степени. Отмечен благодарностью Епархиального Начальства за пожертвование двух 5 % билетов внутреннего займа на училищные нужды бессарабского духовенства и 300 руб. на перестройку братских келий. В 1872 г. издал в Санкт-Петербурге «Поучения и речи на разные случаи»³¹⁷. 27 марта 1873 г. определён настоятелем Нежинского Благовещенского монастыря Черниговской епархии. Избран почётным членом Церковно-археологического общества при Киевской духовной академии. За пожертвования Шабскому монастырю 600 руб. и Нежинскому 300 руб. ему двукратно преподано благословение Св. Синода³¹⁸.

Получив назначение в Богодуховский монастырь, архимандрит Иероним прибыл в Оренбург на Сырной неделе, с 10 на 11 февраля 1876 г., где принял дела от иеромонаха Ириней. Поначалу новый настоятель активно приступил к исполнению своих обязанностей: завёл в городе полезные знакомства с благотворителями, наметил постройку необходимых служб, провёл обстоятельную ревизию имущества и капиталов. Однако проверка показала, что финансы монастыря расстроены, его ценные бумаги зало-

³¹⁵ Малышева Е.А. Архимандрит Иероним Гепнер и его книжное собрание // Герцена: Вятские записки. – Киров, 2005. – Вып. 9. – С. 39–44.

³¹⁶ Мелинти М., Содоль В.А. Жабский в честь Вознесения Господня женский монастырь // Православная энциклопедия. Том XIX: «Ефесянам послание – Зверев». – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. – С. 112–114.

³¹⁷ Иероним (архимандрит Шабский). Поучения и речи на разные случаи. – СПб.: [б. и.], 1872. – 30 с.

³¹⁸ Некролог // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1876. – 15 декабря. – № 24. – С. 886–892.

жены, многих вещей не хватает, а в приходно-расходных книгах имеются подчистки. Исправить же ситуацию архимандриту Иерониму мешала тяжёлая болезнь почек, приведшая к водянке. Он постоянно страдал неустойчивой жаждой, приступами лихорадки и бессонницей. С Пасхи престарелый настоятель уже не мог твёрдо ходить, а с августа лишь с трудом переступал из комнаты в комнату, для чего требовалась поддержка посторонних. За 9 месяцев пребывания в Богодуховском монастыре архимандрит Иероним по слабости провёл литургию всего 4 раза. «Чувствуя себя не в силах управлять обителью, хоть и юною ещё, но до крайности расстроенною, как в экономическом, так и в нравственном отношениях, и требующую настоятеля со свежими силами, а не отжившего свой век старика», он подал прошение о переводе в более подходящий южный климат³¹⁹. В результате 20 октября 1876 г. Св. Синод решил переместить его на должность настоятеля Лебедянского Троицкого монастыря в Тамбовскую епархию³²⁰. Архимандрит Иероним сдал все дела иеромонаху Сергию и даже упаковал свои вещи в чемоданы к отъезду, но болезнь не отпустила его, и 11 ноября 1876 г., во 2-м часу дня он умер, успев причаститься Св. Тайн. «По кончине его облекли в мантию и клобук по чину монашескому. Иеромонахи и иеродиаконы попеременно читали над покойным Евангелие день и ночь. Горели свечи и лампы. Утром и вечером совершаемы были над покойным панихиды в зале, находящейся рядом с церковью, которая соединена дверью с покоями настоятеля. В св. храме неопустительно совершалась Божественная служба и поминовение усопшего». А вечером 12 ноября 1876 г. духовник умершего в сослужении 4 иеромонахов провёл погребение архимандрита Иеронима к юго-востоку от алтаря церкви Рождества Иоанна Предтечи в Оренбургском Богодуховском монастыре.

20 ноября 1876 г. на собрании монашествующих кандидатом в настоятели был снова избран иеромонах **Ириней**. Но и на этот раз он остался всего лишь временно управляющим потому, что Св. Синод не утвердил его в должности. По рекомендации своего первенствующего члена, митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского и Финляндского Исидора (Никольского) (1799–1892) высший орган церковного управления 17 февраля 1877 г. назначил настоятелем Богодуховской обители иеромонаха Александро-Невской лавры **Мелхиседека** (в миру Матвея Матвеевича Веселовского).

Он родился в 1814 г. в семье дьяка Санкт-Петербургской епархии. В 1839 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию. 29 сентября 1840 г. рукоположен во священника к Никольской церкви с. Райвола (ныне Рожино Выборгского района Ленинградской области). 1 февраля 1846 г. награждён набедренником. 5 февраля 1848 г. перемещён к Андреевско-

³¹⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4279. Л. 137–138.

³²⁰ Движение по епархиальной службе // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1876. – 15 ноября. – № 22. – С. 777.

му собору Кронштадта. В крепости увещевал преступников и назидал их поучениями из Слова Божия, совершал молитвословия при городской полиции, присутствовал во временных заседаниях окружного и мирового судов. 18 января 1851 г. за ревностное и усердное исполнение должностных обязанностей и честное поведение пожалован бархатной фиолетовой скуфьей, а 16 апреля 1855 г. – камиллавкой. На протяжении 21 года, с 1855 по 1876 годы, был сослуживцем св. прав. Иоанна Кронштадтского (1829–1908), который состоял при том же Андреевском соборе вторым священником. Святой неоднократно упоминает его в своих дневниках. Отношения между ними поначалу были непростыми, поскольку старший товарищ нередко сваливал на молодого коллегу часть своей нагрузки, причинив «много слёз и беспокойства». Но всё же Иоанн Кронштадтский называет его «добрым и благочестивым человеком»³²¹. В 1855 г. о. Матфею Веселовскому было временно поручено исполнение должности благочинного и главный надзор по делам Андреевского собора в Кронштадте. 21 мая 1856 г. он был утверждён при нём ключарем. Имел бронзовый наперсный крест на Владимирской ленте и бронзовую медаль на Андреевской ленте в память Крымской войны 1853–1856 гг. 14 января 1857 г. определён и. о. настоятеля собора со званием старшего священника, а 30 января того же года – и. о. благочинного г. Кронштадта. 14 апреля 1858 г. награждён золотым наперсным крестом от Св. Синода. В 1859 г. издал в Санкт-Петербурге «Собрание слов на дни воскресные, праздничные, святых и дни высокаторжественные и катехизических бесед, произнесенных в Кронштадтском Андреевском соборе ключарем сего собора М. Веселовским». За назидательность катехизических бесед в 1858, 1860 и 1864 гг. получил благодарность Епархиального Начальства, а за полезные труды по их составлению 21 сентября 1866 г. и 10 марта 1871 г. – архипастырское благословение. В 1861, 1863 и 1874 гг. ему также преподавалось благословение Св. Синода за службу по епархиальному ведомству. 25 апреля 1864 г. удостоен ордена Св. Анны 3-й степени. 30 мая 1867 г. возведён в

*М.М. Веселовский
(в монашестве Мелхиседек)*

³²¹ Иоанн Кронштадтский, святой праведный. Творения. Дневник. Т. VI. 1864, август–декабрь. Спасение души: О скорбях и искушениях. – М.: Отчий дом, 2012. – С. 471.

сан протоиерея. 12 апреля 1870 г. награждён орденом Св. Анны 2-й степени, а 8 апреля 1875 г. – Св. Владимира 4-й степени. В 1875 г. овдовел, а 12 октября 1876 г. – согласно прошению был принят в братию Александро-Невской лавры. 3 ноября 1876 г. пострижен там в монашество. После назначения настоятелем Богодуховского монастыря возведён в сан архимандрита 6 марта 1877 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры³²².

Уже 20 марта Мелхиседек прибыл в Оренбург. Здесь указом Духовной консистории от 30 апреля 1877 г. ему было разрешено принять и носить золотой наперсный крест с украшениями, поднесённый прихожанами Кронштадтского Андреевского собора за долговременную и безукоризненную службу при нём. Дополнительной мотивацией к началу активной работы настоятеля на новом месте стало и выделение по смете Св. Синода 3000 руб. на расширение зданий Оренбургского Богодуховского монастыря. Поскольку по результатам осмотра заложенный игуменом Макарием братский корпус оказался сделанным на скорую руку из гнилых брёвен, было решено перестроить его в просторный скотный сарай длиной 15 саженей (32 м) и шириной 6 саженей (12,80 м), а на выделенные средства возвести из дерева новый жилой флигель из 4 комнат, крытый железом, длиной 6 саженей 2,5 аршина (14,58 м), шириной 3 сажени (6,40 м) и высотой 2 сажени (4,27 м). Под руководством архимандрита Мелхиседека обе постройки и были осуществлены в течение 1877 года.

Его приезд в Оренбуржье совпал с подготовкой к назревшей Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., во время которой монастыри традиционно приняли на себя заботы по лечению и духовному наставлению больных и раненых воинов. В соответствии с указом Св. Синода от 15 марта 1877 г. и в Богодуховской обители был сформирован добровольный санитарный отряд сердобольных братьев из 3 насельников: иеродиакона Виталия, послушников Алексея Лозового и Арсения Резаева, которые, тем не менее, не были затребованы на фронт³²³. По просьбе оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского архимандрит Мелхиседек командировал с 26 июня 1877 г. по 23 мая 1878 г. лишь одного иеромонаха Иринея в качестве духовника Оренбургского подвижного госпиталя, созданного в крае на народные пожертвования³²⁴. Он работал в тылах действующей армии у с. Голта, около города Ольвиополя Херсонской губернии (ныне в черте г. Первомайска Николаевской области Украины).

Указом Св. Синода от 16 сентября 1877 г. всем мужским монастырям и особенно располагающимся вблизи железных дорог также было предписано немедленно передать в распоряжение Красного Креста все помещения, подходящие для госпиталей или приютов по выхаживанию выздоравлива-

³²² ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4279. Л. 197–204.

³²³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 3632. Л. 43–45.

³²⁴ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–5 об.

ющих воинов³²⁵. Архимандрит Мелхиседек, как настоятель единственного в Оренбургской епархии мужского Богодуховского монастыря, доложил, что обитель готова разместить 12 раненых и больных в новом флигеле: по 3 человека в каждой из 4 комнат. В том же 1877 г. начатый игуменом Макарием другой флигель у святых ворот был обращён в монастырскую гостиницу, ведь в обитель на богомолье стекались паломники не только из г. Оренбурга, но и окрестных деревень даже за 70 вёрст, не имея возможности заночевать по недостатку жилых помещений. Архимандрит Мелхиседек предложил поместить в этой гостинице ещё 16 пострадавших (в 2 больших и 2 малых номерах), а кухню на её нижнем этаже приспособить для проживания 5 сотрудников медицинского и обслуживающего персонала. Однако на это предложение Оренбургский Красный Крест 1 февраля 1878 г. ответил, что в приготовленных помещениях больше не предвидится нужды, в связи с очевидной победой России над Турцией и ожиданием скорого заключения мира³²⁶.

В первый год настоятельства архимандритом Мелхиседеком была намечена и широкая программа ремонта обветшавших монастырских построек, которым требовались покраска, штукатурка и перестилка полов. Но несмотря на развитую энергичность, он тяготился отправкой из столицы в удалённый Оренбургский край с неблагоприятными природно-климатическими условиями. По его заявлению о расстроенном здоровье Св. Синод уже 17 октября 1877 г. перевёл архимандрита Мелхиседека на должность настоятеля Устюженского Николо-Моденского монастыря в Новгородскую епархию.

Его преемником братия Богодуховской обители 3 ноября 1877 г. избрала из своей среды иеромонаха **Григория**. Однако Св. Синод 23 января 1878 г. утвердил его только исправляющим должность настоятеля, отметив, что «по недавнему вступлению в монашество он не мог приобрести требуемой ... опытности в духовном руководстве братии». Григорий действительно был молод, поскольку родился в 1842 г. Сын священника. Обучался в Саратовской духовной семинарии, но выбыл из её низшего отделения и 30 декабря 1863 г. поступил послушником в Саратовский Спасо-Преображенский монастырь. Согласно прошениям 21 июня 1867 г. переведён в Чуркинскую Успенско-Николаевскую пустынь Астраханской епархии, 5 мая 1870 г. – в Покрово-Болдинский, а 13 августа 1871 г. – в Спасо-Преображенский монастыри г. Астрахани. 1 апреля 1872 г. пострижен в монашество. 15 августа 1872 г. рукоположен во иеродиакона. По упразднении его обители 11 октября 1874 г. перемещён в Оренбургский Богодуховский монастырь, куда водворён 18 сентября 1875 г. Указом Оренбургской духовной консистории от 4 июня 1876 г. назначен в обители ризничим. 13 июня 1876 г. рукоположен во иеромонаха. 29 ноября 1876 г. назначен для служения в часовню в г. Оренбурге³²⁷.

³²⁵ Церковные ведомости. – 1877. – № 45.

³²⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 3632. Л. 37–42.

³²⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 912а. Л. 1 об. – 2.

На посту управляющего Богодуховской обители Григорий в 1878 г. осуществил задуманную предшественником программу обновления монастырских построек. Под его руководством были отремонтированы дом настоятеля, большой братский корпус и трапезная, на нижнем этаже юго-восточного корпуса устроены 2 дополнительные кельи, закончена отделка монастырской гостиницы у святых ворот³²⁸. За ревностное исполнение своих обязанностей 16 мая 1878 г. управляющий был награждён набедренником. Однако несмотря на нестарые ещё года, иеромонах Григорий страдал внутренними кровотечениями и сильными болями в пояснице, которые в суровом оренбургском климате лишь усиливались. Поэтому 29 апреля 1880 г. с приложением медицинского свидетельства он попросил о переводе на юг России, в Донскую епархию, где только и надеялся сохранить слабое здоровье. Указом Св. Синода от 3 октября 1880 г. его ходатайство было удовлетворено.

А 9 октября имущество монастыря временно принял под управление иеромонах **Дорофей**. К этому времени обитель имела 120 руб. 97 коп. наличными деньгами, 5800 руб. в ценных бумагах, а также запасы, заготовленные на зиму: 60 пудов (982,8 кг) необмолоченной и 250 пудов (4095,1 кг) обмолоченной пшеницы, 50 пудов проса (819 кг), 20 пудов (327,6 кг) гречихи, 80 пудов (1310,4 кг) овса, 73 стога сена, 9 тысяч луковиц, 10 тысяч огурцов и около 40 тысяч кизяков для отопления³²⁹. В качества кандидата на пост настоятеля первоначально рассматривался иеромонах Московского Донского монастыря Иоасаф (Синьков)³³⁰. Но 13 ноября 1880 г. Духовная консистория предложила братии самой выбрать себе начальника в присутствии благочинного монастырей Оренбургской епархии архимандрита **Самуила**, которого монахи 19 ноября и пожелали видеть своим главой.

В миру он носил имя Стефана Васильевича Зубаревского. Родился в 1828 г. в семье священника Черниговской губернии. Окончил Черниговскую духовную семинарию, а 30 июня 1853 г. – Киевскую духовную академию. Во время обучения 7 марта 1853 г. принял постриг в Киево-Братском Богоявленском монастыре. 25 марта 1853 г. рукоположен во иеродиакона, а 10 июля – во иеромонаха. 18 января 1854 г. определён в Киево-Подольское уездное училище инспектором и учителем греческого языка и русской гражданской истории. Но уже 16 августа перемещён в Пинское духовное училище на должности смотрителя, а также учителя латинского языка, катехизиса, изъяснения Апостолов и Евангелий. 14 октября 1854 г. одновременно определён в состав братства Пинского Богоявленского монастыря. 22 мая 1855 г. возведён в степень кандидата богословия. 24 мая 1856 г. за примерно-усердное и полезное служение по училищу возведён в сан игумена. С 28 июня 1856 г. исполнял обязанности настоятеля Пинского Богоявленского монастыря, а 28 июля был утверждён в этой должности Св. Синодом. 24 мая 1857 г. удостоен бронзового наперсного креста на Владимирской

³²⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4279. Л. 243–275.

³²⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4414. Л. 47–54.

³³⁰ ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 91. Л. 1–1 об.

ленте и светло-бронзовой медали на Андреевской ленте в память Крымской войны 1853–1856 гг., а 2 мая 1859 г. – наперсного креста от Св. Синода за отличную и усердную службу. 6 апреля 1862 г. возведён в сан архимандрита. С 30 декабря 1863 г. по 6 февраля 1865 г. по случаю вызова ректора Минской духовной семинарии в Санкт-Петербург исполнял его обязанности, после чего вернулся в Пинск. С 9 января 1864 г. по 6 февраля 1865 г. исправлял должность благочинного монастырей Минской епархии. По определению Епархиального Начальства от 8/14 декабря 1866 г. получил строгий выговор за неправильную отдачу монастырских лавок в аренду пинским евреям, а 29 июня 1868 г. уволен Св. Синодом ото всех должностей и выслан в Нежинский Благовещенский монастырь Черниговской епархии. 31 января 1869 г. за деятельное содействие усмирению мятежа в Западном крае удостоен тёмно-бронзовой медали в память Польского восстания 1863–1864 гг. По прошениям 23 июня 1869 г. переведён в Киево-Печерскую лавру, а 19 октября 1870 г. – в Казанский Архиерейский дом. 1 октября 1871 г. определён учителем латинского языка в Казанское духовное училище, а 23 февраля 1873 г. утверждён в этой должности Св. Синодом. 17 июня 1873 г. назначен преподавателем латинского языка в Казанской духовной семинарии. С 4 июля по 5 августа 1877 г. временно исправлял должность её инспектора. 25 августа 1879 г. за пожертвование значительного числа книг в семинарскую библиотеку получил благодарность от имени Правления этого учебного заведения и архиепископа Казанского и Свияжского Антония (Амфитеатрова) (1815–1879). 1 сентября 1879 г. принят в Минскую епархию с помещением в Архиерейский дом и предоставлением должности благочинного монастырей. 10 сентября 1879 г. назначен членом Комиссии по переэкзаменовке заштатных причётников, а 7 ноября – временно присутствующим в Минскую духовную консисторию. 18 июня 1880 г. избран преподавателем латинского языка Минской духовной семинарии. 1 июля 1880 г. согласно прошению уволен от должности временно присутствующего в консистории с выражением признательности Епархиального Начальства за усердное исполнение обязанностей. 27 сентября 1880 г. утверждён в должности члена Педагогического Совета Минской духовной семинарии. По прошениям 13 сентября 1880 г. уволен от должностей благочинного монастырей и члена экзаменационной комиссии, а 23 октября 1880 г. – преподавателя Минской духовной семинарии³³¹. Согласно заявлению 25 октября 1880 г. принят в Оренбургскую епархию с назначением благочинным всех её монастырей и зачислением в штат Архиерейского дома³³². По выбору братии местная Духовная консистория 29 декабря 1880 г. поручила ему временное заведование Богодуховским монастырём до утверждения в должности Св. Синодом. Приступил к исполнению обязанностей с 16 января 1881 г.

³³¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4414. Л. 47–54.

³³² Движение по епархиальной службе // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1880. – 1 декабря. – № 23. – С. 912.

Встав у кормила Богодуховской обители, архимандрит Самуил разобрал и систематизировал её документы, а также составил опись монастырского архива, который прежде вёлся в крайнем беспорядке. В общине строго соблюдались правила монашеского общежития. «Богослужение в монастырском в честь Святого Иоанна Предтечи храме отправлялось ежедневно по церковному уставу без упущений. Начало утреннего богослужения – в 5 часов, литургии – в будни в 8 часов, в воскресные и праздничные дни – в 9 часов, вечернее богослужение начиналось с окончания осени до Светлого Праздника в 4 часа, а со Светлого Праздника – в 5 часов. Все живущие в монастыре содержались на правах общежительных монастырей, то есть одежда выдавалась от монастыря, и трапеза была общая, сообразная с церковным уставом. Во время обеда читались поочерёдно жития святых, во время ужина чтения не было, а после ужина безвыходно тут же в трапезной читались вечерние молитвы на сон грядущий»³³³.

Впрочем, уже 23 августа 1882 г. архимандрит Самуил согласно прошению был уволен с настоятельской должности по расстроенному здоровью, а на его место назначен со званием управляющего иеромонах Богодуховского монастыря **Евстратий**³³⁴, который вступил в должность 14 сентября. Он родился в 1841 г. и происходил из мещан г. Оренбурга. 10 мая 1870 г. поступил в местный Богодуховский мужской монастырь. 29 октября 1874 г. утверждён указным послушником. 24 декабря 1874 г. пострижен в монашество. 16 мая 1876 г. рукоположен во иеродиакона, а 1 января 1880 г. – во иеромонаха. Проходил в монастыре послушание эконома. По указу Духовной консистории от 3 апреля 1880 г. командирован для служения во временную церковь рядом с местом строительства Казанского кафедрального собора г. Оренбурга, где пробыл до 13 сентября 1882 г. На этом посту 3 мая 1882 г. награждён набедренником³³⁵. По определению от 15–20 марта 1884 г. ко дню Св. Пасхи получил благословение Св. Синода³³⁶.

Под управлением Евстратия в Богодуховском монастыре с 1 мая 1885 г. была открыта церковная школа. По дальнему расстоянию от Оренбурга обучались в ней всего 8 мальчиков «из семейств простого рабочего народа, проживающего в загородных заводах, по преимуществу кирпичных». Закон Божий, чтение, письмо и арифметику им преподавали настоятель как заведующий и один из послушников в качестве учителя. Содержалась школа за счёт самой обители, а пособиями снабжалась от Епархиального Училищного Совета³³⁷.

³³³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4461. Л. 7, 27–28 об., 67–67 об.

³³⁴ Распоряжения Высшего Правительства // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1882. – 1 декабря. – № 23 – С. 877.

³³⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4685. Л. 84 об. – 85.

³³⁶ Определения Святейшего Синода // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1884. – 1 мая. – № 9. – С. 346.

³³⁷ Список церковно-приходских школ Оренбургской епархии с подробными сведениями о состоянии этих школ за 1886–7 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1888. – 15 января. – № 2. – Приложение. – С. 1–2.

В том же 1885 г. благодаря щедрым пожертвованиям монастырская ризница расширилась сразу на 53 предмета. От себя Евстратий в июле 1886 г. внёс в монастырскую казну облигацию в 100 руб. «на вечный помин усопших рабов Божиих Григория, Дарьи и Агриппины». Наконец, при нём в 1886 г. были заново окрашены крыша, крыльцо и ограда церкви Рождества Иоанна Предтечи.

Тем не менее, Евстратий считал недостаточными свои усилия по благоустройству обители. 27 августа 1886 г. в прошении епископу Оренбургскому и Уральскому Макарию (Троицкому) (1830–1906) он писал, что «по малограмотности своей я крайне затрудняюсь в исполнении возложенной на меня должности». По прошению в тот же день его уволили, а управление Богодуховским монастырём временно возложили на иеромонаха **Феофана** (в миру Фёдора Игнатьева). Он родился в 1842 г. и происходил из мещан г. Оренбурга. 1 марта 1881 г. пострижен в монашество в Оренбургском Архиерейском доме. 4 апреля 1881 г. помещён в Богодуховский монастырь. 17 мая 1881 г. рукоположен во иеродиакона. 2 мая 1883 г. назначен в обители временно исправляющим должность казначея. 13 января 1885 г. рукоположен во иеромонаха. Затем командирован для отправления богослужений и христианских треб в Ак-Тюбинское укрепление, где находился до 6 мая 1886 г. А 18 июля 1886 г. направлен в Захарие-Елизаветинскую церковь на Оренбургском Меновом дворе. Дела по хозяйственному управлению Богодуховским монастырём принял 28 августа 1886 г.³³⁸

Тем не менее, по своему возрасту и житейскому опыту иеромонах Феофан пока не обладал достаточным авторитетом для духовного наставления и смирения братии. Поэтому оренбургский архиерей ещё до его назначения начал подыскивать на пост настоятеля подлинного старца, обратившись в известную благочестием и строгим уставом Глинскую пустынь в честь Рождества Пресвятой Богородицы Курской епархии. К сожалению, её настоятель игумен Иннокентий (Степанов) (1824–1888), ныне прославленный в лике преподобного, письмом от 5 сентября 1886 г. сообщил, что «предлагал священно-монашествующим иеромонахам и иеродиаконам вверенной мне пустыни занять должность настоятеля в Оренбургском Богодуховском монастыре, но желающих не оказалось; всем представляется дело это многотрудным и не по их силам»³³⁹. В результате пришлось обходиться местными ресурсами из числа старых кадров. 21 декабря 1886 г. и. о. настоятеля Богодуховского монастыря был вторично определён его бывший игумен **Макарий** (Михайликов), утверждённый в должности по указу Св. Синода от 6 февраля 1887 г. После первого увольнения с этого поста по указу Оренбургской духовной консистории от 17 октября 1878 г. он был направлен в Эмбенское укрепление для исполнения христианских треб среди военнослужащих. 26 октября 1883 г. по прошению принят в

³³⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 11055. Л. 20 об. – 22.

³³⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4622. Л. 61.

число братьев Оренбургского Архиерейского дома. А 8 февраля 1884 г. командировался для исполнения духовных треб и освящения храма в пос. Жилая Коса Уральской области.

При игумене Макарии материальное положение Богодуховской обители несколько укрепилось. К концу 1888 г. она имела 1000 руб. 15 коп. наличными деньгами и 6701 руб. ценными бумагами. На зиму было заготовлено 300 пудов пшеницы, 25 пудов овса, 10 пудов гороху и 30 стогов сена. Монахами выращено и припасено на весь год достаточное количество картофеля, капусты, огурцов и свеклы. На стороне покупались рыба, чай, сахар, обувь, верхняя одежда и нижнее бельё для насельников. В монастырском хозяйстве насчитывалось 70 голов крупного и мелкого рогатого скота: 45 коров и быков (20 взрослых, 15 подростков и 15 телят), 20 лошадей (10 рабочих, 4 выездных и 6 жеребят), 5 коз. Держали 65 кур. Помимо труда монашествующих, для ведения хозяйства привлекались 6 наёмных работников.

Пополнилась и монастырская недвижимость. Ещё в первое настоятельство игумен Макарий склонил своего духовного сына, отставного унтер-офицера Павла Венедиктова отписать по завещанию от 2 января 1877 г. в пользу обители деревянный дом с дворовым участком в Старой слободке г. Оренбурга стоимостью 250 руб. серебром. После смерти благотворителя в 1887 г. имущество перешло Богодуховскому монастырю в крайне ветхом состоянии. На средства обители в 1887–1888 г. строение было отремонтировано: переложены из нового кирпича русская и голландская печи, проведены необходимые столярные и плотницкие работы на 202 руб. 85 коп. Однако сразу после перестройки в крупный городской пожар 10 августа 1888 г. монастырский дом сгорел. Поскольку его восстановление потребовало бы значительных средств, а обитель чрезвычайно нуждалась в деньгах, игумен Макарий пустил полученную страховку от сгоревшего дома в 970 руб. на текущие нужды: покупку обуви и одежды для насельников, пополнение запасов хлеба, овса и сена, мелкий ремонт монастырских построек³⁴⁰. За самоуправство против настоятеля было начато дело. И в 1891 г. он ушёл в отставку, получив позже строгий выговор.

Весной обязанности по управлению Богодуховским монастырём временно исполнял его казначей иеродиакон **Арсений**, а 3 июня 1891 г. в должность настоятеля вступил игумен **Аполлос** (в миру Александр Сердюков). Он родился в 1843 г. и происходил из потомственных дворян Стародубского уезда Черниговской губернии. Окончил курс Новгород-Северской гимназии. 10 октября 1883 г. поступил в Святогорскую Успенскую пустынь Харьковской епархии (ныне лавру), где 6 февраля 1885 г. утверждён указным послушником. 3 июня 1887 г. пострижен в монашество. 22 июля 1889 г. рукоположен во иеродиакона, а 18 августа 1890 г. – во иеромонаха. Указом Св. Синода от 7 марта 1891 г. назначен настоятелем Богодуховско-

³⁴⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4799.

го мужского монастыря. 24 марта 1891 г. возведён в сан игумена. 17 мая 1891 г. получил благословение Св. Синода за отлично-усердные и полезные труды на должности учителя Голодолинской церковно-приходской школы³⁴¹.

Между тем, до его приезда в Оренбург, за короткое время без настоятеля Богодуховский мужской монастырь пришёл в упадок. Сам игумен Аполлос писал, что в 1891 г. принял его «в самом плачевном состоянии: не было ни копейки денег, ни запаса хлеба и никаких продуктов, братия была почти раздета и без обуви». Тем не менее, энергичными мерами новому настоятелю удалось восполнить недостатки, а также привлечь в пользу монастыря от благотворителей 1000 руб. и деревянный дом с усадьбой и ветряной мельницей в станице Павловской стоимостью не менее 1000 руб.³⁴². К тому же, 6 апреля 1891 г. император высочайше разрешил принять земельный участок под названием пустоши «Берестинской» размером 492 десятины 1100 сажень (537,5 га) близ пос. Банного Новоорской станицы, оставленный по духовному завещанию от 31 марта 1880 г. казачьим сотником Василием Началовым в общую собственность Богодуховского мужского и Успенского женского монастырей г. Оренбурга. Доходы от этой недвижимости они делили пополам, предоставляя участок в аренду: в 1891 г. – за 20 руб., в 1892–1894 гг. – за 25 руб., в 1897 г. – за 40 руб., в 1898–1899 г. – за 50 руб., в 1900 г. – за 60 руб. ежегодно³⁴³. Наконец, был восстановлен принадлежавший Богодуховскому монастырю сгоревший дом в Старой слободке г. Оренбурга, который с 1898 г. начал сдаваться в наём за 170 руб.³⁴⁴.

Труды настоятеля Аполлоса для увеличения доходов обители были по достоинству отмечены церковным начальством. За усердную службу указом от 11/27 апреля 1894 г. Св. Синод наградил его наперсным крестом. А резолюцией епископа Владимира (Соколовского-Автономова) (1852–1931) от 29 августа 1896 г. игумен был даже назначен благочинным всех монашеских общин Оренбургской епархии³⁴⁵. Но несмотря на все его усилия, материальное положение Богодуховского монастыря оставалось тяжёлым.

Усадебная земля обители на горе Маяк, рядом с известковыми копями была каменистой и непригодной для ведения сельского хозяйства. Из выделенных монастырю в разное время 600 десятин (655,5 га) 220 десятин (240,35 га) оказались неудобными и отрезанными от источников воды, а оставшиеся 380 десятин (415,15 га) были заняты сенокосами, которые при засушливом климате давали крайне скудный доход. Большинство ценных бумаг обители постоянно перезакладывались в банках, а её скромные поступления уходили на погашение этих долгов.

³⁴¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 69 об. – 71.

³⁴² ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4879. Л. 4.

³⁴³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5263. Л. 22–23.

³⁴⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5520. Л. 72–73.

³⁴⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 69 об. – 71.

Бедность монастыря сдерживала численность его братии, которая никогда не была велика: в 1875 г. – 30 человек (1 настоятель, 1 бывший игумен, 4 иеромонаха, 5 иеродиаконов, 6 монахов и 13 послушников), в 1880 г. – 35 мужчин (1 настоятель, 1 бывший игумен, 4 иеромонаха, 1 вдовый священник, 2 иеродиакона, 2 монаха, 1 штатный и 23 неуказных послушника), в 1895 г. – 15 насельников (1 настоятель, 1 бывший игумен, 4 иеромонаха, 4 иеродиакона и 5 монахов), в 1900 г. – 25 человек (2 иеромонаха, 1 иеродиакон, 2 монаха, 3 указных и 17 заштатных послушников)³⁴⁶.

Кроме того, в 1895 г. рядом с Оренбургом был основан ещё один мужской Успенско-Макарьевский монастырь с малочисленной братией, который тоже испытывал большую нужду в деньгах. Поэтому епархиальные власти решили оптимизировать и объединить ресурсы двух мужских обителей. По представлению епископа Владимира указом Св. Синода от 15 мая 1900 г. Богодуховский монастырь был выведен за штат и приписан к Оренбургскому Архиерейскому дому, а его братия и ежегодное финансирование переведены в Успенско-Макарьевский мужской монастырь, возведённый во 2-й класс. Во исполнение указа глава епархии резолюцией от 30 мая 1900 г. поручил специальной комиссии в составе протоиереев П.Д. Райского и В.И. Албертова, иеромонаха Сергия и секретаря Духовной консистории С.Я. Рудакова проверить по книгам, документам и описи движимое и недвижимое имущество Богодуховского монастыря и передать его в ведение Архиерейского дома казначею иеромонаху Евгению и эконому иеродиакону Тихону. Из числа насельников бывший игумен Макарий и иеромонах Исаакий посланы в Уральский Николаевский единоверческий мужской монастырь «ради крайней малочисленности там братии на пользу службы». Ближайшее заведование заштатным Богодуховским монастырём возложено на его бывшего казначея иеромонаха **Маркелла** (в миру Михаила Пименова). Вместе с ним в обители оставлены иеромонах Арсений и иеродиакон Антоний с 4 послушниками для ежедневного отправления очередного богослужения и поддержания в надлежащем порядке монастырских построек. Всю остальную братию предписано в течение июня 1900 г. перевести в Успенско-Макарьевский мужской монастырь³⁴⁷.

С этого времени выведенная за штат Богодуховская обитель окончательно превратилась в летнюю загородную резиденцию оренбургских епископов, которые и прежде нередко останавливались там. Не случайно окрестный район горы Маяк служил излюбленным местом для устройства горожанами дач и пикников на природе. Современники отмечали, что «Богодуховский монастырь расположен в живописной местности на возвышенном берегу реки Сакмары, откуда в летнее время открывается чудный вид на лесистые берега названной реки с зелёными её лугами и на ближайшее селение Подгородную Покровку». «Монастырь окружён каменной стеной. Между

³⁴⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4461. Л. 27–28 об.; Оп. 2. Д. 3622. Л. 31 об. – 32; Оп. 9. Д. 1962. Л. 70–70 об.; Оп. 3. Д. 5747. Л. 5–5 об.

³⁴⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5710. Л. 1–1 об.

другими монастырскими постройками главная монастырская церковь Иоанно-Предтеченская отличается изяществом в мавританском стиле. Большой купол, красивая колоколенка, крылечки, веранды, терраски и другие украшения производят на посетителя весьма приятное впечатление. В былое время на монастырском дворе летнею порою разбивались роскошные цветники. Со вкусом расположенные клумбы цветов, прекрасное сочетание красок, тень от деревьев, воздух, наполненный ароматом цветов и степных растений, тишина, нарушаемая лишь меланхолическим шёпотом древес-

Оренбургский Богодуховский монастырь

ных листьев, – всё это заставляло посетителя, хотя и на время, забывать о городской пыли и чувствовать себя на лоне природы»³⁴⁸.

Оренбургские архиереи часто сами совершали в Богодуховском монастыре всенощные бдения, служили литургии, в том числе в Духов день (в конце мая – начале июне, на следующий день после праздника Св. Троицы) и в храмовый праздник Рождества Иоанна Предтечи (24 июня), когда сюда стекались из города многочисленные богомольцы³⁴⁹. Ежегодно в

³⁴⁸ Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу. – Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 2000. – С. 114–115.

³⁴⁹ Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1898. – 1 июля. – № 13. – С. 551; Епархиальная хроника. Архиерейские служения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1899. – 15 июня. – № 12. – С. 481; Епархиальная хроника. Архиерейские служения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1901. – 1 июля. – № 13. – С. 499; Епархиальная хроника. Архиерейские служения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1902. – 15 июня. – № 12. – С. 464; Епархиальная хроника. Архиерейские служения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1902. – 1 июля. – № 13. – С. 489; Епархиальная хроника. Архиерейские служения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1903. – 1 июня. – № 11. – С. 410 и др.

сентябре-октябре в обитель приносилась чудотворная Табынская икона Божьей Матери – покровительница Оренбургского края во время ежегодных объездов епархии.

Несмотря на резкое сокращение числа насельников Богодуховской обители, в 1900–1901 гг. епископ Оренбургский и Уральский Владимир капитально перестроил и расширил скромный монастырский храм. Прежде он имел низкие потолки, по тесноте вмещал всего до 50 человек, отличался бедной утварью и скорее походил на сельский молитвенный дом. Стараниями архиерея маленькая церковь превратилась в величественный 3-этажный собор на 500 молящихся с широкой галереей, колоннадами и крыльцом под большим и малым куполами в мавританском стиле. «Старые закопчённые образа ... суздальской работы заменены святыми иконами художественной живописи»³⁵⁰. 9 июня 1901 г. епископ Владимир заново освятил оконченный постройкой храм³⁵¹. Работы по его благоустройству были проведены в надежде на открытие в стенах обители Православным миссионерским обществом центральной инородческой противомусульманской школы.

Вскоре строения монастыря оказались востребованными. По указу Св. Синода от 20 апреля – 5 мая 1901 г. № 1546 для просвещения святым крещением и укрепления в православной вере «инородцев» было решено открыть миссионерский стан в посёлке Преображенского завода Орского уезда Оренбургской губернии (ныне райцентр Зилаир Республики Башкортостан). Но по личному осмотру епископа Оренбургского и Уральского Владимира там не оказалось для этого подходящих помещений. По предложению Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества в сентябре 1901 г. Синод разрешил временно перенести стан в Богодуховский монастырь, где сразу приступили к ремонту и приспособлению дачных построек под школу для «инородческих» детей. Одновременно началось комплектование её преподавательского состава. 3 октября 1901 г. Преосвященный Владыка назначил заведующим миссионерским станом священника Оренбургской тюремной церкви, благочинного нагайбакских приходов епархии о. Иоанна Спиридонова³⁵² из старокрещёных татар Казанской губернии, окончившего в 1881 г. курс Казанской учительской семинарии. Учителем школы при стане определён также крещёный татарин Яков Памфилов, выпустившийся из Казанской учительской семинарии в 1876 г. Помощником учителя утверждён окончивший Оренбургскую регентскую школу Фёдор Сергеев. Наконец, для обучения воспитанников церковному пению архиерей назначил регентом диакона Градо-Оренбургской Покровской церкви Стефана Плотникова.

³⁵⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10571. Л. 23.

³⁵¹ Епархиальная хроника. Архиерейские служения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1901. – 15 июня. – № 12. – С. 463.

³⁵² Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1901. – 1 ноября. – № 21. – С. 338.

По личному приказанию епископа иереем Спиридоновым в конце сентября всем священникам «инородческих» приходов епархии были разосланы извещения о предстоящем открытии стана с предложением приглашать детей на обучение в миссионерскую школу. С 13 по 20 октября 1901 г. из всех уездов Оренбургской губернии в Богодуховский монастырь съехались 17 нагайбакских (крещёно-татарских) детей в возрасте 12–15 лет, уже отучившихся не менее 2 лет в казачьих поселковых школах. Для лучшего усвоения ими в повседневном общении разговорного государственного языка в миссионерскую школу также были приняты 10 русских мальчиков.

23 октября 1901 г. по случаю пребывания в Оренбургском Богодуховском монастыре чудотворной Табынской иконы Божьей Матери Преосвященным Владыкой была совершена здесь литургия, после чего архиерей обратился к предстоящим во храме с речью, в которой подробно объяснил цель открытия стана, необходимость и важное значение религиозного просвещения «инородцев» для Церкви и государства. О. Иоанном Спиридоновым было сказано нагайбакским детям краткое поучение о пользе образования. Затем епископ отслужил молебен перед началом учения с провозглашением обычного многолетия. Таким образом был открыт Богодуховский миссионерский стан со школой, занятия в которой начались на следующий день, 24 октября³⁵³.

В июле 1902 г. Оренбургским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества за 900 руб. была приобретена рядом с монастырём дача купца Смирнова, которая отремонтирована и приспособлена под учебные классы. Место, занимаемое дачей, площадью 1500 кв. сажень (0,68 га) Оренбургская городская управа заново отвела под строительство собственного здания миссионерского стана³⁵⁴. 3-этажный каменный дом, крытый железной крышей, длиной 13,5 сажень (28,80 м) и шириной 5,5 сажень (11,73 м) был построен вчерне к декабрю 1903 г., а в 1904 г. новое помещение Богодуховского миссионерского стана со школой было выбелено изнутри, покрашено и огорожено забором. В нём имелись 2 обширные классные комнаты для учащихся, школьное общежитие, а также квартиры для заведующего и учителей. Кроме того, в 1903 г. для стана рядом со школой за 2000 руб. купили дачу купца Баландина с усадебным местом площадью 2000 кв. сажень (0,91 га)³⁵⁵.

Преподавание в миссионерской школе с 1901 г. велось по программе одноклассных церковно-приходских школ, с 1903 г. – двухклассных, а с

³⁵³ Отчёт о деятельности Оренбургского комитета Православного миссионерского общества за 1901 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1902. – 1 августа. – № 15. – С. 179–182.

³⁵⁴ Отчёт о деятельности Оренбургского комитета Православного миссионерского общества за 1902 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1903. – 15 августа. – № 16. – С. 235–235; 1 сентября. – № 17. – С. 240–243.

³⁵⁵ Отчёт о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1903 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 1 сентября. – № 17. – С. 30–32.

1904 г. – второклассных. Полный курс обучения был рассчитан на 3 года и включал: русский, церковно-славянский языки и чистописание, Закон Божий, церковное пение, историю, географию, арифметику, геометрию, физику, естественную историю, дидактику и гигиену. Сверх того, в 1-м и 2-м классах изучались татарский язык, а в 3-м – история и обличение ислама. С 1902 г. введено обучение воспитанников переплётному искусству. А в 1909 г. на средства Оренбургского Михайло-Архангельского братства за 1428 руб. 3 коп. при Богодуховском стане построено отдельное здание для ремесленного класса, где 1 ноября открылась мастерская для обучения слесарно-токарному делу³⁵⁶.

Основной целью учебного заведения была подготовка кадров учителей церковных школ и псаломщиков для крещёно-татарских, чувашских и мордовских приходов Оренбургской епархии. В 1907 г. при стане для отработки педагогических приёмов и навыков была открыта образцовая церковно-приходская школа, где старшие ученики проводили пробные практические занятия с детьми под наблюдением опытных педагогов. К 1910 г. в этой школе занимались 15 детей.

Большое внимание уделялось и глубокому воцерковлению с раннего возраста, вовлечению в осознанную религиозную жизнь представителей национальных меньшинств в тесном общении с исконно православными русскими детьми. Ученики неукоснительно присутствовали на ежедневных общих утренних и вечерних молитвах, а также посещали богослужения в монастырском храме, причём по очереди исполняли церковное чтение. В течение года сами оренбургские епископы служили здесь всенощную и литургию не менее 10 раз в сопровождении школьного хора. Во время Великого поста ученики 2 раза исполняли долг исповеди и святого причастия. Каждую пятницу для них проводилась литургия преждеосвященных Даров, а в 4 часа вечера сам архиерей при пении училищного хора служил акафисты Пресвятой Троице, Господу Иисусу Христу, Божией Матери, св. Николаю Чудотворцу. В продолжение всего года по субботам воспитанники ходили к заупокойной службе и слушали толкования на праздничные евангелия.

Специально для учеников миссионерской школы была устроена в монастырской трапезной и 15 июля 1903 г. освещена епископом Владимиром церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа³⁵⁷, но 25 ноября 1907 г. она сгорела. Тогда с благословения епископа Оренбургского и Уральского Иоакима (Левицкого) (1853–1921) от 10 декабря 1907 г. № 10150 на экономические средства стана в большой классной комнате на 3-м этаже школы был сооружён иконостас, отгороженный от учебной аудитории деревян-

³⁵⁶ Отчёт о деятельности Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского общества за 1909 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1910. – 5 августа. – № 30–31. – С. 241–244; Отчёт о деятельности Оренбургского Михайло-Архангельского Братства за двадцать третий год его существования (с 8 ноября 1908 г. по 8 ноября 1909 г.). – Оренбург: Типография Тургайского Областного Правления, 1910. – С. 6–7.

³⁵⁷ Епархиальная хроника. Архиерейские служения // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1903. – 1 августа. – № 15. – С. 548–549.

ной решёткой и занавесью, при этом некоторые образа временно позаимствованы из Богодуховского монастыря, с помощью благотворителей приобретены необходимая церковная утварь и священные облачения. По резолюции архиерея от 21 декабря 1907 г. № 10555 здесь уже 23 декабря была освящена школьная домовая однопрестольная церковь во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца³⁵⁸. В зимнее время богослужение стало совершаться в ней, а с наступлением тёплого времени ученики посещали летнюю монастырскую церковь рядом со школой³⁵⁹.

Для воспитанников был установлен следующий распорядок дня: в 6 часов утра ученики вставали ото сна, в половине 7-го посещали утреннюю молитву, в 7 часов пили чай, после которого полчаса упражнялись в церковном пении. С 8 часов утра до 1 часа дня продолжались 4 урока с переменами по 15, 30 и 15 минут. В час дня бывал обед, затем прогулка до половины 3-го и спевка до 4 часов. Потом следовал вечерний чай, после чего воспитанники самостоятельно учили уроки. С 6 до 8 часов проходили вечерние занятия, причём учителя объясняли домашнее задание или по своему выбору давали новый урок. В 8 часов вечера – ужин и в тот же час молитва. Не позднее половины 9-го ученики ложились спать.

Воспитанники миссионерской школы содержались в интернате на полном пансионе с бесплатным проживанием, питанием и одеждой. При этом из 40 штатных мест в учебном заведении 25 стипендий оплачивались Св. Синодом, а ещё 15 вакансий обеспечивались доходами с имущества вдовы полковника М.Я. Новокрещеновой, оставившей по завещанию Богодуховскому миссионерскому стану 6200 руб. в 4-процентных ценных бумагах, а также дом с флигелем и мясной лавкой, сдававшиеся в аренду. В 1908 г. при помощи Оренбургского Михайло-Архангельского братства за 860 руб. 61 коп. построена отдельная школьная баня, тогда как раньше ученики мылись в монастырской.

Таблица 3 – Динамика численности учеников в школе при Богодуховском миссионерском стане в 1901–1909 гг.

Год	Обучалось						Выпущено
	русских	татар	чувашей	мордвы	казахов	всего	
1901	10	17	–	–	–	27	–
1902	9	27	5	–	–	41	–
1903	12	28	7	–	–	47	–
1904	7	26	8	–	–	41	–
1905	8	23	10	–	–	41	9
1906	10	15	15	–	–	40	16
1907	15	19	13	–	–	47	11
1908	11	19	10	1	–	41	10
1909	17	17	11	1	1	47	5

³⁵⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1636. Л. 284–288.

³⁵⁹ Отчёт о деятельности Оренбургского Епархиального Комитета православного Миссионерского Общества за 1908 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1909. – 26 ноября. – № 48. – С. 406–408.

По мере развития миссионерской школы совершенствовался и укреплялся её педагогический коллектив.

9 сентября 1911 г. заведующий Богодуховским станом священник Иоанн Спиридонов был переведён к Оренбургскому Георгиевскому Войсковому собору, а на его место 27 сентября назначен священник Николай Крамаренко, окончивший миссионерские курсы при Казанской духовной академии по татарскому отделению и работавший с нагайбаками в приходе посёлка Нежинского³⁶⁰.

Старшими учителями миссионерской школы состояли: с 1 января 1902 г. – выпускник Казанской учительской семинарии Алексей Сотников, с 15 сентября 1905 г. окончивший Житомирскую церковно-учительскую школу Фёдор Ничипоренко, с 1 сентября 1906 г. – воспитанник Оренбургской духовной семинарии Николай Федотов, с 1 сентября 1907 г. – питомец Обшаровской церковно-учительской школы мордвин Николай Завзин, а с 1910–1911 гг. – её же выпускник Михаил Пушкин. Помощниками учителя были: с 7 августа 1902 г. воспитанник Оренбургской регентской школы Иван Колпаков, а в 1903 г. – Павел Цесаркин и Гавриил

А. В. Сакун

Гиренко. Учителем церковного пения с октября 1902 г. до 1903 г. работал Аким Сакун, образованием из Харьковской музыкальной школы.

1 декабря 1902 г. введена должность второго учителя, которую занял новокрещёный казах Николай Саркин, прошедший Казанские миссионерские курсы³⁶¹. В 1903 г. его сменил выпускник Воронежской второ-

³⁶⁰ Распоряжения Епархиального Начальства. Перемещения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1911. – 22 сентября. – № 38. – С. 320; Распоряжения Епархиального Начальства. Перемещения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1911. – 13 октября. – № 40–41. – С. 337.

³⁶¹ Отчёт о деятельности Оренбургского комитета Православного миссионерского общества за 1902 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1903. – 15 августа. – № 16. – С. 235–235; 1 сентября. – № 17. – С. 240–243.

классной школы Гавриил Гиренко, с 29 сентября 1904 г. – Екатерина Фёдорова из Оренбургской женской гимназии, с 15 сентября 1905 г. – воспитанник Казанской учительской семинарии нагайбак Всеволод Тимей, с 1 сентября 1906 г. – его соученик нагайбак Афанасий Лаврентьев, с 1 сентября 1907 г. – окончивший курс двухклассной школы Министерства народного просвещения чуваш Иван Мензелинцев, с 1 сентября 1909 г. – Михаил Пушкин и с октября 1911 г. – Симеон Садаков, получившие образование в Обшаровской церковно-учительской школе.

Наконец, 1 сентября 1906 г. добавлена третья вакансия учителя при миссионерской школе, на которую перемещён Афанасий Лаврентьев. 1 сентября 1909 г. его преемником стал питомец Оренбургского городского трёхклассного училища Павел Соседов, а в 1910–1911 г. – выпускник Обшаровской церковно-учительской школы Пётр Панов.

Заведующий Богодуховским миссионерским станом и школой, помимо преподавания Закона Божьего и противомусульманских предметов, ежегодно объезжал в летнее каникулярное время все «инородческие» приходы Оренбургской епархии. Там он проводил широкие народные религиозно-нравственные чтения, поквартирный обход прихожан, направлял малоопытных священников и учителей церковных школ, внушал родителям необходимость религиозного обучения их детей. Под его руководством при стане временно проживали и готовились к переходу в православие по своему осознанному выбору представители мусульманских народов. Так, в 1905 г. здесь были просвещены святым крещением 1 татарин и 1 перс, в 1906 г. – 2 казаха и 1 татарин, в 1907 г. – 1 казах и т. д.

Кроме того, с 15 сентября 1903 г. по 1913 г. на базе Богодуховского монастыря действовала и общая причётническая школа для подготовки псаломщиков во все приходы епархии без различия национальности. Её заведующими последовательно состояли диакон Павел Ясинский, священник Алексей Сотников, диакон Гавриил Гиренко и Пётр Утехин.

С осени 1915 г. обитель разместила в своих стенах и приняла на своё содержание 183 беженца Первой мировой войны, а также открыла школу для их детей. Тогда же был отремонтирован и обновлён главный монастырский храм на пожертвования потомственных дворянок Марии Барыковой и Марии Александровны Растопчиной, оренбургской купчихи Марии Поповой, казака Городищенской станицы Василия Сукманова и крестьянина Кирилла Нуйкина³⁶².

Таким образом, в дореволюционный период Богодуховский монастырь стал сосредоточием религиозно-просветительской и миссионерской де-

³⁶² Распоряжения Епархиального Начальства. Награждение // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 15 декабря. – № 49–50. – С. 529; Распоряжения Епархиального Начальства. Награждения // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 января. – № 1–2. – С. 8.

тельности, оказывая заметное влияние на всю многонациональную Оренбургскую епархию. Но с установлением в 1917 г. советской власти и изданием ею в 1918 г. Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви эта работа была прервана. Более того, Оренбургская губернская комиссия по проведению этого декрета в жизнь постановлением от 5 марта 1924 г. закрыла и сам Богодуховский монастырь. Прав-

*Строительство электростанции
на территории Богодуховского монастыря. 1929 г.*

да, это решение совпало с началом либерализации государственной конфессиональной политики, получившей название «религиозного НЭПа». Уже 19 сентября 1924 г. по заявлению верующим была возвращена монастырская Богодуховская церковь, обращённая в приходскую. Членами её зарегистрированной религиозной организации стали оставшиеся здесь монахи и жители окрестных дач на горе Маяк. В 1924 г. приход церкви насчитывал 80 верующих, в 1926 г. – 83, в 1927 г. – 80, а в 1928 г. – 134 человека. Их окормляли в 1923 г. – иеромонах Аристоклий (в миру Андрей Михайлович Должников) и псаломщик монах Митрофан (в миру Дмитрий Тимофеевич Лебедев), в 1924 г. – иеромонах Серафим (в миру Андрей Иванович Гамаюнов) и иеродиакон Власий (в миру Василий Семёнович Иванов). В 1924 г. к последнему добавился диакон Василий Моисеевич Курдюков, а в 1925 г. – диакон на псаломщической вакансии

Иван Николаевич Миронов. Но с началом очередного этапа репрессий 29 апреля 1929 г. Административный отдел Оренбургского окрисполкома поручил специальной комиссии изъять всё имущество бывшего Богодуховского монастыря. Поскольку община отказалась выдать ключи, в тот же день начальник милиции Гансецкий, представители Административного отдела Федосеев, Горкомхоза Фомин и Прокудин, Окрфинотдела Брюхов, Окроно Горбачёв и Окрмузея Зароцкий взломали двери храма и вынесли из него всю утварь³⁶³. Следом большинство построек монастыря было снесено, а на его месте в 1929 г. построена тепловая электростанция. Вместо света духовного с горы Маяк пошёл свет физический, что вполне отвечало материалистическим представлениям новой безбожной власти.

³⁶³ ГАОО. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 3.

ОРСКИЙ ПОКРОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

История Орского Покровского женского монастыря восходит к зиме 1885 г., когда в уездном городе Орске сформировался кружок из 12 богомольных женщин, которые во главе со старшей сестрой, мещанкой **Евдокией Феодоровной Пашинцевой** (1829–1906) твёрдо порешили оставить мирскую жизнь ради монашеского служения. Все они в разное время вопреки уговорам родных отказались от замужества, усердно посещали Божий храм и исполняли долг исповеди по несколько раз в год. «Многие из них, не имея родителей, жили с братьями и снохами, но не всегда пользовались родственною любовью. Последние относились к ним или пренебрежительно, или насмешливо, называя их богомолками, белоручками», а иногда «и дармоедками». Это ещё более склоняло глубоко верующих женщин удалиться от мира для совместного труда и молитвы. В то же время среди горожан многие отнеслись к их стремлению с горячим сочувствием потому, что переселились в Орск после упразднения местной крепости в 1867 г. из внутренних губерний страны, где были привычны к монастырям и хотели молиться в собственной обители и на новом месте. В феврале 1885 г. орский купец Василий Корнеевич Артеменков бесплатно предоставил для этой богоугодной цели в бессрочное пользование свой просторный деревянный дом из 2 комнат внизу и 3 на втором этаже в Ташкентской слободке, на краю города, куда и переехали из своих семейств на жительство члены сформировавшейся женской общины.

4 марта 1885 г. мещанские девицы Евдокия Фёдоровна Пашинцева, Евгения Михайловна Рязанцева, Анна Филипповна Арзамасцева, Наталья Евфимовна Шадрова, Анна Ермолаевна Панфилова, Евфимия Семёновна Камнева, Васса Гавриловна Александрова, Анастасия Кузьминична Шувалова, Прасковья Ивановна Толмачёва, Дарья Прокофьевна Касатикова, Марфа Ивановна Иванова и Евфимия Аверьяновна Пименова подали ходатайство на имя Преосвященного Вениамина (Смирнова) (1829–1890), епископа Оренбургского и Уральского. Они просили выхлопотать им у высшестоящих церковных властей разрешение на официальное образование монашеской женской общины³⁶⁴. Но поскольку она не имела ни собственной земли, ни денежных средств, дело было отложено до формирования прочной материальной базы.

Между тем, прослышав об инициативе, в общежитие приходили всё новые и новые девушки так, что уже в мае 1885 г. там находилось 20 человек. Постепенно стало складываться и имущество будущей обители. По обращению основательниц Орская городская дума журналом от 3 декабря 1886 г. № 91 выделила общине 10 дворовых мест (половину квартала), которые прежде были назначены под новую застройку жилыми дома-

³⁶⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4577. Л. 1–1 об.

ми на окраине города, в конце Ташкентской слободки. Проезжая через Орск в 1887 г., новый оренбургский епископ Макарий (Троицкий) (1830–1906) благословил отведённое место и словесно разрешил устроить на нём жилое помещение. «С той поры пожертвования со стороны боголюбцев, особенно строительными материалами, полились весьма нескучно». К августу 1887 г. орские благотворители: купец Василий Артеменков, мещане Василий Объедков, Максим Ерёмин и Дмитрий Спиридонов возвели на этом участке за свой счёт большой деревянный корпус из 4 комнат, вмещающий до 40 человек, с кухней и трапезной. Весной 1888 г. купец В. Артеменков дополнительно перевёз на двор общины готовый дом из двух комнат, к которому была пристроена третья для самой настоятельницы. Наконец, по журналу от 4 мая 1888 г. № 33 Орская городская дума расширила земельный отвод обители до 2400 кв. саженей (1,09 га)³⁶⁵.

Создание необходимых материальных условий для жизни обители позволило сёстрам 16 октября 1887 г. вновь поставить вопрос об официальном учреждении в г. Орске Покровской женской общины, который был решён положительно по указу Святейшего Синода от 25 октября 1888 г. № 5347³⁶⁶.

Как это нередко бывает при всяком новом деле, становление общины сопровождалось некоторыми трениями. Её благотворители ошибочно полагали, что щедрое пожертвование даёт им право напрямую влиять на внутреннюю жизнь монашеской обители, чему противилась старшая сестра Е.Ф. Пашинцева. На неё посыпались жалобы епархиальным властям от попечителей с требованиями отставки под угрозой прекращения финансирования. Но на все призывы сочувствующих защищаться кроткая и терпеливая начальница неизменно отвечала: «Бог с ними, чернее, чем я есть, они меня не сделают, тяжб я не люблю, власти не ищущ». Для водворения внутреннего мира в общине туда была командирована новой начальницей со стороны в ноябре 1888 г. опытная монахиня Оренбургского Успенского женского монастыря Серафима (1842–?)³⁶⁷. Однако уже 31 декабря 1888 г. она подала в отставку из-за тяжёлого заболевания хроническим катаром верхних дыхательных путей. В итоге по заступничеству благочинного градо-Орских церквей, протоиерея Михаила Авраамова оренбургский епископ Макарий своей резолюцией от 14 января 1889 г. категорически запретил посторонним светским лицам вмешиваться во внутренние дела монашеской общины под угрозой предания уголовному суду. А старшая сестра Евдокия Феодоровна Пашинцева 2 февраля 1890 г. в Оренбургском Успенском женском монастыре была пострижена иеромонахом Иннокентием в мантию под именем Евпраксии и указом Духовной консистории от 26 марта 1890 г. № 3265 юридически утверждена в должности начальницы Орской Покровской общины³⁶⁸.

³⁶⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4577. Л. 18 об., 20–20 об., 49, 57–58 об.

³⁶⁶ Там же. Л. 25–25 об., 62–62 об.

³⁶⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4685. Л. 107 об. – 108.

³⁶⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 11055. Л. 78 об. – 79.

Выяснив отношения, благотворители и монашествующие продолжили совместную работу на благоустройство обители. В 1890 г. была сооружена и 30 апреля освящена протоиереем Михаилом Авраамовым первая деревянная церковь общины на каменном фундаменте во имя святой мученицы Параскевы, для которой по случаю куплен старый иконостас в станице Кваркенской. 9 октября 1890 г. после молебствия открыта женская школа грамоты, которая впоследствии была преобразована в одноклассную церковно-приходскую школу³⁶⁹. В 1900 г. здесь обучались 32, а в 1913 г. – 37 девочек. Должность учительницы последовательно занимали Варвара Петровна Пащенко, преподававшая несколько лет в казачьей начальной школе, а также послушницы Екатерина Иванова и Наталия Турбина. Закону Божьему учили, сменяясь один за другим, штатные священники монастырского храма Дионисий Козмодемьянский, Василий Успенский, Пётр Шалеев и Владимир Чемезгин. Наконец, в 1892 г. на усадебном месте обители был построен ещё один большой деревянный 1-этажный корпус на каменном фундаменте, крытый железом, из 10 отделений для сестёр, общее число которых к 1895 г. возросло до 73 человек (1 настоятельницы, 2 монахинь, 2 указных послушниц и 68 неуказных)³⁷⁰.

Заложив основы монашеской женской общины в Орске, её начальница, монахиня Евпраксия в 1894 г. ушла на покой и проводила время за чтением Псалтири, в 1904 г. приняла великую схиму³⁷¹ и в 1906 г. скончалась.

У кормила общины её сменила монахиня **Евлампия** (в миру Евфимия Никитична Васильева), личность выдающаяся во многих отношениях. Она родилась в 1840 г. в семье оренбургских мещан и получила домашнее образование. В 1866 г. поступила в Оренбургский Успенский женский монастырь, где проходила различные послушания. По заданию игуменьи ездила по стране для сбора добровольных пожертвований на построение монастырского храма. Исправляла должность пономарки, наблюдая за порядком в алтаре до 1870 г. Во время русско-турецкой войны, с 20 июля 1877 г. до

Игуменья Евлампия (Васильева)

³⁶⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4577. Л. 75–77.

³⁷⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 370–371.

³⁷¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 11055. Л. 78 об. – 79.

5 мая 1878 г. добровольно работала сестрой милосердия в подвижном госпитале, открытом Оренбургским отделением Красного Креста в тылах армии, у с. Голта близ города Ольвиополя Херсонской губернии (ныне в черте г. Первомайска Николаевской области Украины). За усердную службу при больных и раненых воинах была удостоена трёх похвальных свидетельств от врачей, бронзовой медали в память войны 1877–1878 гг., а по возвращении получила 16–17 июня 1878 г. архипастырское благословение от епископа Оренбургского и Уральского Митрофана (Вицинского) (1807–1887)³⁷². 9 июня 1881 г. в своей обители иеромонахом Иннокентием была пострижена в монашество. В 1883 г. послана в годовой сбор. Вновь проходила послушание церковницы, наблюдая за порядком в алтаре монастырского храма до 1891 г. Указом Оренбургской духовной консистории от 18 февраля 1894 г. № 1796 определена настоятельницей Орской Покровской женской общины, в какую должность вступила 24 февраля³⁷³.

По свидетельству современника, «с её назначением началась эра развития монастыря и в духовном, и в материальном отношении». Немалая заслуга в этом принадлежала и ближайшей помощнице настоятельницы Евлампии во всех хозяйственных делах, казначее Феогнии (в миру Феодосии Ефремовне Завершинской) (1851–1909), приехавшей вместе с ней из Оренбургского Успенского женского монастыря.

Первым делом новой настоятельницы стало расширение усадебного места обители. По её ходатайству 20 июня 1894 г. Орская городская дума постановила увеличить монастырский отвод с 2400 до 10500 кв. саженей земли (4,78 га) за счёт прирезки свободного участка на выгоне с юго-востока от вала бывшего татарского кладбища через Коровье озеро к воротам христианских кладбищ. По бедности общины её заведующая и не чаяла обнести такую огромную территорию каменной оградой, но на выручку тут же пришли добрые люди. Ещё до конца июня 1894 г. орский купец Василий Корнеевич Артеменков пожертвовал 4 кубических сажени (39 куб. м) камня, орский купец Михаил Евдокимович Кичигин – 6 кубических саженей (58 куб. м), орский мещанин Василий Романович Обьедков – 15 кубических саженей (146 куб. м), орский купец Максим Петрович Литвак – 5000 штук обожжённого кирпича³⁷⁴ и т. д. Благодаря их вкладу обширный участок обители был огорожен со всех 4-х сторон каменной стеной высотой до 4 аршин (2,84 м) и общей протяжённостью по периметру в 420 саженей (896 м). На этой площади под руководством настоятельницы Евлампии и казначеи Феогнии развернулось широкомасштабное строительство. В 1895 г. был возведён деревянный 1-этажный флигель на 2 кельи. В 1896 г. внутри обители окончен просторный чёрный двор из дикого камня, который объединил под общей крышей комплекс необходимых хозяйственных служб: кладовые, погреб, амбары, сеновал, карду для скота, конюшню, каретник, завозню для экипа-

³⁷² ГАОО. Ф. 173. Оп. 2. Д. 3623. Л. 92–94 об.

³⁷³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 44–46.

³⁷⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4577. Л. 85–91 об.

жей, сарай для дров, баню и прачечную. В 1897 г. построен 2-этажный полукаменный корпус, включавший жилые кельи, просфорню и мастерские³⁷⁵.

Одновременно началось обогащение обители недвижимостью и вне городской черты Орска. По духовному завещанию, вступившему в силу 2 декабря 1894 г., умершая дочь казачьего сотника Екатерина Петровна Ветошникова оставила общине пустошь Лиманную при реке Орь в 15 верстах (16 км) от города размером 243 десятины 480 кв. саженей (265,7 га)³⁷⁶. 1 июля 1895 г. последовало высочайшее согласие на отвод из свободных земель Оренбургского казачьего войска соседнего участка в 334 десятины 960 кв. саженей (365,3 га), рядом с посёлком Кумакским Новоорской станицы³⁷⁷. С того же 1895 г. обитель вступила в фактическое владение землёй Василия Романовича Объедкова, от которого по завещанию, утверждённому к исполнению 10 сентября 1899 г., официально получила в собственность 90 десятин (98,3 га) при хуторе Поддубном и 80 десятин (87,4 га) при хуторе Воскресенском 3-й Усерганской волости Орского уезда, на речке Каяле в 135 верстах (144 км) от Орска³⁷⁸. В 1897 г. купчиха Анастасия Ивановна Валявина пожертвовала общине дворовое место с каменным и деревянным флигелями в г. Оренбурге, на Извозничьей улице (ныне Яицкой), где было устроено монастырское подворье. В 1904 г. здесь был сооружён ещё один кирпичный флигель, а в 1910 г. – 2-этажный каменный дом, навес, каретник и дровяной сарай с погребами и сеновалом. 4 свободных квартиры на подворье сдавались в наём за 72 руб. в месяц. Наконец, 27 августа 1903 г. была оформлена дарственная на участок вдовы казачьего сотника Натальи Андреевны Угрюмовой под названием 1-й Гришинской пустоши размером 249 десятин (272 га) в 30 верстах (32 км) от Орска, у станицы Таналыкской. Таким образом, за пределами города монашеская община сосредоточила в своих руках 996 десятин 1440 кв. саженей (1088,7 га) земли.

«За особые усердные труды» по умножению имущества и развитию хозяйства обители её заведующей, монахини Евлампии по указу Оренбургской духовной консистории от 2 декабря 1897 г. № 7051 было преподано архипастырское благословение³⁷⁹. Рост благосостояния и численности общины позволил поставить вопрос о повышении её ранга. 2 ноября 1897 г. матушка Евлампия подала на имя Преосвященного Владимира (Соколовского-Автономова) (1852–1931), епископа Оренбургского и Уральского ходатайство о преобразовании общины в Орский Покровский женский общежительный монастырь. По представлению архиерея указом Святейшего Синода от 16 сентября 1898 г. № 4851 это прошение было удовлетворено³⁸⁰, а указом от 18 ноября 1898 г. № 6834 монахиня

³⁷⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 118.

³⁷⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5386. Л. 1–18 об.

³⁷⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4577. Л. 92–92 об., 101.

³⁷⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5615. Л. 1–39.

³⁷⁹ Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1898. – 15 января. – № 2. – С. 17.

³⁸⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5385. Л. 1–10 об.

Евлампия назначена настоятельницей нового монастыря с возведением в сан игуменьи.

Её следующей задачей стало построение храма, соответствующего более высокому статусу и материальным возможностям обители, поскольку старая домовая церковь по своей тесноте и скромному убранству уже не отвечала религиозным запросам, как сестёр монастыря, так и приходявших сюда многочисленных богомольцев. Указом Оренбургской духовной консистории от 17 ноября 1898 г. № 11185 был утверждён проект нового кирпичного собора, разработанный епархиальным архитектором Аркадием Иосифовичем Савиничем. Закладка храма совершена 15 июня 1899 г., но строительные работы затянулись из-за технических трудностей и перерывов в финансировании. Так, при отрытии котлованов под фундамент обнаружилась слабость несущего грунта, что потребовало углубления рвов. Строительные материалы постоянно дорожали, а недостаток пожертвований от местных благотворителей приходилось восполнять разъездами монахинь по всей стране для сбора денежных средств.

А. И. Савинич

Поэтому на первое время в 1901 г. было решено увеличить вместимость прежней церкви св. мученицы Параскевы, которая была полностью перестроена на бутовом фундаменте из хорошего соснового леса и покрыта чёрным железом. 10 октября 1902 г. обновлённый храм по благословению епископа освятил протоиерей Спасо-Преображенского собора г. Орска Павел Георгиевич Дроздов (1830–1911).

Д. Г. Швецов

А в 1903 г. церковь была окрашена масляной краской внутри и выбелена известью снаружи.

Параллельно велись работы и на втором храме. Подрядчиком по его сооружению выступал оренбургский купец Кузьма Иванович Рукавишников. В строительный комитет, заведовавший финансово-хозяйственными вопросами, входили: настоятельница Евлампия, казначея Феогния, монахини Июлия и Лукия, послушницы Дарья Артеменкова и Матрона Хоружева, священник монастыря

о. Василий Успенский, а также Орский городской голова Дормидонт Гордеевич Швецов. Они закупали камень в городской каменоломне, кирпич – на заводах С. и К. Ковылиных, Н. Парфёнова и П. Порфирьева, лес – у Ш. Рамеева, И. Самойлова и Д. Швецова, железо – у Л.А. Нидеккера, стекло – у М.Ф. Солодова и т. д. Для удешевления строительства многие работы выполняли сами сёстры монастыря: вывозили землю из-под фундамента, доставляли песок и кирпич, обжигали алебастр, красили, вставляли стёкла в оконные рамы, расписывали интерьер церковной живописью. В июне 1905 г. была завершена кладка стен, 30 сентября 1907 г. водружены кресты, а 1 октября 1907 г. подняты колокола на примыкающую каменную колокольню.

Покровский собор

Наконец, 24 августа 1908 г. епископ Оренбургский и Тургайский Иоаким (Левицкий) (1853–1921) в сослужении епархиального наблюдателя церковных школ протоиерея Мануила Матвеевича Немечека и местного орского духовенства торжественно освятил главный предел храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы. К этому времени общие расходы по его возведению составили 31980 руб. 57 коп.³⁸¹ 27 ноября 1911 г. благочинным градо-Орских церквей протоиереем Максимом Ивановичем Худоносовым (1863–?) проведено освящение правового предела в честь Казанской Божьей Матери. Левый предел освящён во имя святителя Николая Чудотворца.

³⁸¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5454. Л. 1–64.

По указу Оренбургской духовной консистории от 28 августа 1909 г. № 12673 деревянная церковь св. мученицы Параскевы была дополнительно обложена снаружи кирпичом.

Заботы настоятельницы Евлампии по организации религиозной жизни вверенного ей монастыря были достойно вознаграждены глубоким уважением церковного руководства и искренней любовью подчинённых. Определением Святейшего Синода от 13 апреля 1901 г. № 1331 она была удостоена наперсного креста. По ходатайству казначеи Феогнии и старших сестёр обители Оренбургская духовная консистория указом от 4 февраля 1903 г. № 1676 наградила настоятельницу серебряным наперсным крестом с украшениями. Наконец, «за ревностные труды по сооружению и благоукрашению нового каменного храма» 27 мая 1909 г. за № 7463 ей был высочайше пожалован золотой наперсный крест из Кабинета Его Императорского Величества³⁸².

Орский Покровский монастырь. Покровский и Параскевский храмы

Созидание собственных храмов отвлекало значительные силы и средства обители, но отнюдь не останавливало на её территории и активного строительства для жилых и хозяйственных нужд. В 1898 г. был возведён второй 2-этажный полукаменный корпус для келий, в 1904 г. – 1-этажный каменный корпус с кухней для игуменьи и в 1906 г. – третий 2-этажный полукаменный корпус под размещение сестёр. По состоянию на 1910 г.

³⁸² ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 44–46.

монастырь насчитывал в Орске уже 12 различных построек, а вся его недвижимость в городской черте оценивалась в 83156 руб.³⁸³. В 1914 г. на территории обители было сооружено отдельное 1-этажное деревянное здание на каменном фундаменте для церковно-приходской школы с квартирой учительницы. Во внимание к трудам игуменьи по его возведению согласно определению Оренбургского епархиального училищного совета от 23 января 1915 г. № 4240 настоятельнице Евлампии 18 августа было преподано архипастырское благословение. К 1916 г. число монастырских строений возросло до 20 и включало: 2 храма, 7 жилых зданий с просфорней, кухней, трапезной и рукодельными мастерскими, 2 дома для священника и дьякона, церковно-приходскую школу, хозяйственный двор, хлева, сараи и кладовые, ледники, 2 бани, прачечную и ветряную водокачку с ёмкостью на 500 вёдер³⁸⁴.

Необходимые постройки были сооружены и на всех земельных участках обители в сельской местности, где заведены хутора для занятия земледелием и скотоводством. Наиболее освоенным был участок при реке Орь, на котором построены обширный хозяйственный двор, 2 больших флигеля, крытых железом, и целый ряд служб из саманного кирпича. Местные угодья использовались в основном под пастбища и сенокошение. В 1910 г. монастырю принадлежали 41 бык и корова, 20 лошадей и 40 овец, а всего 101 голова различных пород скота. Правда, прибыль от его продажи была незначительной: в 1908 г. – 212 руб., а в 1910 г. и того меньше – 120 руб. Засевалось всего 3 десятины (3,3 га), а кроме того, проводилась ежегодная распашка под бахчи и огородные культуры, но их не хватало даже для обеспечения самой обители. В 1910 г. она дополнительно потратила на заготовку овощей 133 руб. На хуторе Воскресенском монастырь имел деревянную избу с каменной землянкой, а на хуторе 1-м Гришинском – саманный дом. В 1910 г. на этих двух участках находилось под посевом 40 десятин (43,7 га) пшеницы, 5 десятин (5,4 га) овса и 4 десятины (4,4 га) ржи, а всего 49 десятин (53,5 га) земли³⁸⁵. В целом, несмотря на крупные земельные владения, сельское хозяйство монастыря не получило большого развития из-за малочисленности сестёр для обслуживания удалённых хуторов.

«Гораздо лучше и с большими выгодами» было «поставлено занятие различными женскими и специально монастырскими промыслами и ремёслами». В обители действовали разнообразные мастерские: белошвейная, одеяльная, шитья гладью, чистки пуховых платков, чулочная, чеботарная, иконописная, просфорня. Наиболее доходным занятием, как раз, и служила выпечка просфор для городских церквей Орска, которая принесла: в 1908 г. – 385 руб. 90 коп., а в 1910 г. – 384 руб. 16 коп. Не только

³⁸³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 118 об.

³⁸⁴ О храме // Храм Покрова Пресвятой Богородицы [Электронный ресурс]. URL: <http://orskpokrov.prihod.ru/main-page/> (дата обращения: 25.07.2014).

³⁸⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 118 об. – 120.

богоугодным, но и прибыльным делом было также иконописание, которым занимались 3 послушницы и 3 ученицы под руководством опытной старшей сестры Татьяны Объедковой. Полностью обеспечивая потребности монастырских храмов, мастерицы брали и посторонние заказы, которые дали: в 1908 г. – 326 руб., в 1909 г. – 306 руб. 70 коп., в 1910 г. – 334 руб. 7 коп. В белошвейной мастерской 10 послушниц одновременно изготавливали верхнюю одежду и церковных облачения с доходом: в 1908 г. – на 223 руб. и в 1910 г. – на 224 руб. Прибыль от чистки пуховых платков составила: в 1908 г. – 172 руб. и в 1910 г. – 125 руб. Стёжка одеял дала поступлений: в 1908 г. – в размере 150 руб., а в 1910 г. – в сумме 144 руб. Наконец, шитьё гладью пополнило монастырскую казну: в 1908 г. – на 115 руб. 50 коп., а в 1910 г. – на 111 руб.

Специфическими монастырскими занятиями были чтение в кельях Псалтыри по умершим и участие хора певчих сестёр в погребальных процессиях. Келейное поминовение принесло: в 1908 г. – 188 руб. и в 1910 г. – 175 руб. За отпевание было получено: в 1908 г. – 85 руб., а в 1910 г. – 165 руб. Постоянным обращениям верующих за этими нуждами способствовало расположение монастыря прямо напротив входа на христианские кладбища города Орска. На территории самой обители также были устроены 2 кладбища для сестёр: в церковной ограде и во дворе, где за особую плату хоронили и мирян.

В целом, общие доходы Орского Покровского женского монастыря за 1908 г. составили 5622 руб. 29 коп.

**Таблица 4 – Приход денежных средств
Орского Покровского женского монастыря за 1908 г.**

Статьи прихода	Сумма	
	руб.	коп.
Сборы и пожертвования на нужды монастыря	1064	00
Пожертвования на постройку новой церкви	1700	00
Доходы от рукоделий и промыслов сестёр	1845	90
Доходы от продажи сельхоз. продукции	212	00
Церковные доходы (свечные, кошельковые и др.)	722	78
Проценты по вкладам причта	38	48
Проценты по вкладам монастыря	9	98
Остаток 1907 г.	29	15
Итого:	5622	29

Расходы за тот же период выразились суммой 5541 руб. 64 коп³⁸⁶.

³⁸⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 121 об. – 123.

**Таблица 5 – Расход денежных средств
Орского Покровского женского монастыря за 1908 г.**

Статьи расхода	Сумма	
	руб.	коп.
На постройку новой церкви	2796	79
На содержание старой церкви	773	11
Причту	38	48
На содержание сестёр	459	65
На содержание монастырских строений	594	09
На содержание мастерских	189	80
На поддержание сельского хозяйства	609	82
Школе	60	00
Канцелярии	19	90
Итого:	5541	64

Кроме того, к 1913 г. монастырь и его причт владели неприкосновенным капиталом из 22 ценных бумаг и вкладов на 5911 руб. Все они в разное время были внесены благотворителями с тем, чтобы ежегодными процентами обеспечить дополнительное финансирование обители и её духовенства. Самому монастырю пожертвовали 3400 руб.: по 1000 руб. – Анна Михайловна Балтенкова, Александр Степанович Качурин и Фёдор Онуфриевич Нечаев, 300 руб. – вдова священника Анна Кирилловна Тоболкина и 100 руб. – Иустиния Егоровна Жаркова. На содержание монастырского причта было передано ещё 2511 руб.: 1511 руб. – от анонимных доброжелателей, 900 руб. – от Стефаниды Ивановны Лаврентевой и 100 руб. – от Иустинии Егоровны Жарковой³⁸⁷.

Несмотря на это, в материальном плане Орский Покровский женский монастырь был обеспечен крайне слабо. Его земельные владения эксплуатировались недостаточно эффективно по причине удалённости от обители и малочисленности сестёр для их освоения. Доходы от мастерских едва покрывали текущие хозяйственные нужды. А многочисленные здания и великолепные храмы были возведены исключительно жертвами благотворителей. Бедность общины, в свою очередь, сдерживала её рост. Если в 1900 г. монастырь насчитывал 111 сестёр (14 монахинь, 6 указных послушниц и 91 неуказную), то в 1915 г. имел практически то же количество в 114 насельниц (1 игуменью, 32 монахини, 3 указных послушницы и 78 на временном испытании)³⁸⁸. По свидетельству современника, их содержание было весьма скудным. Обед предлагался ещё сносный, но чай и сахар выдавались только занятым «чёрной», то есть тяжёлой физической работой. А вот одежду насельницам приходилось справлять самостоятельно. Следуя монашескому идеалу, они действительно проводили жизнь в бедности и послушании, непрестанных трудах и молитвах.

³⁸⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 36–40.

³⁸⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5747. Л. 21 – 21 об.; ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 15 об.

Поначалу общественное богослужение для них в монастырском храме при одном штатном священнике не проводилось только по понедельникам и вторникам, но после назначения в 1910 г. второго иерея стало ежедневным. В будни богослужение посещалось всеми сёстрами, кроме послушниц, занятых неотложными работами. Очевидец сообщал, что «церковная служба правится в монастырском храме весьма благолепно, чему немало способствует отличный хор певчих. Священник ... очень усерден в поучении своей паствы и неустанно проповедует слово Божье по воскресным и праздничным дням». Вечернее правило совершалось по кельям, а утреннее – в церкви с 03.30. Кроме того, в особой келье при церкви по расписанию сменных дежурств велось круглосуточное, «вечное» чтение Псалтири с поминовением живых и мёртвых. Все сёстры говели, исповедовались и причащались Святых Тайн по 4 раза в год.

Торжественно отмечались престольные праздники монастырских храмов: Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября) и святой мученицы Параскевы (28 октября). Устраивались крестные ходы: на Пасху с артосом ежедневно вокруг церкви, а в пятницу – на колодезь. Особенно торжественное богослужение в обители бывало на 9-ю пятницу по Пасхе, в праздник чудотворной Табынской иконы Божьей Матери – покровительницы Оренбургского края. К этому дню многочисленные богомольцы заранее съезжались из ближних окрестностей и дальних сёл в обитель, которая на небольшой период превращалась в настоящий муравейник, кипящий людьми, шумом и суетой. Не имеющим в Орске родных и близких монастырь предоставлял еду за общей трапезой и кров, отводя все свободные помещения и даже кельи сестёр. В обители паломники говели, исповедовались и причащались Святых Тайн в саму 9-ю пятницу по Пасхе. Литургия в этот день совершалась с участием градо-Орского духовенства, а после неё проводился многолюдный крестный ход вокруг монастыря³⁸⁹. В обители имелась и своя местночтимая икона Казанской Божьей Матери, дни памяти которой праздновались 8 июля и 22 октября.

Приток богомольцев в монастырь стимулировало и приобретение им ценных православных святынь. По ходатайству настоятельницы Евлампии в сентябре 1903 г. наместник Киево-Печерской лавры передал в Орскую обитель частицу мощей преподобной Евфросинии Полоцкой (1101/1105–1173). А в 1910 г. Покровский женский монастырь обогатился частью мощей святой благоверной княгини Анны Кашинской (ок. 1280 – 1368).

Духовному росту общины содействовала и собственная библиотека, объединявшая к 1913 г. 122 книги, журнала и газеты религиозно-нравственного содержания³⁹⁰.

Глубоко усвоенные христианские принципы милосердия и любви к ближнему сёстры воплощали в жизнь социальным и благотворитель-

³⁸⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 126 об. – 127 об.

³⁹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 36–40.

ным служением людям. Например, в эпидемию 1910 г. 2 послушницы были направлены в холерный барак для ухода за больными³⁹¹. В 1912 г. монастырь учредил половинную стипендию для содержания девочки в приюте Оренбургского Иоасафовского Сестричного Братства при Архирейском доме³⁹². А в ноябре 1916 г. обитель выразила желание открыть собственный приют для 15 дочерей воинов, погибших на Первой мировой войне³⁹³.

Таким образом, в плодотворный период настоятельства игуменьи Евлампии Орский Покровский женский монастырь окончательно сложился в крупный духовный центр притяжения для православного населения всего юго-востока Оренбургской губернии. Немало потрудившись на благо обители, заслуженная 75-летняя начальница по слабости здоровья согласно её прошению указом Святейшего Синода от 18 ноября 1915 г. № 16012 была отпущена на покой³⁹⁴.

По избранию сестёр её пост приняла заведующая Серафимовской женской общиной Челябинского уезда, монахиня Серафима (в миру Надежда Викторовна Контрова). Она родилась в 1861 г. в семье кондуктора и получила домашнее образование. В 1879 г. поступила послушницей в Рождество-Богородичный монастырь г. Гродно (ныне Гродненской области Беларуси). В 1888 г. утверждена там в должности ризничей. В 1904 г. переведена на пост казначеи в Покровский (Разгуляевский) женский монастырь Оренбургской епархии (ныне пос. Шар Александровского района Оренбургской области). В 1906 г. назначена его настоятельницей, но в том же году по прошению уволена и перемещена в Челябинский Одигитриевский женский монастырь. В 1913 г. по указу Оренбургской духовной консистории № 883 определена заведующей в приписанную к этой обители Серафимовскую женскую общину в Челябинском уезде (близ ныне исчезнувшей деревни Ефимовки Юргамышского района Курганской области). Указом Святейшего Синода от 24 февраля 1916 г. № 2528 назначена на должность настоятельницы Орского Покровского женского монастыря с возведением в сан игуменьи³⁹⁵, в каковую должность вступила 4 апреля. Летом 1917 г. награждена наперсным крестом от Святейшего Синода выдаваемым³⁹⁶.

На годы настоятельства игуменьи Серафимы выпали тяжкие испытания Первой мировой войны, революции 1917 г., а затем и гонений на

³⁹¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 129.

³⁹² Оренбургское Иоасафовское Сестричное Братство в 1912–13 братском году // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1913. – 7 ноября. – № 42. – С. 815–818.

³⁹³ Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–31 декабря. – № 49–52. – С. 707.

³⁹⁴ Распоряжения Епархиального Начальства. Перемены должностных лиц // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1915. – 15 декабря. – № 49–50. – С. 529.

³⁹⁵ Распоряжения Епархиального Начальства. Перемены должностных лиц // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 марта. – № 9–10. – С. 83.

³⁹⁶ Синодальные награды // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 8 июля. – № 26. – С. 1.

Церковь со стороны новой атеистической советской власти. В 1925 г. монастырь закрыли, а его изгнанные насельницы разошлись по окрестным домам. В 1926 г. на территории обители расположилась кавалерийская часть, а затем военные связисты. Бывший второй монастырский священник на штатном дьяконском месте Пётр Фёдорович Маляровский (1869–1937) по приговору тройки УНКВД был необоснованно расстрелян 14 сентября 1937 г. Здание Покровского храма долгое время стояло в запустении, пока в 1959 г. не было перестроено под клуб и библиотеку Орского гарнизона. При этом была разрушена колокольня, снесены все главы храма, в алтаре устроили сцену, а в главном приделе – актов и танцевальный зал. В келейных корпусах разместили подсобные службы части, а территорию бывшей обители застроили казармами и опутали сетью мощных радиоантенн.

Лишь с либерализацией государственной политики в 1991 г. часть монастырской усадьбы с храмом вернули Русской Православной Церкви. В 1994 г. сюда был назначен священник, а в 1999 г. официально зарегистрирован православный приход Покрова Пресвятой Богородицы в г. Орске, по ул. Соколова, 85а. До настоящего времени из монастырских строений сохранились главный храм, домик игуменьи, трапезная, водоканал, подсобные помещения, сараи и кладовые³⁹⁷.

С 2013 г. в Орске возрождается монашеская жизнь. Но поскольку территория прежней Покровской обители застроена и поделена между различными собственниками, начато возведение нового женского монастыря во имя Иверской иконы Божьей Матери на другом участке, в пос. ОЗТП г. Орска. Тем не менее, осознание исторических корней, преемственности монашеской жизни остаётся важной предпосылкой её восстановления на востоке Оренбуржья.

³⁹⁷ О храме // Храм Покрова Пресвятой Богородицы [Электронный ресурс]. URL: <http://orskpokrov.prihod.ru/main-page/> (дата обращения: 25.07.2014).

ИЛЕЦКИЙ НИКОЛАЕВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Монашеская женская община в г. Илеце Оренбургской губернии (ныне г. Соль-Илецке) была основана 15 августа 1892 г. вдовой коллежского советника Ольгой Александровной Виноградовой (1825–1900) в благодарность за чудесное спасение наследника российского престола, цесаревича Николая Александровича от покушения, совершённого на его жизнь 29 апреля 1891 г. во время путешествия по Японии³⁹⁸. Община была названа Николаевской по имени небесного покровителя будущего императора Николая II – Святителя Николая Мирликийского (Чудотворца). Это начинание встретило «тёплое сочувствие ... среди добрых людей, которые не замедлили явиться на помощь материально». По ходатайству городского старосты купца А. И. Каргина Илецкое городское хозяйственное правление выделило под строительство обители 10 десятин земли (10,9 га) в 3 верстах (3,2 км) от поселения. А указом Святейшего Синода от 27 сентября 1893 г. № 4441 Николаевская женская община в г. Илеце была официально утверждена³⁹⁹. Её основательница О.А. Виноградова, получившая образование в частном пансионе, 26 октября 1893 г. в Оренбургском Успенском женском монастыре была пострижена иеромонахом Иннокентием в мантию под именем **Рахиль** и указом Оренбургской духовной консистории от 4 ноября 1893 г. № 10874 назначена заведующей общиной⁴⁰⁰.

Под мудрым руководством настоятельницы обитель постепенно обзаводилась необходимыми постройками, хозяйством, расширяла земельные владения, наращивала численность сестёр.

Благодаря добровольным пожертвованиям в первый же год был срублен из соснового леса общежительный корпус, оштукатуренный внутри и снаружи, с железной крышей и сенями из двойного тёса. Просторное здание вмещало 40 монахинь и послушниц, имея 8 сажень 1 аршин (17,62 м) в длину, 4 сажени 2 аршина (9,96 м) в ширину и 1 сажень 1 аршин (2,84 м) в высоту. Для первоочередных нужд в том же 1893 г. поставлено деревянное помещение кухни и трапезной, которое было также покрыто железом, но оштукатурено только внутри, а снаружи обмазано глиной. Оно занимало объём 18 на 8 на 3,5 аршина (12,80 на 5,67 на 2,49 м). К трапезной были пристроены деревянная келья под общую крышу размерами 10 на 6 аршин (7,11 на 4,27 м) и сени из саманного кирпича⁴⁰¹. К концу 1893 г. на всех жилых площадях обители разместились уже 55 сестёр, «из которых более

³⁹⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5568. Л. 4; Православные монастыри Российской империи / сост. Л.И. Денисов. – М.: Издание А.Д. Ступина, 1908. – С. 626.

³⁹⁹ Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1893. – 15 октября. – № 20. – С. 250.

⁴⁰⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 376 об. – 377.

⁴⁰¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1173. Л. 36 об. – 37.

половины молодые во цвете лет девушки и девочки, большею частью сиротки, остальные же пожилые женщины – вдовы или девы, отрeksiвшиеся на склоне лет своих от суеты мира и вступившие на путь монастырской жизни». Во внебогослужебное время все они занимались сельским хозяйством и рукодельем, которые служили важным подспорьем в их материальном обеспечении.

Для насельниц общины 12 сентября 1893 г. духовенством окрестных селений в обители была торжественно освящена закладка первой деревянной церкви во имя Свт. Николая Чудотворца. Очевидец так описывал эту церемонию: «Свершилось скромное, но великое по своему значению, событие не только для самих обитательниц общины, но и для г. Илецка, жители которого в лице своего городского старосты купца А. Каргина принимают живейшее участие в благоустройстве обители с самого начала её возникновения. Тотчас по окончании литургии почти всё население г. Илецка с хоругвями и иконами прямо из церквей проследовало к месту закладки храма. Трогательно было смотреть на эту пёструю толпу, исполненную религиозного воодушевления и нескрываемой радости по случаю предстоящего торжества. После 3-хвёрстного шествия крестный ход остановился на площади, пред обителью, вокруг места, назначенного для построения церкви, где уже заранее расположилась значительная толпа богомольцев из окрестных селений. Богослужение было совершенно соборно, так как сюда прибыли, кроме духовенства г. Илецка, и другие ближайшие священники. Стройное, умиленное пение обитательниц общины видимо произвело на собравшихся богомольцев самое трогательное впечатление. Под влиянием торжественно-религиозного настроения все собравшиеся единодушно молились о том, чтобы Господь помог развиться и укрепить только что возникающей скромной обители, ниспослав на неё Свою Божественную всеукрепляющую благодать. После богослужения, кончившегося молитвой с всеобщим коленопреклонением, местным благочинным О.В. Подъячевым произнесена была краткая, но глубоко прочувствованная речь, в которой он, указав главным образом на значение и цель монастырской жизни, просил далее собравшихся мирян и впредь не оставлять своими посильными пожертвованиями на нужды новоустрояющейся обители, а сестёр – переносить твёрдо и с упованием на волю Божию те трудности и невзгоды, которые предстоят им при построении храма вследствие недостатка материальных средств. После молебна в обительской трапезной, по распоряжению церковного старосты г. Илецка купца Ф. Каратаева, принимающего отеческую заботливость в нуждах предполагаемой к открытию общины, приготовлен был чай, на который приглашены более почётные богомольцы»⁴⁰².

⁴⁰² Васильев И. Закладка храма при ново-устрояющейся в память спасения Наследника Цесаревича в Японии Николаевской женской обители близ г. Илецка // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1893. – 15 октября. – № 20. – С. 709–710.

Первая монастырская церковь Свт. Николая Чудотворца строилась на пожертвования, собираемые через специально установленные в разных местах кружки, и была освящена уже в следующем 1894 г.

Она представляла собой деревянное здание на каменном фундаменте, оштукатуренное внутри и снаружи. Его длина с колокольной составляла 9,5 сажень (20,27 м), наибольшая ширина – 4 сажени (8,53 м) и высота до верха карниза – 3 сажени (6,40 м). Внутри помещался иконостас длиной 11 аршин (7,82 м), оценённый в 2000 руб. Храм был покрыт железной крышей, окрашенной в зелёный цвет, с одной большой главой. К нему пристроена 2-ярусная колокольня высотой до края карниза в 3 сажени (6,40 м). На сооружение всего комплекса потрачено 15000 руб.

С назначением к церкви священника за монастырской территорией, в сторону города Илецка был поставлен причтовый деревянный дом, который соединялся сенями с кухней и имел открытую террасу. На одном участке с ним также расположились деревянная баня и саманный сарай для погребницы, конюшни и каретника.

Новое жильё потребовалось и для прибывающих сестёр, число которых за 2 первых года существования общины возросло с 55 до 82 человек. Для их расселения в 1896 г. был сложен из брёвен, оштукатурен с обеих сторон и покрыт железной крышей второй, уже 2-этажный общежительный корпус ценой 20000 руб. Он стал не только самым дорогостоящим, но и большим строением обители, раскинувшись на 12 сажень (25,60 м) в длину, 7 сажень (14,94 м) в ширину и 8 аршин (5,69 м) в высоту⁴⁰³.

Эти успехи смогло воочию оценить епархиальное руководство, которое не оставляло своим вниманием и духовным попечением зарождающуюся монашескую общину. 1 июля 1896 г. Илецкую Николаевскую женскую общину посетил временно управляющий Оренбургской епархией Гавриил (в миру Григорий Васильевич Голосов) (1839–1916), епископ Старицкий, викарий Тверской епархии, будущий епископ Омский и Семипалатинский, духовный писатель и проповедник. Он увидел, что обитель «ещё только обстраивается. Церковь в ней деревянная, однопрестольная, тёплая; недалеко от церкви – два деревянных корпуса для общинниц-инокинь; со стороны города – дом для причта, а в противоположной стороне – службы и амбары с кладовыми, за которыми разводится довольно обширный фруктовый сад и засеяны бахчи. Ограды вокруг общины ещё нет. Преосвященный встречен был причтом и всеми сёстрами с настоятельницей во главе на паперти церковной с пением «Достойно есть». В церкви общины была отслужена краткая лития, после которой Его Преосвященство благословил инокинь при стройном пении ими икоса из акафиста Святителю Николаю. Выйдя из церкви, Владыка направился в покои настоятельницы, где была приготовлена и предложена ему скромная трапеза, которую он немного и подкрепился.

⁴⁰³ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1173. Л. 36 об.

При беседе с настоятельницей и старшими сёстрами о состоянии общины, Его Преосвященство благословил финифтяными иконочками тех из сестёр, кои особенно трудятся на пользу общины, чему они были несказанно рады. Затем Преосвященный, в сопровождении настоятельницы и всех присутствовавших, осматривал новонасаждаемый сад, хозяйственные и другие постройки, принадлежащие общине, причём изволил выразить удовольствие по поводу того, что община быстро растёт и пользуется видимым довольством во всех отношениях. Пожелав общине процветания помощью и молитвами святителя и чудотворца Николая, имя которого носит община, Его Преосвященство, напутствуемый всеми обитателями общины и многими посторонними лицами, прибывшими сюда, отбыл» из обители⁴⁰⁴.

Между тем, немало потрудившаяся для первоначального устройства общины её основательница Рахиль (Виноградова) по старости и болезни временно ушла на покой. А новой настоятельницей Илецкой обители по указу Оренбургской духовной консистории от 15 июля 1896 г. № 66 была определена монахиня **Рафаила** (в миру Наталья Степановна Алейникова), которая вступила в должность 25 августа. Она родилась в 1847 г. и происходила из казачьего сословия. Дома обучилась читать и писать. А затем девицей ушла в Оренбургский Свято-Успенский женский монастырь. Проходила там послушание златошвейкой. 21 декабря 1886 г. была пострижена в монашество. 20 апреля 1896 г. переведена в Илецкую Николаевскую женскую общину на должность помощницы к престарелой настоятельнице, которую и подменила на этом посту⁴⁰⁵. Впрочем, уже 2 мая 1897 г. прежняя настоятельница **Рахиль** (Виноградова) с новой энергией вернулась на свою должность⁴⁰⁶.

Её усилиями к 1900 г. на земле общины выросли ещё 4 деревянных флигеля, деревянный дом со службами для монастырского дьякона, многочисленные хозяйственные постройки (амбар, ледник, прачечная, сарай и конюшня), устроена просфорня в трапезном корпусе, разведён яблоневый сад в пойме речки Елшанки. Для занятия монашествующих земледелием и скотоводством Войсковое хозяйственное правление Оренбургского казачьего войска отвело из своих свободных земель в 15 верстах (15,9 км) от обители участок под названием «пустоши Вишнёвой» размером 344 десятины 1680 кв. сажен (376,6 га), которые были высочайше укреплены за общиной 30 декабря 1895 г. Ещё 300 десятин (327,75 га) в 25 верстах (26,5 км) на речке Сивухе оставила монахиням по духовному завещанию вдова хорунжего Анна Ивановна Касперова, чей дар было разрешено императором принять 30 марта 1900 г. Укрепление материальной основы обители способствовало увеличению численности её на-

⁴⁰⁴ Из местной хроники. Посещение Преосвященнейшим Епископом Гавриилом Илецкой Защиты // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1896. – 1 августа. – № 15. – С. 455–461.

⁴⁰⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1963. Л. 200 об. – 201.

⁴⁰⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7263. Л. 17.

сельниц. Если в 1895 г. община насчитывала 82 женщины (2 монахини и 80 послушниц), то в 1900 г. – уже 129 человек (3 монахини и 126 послушниц)⁴⁰⁷.

Видя рост и благоустройство обители при личном обозрении епархии в мае 1899 г., епископ Оренбургский и Уральский Владимир (Соколовский-Автономов) (1852–1931) обещал со временем оказать содействие в преобразовании женской общины в полноценный общежительный монастырь. 17 мая 1899 г. начальница Николаевской общины Рахиль подала соответствующее ходатайство Преосвященному Владыке. Однако Оренбургская духовная консистория отложила рассмотрение вопроса до окончательного оформления всех юридических прав на земельные владения обители⁴⁰⁸. Решать эту проблему пришлось уже новой начальнице общины, поскольку прежняя заведующая Рахиль окончательно удалась от дел по слабости здоровья, а 12 февраля 1900 г. скончалась и была погребена близ монастырского храма⁴⁰⁹.

Ещё 16 ноября 1899 г. Оренбургская духовная консистория указом № 6802 утвердила её преемницей по выбору самих сестёр монахиню **Серафиму** (в миру Соломию Макаровну Гусеву). Она родилась 27 июля 1851 г. в крестьянской семье села Пинеровка Балашовского уезда Саратовской губернии (ныне посёлок Балашовского района Саратовской области). Овдовев, из крестьянок Илецкой волости Оренбургского уезда в 1892 г. поступила в формирующуюся Николаевскую общину, где с самого основания заведовала финансовыми средствами. 20 октября 1896 г. в своей обители пострижена в монашество. А указом Оренбургской духовной консистории от 13 ноября 1897 г. № 1905 уже официально утверждена казначеей общины. За усердную и полезную службу в этой должности ей было преподано архипастырское благословение с установленной грамотой от 29 декабря 1899 г. № 7720 за подписью епископа Владимира⁴¹⁰. Уже на посту настоятельницы монахиня Серафима по определению Святейшего Синода от 14 апреля 1904 г. № 1927 была награждена серебряным наперсным крестом. А 27 апреля 1907 г. сёстры самого монастыря поднесли ей в знак памяти сребро-позлащённый наперсный крест «за неусыпные труды по благоустройству обители и попечение о подчинённых»⁴¹¹.

Уважение вышних и любовь нижестоящих были заслужены важными инициативами и свершениями Серафимы во главе обители. В 1900 г. при Илецкой Николаевской общине было решено открыть для девочек одноклассную церковно-приходскую школу, попечительницей которой

⁴⁰⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 373; Оп. 3. Д. 5747. Л. 24 об. – 25.

⁴⁰⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5568. Л. 1–3.

⁴⁰⁹ Православные монастыри Российской империи / сост. Л. И. Денисов. – М.: Издание А.Д. Ступина, 1908. – С. 626.

⁴¹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 11055. Л. 38–40; Оп. 9. Д. 1290. Л. 379 об. – 380.

⁴¹¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6362. Л. 113 об. – 115.

по резолюции епископа от 20 марта № 2062 стала сама начальница обители⁴¹². В том же году к занятиям в приспособленном помещении приступили 24 девочки⁴¹³. 23 мая 1900 г. Святейший Синод выделил 2000 руб. на строительство для учебного заведения отдельного каменного здания⁴¹⁴. Школьный корпус длиной 9,5 сажень (20,27 м), шириной 6 сажень 1 аршин (13,51 м) и высотой 4 аршина (2,84 м) с кирпичными сенями и парадным крыльцом был выстроен, оштукатурен внутри и покрыт железной крышей в следующем 1901 г. Вместе с собственными и привлечёнными средствами на него было израсходовано в общей сложности 6000 руб.⁴¹⁵.

Новой настоятельнице удалось также довести до конца дело о преобразовании общины в женский монастырь. Завершив оформление документов на земельные владения, она подала 4 июля 1900 г. новое ходатайство о повышении статуса обители. На этот раз Преосвященнейший Владимир поддерживал просьбу перед вышестоящими церковными властями, указав, что община вполне обеспечена имуществом в материальном положении, благотворно влияет на местное население, а многие сёстры достаточно подготовлены к монашеской жизни и имеют искреннее желание принять постриг. По представлению оренбургского епископа Святейший Синод указом от 9 декабря 1900 г. постановил преобразовать общину в Илецкий Николаевский общежительный женский монастырь, а начальницу обители монахиню Серафиму назначить настоятельницей с возведением в сан игуменьи. Эта церемония была проведена в воскресенье, 6 февраля 1901 г. за богослужением в Крестовой церкви Оренбургского Архиерейского дома⁴¹⁶.

При матушке Серафиме было заведено хуторское хозяйство, разнообразные мастерские, открыта собственная больница для сестёр, продолжало умножаться недвижимое имущество обители за счёт пожертвований и капитального строительства.

Так, с повышением статуса обители в 1901 г. на монастырской усадьбе поднялся новый деревянный оштукатуренный дом для игуменьи с закрытой террасой, кухней и водяным отоплением. Здание под железной крышей занимало 8 сажень 1 аршин (17,78 м) в длину, 5 сажень 2 аршина (12,09 м) в ширину и 4 аршина (2,84 м) в высоту, оцениваясь в 5000 руб.

Выпечку богослужебного хлеба было решено вывести из повседневной трапезной, для чего в 1903 г. за 4200 руб. построено из соснового леса под железной крышей отдельное оштукатуренное помещение просфорной с

⁴¹² Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1900. – 1 мая. – № 9. – С. 114.

⁴¹³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5747. Л. 24 об. – 25.

⁴¹⁴ Отчёт о состоянии школ церковно-приходских и грамоты Оренбургской епархии в 1900 году // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1901. – 15 октября. – № 20. – С. 332.

⁴¹⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1173. Л. 36 об. – 37.

⁴¹⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5568. Л. 4–9.

двумя русскими печами, имевшее в длину 11 сажень (23,47 м), в ширину 9 сажень (19,20 м) и в высоту 1 сажень 1 аршин (2,84 м).

С развитием в монастыре искусных ремёсел понадобилось и специально здание для живописных работ и рукоделий. Сооружённый под эти цели в 1906 г. за 5000 руб. каменный корпус, крытый железом, размерами 10 на 4 сажени на 4 аршина (21,34 на 8,53 на 2,84 м) с двумя кирпичными сенями был также оборудован передовой по тем временам трубной системой водяного отопления.

В целом к 1910 г. на территории Илецкого Николаевского женского монастыря насчитывалось уже 33 постройки различного назначения: храм, школа, дом игуменьи, 2 дома для причта с баней и двумя сараями (за оградой), 2 общежительных корпуса, 3 кельи (в том числе для коровниц и лошадиц), 2 конюшни, каретник, рукодельная, просфорная, трапезная, баня, больница, 3 амбара, 5 сараев, 2 погребницы, дровяник и горн для обжига кирпичей на нужды собственного строительства.

Обитатели также были пожертвованы дом в Оренбурге с ежегодным доходом в 300 руб. и 2 дома в Илецкой Защите, приносящих до 1200 руб. в год. Один из них, подаренный Каратаевой, был деревянным, оштукатуренным внутри и снаружи, под железной крышей, имея 5,5 сажень (11,73 м) в длину, 3 сажени (6,40 м) в ширину и 3,5 аршина (2,49 м) в высоту. На её дворе месте также располагались 2 деревянные кухни с открытой террасой, деревянные флигель и лавка, а также саманные конюшни, каретник, сарай и 2 погребницы. Это имение монастырь сдавал в аренду под склады и торговлю. Второй дом, пожертвованный Гребенко, состоял из белокаменного полуподвала и деревянного верха, обложенного кирпичом с двух сторон и оштукатуренного с оставшихся, с железной кровлей. К зданию размерами 8 на 6 сажень на 4 аршина (17,07 на 12,80 на 2,84 м) была пристроена деревянная кухня, с которой соседствовали саманные конюшни, каретник, хлев и погребница. Всю усадьбу у обитатели снимал под жильё переселенческий чиновник. В 1909 г. его дом был заново перестроен.

В результате к 1910 г. общая стоимость монастырской недвижимости в Илецкой Защите возросла до 64600 руб.⁴¹⁷

Однако основной заботой обитатели к этому времени стало строительство нового, более просторного монастырского храма для постоянно увеличивающегося числа насельниц. Их количество возросло со 129 (3 монахинь и 126 послушниц) в 1900 г. до 183 (16 монахинь и 167 послушниц) в 1904 г.⁴¹⁸, так что прежняя скромная деревянная церковь общины перестала вмещать всех желающих. Поэтому 20 мая 1904 г. игуменья Серафима по общему совету и согласию сестёр вошла к епархиальным властям с ходатайством о разрешении постройки в Илецком Николаев-

⁴¹⁷ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1173. Л. 38 об. – 40.

⁴¹⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 10555. Л. 36–37.

ском женском монастыре просторного грандиозного каменного собора в неовизантийском стиле по представленному ею плану и смете. Предполагаемые затраты на возведение храма оценивались в огромную по тем временам сумму в 89819 руб. 91 коп. (65,6 млн. руб. по современному курсу), которых настоятельница не имела, но уповала «на милость Божию и Святителя Николая, что они пошлют добрых людей для содействия сему великому делу». 6 июля 1904 г. протоколом № 204 Строительное отделение Оренбургского губернского правления утвердило финансовое обоснование и проект собора, а 21 июля Духовная консистория журналом № 795 дала согласие на его сооружение⁴¹⁹. Для сбора средств на начало строительства предварительно была отпечатана и разослана воззвание к верующим с призывом жертвовать деньги на богоугодное дело.

Старт работам дал лично епископ Оренбургский и Тургайский Иоаким (Левицкий) (1853–1921), который 9 июля 1905 г. специально выехал по недавно построенной Ташкентской железной дороге в г. Илецкая Защита, а 10 июля, в воскресенье освятил закладку в местном Николаевском женском монастыре каменного собора⁴²⁰ в честь Вознесения Господня с приделами во имя Иверской иконы Божьей Матери и во имя Святителя Алексия, митрополита Московского и всея России Чудотворца. Название этого придела было намечено сёстрами заранее, после рождения 30 июля 1904 г. «Богом дарованного Наследника Цесаревича Алексея Николаевича», которое умилило их до глубины души радостью, постигшей всю Русскую землю. Таким образом, не только возникновение, но и развитие Илецкого Николаевского монастыря было проникнуто почитанием Царствующего Дома Романовых и тесной связью с важнейшими событиями его текущей жизни.

Для изыскания средств на постройку в этой обители нового храма, закупки строительных материалов и найма рабочей силы была образована Строительная комиссия из настоятельницы и сестёр монастыря под председательством местного благочинного Вонифатия Подъячева. А технический надзор за ходом работ осуществлял инженер Ташкентской железной дороги Лев Константинович Киселёв (1870 – после 1926). Под его наблюдением в 1906–1907 гг. был закончен бутовый фундамент и сложены пилоны Вознесенского храма, но затем стройка была заморожена на 2 года, в течение которых производились только заготовка и обжиг кирпича для обеспечения будущего строительства. И в дальнейшем работы неоднократно приостанавливались, сильно затянувшись из-за ограниченности поступлений. На постройку монастырского собора было привлечено частных пожертвований, по сборным книжкам и из экономических сумм самой обители: в 1905 г. – 7202 руб. 86 коп., в 1906 г. –

⁴¹⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9794. Л. 4–10 об.

⁴²⁰ Поездка Его Преосвященства // Оренбургские епархиальные ведомости. – Часть неофициальная. – 1905. – 15 июля. – № 14. – С. 463.

5340 руб. 43 коп., в 1907 г. – 5532 руб., в 1908 г. – 5582 руб., в 1909 г. – 5026 руб. 5 коп., в 1910 г. – 7408 руб. 50 коп., в 1911 г. – 13536 руб. 76 коп., в 1912 г. – 5250 руб. 78 коп., в 1913 г. – 4175 руб. 15 коп., а всего – 59054 руб. 53 коп. (65,7 % от первоначальной сметы). За тот же период на покупку камня, извести, цемента, лесоматериалов, дров для обжига кирпича, уплату подрядчикам и работникам за его изготовление и кладку было израсходовано: в 1905 г. – 7137 руб. 51 коп., в 1906 г. – 5152 руб. 52 коп., в 1907 г. – 5524 руб. 9 коп., в 1908 г. – 3296 руб. 36 коп., в 1909 г. – 7514 руб. 76 коп., в 1910 г. – 7271 руб. 11 коп., в 1911 г. – 13184 руб. 5 коп., в 1912 г. – 4965 руб. 85 коп., в 1913 г. – 4120 руб. 84 коп., а всего – 58167 руб. 69 коп. (64,8 % от сметы)⁴²¹.

Пока шло строительство нового вместительного собора сёстры продолжали собираться на молитву в тесной деревянной церкви. Правда, их численность несколько сократилась количественно, но зато увеличилась качественно: до 165 человек (25 монахинь и 140 послушниц) в 1910 г. и 156 насельниц (40 монахинь и 116 послушниц) в 1915 г.⁴²². Богослужение в монастырском храме совершалось ежедневно. По будням с 05.00 проводилась вечерня продолжительностью 30–45 минут, затем с 06.00 служилась утренняя и непосредственно литургия в течение 2,5–3 часов. Перед воскресениями и праздниками с 17.00 устраивалось всенощное бдение, а на следующий день, с 08.00 утра проводилась литургия с чтением акафиста Богоматери по её окончании. В будни богослужения посещались почти исключительно одними монахинями (черницами), особенно в летнюю пору, когда большинство послушниц (белиц) было занято полевыми работами на удалённом монастырском хуторе. По праздничным же и воскресным дням в храм собирались, по возможности, все насельницы, за исключением тяжело больных, а также занятых неотложными делами по кухне, лечебнице и т. п. При богослужении практиковалось женское пение на 2 клироса.

Кроме того, ежедневно в монастырской церкви с 23.00 отправлялись домашние молитвы – полунощница и вечернее правило, которые обязательно блюли монахини, а иногда и послушницы.

В течение года сёстры несколько раз говели – готовились к таинству причащения через пост и воздержание, посещение всех богослужений и выполнение домашних молитв по указанию молитвослова. Во время Великого поста все насельницы говели 2 раза, в Рождественский пост – монахини дважды и послушницы единожды, а в Петровский и Успенский посты – только черницы и по 1 разу⁴²³.

В Илецком монастыре ежегодно совершались крестные ходы кругом обители 9 мая и 6 декабря (на Николу летнего и зимнего), а также в 9-ю

⁴²¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9794. Л. 31–35, 54, 75.

⁴²² ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 98 об.; Оп. 5. Д. 10581. Л. 16.

⁴²³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 100–100 об.

пятницу по Пасхе на праздник Табынской иконы Божией Матери – покровительницы Оренбургского края⁴²⁴. 14–15 ноября 1901 г. сам чудотворный образ посетил общину во время ежегодного объезда края⁴²⁵.

Монашествующие проводили время в молитве и труде, бедности и отречении от всего мирского. Обитель выдавала им из своих запасов только по четверти ведра (3 литра) керосина раз в 2 месяца для освещения кельи, а одежду и обувь приходилось справлять самим. Насельницы пользовались также готовым столом. В будние дни обед состоял из трёх блюд: щей, каши и лапши, а в качестве питья предлагался квас. В монастыре пекли свой вкусный хлеб из пшеничной муки. Многие разбирали еду по кельям в виду крайней тесноты трапезной, рассчитанной всего на 30–35 человек. Остальные были вынуждены питаться попеременно. За обедом одна из послушниц читала вслух жития святых, поминовение которых приходилось на текущий день.

Все необходимые продукты сёстры выращивали сами. Для этого в 15 верстах (15,9 км) от монастыря на пустоши Вишнёвой было организовано крепкое хуторское хозяйство, выстроен деревянный жилой корпус, 2 амбара, скотный двор и другие многочисленные службы. На хуторе зимой проживали 30 послушниц, а для летних полевых работ сюда выезжало более 100 насельниц. Они обрабатывали землю, убирали урожай и косили сено, доили коров, занимались рыбной ловлей. Ежегодно засевалось до 100 десятин (109,25 га).

Второй монастырский участок, «Касперовский» по дальности от обители не эксплуатировался, а сдавался в аренду.

Кроме того, оренбургский купец Зарынов пожертвовал насельницам ещё 819 десятин 1650 кв. сажень (895,5 га) земли, на передачу которых император дал своё согласие 28 января 1911 г.⁴²⁶

В результате если в 1910 г. монастырские владения составляли 1479 десятин земли (1615,8 га), то к 1915 г. они возросли до 1517 десятин (1657,3 га)⁴²⁷.

И.А. Зарынов —

По состоянию на 1910 г. в хозяйстве Николаевской обители имелось 40 быков, 40 дойных коров, 10 телят, 30 лошадей, 4 верблюда, 30 овец и более 100 кур. В закромах хранилось 6000 пудов пшеницы (98,283 т), были запасены на

⁴²⁴ Православные монастыри Российской империи / сост. Л.И. Денисов. – М.: Издание А.Д. Ступина, 1908. – С. 626.

⁴²⁵ Маршрут на следование Табынской чудотворной иконы Божией Матери из г. Оренбурга через г. Нижнеуральск в г. Бузулук Самарской губернии в 1901–1902 году // Оренбургские епархиальные ведомости. – Часть официальная. – 1901. – 15 октября. – № 20. – С. 319.

⁴²⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9794. Л. 51.

⁴²⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 16.

зиму громадные омыты сена и соломы. Для выполнения тяжёлых работ (пахоты, боронования, молотбы и др.) приходилось дополнительно нанимать до 10 работников, пастухов и сторожей. Пахари получали за труд по 3 руб. с десятины. В 1909 г. расходы монастыря на привлечение наёмной силы составили 948 руб. 56 коп. Как мужчины, батраки проживали в особом помещении за пределами женской обители. Для производства сельскохозяйственных работ монастырь располагал необходимым инвентарём: 3 тяжёлыми плугами (сабанами), 2 жнейками, 2 молотилками и др.

Внутри обители сёстры также не сидели без дела. К 1910 г. под руководством опытных монахинь 32 насельницы работали в 5 мастерских, занимаясь иконописью, вязанием оренбургских пуховых платков, шитьём белья, стёжкой одеял и ремонтом обуви. Ещё одной доходной статьёй монастырского бюджета было чтение в кельях Псалтири об упокоении усопших или о здравии благодетелей по 25 руб. с имени на вечное поминовение, причём, по свидетельству современников, список был довольно внушительным. Помимо этого, 7 сестёр несли послушание по приготовлению пищи и уборке в трапезной и на кухне, 1 – при колодце, 3 – по выпечке хлеба и 3 – по выпечке просфор, 7 – содержали в чистоте и порядке церковь и 2 – работали в монастырской больнице⁴²⁸.

Следуя христианскому милосердию и любви к ближнему, насельницы Илецкого монастыря трудились над облегчением мук страждущих в социально-благотворительных учреждениях. При обители постоянно проживали до 10 сирот и пожилых женщин, нуждающихся в постороннем уходе. После начала Первой мировой войны 20 декабря 1914 г. в Илецком Николаевском женском монастыре открылся лазарет для раненых и больных воинов на 5 коек под надзором 1 врача и 2 фельдшеров⁴²⁹. Несмотря на скромные размеры, со времени открытия до 1 июня 1915 г. здесь было обеспечено лечение нижних чинов в течение 426 койкодней. С 1 июня в организационном плане это заведение было объединено с двумя другими лечебными учреждениями – железнодорожным и имени С.Ф. Панева в общий лазарет Илецкого местного Комитета Красного Креста на 25 коек, но продолжало действовать в стенах монастыря как его отделение. При этом до июля 1916 г. обитель за свой счёт обеспечивала раненых и больных печёным хлебом, прекратив выдачу лишь по причине неурожая. Заведовал отделением священник Василий Яковлевич Филологов, который постоянно ездил в Оренбург для сопровождения раненых в комиссию, закупки медикаментов, спирта и др. на свои средства, пока Красный Крест с 1 июля 1916 г. не стал компенсировать ему дорожные расходы по 10 руб. в месяц. Когда в сентябре 1915 г. до Оренбургской губернии докатилась волна вынужденных переселенцев с оккупированных германскими войсками территорий, в обители был устроен приют на 70 беженок и школа для их детей⁴³⁰.

⁴²⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 101–104.

⁴²⁹ ГАОО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 об. – 20.

⁴³⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 18 об., 27 об.

Наконец, часть сестёр находилась в годовых сборах добровольных пожертвований по всей стране, а также на подворьях Илецкого Николаевского женского монастыря в Оренбурге и Нарве.

История возникновения этого подворья в крайне удалённом от Оренбуржья регионе Прибалтики заслуживает отдельного рассказа. Одна из монахинь Илецкой обители **Маргарита** (в миру Ольга Архиповна Ямникова) (1844–1909) родилась в Нарве в семье военнослужащего. По окончании срока службы, её отец вместе с женой и детьми уехал на родину, в Оренбургскую губернию, где Ольга поступила в Николаевский женский монастырь и приняла постриг. Будучи командированной от обители для сбора пожертвований в Санкт-Петербург, она решила навестить и расположенный поблизости родной город. От подруг юности Маргарита узнала о большом желании жителей Нарвы завести собственную монашескую общину. По благословению своей настоятельницы она решила остаться в городе и организовать здесь подворье Илецкого Николаевского женского монастыря⁴³¹. В этом богоугодном деле её поддержал нарвский купец, потомственный почётный гражданин Иван Петрович Слестников (1858–?), который 6 апреля 1904 г. подарил общине принадлежащее ему дворовое место № 84 площадью 72 кв. сажени (327,76 кв. м) с деревянным домом и хозяйственными постройками стоимостью 1000 руб. в г. Нарве, на Ивангородском форштадте, в 6-м квартале, на улице, ведущей к русскому кладбищу⁴³². К Маргарите присоединились в качестве послушниц несколько местных жительниц, которые поселились в пожертвованном доме, открыв в 1904 г. монастырское подворье.

После смерти основательницы на её место из Оренбургской губернии прибыла монахиня **Тавифа** (в миру Татьяна Поликарповна Иванова) (1862–1945), назначенная 1 мая 1909 г. новой заведующей Нарвским подворьем Илецкого Николаевского женского монастыря. Она активно взялась за решение важнейшей задачи по строительству собственного храма для местной общины, в чём получила содействие местных зажиточных предпринимателей: Н.Л. Карзинского, А.И. Осипова, И.П. Павлова и др. Особенно значимую помощь оказал владелец кирпичного завода, потомственный почётный гражданин Филипп Яковлевич Пантелеев (1863–1914), который по соседству с прежним участком общины 9 марта 1912 г. пожертвовал ей дворовое место № 85 в 6-м квартале на пересечении Второй и Задней улиц (ныне в г. Ивангород Кингисеппского района

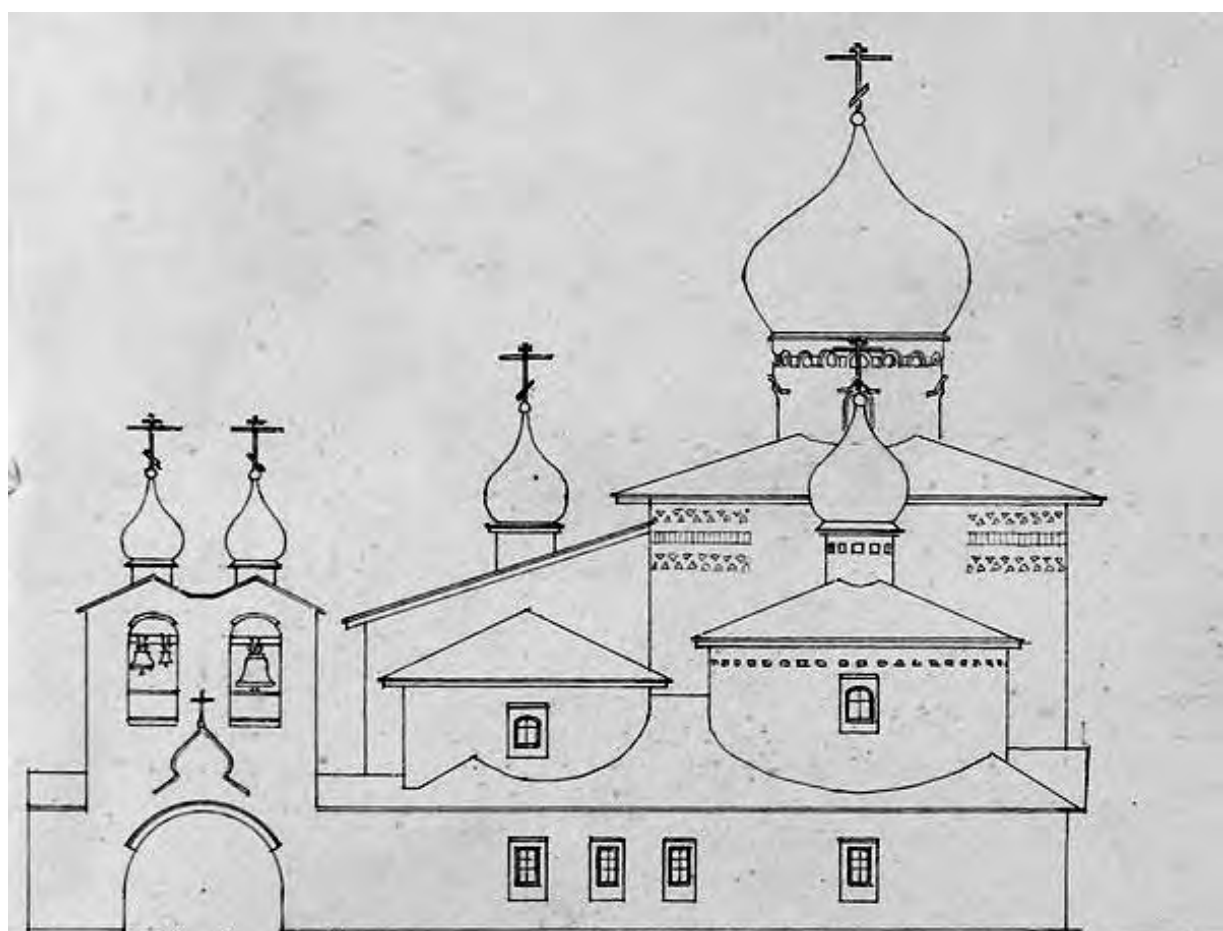

Ф.Я. Пантелеев —

⁴³¹ К 95-летию основания Иверского женского монастыря // Нарвская газета. – 2008. – 15 августа.

⁴³² ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5965. Л. 1–14, 24–25.

Проект Нарвского подворья Илецкого Николаевского монастыря

Ленинградской области, ул. Ивановская/Александра Матросова) площадью 228 кв. саженей (1037,91 кв. м) со всеми постройками и хозяйственными принадлежностями ценой 3850 руб. По условиям дарственной монастырь обязывался построить на этом месте каменное здание для проживания насельниц с домовою церковью в память 300-летия царствования Дома Романовых. Проект нового комплекса в традициях древнерусского храмового зодчества разработал архитектор Санкт-Петербургской епархии Андрей Петрович Аплаксин (1879–1931), известный реставрацией Казанского и Сампсониевского соборов, а также возведением многочисленных монастырских подворий и доходных домов в столице Российской империи. 8 сентября 1913 г. в Ивангороде состоялась торжественная закладка жилого здания с двухпридельной церковью во имя Иверской иконы

Божией Матери, сооружаемого Нарвским подворьем Илецкого Николаевского женского монастыря. Однако из-за начавшейся вскоре Первой мировой войны и революционных событий храм был завершён и освящён только 28 декабря 1930 г.⁴³³ Затянулось и возведение нового Иверского собора на территории самого Илецкого Николаевского монастыря в Оренбуржье. Из-за недостатка средств на его завершение по просьбам сестёр епархиальные власти дважды, 12 мая 1909 г. и 8 января 1912 г. возбуждали ходатайство о выделении государственного пособия на достройку, но безуспешно. И лишь определением от 21 марта / 7 апреля 1917 г. Св. Синод решил отпустить обители в помощь 5000 руб. Но и этих денег монастырь не получил «в виду революционных событий», во время которых, к тому же, был разорён и разграблен, как о том свидетельствуют исторические источники⁴³⁴.

В годы советской власти Илецкий Николаевский монастырь был закрыт, его обширные владения национализированы, а многочисленные постройки разрушены или перепрофилированы. На территории обители в Соль-Илецке размещались концентрационный лагерь, дом принудительных работ (изолятор), детский дом, машинно-тракторная станция. С 1940 г. строения бывшего монастыря заняла фабрично-заводская школа № 11 (в настоящее время Соль-Илецкий индустриально-технологический техникум, ул. Орская, 169). Сохранились 2 здания: монашеские кельи (ныне учебный корпус техникума) и трапезная (по-прежнему

А.П. Аплаксин

⁴³³ Синякова Г. Нарвская Иверская Богородицкая христианская женская трудовая община (монастырь) // Сборник Нарвского музея. – 2002. – С. 72.

⁴³⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9794. Л. 64, 86, 94.

столовая). Церковь Св. Николая была переоборудована под клуб, но в начале 1970-х годов в связи со строительством нового учебного корпуса снесена, а разобранный материал использован для возведения жилых домов. Осенью 2010 г. при проведении земляных работ для канализационных и отопительных труб техникума в нескольких метрах от восточной стены уничтоженного храма ковшом экскаватора был случайно вскрыт склеп и на поверхность извлечены останки настоятельницы Илецкого монастыря Серафимы. Они были перезахоронены, а на могиле установлен памятный крест⁴³⁵.

Несколько дольше просуществовало Нарвское подворье Николаевской обители, которое после революции 1917 г. оказалось в независимой Эстонии, где религиозные организации не подвергались преследованиям со стороны властей. Потеряв связь с материнским монастырём в Советской России, местные сёстры в 1923 г. зарегистрировали самостоятельную Нарвскую Иверскую Богородицкую общину. После присоединения Эстонии к СССР и закрытия городского Успенского собора с 1940 г. в храм общины была перенесена чтимая Нарвская икона Божьей Матери. Этот список с Тихвинского образа прославился в 1558 г., когда во время Ливонской войны русские войска подступили к городу Нарва. В одном из домов, где ранее жили русские купцы, пьяные немцы заметили икону Пресвятой Богородицы. Желая надругаться над святыней, они бросили её на топку под котёл, где варилось пиво. Но огонь отпрял от образа и полыхнул на стены и крышу дома, а поднявшаяся буря разнесла его по всему городу. Воспользовавшись суматохой при пожаре, русские войска пошли на приступ и с помощью Божьей взяли город. Икона же была найдена среди пепла невредимой. Однако в 1944 г. при освобождении Нарвы уже советскими войсками от немецко-фашистских захватчиков строения Иверской обители были частично разрушены. И её насельницы переехали в Пюхтицкий Успенский женский монастырь (ныне в д. Куремяэ волости Иллука Ида-Вирусского уезда Эстонии) вместе с образом Царицы Небесной, который впоследствии затерялся. А в 1950-е годы и руины Иверского храма в Нарве были снесены.

⁴³⁵ Черкашина Е. Живой неизречённый свет // Илецкая Защита [Электронный ресурс]. URL: http://www.gaz-iz.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1116:2010-12-16-10-33-51&catid=37:2010-04-09-12-53-18 (дата обращения: 18.07.2014); Кожевников В. На месте, где был монастырь // Илецкая Защита [Электронный ресурс]. URL: http://www.gaz-iz.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4631:2013-02-01-05-14-50&catid=37:2010-04-09-12-53-18 (дата обращения: 18.07.2014).

ОРЕНБУРГСКИЙ УСПЕНСКО-МАКАРЬЕВСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Успенско-Макарьевский монастырь обязан своим возникновением оренбургскому купцу 2-й гильдии Александру Григорьевичу Мещерякову, основавшему эту обитель во исполнение воли своего умершего отца.

18 февраля 1893 г. наследник подал епископу Оренбургскому и Уральскому Макарию (Троицкому) (1830–1906) прошение, в котором писал: «Покойный мой родитель, оренбургский купец Григорий Никифорович Мещеряков возымел пламенное желание устроить на благоприобретённом своём земельном участке под названием «Бардин» мужскую обитель, но Господу Богу угодно было призвать его к себе прежде, чем он успел исполнить это своё святое желание. Ныне, вспоминая с чувством сыновнего благоговения память и волю моего покойного родителя, я, его сын Александр Григорьевич Мещеряков, решился свято и нерушимо исполнить его для меня священную волю». Благотворитель просил оренбургского архиерея исходатайствовать у вышестоящих церковных властей разрешение на открытие мужской монашеской общины с тем, чтобы именовалась она Успенской, а один из престолов её главного храма был освящён в честь небесного покровителя епископа – преподобного Макария Египетского (ок. 300 – 391), одного из основателей скитского отшельничества.

Для устройства новой обители купец А.Г. Мещеряков выразил готовность пожертвовать в её вечное владение намеченный отцом участок под названием «Бардин» площадью 148 десятин 1587 кв. сажень (162,4 гектара) и стоимостью 15000 рублей в 15 верстах (16 км) на запад от города Оренбурга по Чернореченскому тракту, при Тулуповом ерике. По его расчётам, «при разумном ведении хозяйства» эти угодья могли бы приносить инокам в будущем до 1500 руб. годового дохода. Но понимая все сложности первоначального заведения обители, он обязался со следующей весны, первые 3 года за свой счёт засеивать на пропитание монахам по 3 десятины пшеницы, по 2 десятины овса, по 1 десятине ржи и 1 десятине картофеля с овощами, заготавливая «в потребном количестве и сено для скота». На нужды общины временно передавались в пользование 4 лошади и 4 верблюда с полным инвентарём (сбруей, телегами, санями и др.).

Обстоятельный хозяйственник заранее продумал и будущее расположение богослужебных и жилых построек. Имеющийся на участке деревянный флигель купец планировал за свой счёт переделать в церковь со всеми необходимыми принадлежностями (иконостасом, ризницей, утварью), а также пристроить к храму комнаты для настоятеля и келейника. Под размещение же остальных монахов с кухней он весной 1893 г. закупил и перевёз на место готовый сруб на 9 келий и 10 окон стоимостью 3000 руб., который был поставлен на каменный полуэтаж с 6 окнами для трапезной. Всего же им были припасены стройматериалы на сумму до

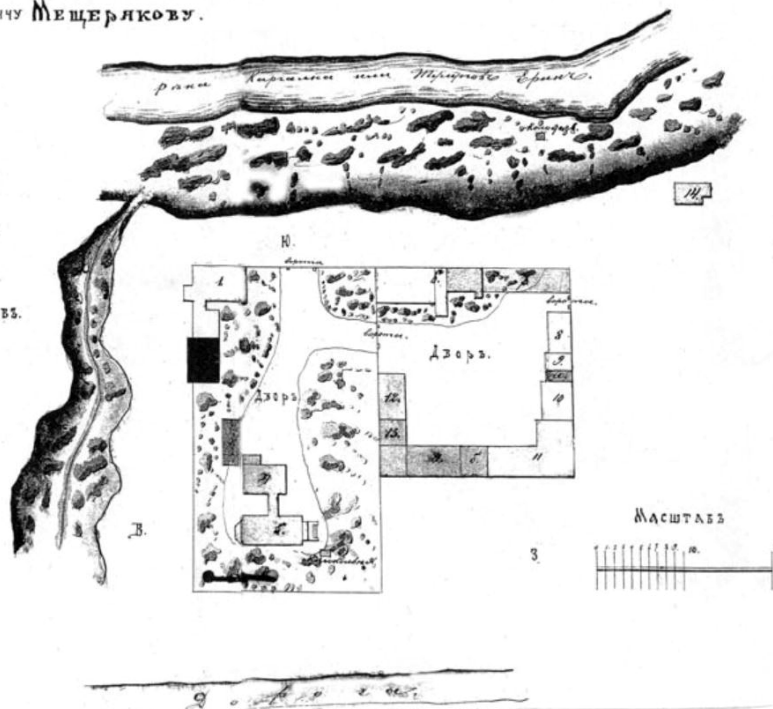

8000 руб. Протоколом от 30 апреля 1893 г. № 138 Строительное отделение Оренбургского губернского правления утвердило представленные А.Г. Мещеряковым проекты храма и келейного корпуса⁴³⁶.

Планъ расположенія построекъ вновь предполагаемой Мужской Успенско-Богородицкой Общины на землѣ, принадлежавшей купцу Александру Гангольевичу Мещерякову.

- ОБЪЯСНЕНИЕ:
1. Зданіе келій для монаховъ.
  2. Кухня.
  3. Амбаръ назначенный къ сломау.
  4. Домъ игумена.
  5. Церковь.
  6. Училище и общеніе мальчиковъ.
  7. Сарай къ сломау.
  8. Потребъ.
  9. Амбаръ.
  10. Конюшня.
  11. Сарай для скотины.
  12. Потребъ.
  13. Калѣтничъ.
  14. Разрыты.

План построек предполагаемой Успенской мужской общины на земле купца А. Г. Мещерякова. 1893 г.

Организовать внутренний быт будущей обители купец хотел по уставу знаменитых афонских монастырей. И случай, казалось, благоприятствовал ему. В Оренбургском крае он познакомился с приехавшим сюда для сбора пожертвований иеромонахом Серафимом (в миру Дионисием Дементьевичем Мосягиным), который в 1880 г. основал на Афоне, при Ставроникитском монастыре Свято-Троицкую пустынь на 25 русских иноков. С 1889 г. их община осталась без помощи благотворителей и находилась на грани закрытия. А.Г. Мещеряков увидел в этом средство и помочь соотечественникам, и устроить свою новую обитель на высоких началах афонского общежития. Он подал ходатайство о назначении иеромонаха Серафима настоятелем Оренбургской Успенской мужской общины и разрешении принять в неё ещё до 10 человек из Свято-Троицкой пустыни на Афоне.

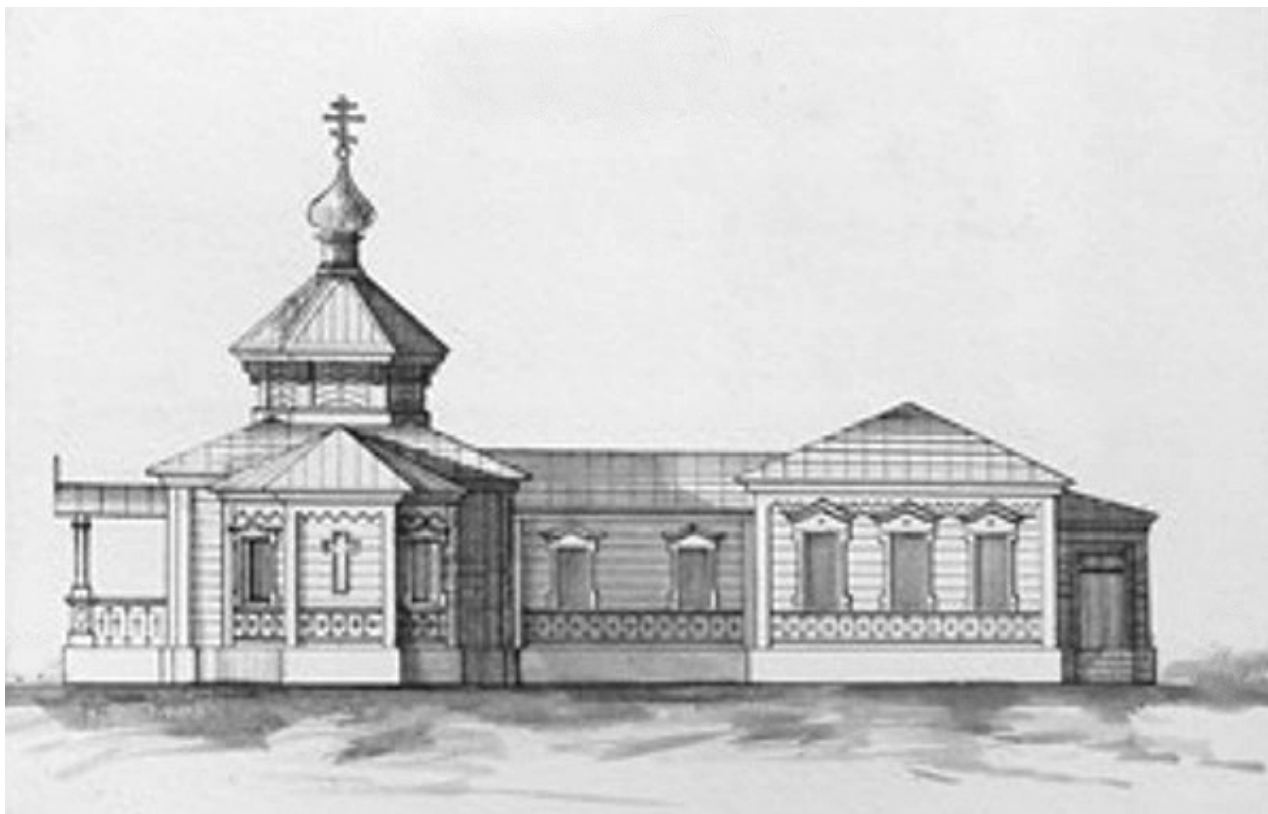
Однако русские власти настороженно относились к своим подданным, самовольно ушедшим за границу, в афонские монастыри от налогов и воинской повинности, не признавая автоматически их пострига и священства. Поэтому Святейший Синод отклонил кандидатуру «крестьяни-

⁴³⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4905. Л. 1-2, 11 об. – 21 об.

на» Мосягина на пост настоятеля, а указом от 18 ноября 1893 г. № 6553 предложил открыть в Оренбуржье не мужскую монашескую общину, а полноценный общежительный монастырь при наличии к тому достаточных средств. Поразмыслив, купец А.Г. Мещеряков 21 января 1894 г. дал на это своё согласие. Для создания более прочной материальной основы монастыря он решил подарить ему ещё один смежный земельный участок при Тулуповом ерике площадью 48 десятин 1048 кв. саженьей (52,9 гектара) с домом и надворными постройками общей стоимостью в 7000–8000 рублей. Также благотворитель принял на себя заведение необходимого хозяйственного инвентаря. Наконец, на возведение благолепной монастырской церкви со всеми принадлежности пообещал выделить уже до 20000 руб.⁴³⁷.

Проект Успенского храма обители с домом настоятеля. 1893 г.

По завершении строительства 15 августа 1895 г. епископом Оренбургским и Уральским Макарием этот храм был освящён в честь Успения Пресвятой Богородицы и преподобного Макария Египетского. Церковь была деревянной на кирпичном цоколе, однопрестольной, с двумя куполами, покрыта железом, окрашенным зелёной масляной краской, деревянные кресты на главках обиты белым железом. Здание имело в длину с колокольной 32 аршина (22,76 м), в ширину – 9 аршин (6,40 м) и в высоту до карниза – 8,5 аршин (6,05 м). Внутри храма был установлен иконостас длиной 8 аршин 10 вершков (6,13 м) и высотой 5 аршин 7 вершков (3,87 м), оце-

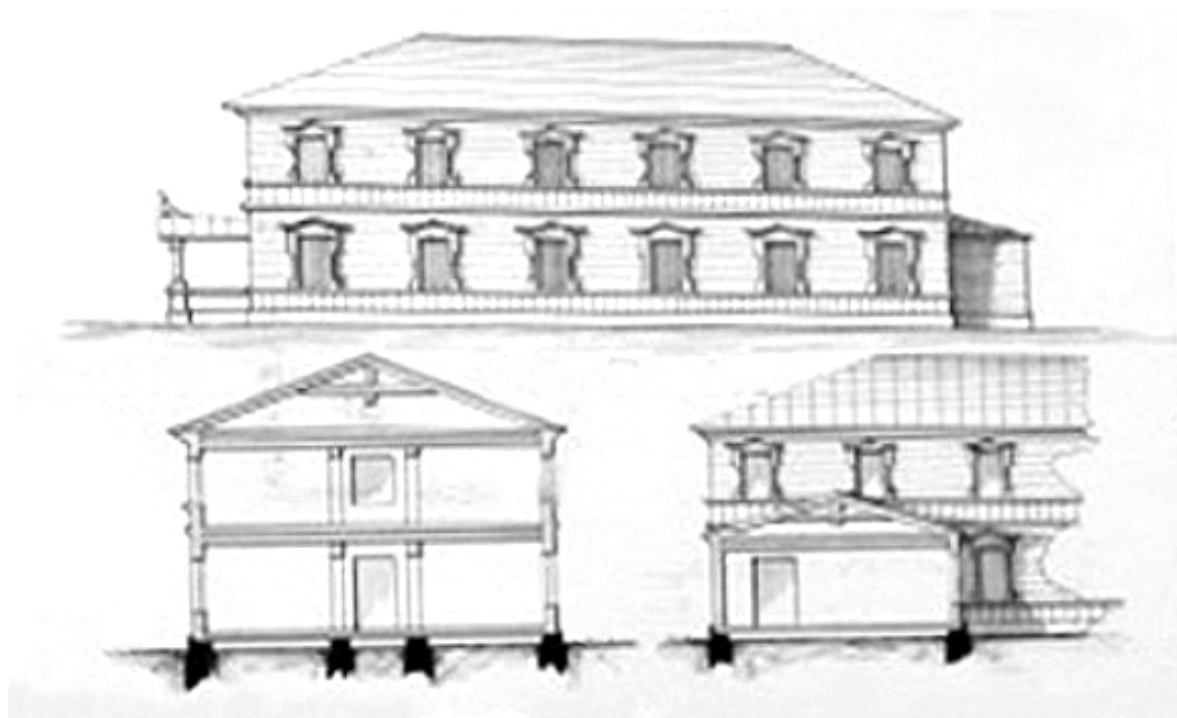

⁴³⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4905. Л. 4–7, 40–50.

нённый в 2300 руб. Пристроенная к церкви 2-ярусная колокольня с 7-ю колоколами возвышалась на 16 аршин (11,38 м). Храм был оштукатурен внутри и выкрашен масляной краской снаружи. Отапливался 3-мя круглыми печами, обшитыми железом, из которых 1 располагалась в алтаре, а 2 другие – в зале⁴³⁸. Колокольня обшита тёсом и окрашена масляной краской.

Рядом с 1893 г. началось возведение 2-этажного братского корпуса с кухней и трапезной, у которого нижней этаж был кирпичным, а верхний – деревянным с железной крышей. Здание имело 8 саженей (17,07 м) в длину, 16 аршин (11,38 м) в ширину и 6,5 аршин (4,62 м) в высоту. С северной стороны к келейному корпусу был пристроен деревянный флигель для настоятеля на низком кирпичном фундаменте, крытый железом, размерами 9 аршин (6,40 м) на 8,5 аршин (6,05 м) на 2,5 аршина (1,78 м). Наконец, в 1895 г. сложен из бутового камня второй 1-этажный братский дом длиной 5 саженей 1 аршин (11,38 м), шириной 4 сажени 2 аршина (9,88 м) и вышиной 5 аршин (3,56 м) с дощатыми сенями по восточной и северной сторонам⁴³⁹. Однако к 1895 г. эти строения оставались ещё неотделанными и малопригодными для проживания в холодные оренбургские зимы.

Проект 2-этажного келейного корпуса обители. 1893 г.

Тем не менее, 19 августа 1895 г. последовал указ Святейшего Синода № 3877 об официальном учреждении на этом месте мужского общежительного монастыря с наименованием его Успенско-Макарьевским. При этом купец А. Г. Мещеряков «во внимание к его щедрым жертвам и бла-

⁴³⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 81–82.

⁴³⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1168. Л. 24 об. – 25.

гочестивой ревности в устроении обители» был утверждён в звании её ктитора (созидателя) и пожизненного попечителя. 23 сентября император Николай II высочайше разрешил монастырю принять пожертвованные ему земельные участки.

За решением неотложных организационных вопросов встала проблема наполнения общины людьми. Для этого в августе Оренбургская духовная консистория разослала по епархии приглашения вдовым священникам по принятию монашества поступать в обитель, а 24 сентября по поручению епископа для поддержания хозяйства и построек сюда были временно командированы 2 иеромонаха и 2 клиросных послушника Оренбургского Богодуховского мужского монастыря⁴⁴⁰. Из их числа к исправлению должности настоятеля в новом Успенско-Макарьевском монастыре 9 октября 1895 г. допущен иеромонах **Никандр** (в миру Николай Бородин). Он родился в 1858 г. в семье учителя. Окончил курс в Котельническом городском училище Вятской губернии (ныне Кировской области). 20 августа 1882 г. поступил послушником в Оренбургский Богодуховский монастырь, где был пострижен в монашество. 19 сентября 1894 г. рукоположен во иеродиакона, а 14 сентября 1895 г. – во иеромонаха⁴⁴¹.

Уважая стремление основателя обители А. Г. Мещерякова к её организации по образцу Святой горы, в сентябре 1895 г. епископ Оренбургский и Уральский Макарий обратился с просьбой прислать настоятеля к архимандриту Ново-Афонского монастыря в Абхазии Иерону (Васильеву) (1835–1912), но тот отозвался отсутствием подходящих кандидатов. В то же время бывший претендент на эту должность афонский иеромонах Серафим (Мосягин) продолжал добиваться причисления со своей братией в новую обитель. С двумя другими иеромонахами, одним иеродиаконом и двумя монахами в крестьянской одежде по чужим паспортом он попытался въехать из Турции в Россию, но в конце 1895 г. был арестован в Одессе⁴⁴². Между тем, и временный заведующий Успенско-Макарьевским монастырём иеромонах Никандр попросился в отставку по слабому здоровью. Резолюцией епископа от 27 декабря 1895 г. он был уволен с причислением к Крестовой церкви Оренбургского Архиерейского дома, а на его место исполняющим обязанности настоятеля определён иеромонах **Герман I** (в миру Григорий Иванович Астаев). Он родился в 1846 г. в семье крестьян Рязановской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. По увольнении из податного сословия 28 октября 1886 г. поступил послушником в Александро-Невскую Афонскую Зеленчукскую пустынь Ставропольской епархии, только что основанную русскими иноками со Святой горы на месте бывшей средневековой столицы православной Алании для восстановления христианства среди кавказских мусульман (ныне в пос. Нижний Архыз Зеленчукского района Карачае-

⁴⁴⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4905. Л. 82–87 об., 96–96 об.

⁴⁴¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 7 об. – 8.

⁴⁴² ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5057.

во-Черкесской Республики). 13 июля 1889 г. принял монашеский постриг. 27 июля 1889 г. епископом Ставропольским и Екатеринодарским Владимиром (Петровым) (1828–1897) в Крестовой церкви Ставропольского Архиерейского дома рукоположен во иеродиакона. 8 декабря 1889 г. назначен на должность эконома Зеленчукской пустыни. 12 августа 1892 г. перемещён в братию Оренбургского Архиерейского дома. Резолюцией епископа от 19 октября 1892 г. № 5984 определён казначеем Оренбургского Богодуховского монастыря. 30 января 1893 г. епископом Оренбургским и Уральским Макарием за божественной литургией в церкви Трёх святителей Оренбургской духовной семинарии рукоположен во иеромонаха. 15 июня 1894 г. уволен от должности казначея Богодуховского монастыря. Указом Духовной консистории от 21 августа 1895 г. № 4076 переведён в Оренбургский Архиерейский дом, где резолюцией епископа от 15 сентября за № 4450 назначен казначеем, а 9 ноября – ризничим Крестовой церкви. 4 июня 1895 г. награждён набедренником⁴⁴³.

Его перевод и дробление малочисленной общины Оренбургского Богодуховского монастыря не могли решить проблему развития новой Успенско-Макарьевской обители. Поэтому поиски подходящей кандидатуры настоятеля продолжились, и 8 января 1896 г. по указу Святейшего Синода № 107 на эту должность был переведён наместник Киево-Межигорского Спасо-Преображенского монастыря иеромонах **Варлаам** (в миру Никифор Тихонович Курач). Он родился в 1836 г. в семье мещан г. Новозыбков Черниговской губернии (ныне Брянской области). Получил домашнее образование. 13 сентября 1867 г. был принят послушником в Киевский Свято-Троицкий Ионинский общежительный монастырь. 7 марта 1870 г. пострижен в рясофор, 21 ноября 1871 г. – в мантию. 28 ноября 1871 г. рукоположен во иеродиакона, а 5 августа 1873 г. – во иеромонаха. 15 октября 1874 г. награждён набедренником. 22 апреля 1890 г. назначен наместником Киево-Межигорского Спасо-Преображенского монастыря (у нынешнего села Новые Петровцы Вышгородского района Киевской области Украины). 4 января 1891 г. уволен по болезни, но 9 июля 1891 г. возвращён на ту же должность. По определению Святейшего Синода от 7/27 апреля 1894 г. № 1024 награждён наперсным крестом. Имел также серебряную медаль на Александровской ленте в память императора Александра III⁴⁴⁴.

Будучи осведомлённым о предстоящих трудностях на новом малообжитом месте, при отбытии в Оренбургский край Ваарлам, с согласия ктитора А.Г. Мещерякова, взял с собой из Киевской Свято-Троицкой обители уставщика, канонарха, певчих, а также лиц, сведущих в столярном, портняжном и прочих ремёслах, числом 13 человек, которые и стали первыми постоянными насельниками Успенско-Макарьевского мужского монастыря. В Оренбург они прибыли в первых числах февраля, хотя официально Варлаам сменил Германа I на должности настоятеля

⁴⁴³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 55 об. – 58.

⁴⁴⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7258. Л. 10–12.

7 марта 1896 г. по принятию от него монастырского имущества. 1 сентября 1896 г. он был возведён в сан игумена.

Сразу по приезду Варлаам приступил к организации богослужений, которые за отсутствием диакона проводил один: совершал литургию по субботам, воскресеньям и праздникам, а в прочие дни служил часы, вечерню, повечерие с канонами Пресвятой Богородице и Ангелу Хранителю, а также полуночницу. Но сторонних посетителей на такие службы собиралось крайне мало, поскольку монастырь находился в глухом уголке, далеко от населённых пунктов и был ещё мало кому известен. Сообщение с ним весьма затрудняли в зимнее время снежные бураны и заносы на открытой степной местности, а по весне – широкое разливание рек, так что даже из Оренбурга приходилось ехать до него не 15, а 40 вёрст кружным путём. За малым числом богомольцев церковные поступления в обитель за первый год её существования (кошелевские, свечные и проч.) составили всего около 100 руб.

Хозяйственных же доходов у монастыря, по сути, и вовсе не было. Намеченные для него угодья оказались преимущественно каменистыми, суглинистыми и песчаными, а, следовательно, и непригодными для земледелия. Лишь небольшая луговая часть могла приносить до 40 стогов сена в год на 400 руб. Но жертвователю А.Г. Мещерякову затянуло с оформлением дарственной монастырю на земельные участки, а до официальной передачи продолжал их использовать как свои собственные: сдавал летом местные постройки под дачи, косил сено, собирал урожай, практически начисто вырубил весь расположенный здесь лес и отвёз в город 30 самых ценных строевых дубов, так что обители даже не хватало топлива на обогрев помещений. Деньги на содержание монастыря попечитель выдавал строго дозированно и под расписку. Назначенный им следить за обителью купеческий приказчик так же отмерял ежедневно скудный рацион для монашествующих, а в остальное время держал провизию под замком. Даже выданная инокам одежда была самого дешёвого, грубого сукна и, к тому же, заклеена купеческими печатями как его собственность⁴⁴⁵.

Поэтому первые насельники монастыря жили в голоде и холоде, размещаясь в недоделанных и продуваемых зданиях. Не вынеся трудностей, уже весной 1896 г. 7 и 13 приехавших в обитель киевских послушников вернулись обратно⁴⁴⁶. По жалобам настоятеля игумена Варлаама 13 апреля 1896 г. новый епископ Оренбургский и Уральский Николай (Адоратский) (1849–1896) даже вошёл в Святейший Синод с ходатайством о закрытии Успенско-Макарьевского монастыря из-за отсутствия ожидаемой помощи со стороны ктитора и бедственного положения братии, а 10 октября настойчиво повторил свою просьбу.

К чести основателя обители, купца А.Г. Мещерякова нужно сказать, что он не был ни пустословным, ни скаредным, а, скорее, человеком практическим,

⁴⁴⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5271. Л. 2–6.

⁴⁴⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 89.

рачительным, благодаря чему и заработал своё состояние. И к организации монастыря он подошёл деловито, как к новому предприятию, с назначением ответственных, рациональным распределением затрат лишь на самое необходимое, строгим учётом и отчётностью. Но при этом благотворитель отличался богобоязненностью и очень дорожил своим купеческим словом и репутацией. А потому, не желая ослабить своё начинание, под угрозой закрытия обители он поспешил оформить ей дарственные документы на обещанные земельные угодья. Более того, для укрепления материальной основы монастыря на будущее 16 января 1897 г. А.Г. Мещеряков выразил намерение дополнительно пожертвовать ему своё доходное имение в г. Оренбурге на углу улиц Гостинодворской (ныне Кирова), Введенской (ныне 9 Января) и Дворянского переулка (ныне Матросского). Оно включало в себя дворовой участок размерами 12 на 20 1/3 сажень (25,60 на 43,38 м) с 1-этажным каменным домом на 25 комнат и хозяйственными службами общей стоимостью 46350 руб. Здание располагалось в самом центре оживлённой городской торговли, а потому его помещения нарасхват сдавались арендаторам под магазины. Для ещё большего увеличения доходности благотворитель предложил устроить в доме за свой счёт часовню, чтобы привлекать пожертвования, плату за требы и свечи. Епархиальные власти посчитали такое обеспечение хорошим и 26 марта 1897 г. отозвали своё представление о закрытии Успенско-Макарьевской обители. Следом, 31 мая было получено согласие императора на передачу дома в монастырскую собственность, а 16 июля А.Г. Мещеряков скрепил дарственную с игуменом Варлаамом⁴⁴⁷.

Оказанная, наконец, действенная помощь устранила недопонимание между ктиторм и настоятелем, которых впоследствии связывали тёплые уважительные отношения. Всего же Александр Григорьевич передал на обустройство основанной им обители денежных средств и различного имущества на сумму около 300 тысяч рублей. Не случайно созданный им монастырь в народе именовался не Успенско-Макарьевским, а просто Мещеряковским, сохранив добрую память о своём благодетеле⁴⁴⁸.

Как и обещал, после передачи дома купец тут же приступил к сооружению в нём часовни, проект которой был одобрен протоколом Строительного отделения Оренбургского губернского правления от 9 августа 1897 г. № 237. По окончании работ она была освящена 30 августа 1898 г. С того времени в часовне ежедневно, в 8 часов утра стало отправляться молебное пение с акафистом Господу Иисусу Христу и лития по умершим; накануне праздников совершалось всенощное бдение, а в сами праздничные дни служились часы⁴⁴⁹. При часовне постоянно находился 1 иеромонах, а также 5 певчих и чтецов. В 1898 г. здесь проживал афонский инок Серафим (Мосягин),

⁴⁴⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5271. Л. 7–10 об., 14–15, 21–22, 36–38 об.

⁴⁴⁸ Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. – Оренбург: Оренбургское книжное издание, 2000. – С. 115.

⁴⁴⁹ Новая часовня в Оренбурге // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1898. – 1 октября. – № 19. – С. 759.

который всё-таки добрался до Оренбурга. На нужды часовни он подарил 150 руб. и привезённые с собой киевские иконы более чем на 300 руб.⁴⁵⁰. Несмотря на это, епархиальные власти сделали игумену Успенско-Макарьевского монастыря Варлааму замечание за самовольное принятие «афонского постриженника»⁴⁵¹. По мере сил помогали украшению его городской часовни и оренбуржцы. Так, летом 1899 г. отставной полковник Алексей Иванович Недорезов пожертвовал ей 800 руб. деньгами и на 50 руб. разных серебряных вещей общим весом 328 золотников (1 кг 399 г) на переплавку и изготовление ризы для здешней иконы Вознесения Господня. Богатый оклад был заказан Торговому дому наследников известного московского фабриканта, ювелира и православного благотворителя Н.В. Немирова-Колodka⁴⁵². За щедрое пожертвование 2 сентября 1899 г. отставному полковнику А.И. Недорезову было преподано архипастырское благословение с выдачей установленной грамоты⁴⁵³. Тем не менее, в 1903 г. по воле епископа Оренбургского и Уральского Владимира (Соколова-Автономова) часовня эта была упразднена с тем, чтобы всё подворье целиком было сдано в аренду купцу Кляузникову. Правда, его обязали устроить новую часовню уже не внутри здания, а на прилегающей территории, но предприимчивый купец передал подворье в субаренду еврею, после чего вопрос о возведении им православной молельни отпал сам собой⁴⁵⁴.

Однако собственно подворье на многие годы стало крупнейшим источником доходов для поддержания Успенско-Макарьевского монастыря. Так, например, в 1900 г. сдача городских помещений в аренду под магазины и мастерские приносила обители 2000 руб., в 1905 г. – 4000 руб., а в 1913 г. – уже 7010 руб.⁴⁵⁵. Общий же приход монастыря, например, в 1905 г. выражался наличными на 7385 руб. 14 коп. при расходе в 7251 руб., так что арендные платежи за его подворье давали более 54 % всех доходов обители⁴⁵⁶.

Стабильные финансовые поступления позволили братии во главе с игуменом приступить к обустройству собственно монастырской усадьбы в 15 верстах от города. Ко времени основания обители здесь уже располагался экономический двор, построенный Мещеряковыми для себя ещё в 1888 г. Он включал деревянное здание, обращённое монахами в гостиницу для богомольцев, со стеклянной дверью, террасой и кухней, бревенчатый флигель, каменный полуэтаж, деревянную баню, надворные сараи, 2 погребницы, 1 каменную и 1 бревенчатую конюшню на 4 стойла, каретник для экипажей, 2 деревянных караулки для леса, деревянную избу для садовника, малый и большой колодцы с чигирём (водоподъёмным устройством

⁴⁵⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5057.

⁴⁵¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7258. Л. 24–25.

⁴⁵² ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5520. Л. 74–77.

⁴⁵³ Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1899. – 15 октяб. – № 20. – С. 204.

⁴⁵⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9940. Л. 182 об.

⁴⁵⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 81–82; Оп. 5. Д. 9940. Л. 35 об.; Оп. 5. Д. 10571. Л. 23 об.

⁴⁵⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9940. Л. 36.

в виде большого колеса с черпаками). Тут был разбит садик с кустами малины, чёрной и красной смородины. В 1897 г. устроено монастырское кладбище⁴⁵⁷. В 1898–1899 гг. обитель обнесена со всех сторон оградой⁴⁵⁸. В дополнение к прежним купеческим постройкам на этой усадьбе в 1899 г. монахи поставили: деревянную просфорню с русской печью на каменном фундаменте длиной 6 сажень (12,80 м), шириной 3 сажени (6,40 м) и высотой 3,5 аршина (2,49 м), деревянный дом для мастеров на кирпичном фундаменте размерами 11 на 8 на 4 аршина (7,82 на 5,69 на 2,84 м) и деревянный братский флигель на кирпичном фундаменте, имевший 4 сажени в длину (8,53 м), 6,5 аршин в ширину (4,62 м) и 5 аршин в высоту (3,56 м)⁴⁵⁹.

Хозяйственные постройки Успенско-Макарьевского монастыря

Неподалёку от монастыря находился его скотный хутор, заведённый А.Г. Мещеряковым ещё до открытия обители, в 1892 г. Он объединял деревянные дом и флигель, прачечную из дикого камня под камышовой крышей, амбар для ссыпки хлеба, дощатый сарай, ледник, конюшню, каретник и курятник. К 1899 г. обитель держала 89 голов различного скота, в том числе 20 волов, 16 коров, 6 тёлочек, 1 барана, 24 овцы, 12 ягнят, 9 лошадей и 1 верблюда. Для возделывания земли имелись 2 железных плуга, 5 борон и водяной насос. В соответствии с усложнившимся хозяйством распределялись послушания внутри обители. Например, позднее, среди послушников было 5 певчих, просфорник, хлебник, 2 повара, трапезной, погребной, огородник, скотник, пастух, рыбак, портной, столяр, гостинник и 2 сторожа⁴⁶⁰.

⁴⁵⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4905. Л. 197–207 об.

⁴⁵⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5520. Л. 51.

⁴⁵⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1168. Л. 24 об. – 25 об.

⁴⁶⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 2–4.

Обитель ожила и стала наполняться людьми, приходившими издалека для молитвы и духовного наставления. Уже в 1899 г. против прежнего отмечалось, что «при Оренбургском Успенско-Макарьевском монастыре бывает много поминаний со взносом денег на сорокоуст, полугодовое, годовое и вечное поминовение. Много бывает заказных обедов с пожертвованиями печённого хлеба и разной рыбы не менее 2 и более пудов [32,762 кг], а иногда и зерном до 20 пудов [327,620 кг]»⁴⁶¹.

Ежегодно, к 9-й пятнице по Пасхе из окрестных селений в обитель стекались паломники на крестный ход к источнику в честь чудотворной Табынской иконы Божией Матери, считающейся покровительницей Оренбургского края. В монастыре имелась и своя местночтимая икона Божией Матери «Троеручица», празднуемая 12 июля. Наконец, 15 августа отмечался главный храмовый праздник обители в память Успения Пресвятой Богородицы⁴⁶².

Монастырь посещали не только самостоятельные богомольцы, но и организованные группы. Так, в период летних каникул 1898 г. здесь побывали учащиеся церковно-приходских школ Оренбурга: «Рано утром мальчики и девочки собрались со своими учителями возле Сергиевской двухклассной церковно-приходской школы, где уже ожидал их оренбургский уездный наблюдатель церковных школ священник Михаил Филологов. Дети с особым нетерпением ожидали, когда тронутся в путь. Большинство из них никогда не ходило дальше Оренбурга и ничего не знало о Мещеряковском монастыре. Многие из родителей, узнав, что дети идут в монастырь помолиться Богу, решили сопровождать своих детей. Всех детей собралось свыше 200.

Около 8 часов утра длинной лентой вытянулись попарно юные странники и радостно двинулись вперёд. Во главе шёл наблюдатель, а по бокам и сзади – учащиеся, родители, родственники детей. Решили идти к монастырю кратчайшим путём через Маякскую гору, реку Сакмару и лесом, лугом до самого монастыря. Дорога длиною 12–13 вёрст – разнообразная, живая. Красивая картина получилась, когда дети в цветных одеждах слились на пароме в одну тесную группу и образовали как бы живой цветник. Деревья, цветы, разнообразные травы – всё привлекало внимание детей, возбуждая живой интерес. Лес всё время оглашался пением: пели молитвы, гимны.

Завидели дети крест монастырской церкви и радостно осенили себя крестным знаменем. Игумен монастыря с братией приветливо встретил своих юных гостей и отвёл в их распоряжение целый корпус. Скоро детям приготовлен чай. Монастырская столовая и большая комната в гостинице заняты детьми. Вечером дети стояли в церкви за утреней. На правом клиросе пели певчие из архиерейского хора, учащиеся в Сергиевской церковно-приходской школе, на левом – монахи.

⁴⁶¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 5520. Л. 27–28 об.

⁴⁶² ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 81–82.

Дождливая погода заставила детей ночевать в монастыре. Купец Мещеряков, узнав, что его монастырь посетили юные паломники, пришёл в монастырь со своего, находящегося недалеко хутора. Он старался, чем мог, оказать внимание гостям и пожертвовал денег, чтобы купить для них белого хлеба, а игумен озаботился приготовлением для детей ужина.

Подкрепившись горячим кушаньем, дети улеглись спать. Их разбудил монастырский колокол, звонили к акафисту. Дети приложились к кресту, к святой иконе Божией Матери и, окроплённые святой водой, оставили монастырские стены. Проводить гостей вышел игумен с братией. Он благословил детей и напутствовал добрым словом. Купец Мещеряков также вышел провожать детей, пожертвовал им денег на гостинцы».

Современник события утверждал: «Надолго останется в памяти детей эта первая в Оренбурге дальняя прогулка школьников»⁴⁶³.

Впоследствии благодарные оренбуржцы вспоминали, что многим жителям губернского центра, «а также и сёл, близко стоящих от сего монастыря, Черноречья и Покровки, нередко приходилось бывать в сей обители за церковной службой и слышать чинное и внятное Богослужение, чтение и пение по образцу Киево-Свято-Троцкого общежительного монастыря и видеть в игумене Варлааме не только опытного руководителя, но и примерного духовного отца, наставника и гостеприимца. Каждый, приходя в эту святую обитель, находил себе ту духовную пищу, в которой под влиянием бурь житейских имел необходимую нужду, и вместе с сим черпал из поучительных бесед отца Варлаама силы и духовное мужество. Одним словом этот незабвенный служитель Алтаря Господня входил в духовные нужды каждого и ревностно прилагал все свои силы и старание, дабы вверенную ему обитель восстановить и осуществить к славе Божией и ея процветанию, и при помощи Божией обитель приводилась в образцовый порядок»⁴⁶⁴.

Немало потрудившись для первоначального устройства монастыря, игумен Варлаам по его собственному прошению указом Св. Синода от 29 сентября 1899 г. № 6766 был переведён из Оренбургской епархии в братию Московского Новоспасского ставропигиального монастыря⁴⁶⁵.

На его место Оренбургская духовная консистория указом от 10 ноября 1899 г. № 1421 назначила временно исправляющим должность настоятеля Успенско-Макарьевского монастыря игумена Николая (в миру Венедикта Васильевича Воскобойникова). Он родился в 1855 г. в семье священника Николаевского прихода Оренбургского уезда и губернии Василия Фёдоровича Воскобойникова (1833–26.02.1893). 29 июня 1876 г. окончил курс Уфимской духовной семинарии. 1 октября 1876 г. опреде-

⁴⁶³ Судоргина Т. «Прогулки способствовали удовольствию» // Вечерний Оренбург. – 2003. – 13 августа. – № 33.

⁴⁶⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7258. Л. 1–2 об.

⁴⁶⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7258. Л. 10–12.

лён учителем и законоучителем в с. Исаево Оренбургского уезда и губернии (ныне райцентр Октябрьское Оренбургской области). 15 августа 1878 г. перемещён на должность заведующего русско-«киргизским» (русско-казахским) училищем в г. Троицке (ныне Челябинской области). По увольнении согласно прошению с 15 сентября 1880 г. занимался сельским хозяйством. 21 марта 1890 г. определён послушником при Крестовой церкви Оренбургского Архиерейского дома с поручением следить за поведением псаломщиков, как во время богослужения в храме, так и вне его. 29 марта 1890 г. в Оренбургском Богодуховском монастыре пострижен в монашество. 3 апреля 1890 г. рукоположен во иеродиакона. 24 июля 1890 г. назначен ризничим Крестовой церкви. С 10 сентября 1890 г. по 15 августа 1891 г. состоял заведующим причётнической школой, а также учителем Закона Божьего и письма. 23 ноября 1890 г. рукоположен во иеромонаха. 12 декабря 1890 г. назначен казначеем Оренбургского Архиерейского дома, но уже 25 января 1891 г. по прошению уволен с этой должности по причине многочисленных занятий. 3 июня 1891 г. награждён набедренником. 1 сентября 1891 г. Епархиальным училищным советом назначен заведующим и законоучителем церковно-приходской школы при Оренбургском Архиерейском доме. 8 сентября 1894 г. по прошению принят в Новгородскую епархию с определением в братию Валдайского Иверского монастыря (ныне в Валдайском районе Новгородской области). 19 октября 1894 г. назначен там исправляющим должность наместника. А с 10 сентября по 17 ноября 1895 г. исполнял обязанности настоятеля этого монастыря. 19 июля 1896 г. по прошению уволен с должности наместника. Определением Св. Синода от 10 мая 1897 г. № 1339 назначен настоятелем Свято-Троицкой Филиппо-Ирапской пустыни (ныне в Кадуйском районе Вологодской области). 8 июня 1897 г. возведён в сан игумена. Определением Св. Синода от 5/12 августа 1898 г. № 2889 вследствие просьбы по болезненному состоянию уволен от должности. 22 сентября 1898 г. по прошению принят в братию Оренбургского Архиерейского дома с назначением благочинным монастырей и общин Оренбургской епархии. Имел серебряную медаль на Александровской ленте в память императора Александра III⁴⁶⁶.

Успенско-Макарьевской обителью игумен Николай заведовал недолго – с 10 ноября 1899 г. по 15 мая 1900 г. Дело в том, что в это время епархиальные власти решили объединить финансовые и людские ресурсы двух малочисленных мужских монастырей, расположенных вблизи Оренбурга. По представлению епископа Владимира (Соколова-Автономова) (1852–1931) указом Св. Синода от 15 мая 1900 г. был обращён в заштатный и приписан к Архиерейскому дому Богодуховский монастырь, а его братия и ежегодное финансирование в размере 1192 руб. 25 коп. переведены в Успенско-Макарьевский монастырь с присвоением ему 2-го класса⁴⁶⁷. Вместе с братией сюда был перемещён и игумен Богодуховской обители **Аполлос** (в миру

⁴⁶⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 6. Д. 11055. Л. 1 об. – 4.

⁴⁶⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5710. Л. 1–1 об.

Александр Сердюков), ставший новым настоятелем Мецерьяковского монастыря. Он родился в 1843 г. и происходил из потомственных дворян Стародубского уезда Черниговской губернии. Окончил курс Новгород-Северской гимназии (ныне города в Черниговской области Украины). 10 октября 1883 г. поступил в Святогорскую Успенскую пустынь Харьковской епархии (ныне лавру в г. Святогорске Донецкой области Украины), где 6 февраля 1885 г. утверждён указным послушником. 3 июня 1887 г. пострижен в монашество. 22 июля 1889 г. рукоположен во иеродиакона, а 18 августа

Главные ворота Успенско-Макарьевского монастыря

1890 г. – во иеромонаха. Указом от 7 марта 1891 г. № 892 назначен настоятелем Оренбургского Богодуховского мужского монастыря. 24 марта 1891 г. епископом Владимиром в соборной церкви возведён в сан игумена. 17 мая 1891 г. получил благословение Св. Синода за прошлые труды на должности учителя Голодолинской церковно-приходской школы Изюмского уезда Харьковской губернии. 3 июня 1891 г. вступил в отправление должности настоятеля Богодуховской обители. Указом от 11/27 апреля 1894 г. награждён наперсным крестом от Св. Синода. 29 августа 1896 г. назначен благочинным монастырей и общин Оренбургской епархии⁴⁶⁸. 15 декабря 1896 г. возведён в сан архимандрита⁴⁶⁹.

⁴⁶⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 69 об. – 71.

⁴⁶⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7263. Л. 16–17.

Аполлос также недолго стоял у кормила Успенско-Макарьевской обители. Он страдал хроническим ревматизмом, быстрой утомляемостью и бессонницей, что не позволяло ему нести тяготы управления монастырём. В июне 1900 г. настоятель испросил месячный отпуск для поправки здоровья, который провёл в Святогорской пустыни, в тёплом украинском климате. Но болезнь не отступала, и Аполлос решил навсегда остаться в родной обители, «где полагал начало иночества и проходил степени монашества». 5 июля 1891 г. он подал прошение о почислении на покой, которое и было удовлетворено 24 августа.

На его место настоятелем Успенско-Макарьевской обители вторично был определён игумен Николай (Воскобойников), который 15 сентября 1900 г. официально утверждён в этой должности Св. Синодом⁴⁷⁰. 24 апреля 1901 г. им же награждён наперсным крестом. Впрочем, уже 23 августа 1901 г. высший орган церковного управления назначил Николая штатным членом Оренбургской духовной консистории с увольнением от должности настоятеля монастыря и принятием в число братии Архиерейского дома. 13 апреля 1901 г. игумен удостоен второго наперсного креста от Св. Синода, а 6 мая 1904 г. – ордена Св. Анны 3-й степени. С февраля 1904 г. работал членом Комитета по сбору пожертвований для действующей армии, участвовавшей в русско-японской войне⁴⁷¹. За заслуги по духовному ведомству получил благословение Св. Синода с грамотой, а 6 мая 1907 г. – орден Св. Анны 2-й степени. В качестве председателя возглавлял Комиссию по устройству церковного быта переселенцев в Тургайско-Уральском районе. 27 апреля 1910 г. определением Св. Синода освобождён от должности члена Оренбургской духовной консистории и определён настоятелем Пошехонского Адрианова Успенского монастыря Ярославской епархии (ныне в Пошехонском районе Ярославской области) с возведением в сан архимандрита. Резолюцией местного архиерея одновременно назначен благочинным монастырей Пошехонского, Даниловского и Любимского уездов⁴⁷². В 1912–1915 гг. был настоятелем одного из древнейших в России Авраамиева Богоявленского монастыря в г. Ростове (ныне Ярославской области).

Вместо него руководство Оренбургской Успенско-Макарьевской обителью с 1 сентября 1901 г. принял иеромонах Сергей (в миру Силивестр Силивестров) в качестве исправляющего должность настоятеля. Он родился в 1836 г. Происходил из мещан г. Оренбурга. Получил домашнее образование. В 1861 г. был принят послушником в Бузулукский Спасо-Преображенский монастырь. В 1867 г. переведён в Оренбургский Бо-

⁴⁷⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5719. Л. 19 об.

⁴⁷¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 6. Д. 11055. Л. 1 об. – 4.

⁴⁷² Настоятели Адрианова Пошехонского монастыря [Электронный ресурс]. URL: http://priazovsky.ru/publ/poshekhonje/prilozhenie_k_poshekhonju/02_nastojateli_adrianova_poshekhonskogo_monastyrja_2/9-1-0-67 (дата обращения: 12.04.2015).

годуховский монастырь. 13 апреля 1869 г. пострижен там в монашество. 13 декабря 1870 г. рукоположен во иеродиакона, а 20 декабря – во иеромонаха. В 1874, 1875, 1876, 1878 и 1880 гг. командировался в степные Уильское, Эмбенское и Нижне-Эмбенское укрепления для исполнения христианских треб среди военнослужащих. 29 сентября 1878 г. награждён набедренником. В 1880 г. командирован для заведования Александро-Невской церковью в Ханской ставке (ныне с. Хан Ордасы Бокейординского района Западно-Казахстанской области Республики Казахстан). В 1881 г. перечислен из Оренбургской в Астраханскую епархию с определением в число братии тамошнего Архиерейского дома и оставлением заведующим той же Александро-Невской церковью до 1897 г. В 1889 г. награждён наперсным крестом, а 17 июня 1892 г. за заслуги по духовному ведомству удостоен благословения Св. Синода. 10 июня 1897 г. определён в число братии Высокогорской Чуркинской Успенско-Николаевской пустыни Астраханской епархии (у нынешнего села Большой Могой Володарского района Астраханской области). 13 ноября 1897 г. перемещён обратно из Астраханской в Оренбургскую епархию с зачислением в братию местного Архиерейского дома. В 1897 г. получил благословение епископа Оренбургского и Уральского на ношение золотого наперсного креста с украшениями, поднесённого ему православными прихожанами Ханской ставки. В 1899 г. определён членом Оренбургской епархиальной экзаменационной комиссии на получение сана священника, диакона и звания псаломщика. 28 сентября 1901 г. параллельно с заведованием Успенском-Макарьевской обителью определён благочинным монастырей и общин Оренбургской епархии, но уже 3 января 1902 г. освобождён от последней должности⁴⁷³.

С переводом в 1900 г. в Мещеряковский монастырь братии выведенной за штат Богодуховской обители потребовалось расширение жилых площадей для новых насельников. Если в 1895 г. при заведении он насчитывал лишь 4 человек (2 монахов и 2 послушников), то в 1900 г. – уже 31 (14 монашествующих и 17 послушников). Однако проблема их размещения долгое время оставалась нерешённой из-за частой смены настоятелей. И лишь при заведовании Сергия в 1902 г. здесь, наконец, был построен дополнительный 1-этажный братский деревянный флигель на кирпичном фундаменте, крытый железом, длиной и шириной по 8 и высотой 5 аршин (5,69 на 5,69 на 3,56 м)⁴⁷⁴.

По мере старения слабеющему здоровьем иеромонаху Сергию становилось всё труднее нести бремя управления Успенско-Макарьевским монастырём. Поэтому ещё в 1903 г. ктитор обители купец А.Г. Мещеряков возбудил ходатайство о возвращении на заведование монастырём его самого активного устроителя игумена Варлаама (Курача). Однако в июне 1903 г. Св. Синод отказал в этой просьбе за отрицательным отзывом епи-

⁴⁷³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 6. Д. 11055. Л. 17 об. – 18.

⁴⁷⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1168. Л. 24 об.

скопа Оренбургского и Уральского Владимира. Не дождавшись возвращения своего сотоварища, попечитель обители купец А.Г. Мещеряков скончался. В неустанных заботах о будущем своего начинания уже на смертном одре он отписал Успенско-Макарьевскому монастырю ещё 31 тыс. руб. на нужды соборного храма, но его старший зять, оренбургский купец Фёдор Сачков утаил это домашнее завещание⁴⁷⁵. Между тем, видя постепенный упадок обители, радеющие об ее восстановлении оренбуржцы числом более 50 человек 22 марта 1905 г. подали своему новому архиерею Иоакиму (Левицкому) (1853–1921) повторное прошение о назначении настоятелем Успенско-Макарьевского монастыря его прежнего игумена Варлаама.

За рассмотрением этого вопроса 23 мая 1905 г. управлявший обителью иеромонах Сергей был отправлен на покой «по дряхлости». А временное заведование монастырём было доверено его казначею иеромонаху **Герману II** (в миру Георгию Фёдоровичу Рыжухину). Он родился в 1864 г. в семье крестьян. Овдовел первым браком. 27 января 1897 г. поступил послушником в Успенско-Макарьевский монастырь. 19 июля 1898 г. принял там постриг. 3 января 1899 г. рукоположен во иеродиакона, а 24 июня – во иеромонаха. 4 февраля 1899 г. определён в обители казначеем. А 17 февраля 1902 г. за труды на этом посту награждён набедренником. Резолюцией епископа от 26 июля 1905 г. назначен исправляющим должность настоятеля, но уже 2 сентября уволен за назначением новым временным управляющим игумена **Варлаама** (Курача)⁴⁷⁶.

За время своего отсутствия 29 декабря 1899 г. он был определён благочинным Московского Новоспасского ставропигиального монастыря, а 20 декабря 1900 г. – духовником его братии. 6 мая 1903 г. награждён орденом Св. Анны 3-й степени. А 29 октября 1904 г. стал наместником Новоспасского монастыря в Москве при настоятеле архимандрите Клименте (Стояновском) (1849–1906)⁴⁷⁷. Несмотря на это, игумен Варлаам с радостью согласился вернуться и оставил высокий пост в златоглавой, переехав в далёкую провинцию к любящим его оренбуржцам. 23 сентября 1905 г. он прибыл в Оренбургский Успенско-Макарьевский монастырь, а 2 октября принял его дела и имущество от иеромонаха Германа II, который 5 ноября снова был определён казначеем обители.

На хорошо знакомом месте, где многое было прежде заведено его трудами, игумен Варлаам посвятил всего себя восстановлению благолепия и славы обители. В 1905 г. были отремонтированы обветшавшие монастырские здания: обмазаны и выбелены снаружи братские корпуса, выкрашены масляной краской стены, полы, двери и окна гостиницы⁴⁷⁸. А в 1906 г. настоятель даже устроил в монастыре горячее водоснабжение, для чего поставил

⁴⁷⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9779.

⁴⁷⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 5 об. – 6.

⁴⁷⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7258. Л. 10–12.

⁴⁷⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 9940. Л. 36.

на экономическом дворе специальное каменное здание с двумя жестяными кубами и водонагревательной печью⁴⁷⁹.

Во внимание к его рвению 2 января 1907 г. епископ Оренбургский и Уральский Иоаким вышел с представлением об официальном утверждении временно управляющего монастырём игумена Варлаама в должности настоятеля с возведением в сан архимандрита. Однако Св. Синод 8 января 1907 г. напомнил, что в общежительных монастырях настоятели не назначаются, а избираются братией, и предписал вернуть игумена Варлаама обратно в Новоспасский монастырь, что и было исполнено⁴⁸⁰. В 1909 г. Варлаам переехал из этой московской обители в свой родной Киевский Свято-Троицкий монастырь, где в 1912 г. принял великую схиму с именем Вениамин.

Вместо него исправление должности настоятеля в Успенско-Макарьевской обители по указу Оренбургской духовной консистории от 16 апреля 1907 г. № 607 было снова поручено до проведения выборов казначею иеромонаху Герману II (Рыжухину), который принял дела 1 мая. Следом, 5 мая он был единогласно избран братией в настоятели как наиболее достойный кандидат, указом консистории от 27 июля 1907 г. № 6601 допущен к исправлению этой должности, а указом Св. Синода от 23 октября 1907 г. № 12664 официально утверждён в ней. 16 декабря 1907 г. за литургией в Казанском кафедральном соборе епископ Оренбургский и Уральский Иоаким возвёл Германа II в сан игумена с вручением жезла⁴⁸¹. Однако и вторично руководить монастырём ему довелось непродолжительное время.

В связи с ростом православного населения и числа приходов в обширной Оренбургской епархии, нагрузки на её правящего архиерея в помощь тому указом Св. Синода от 10 сентября 1908 г. № 10998 была учреждена должность викарного епископа Челябинского, на которую утверждён архимандрит **Дионисий** (в миру Павел Иванович Сосновский). Но как ближайшему помощнику и заместителю местом его пребывания был определён не далёкий Челябинск, а пригородный Оренбургский Успенско-Макарьевский монастырь с назначением Дионисия настоятелем, а Германа II – при нём наместником.

Будущий епископ Челябинский Дионисий родился в 1859 г. в семье диакона с. Нижняя Ярославка Моршанского уезда Тамбовской губернии (ныне Сосновского района Тамбовской об-

Дионисий (Сосновский) —

⁴⁷⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1168. Л. 26.

⁴⁸⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7258. Л. 21–23 об.

⁴⁸¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 5 об. – 6.

ласти) Ивана Анисимовича Сосновского (ок. 1831 – 1906). По окончании Тамбовской духовной семинарии 26 октября 1883 г. определён учителем школы в с. Красивка Моршанского уезда Тамбовской губернии (ныне Пичаевского района Тамбовской области). 3 октября 1885 г. епископом Тамбовским и Шацким Виталием (Иосифовым) (1831–1892) рукоположен во диакона к Космодамианской церкви с. Верхняя Ярославка (ныне Сосновского района Тамбовской области). Овдовев, 5 сентября 1888 г. по прошению уволен от епархиальной службы и поступил в Московскую духовную академию. За время обучения в ней 8 мая 1892 г. принял постриг с именем Дионисий, а 25 мая был рукоположен во иеромонаха. По окончании академии со степенью кандидата богословия 13 июня 1892 г. назначен смотрителем Варшавского духовного училища. На этом посту 26 марта 1893 г. награждён набедренником, 12 апреля 1895 г. – наперсным крестом, а 26 февраля 1896 г. удостоен серебряной медали на Александровской ленте в память императора Александра III. Определением Св. Синода от 27–29 ноября 1896 г. назначен ректором Иркутской духовной семинарии с возведением 8 декабря в сан архимандрита, вступив в должность 6 марта 1897 г. С 31 марта также состоял почётным членом Иркутского училищного совета и членом Иркутского комитета Православного миссионерского общества. По определению Св. Синода от 17–18 июля 1898 г. перемещён на должность настоятеля Дмитровского Борисоглебского монастыря Московской епархии (ныне в г. Дмитрове Московской области), откуда 19 июля 1900 г. вызывался на череду священнослужения в Санкт-Петербург. 24 сентября 1901 г. определён настоятелем Николо-Теребенской пустыни Тверской епархии (ныне в пос. Труженик Максатихинского района Тверской области). 4 января 1902 г. одновременно поставлен благочинным монастырей Тверской епархии. 6 мая 1905 г. за отлично-усердную службу награждён орденом Св. Анны 2-й степени. 8 июня 1906 г. снова вызван в столицу на череду священнослужения. 12 сентября 1908 г. в зале заседаний Св. Синода наречён, а 14 сентября в Свято-Троицком храме Александро-Невской лавры хиротонисан во епископа Челябинского митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским) (1846–1912) в сослужении архиепископа Тверского и Кашинского Алексия (Опоцкого) (1837–1914), архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского) (1867–1944) и епископа Кронштадтского Владимира (Путяты) (1869–1936), викария Санкт-Петербургской епархии⁴⁸².

Разумеется, в Оренбургском крае епископ Дионисий как викарий сосредоточился прежде всего на вопросах епархиального управления, находился по большей части не в монастыре, а в Оренбурге или разъездах, имея многочисленные обязанности. С 25 ноября 1908 г. по 17 ок-

⁴⁸² ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6307. Л. 17–20; Преосвященный Дионисий, епископ Челябинский // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 40–41. – С. 775–777.

тября 1911 г. он был председателем Оренбургского епархиального совета, с 11 июня 1909 г. – членом Оренбургского епархиального комитета по удовлетворению духовных потребностей переселенцев, с 23 августа 1909 г. – товарищем (заместителем) председателя Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества, с 31 декабря 1910 г. – председателем Оренбургского епархиального училищного совета, с 19 сентября 1911 г. – председателем Оренбургского епархиального комитета по оказанию помощи пострадавшим от неурожая, с 29 декабря 1912 г. – товарищем (заместителем) председателя Оренбургского отдела Православного Палестинского общества. В период отпусков епархиальных архиереев Дионисий временно управлял Оренбургской епархией (в мае – июле 1909 г., июне – июле 1913 г. и 1914 г.) и по командированию даже Тобольской епархией (в мае – июне 1912 г.).

Но несмотря на занятость, Владыка находил возможность уделять внимание и своей обители: проводил здесь всенощные бдения, литургии и крестные ходы, вникал в хозяйственные нужды. Более того, с его назначением на должность настоятеля в Успенско-Макарьевском монастыре начались масштабные строительные работы, призванные привести обитель в соответствие новому статусу епископской резиденции.

Для этого в 1908 г. здесь был возведён новый 2-этажный настоятельский (архиерейский) дом, крытый железом, длиной 8 саженей (17,07 м), шириной 4 сажени (8,53 м) и высотой 9 аршин (6,40 м), со стеклянной террасой. На нижнем этаже из бутового камня располагались кухня с русской печью и плитой и комната для повара, а на верхнем деревянном этаже – архиерейские покои.

На экономическом дворе тогда же появилась новая деревянная конюшня на каменном фундаменте с железной крышей, имевшая 10 саженей (21,37 м) в длину, 13 аршин (9,25 м) в ширину и 1 сажень 2 четверти (2,49 м) в высоту.

Наконец, по мере восстановления вырубленного прежним владельцем монастырского леса был заведён специальный лесной двор, на котором в 1908 г. поставлен деревянный флигель на каменном фундаменте размерами 13 на 7,5 на 3,5 аршина (9,25 на 5,33 на 2,49 м), а в 1909 г. – дощатый амбар с 3-мя сусеками размерами 3 сажени на 8,75 аршин на 3,75 аршин (6,40 на 6,22 на 2,67 м)⁴⁸³.

К 1910 г. на монастырской усадьбе, экономическом и лесном дворах, скотном хуторе насчитывалось уже в общей сложности 19 различных богослужебных, жилых и хозяйственных построек, которые по страховой ведомости оценивались в 33750 руб.⁴⁸⁴.

При развитии хозяйства численность монашествующих стабилизировалась и практически не менялась. В 1905 г. братия Успенско-Макарьевского монастыря насчитывала 29 человек (7 иеромонахов, 1 иеродиакона,

⁴⁸³ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1168. Л. 24–24 об., 26–26 об.

⁴⁸⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1168. Л. 27, 51–52.

2 монахов, 1 указного и 18 неуказных послушников) и в 1915 г. сохраняла то же количество насельников (1 игумена, 5 иеромонахов, 2 иеродиаконов, 9 монахов и 12 послушников)⁴⁸⁵.

Содействием благотворителей в этот период существенно упрочилась и финансовая база обители. Если в 1905 г. под управлением Германа II монастырь владел капиталами в ценных бумагах на 9300 руб., а в 1907 г. при игумене Варлааме – на 10600 руб., то в 1913 г. при настоятельстве епископа Дионисия – уже на 32975 руб.⁴⁸⁶. Из этих средств 2000 руб. вложил Соколов, 1000 руб. – В. М. Макурова, по 500 руб. – Журкова, Сорокин и Цветкова, а остальное – различные лица, в том числе пожелавшие остаться анонимными.

Словом, под руководством Преосвященнейшего Дионисия Успенско-Макарьевский мужской монастырь достиг своего расцвета. Заслуги епископа были отмечены 6 мая 1910 г. орденом Св. Владимира 3-й степени, а в 1913 г. – орденом Св. Анны 1-й степени⁴⁸⁷. Его ближайший помощник по управлению обителью и наместник игумен Герман II (Рыжухин), в свою очередь, 23 марта 1911 г. был награждён наперсным крестом от Св. Синода.

Впрочем, обширность епархии, сложности сообщения с её восточными районами и необходимость надзора за местной паствой при постоянном наплыве переселенцев со временем потребовали переноса кафедры епископа Челябинского из-под Оренбурга. Указом Св. Синода от 9 октября 1913 г. местом его пребывания взамен Мещеряковского монастыря был определён непосредственно город Челябинск⁴⁸⁸. Правда, за многими делами он задержался в Оренбурге, оставаясь и настоятелем Успенско-Макарьевской обители. Но указом Св. Синода от 24 июля 1914 г. в связи с окончательным отъездом в Челябинск и невозможностью управлять оттуда монастырём епископ Дионисий (Сосновский) был освобождён от настоятельства. Вместе с тем, по отсутствию свободных финансовых средств для его обеспечения на новом месте с согласия братии на Успенско-Макарьевский монастырь была возложена обязанность выдавать по 3000 руб. в год из своих доходов на содержание епископа Челябинского как своего бывшего настоятеля⁴⁸⁹.

5 сентября 1914 г. временно управляющим обителью был в третий раз определён игумен **Герман II** (Рыжухин), который по указу Св. Синода от 21 ноября 1914 г. № 18606 официально утверждён в должности настоятеля⁴⁹⁰.

⁴⁸⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 11055. Л. 17 об. – 30; Оп. 3. Д. 5747. Л. 7–7 об.

⁴⁸⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7258. Л. 17–17 об., 29; Д. 6447. Л. 81–82.

⁴⁸⁷ Высочайшие награды // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1913. – № 19–20. – 17 мая. – С. 171.

⁴⁸⁸ О переносе места пребывания епископа Челябинского из Успенско-Макарьевского мужского монастыря в Челябинск // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1913. – № 42. – С. 383–386.

⁴⁸⁹ О денежном содержании епископа Челябинского // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1914. – № 32–33. – С. 315–317.

⁴⁹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6362. Л. 188 об. – 189; Оренбургские епархиальные ведомости. – 1914. – 17 декабря. – № 48–49. – С. 447.

К этому времени Россия вступила в полосу страшных испытаний, начавшихся Первой мировой войной. По мере сил братия Успенско-Макарьевского монастыря пыталась поддержать Отечество в тяжёлые времена. Следуя христианским идеалам милосердия и любви к ближнему, в 1915 г. иноки приняли и разместили на территории обители многочисленных беженцев, захлестнувших тыловой Оренбургский край после трагедии летнего отступления русской армии и оккупации кайзеровской Германией районов Польши, Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины. 19 августа 1916 г. на заседании Оренбургского епархиального Комитета Красного Креста было доложено, что на содержание беженцев Успенско-Макарьевский монастырь истратил свои последние средства и даже вошёл в большие долги⁴⁹¹. Тем не менее, на очередном совещании организации 18 ноября 1916 г. обитель выразила готовность отвести помещение и содержать у себя дополнительно 10 выздоравливающих воинов⁴⁹², полагаясь на помощь Божию. Из-за сильной скученности людей в монастыре, на его экономическом дворе 22 августа 1916 г. сгорела конюшня, а 23 сентября – и гостиница⁴⁹³, что стало грозным предвестием грядущих бед.

После прихода к власти в октябре 1917 г. большевиков имущество Успенско-Макарьевского монастыря было национализировано, а экономическая основа подорвана. Но несмотря на начавшиеся гонения, братия монастыря даже увеличилась бежавшими от ужасов мира и в 1918 г. составляла уже 42 человека (1 игумена, 11 иеромонахов, 3 иеродиаконов, 15 монахов и 12 послушников). Однако уже в 1920-е годы атеистические власти окончательно разгромили и закрыли монастырь. Большинство построек обители, созидавшихся тяжким трудом монашествующих и помощью благотворителей, было снесено. К настоящему времени на бывшей территории Успенско-Макарьевского монастыря, из которого вырос посёлок Зауральный Оренбургского района и области, сохранились только сильно перестроенный дом настоятеля и шахта монастырского колодца. На удалённом экономическом дворе остались 2 перестроенных здания, а также фрагменты стен конюшни и каменной лестницы, ведущей к основанию холма⁴⁹⁵.

В идеологической конкуренции новые коммунистические власти стремились разрушить крепость не только стен, но и духа, преследуя мона-

⁴⁹¹ Епархиальная хроника. Заседание Епархиального Комитета // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 1–15 сентября. – № 35–36. – С. 469–471.

⁴⁹² Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–31 декабря. – № 49–52. – С. 705–640.

⁴⁹³ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1168. Л. 26.

⁴⁹⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 95. Л. 3.

⁴⁹⁵ Рзянин Н.А. Меценатство как один из путей образования монашеской общины на примере Оренбургского Успенско-Макарьевского общежительного мужского монастыря // Этнокультурное и религиозное многообразие Урало-Поволжского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. – С. 210.

шествующих как хранителей православия, из-за чего многие бывшие насельники Успенско-Макарьевского монастыря и до, и после его закрытия приняли мученические венцы.

Ещё в начале Гражданской войны, 4 февраля 1918 г. прежнего настоятеля обители, а тогда уже епископа Измаильского Дионисия (в миру Павла Ивановича Сосновского) (1859–1918) большевики зарубили шашками на железнодорожной станции недалеко от Киева. В 1981 г. решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей он был канонизирован в лике священномученика со включением в Собор новомучеников и исповедников Российских, а в РПЦ почитается как месточтимый святой в Соборе Одесских святых (память 12 февраля).

5 апреля 1931 г. в Оренбурге был расстрелян архимандрит Варнава (в миру Василий Георгиевич Калашников) (1872–1931), исполнявший в 1905 г. обязанности казначея, а в 1906 г. – благочинного Успенско-Макарьевского монастыря.

По приговору тройки УНКВД по Оренбургской области от 10 октября 1937 г. казнён последний настоятель обители игумен Герман II (в миру Георгий Фёдорович Рыжухин) (1864–1937), который после её закрытия проживал в с. Горно-Рычковка Переволоцкого района.

Наконец, в ночь на 27 декабря 1937 г. был приведён в исполнение смертный приговор тройки УНКВД по Киевской области в отношении архимандрита Палладия (в миру Петра Степановича Хроненко) (1867–1937), бывшего казначеем Мещеряковского монастыря в 1910–1913 гг. Решением Священного Синода Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата) от 28 октября 1997 г. он был причислен к лику местночтимых святых в составе Собора святых новомучеников Черкасских (память 13/26 мая). А на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) в августе 2000 г. внесён в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания⁴⁹⁶.

Таким образом, история истребила постройки и людей, но не изгладила памяти об Оренбургском Успенско-Макарьевском монастыре и его братии как высоком примере служения Богу, Отечеству и всем нуждающимся в помощи и утешении.

⁴⁹⁶ Деяние Юбилейного Архиерейского Собора о соборном прославлении Новомучеников и исповедников Российских XX века // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/423849.html> (дата обращения: 06.02.2015).

ПОКРОВСКИЙ СВЯТО-ТРОИЦКИЙ (РАЗГУЛЯЕВСКИЙ) ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Будущая Покровская Свято-Троицкая женская обитель появилась по мысли благочестивой вдовы, самарской мещанки **Прасковьи Васильевны Разгуляевой** (1836–?). После смерти супруга, не имея детей, в 1894 г. она «решила самоё себя и всё добро, благоприобретённое её покойный мужем, посвятить на служение Богу»⁴⁹⁷. Под эти цели, для заведения монашеской женской общины вдова предназначила 1069 десятин 2000 кв. сажень (1166,12 га) земли в 90 верстах (96 км) от г. Оренбурга, у отрогов Общего Сырта, по берегу речки Шар (ныне пос. Шар Александровского района Оренбургской области).

На принадлежащий ей участок в 1894 г. она перевезла готовую деревянную церковь, освящённую в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Первый храм обители на каменном цоколе был скромным и обликом скорее походил на часовню. Серая церковь, увенчанная зелёной железной крышей с небольшой главкой, имела в длину всего 5 сажень 2 аршина (12,09 м), в ширину 4 сажени (8,53 м) и в высоту 2 сажени 2 аршина (4,98 м)⁴⁹⁸, но была новенькой и тёплой. По указу Оренбургской духовной консистории от 14 октября 1895 г. № 10356 «на участок Прасковьи Разгуляевой, где устраивается община», был временно командирован для исполнения обязанностей священнослужителя иеромонах Оренбургского архиерейского дома Нифонт (в миру Нестор Кузьмич Луценко)⁴⁹⁹. А 24 июня 1897 г. к Покровской церкви рукоположен во священника Николай Никольский⁵⁰⁰.

Вокруг храма, ставшего центром формирующейся монашеской общины, по склону холма расположились 2 жилых помещения для сестёр, 2 небольших амбара для ссыпки хлеба, крытый каменный сарай и открытый скотный двор, обнесённый каменной оградой.

В 1897 г. Прасковья Разгуляева ходатайствовала перед Оренбургским епархиальным начальством об учреждении в этом имении женской общины с назначением её пожизненной начальницей обители. Признавая желательным создание нового рассадника духовного просвещения при незначительном количестве женских общин во вверенной ему епархии, это предложение поддержал в Св. Синоде епископ Оренбургский и Уральский Владимир (Соколовский-Автономов) (1852–1931). По определению высшего органа церковного управления от 18–23 декабря 1898 г. община была принята в духовное ведомство с наименованием Покровской (указ от 13 января 1899 г.)⁵⁰¹.

⁴⁹⁷ Немечек М., свящ. Обзорение церквей Оренбургского уезда Его Преосвяществом, Преосвященнейшим Иоакимом, Епископом Оренбургским и Уральским в сентябре 1904 года // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1 ноября. – № 21. – 1904. – С. 826.

⁴⁹⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 60–60 об.

⁴⁹⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1962. Л. 62 об. – 63.

⁵⁰⁰ Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1897. – 1 августа. – № 14–15. – С. 89.

⁵⁰¹ Прибавления к «Церковным ведомостям». – 1904. – № 31. – С. 1174.

А 29 января 1899 г. указом Оренбургской духовной консистории во главе общины была поставлена её учредительница Прасковья Васильевна Разгуляева. Правда, уже 16 сентября 1899 г. по прошению она оставила должность начальницы, а 4 ноября приняла постриг с именем Палладия.

Вместо неё заведующей Покровской женской общиной 16 сентября 1899 г. определена Евпраксия, происходившая из мещан и постриженная 16 марта 1896 г. в монахини Оренбургского Успенского женского монастыря. Впрочем, уже 21 апреля 1900 г. её сменила Еликонида, крестьянская дочь, принявшая постриг 21 сентября 1898 г. в Покрово-Эннатском женском монастыре (у с. Дедово ныне Фёдоровского района Республики Башкортостан). Одновременно её помощницей в сложном деле управления была назначена основательница обители монахиня Палладия (Разгуляева)⁵⁰². 23 декабря 1902 г. Оренбургская духовная консистория поручила последней исправление другой ключевой должности казначеи.

Указом Св. Синода от 19 декабря 1899 г. № 8259 при Покровской женской общине Оренбургского уезда учреждены штатные должности священника и псаломщика с назначением им ежегодного содержания от казны по 300 и 100 руб., соответственно⁵⁰³. На протяжении истории обители её духовно окормляли иереи: до 18 ноября 1902 г. – Василий Голубев, с 9 февраля 1903 г. до 21 января 1904 г. – Валентин Граммаков, с 5 февраля 1904 г. до 31 мая 1906 г. – Тихон Костенко, с 8 июля 1906 г. до 7 октября 1909 г. – Стефан Нассонов, с 11 октября 1909 г. до 15 октября 1910 г. – Василий Поляков, с 17 октября 1910 г. – Василий Негин, до 11 июля 1913 г. – Михаил Анциферов, с 11 июля 1913 г. до 15 февраля 1914 г. – Симеон Огородников, с 19 мая 1916 г. – вакансия, с июля 1916 г. – Флор Муравьёв.

Для размещения причта в 1900–1901 гг. за чертой обители были поставлены 2 дома, частью каменные, частью деревянные, с внутренними кухнями и надворными хозяйственными постройками (кладовыми, погребями и сараями).

Поскольку к 1900 г. численность общины возросла до 64 женщин (2 монахинь и 62 послушниц)⁵⁰⁴, возникла необходимость в новых жилых площадях и для самих сестёр. Поэтому в 1901 г. на общинном участке за 5000 руб. был сооружён 2-этажный общежительный корпус, протянувшийся на 18 сажень (38,40 м) в длину, 7 сажень (14,94 м) в ширину и 10,5 аршин (7,47 м) в высоту. На его нижнем этаже из местного красного камня располагались 10 комнат, а на верхнем бревенчатом этаже, оштукатуренном внутри и покрытым красной железной крышей, находилось ещё 9 келий⁵⁰⁶.

Покровская женская община укрепилась численно и материально, имела достаточные земельные и трудовые ресурсы для самообеспечения,

⁵⁰² ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7263. Л. 20, 33 об.

⁵⁰³ Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1900. – 1 февраля. – № 3. – С. 37.

⁵⁰⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5747. Л. 29–30 об.

⁵⁰⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1180. Л. 35–35 об.

⁵⁰⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 58–58 об.

стала оказывать благотворное влияние на окрестное население в религиозно-нравственном отношении. Эти успехи позволили поставить вопрос о повышении статуса обители. Осенью 1903 г. её основательница Палладия (Разгуляева), «чувствуя крайний упадок сил по старости и нездоровью и желая перед своей смертью видеть осуществление своей заветной мечты», подала епархиальному начальству прошение о преобразовании общины в полноценный общежительный монастырь. К началу 1904 г. её состав расширился уже до 108 сестёр. По засвидетельствованию об этих достижениях 17 апреля 1904 г. епископ Оренбургский и Уральский Иоаким (Левицкий) (1853–1921) вошёл с соответствующим представлением в Святейший Синод. Указом от 23 июня 1904 г. № 3511 высший орган церковного управления переименовал общину в Покровский женский общежительный монастырь, а его настоятельницей с возведением в сан игуменьи утвердил положившую начало обители монахиню Палладию (Разгуляеву)⁵⁰⁷.

Радостное известие сёстрам сообщил сам епархиальный архиерей, который как раз отправился для обозрения церквей Оренбургского уезда. Современники этих событий оставили уникальные описания молодой обители и грандиозного торжества по случаю её преобразования в монастырь. Один из них писал:

«Трудно себе представить местность, более располагающую к подвигам физического труда и молитвы, чем ту живописную местность, в которой раскинулись скромные и незатейливые пока постройки сестёр, прибегнувших под Покров Божьей Матери. Вокруг обители, расположенной по склону небольшой возвышенности, окаймлённой вокруг речкой Шар, поднимаются ряды небольших гор, разрисованных тёмными полосами густого кустарника. Чем дальше глаз устремляется в южном направлении, тем выше поднимаются ряды отрогов Сырта, и последний круг гор теряется в серо-голубом тумане. Получается впечатление полного уединения, как будто обитель совершенно ушла от мира сего и затерялась где-то на краю света. На другом берегу речки тянется ряд глиняных построек небольшого хутора. Кроме него, нигде кругом не видать другого какого-нибудь селения. Везде только одна необозримая благодатная почва – чернозём, приглашающая к усердному деланию на ниве, обещающей за труд и молитву стократный плод.

Деревянная небольшая серенькая церковь, вся крыша которой постоянно усеяна голубями, находясь в середине остальных скромных зданий, своей простотой и бедностью лучше всего свидетельствует о том, что обитель переживает самое трудное время – время созидания»⁵⁰⁸.

⁵⁰⁷ Прибавления к «Церковным ведомостям». – 1904. – № 31. – С. 1174.

⁵⁰⁸ Немечек М., свящ. Обозрение церквей Оренбургского уезда Его Преосвященством, Преосвященнейшим Иоакимом, Епископом Оренбургским и Уральским в сентябре 1904 года // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1 ноября. – № 21. – 1904. – С. 825–826.

«Есть жилой просторный корпус для инокинь, служивший временно гостиницей для приезжающих. Есть особые дома для игуменьи, казначеи, священника, кухня, скотный двор, ветряная мельница. Обитель ведёт своё хозяйство, – посев нынешнего года свыше 100 десятин, имеются сельскохозяйственные орудия: плуги, жнейки и проч., несколько десятков рогатого скота и лошадей. Обитель ещё юная, религиозно-нравственное и просветительское значение её в будущем, когда она, укрепясь духовно, устроясь материально, обзаведясь благоустроенной школой, повлечёт к себе население края»⁵⁰⁹.

В назначенный день объявления общины монастырём, 18 сентября 1904 г. со всех сторон к ней потянулись с молебным пением, иконами и хоругвями 10 крестных ходов во главе с приходскими священниками из ближних и дальних сёл.

«В исходе 5-го часа Архиерейский экипаж показался вблизи построек Покровской женской общины ... Итак, наконец, приблизился день, столь давно и сердечно желанный и с нетерпением ожидаемый всеми сёстрами Покровской обители, на колокольне которой раздался радостный трезвон на встречу приближавшемуся Владыке.

Заволновались от радости сёстры, собравшиеся на ступенях и на паперти своей церкви, засуетились хоругвеносцы и икононосцы, выстраиваясь в два ряда, заколыхалось всё море голов прибывших паломников. Приезд Преосвященнейшего Владыки, Архиерейское торжественное служение, возведение настоятельницы в сан игуменнии, пострижение двух послушниц в инокини – все эти в сёлах столь редкостные события привлекли в Покровскую обитель множество жителей соседних и очень отдалённых селений, предпринявших паломничество с крестными ходами и заполнивших всё большое пространство между церковью, корпусом и другими постройками, за которыми поместилось несметное количество деревенских повозок.

Когда Преосвященнейший Владыка вышел из кареты, настоятельница обители и казначея встретили его хлебом-солью. Когда Владыка стал осенять всех общим благословением, то все сёстры и все паломники преклонили колена и набожно крестились. Предшествуемый хором сестёр, довольно стройно исполнивших пение тропаря «Заступница усердная...», Его Преосвященство вошёл в храм, где был встречен настоятелем монастырской церкви, священником Т. Костенко и 17-ю священниками из приходов 7-го, 8-го и 9-го благочиннических округов. Священником Костенко сказано было приветствие, в котором он высказал Его Преосвященству от имени всех сестёр и лично от себя чувства преданнейшей благодарности за отеческие попечения Его Преосвященства о скорейшем возведении общины в монастырь и за радость, доставленную всей обители своим архипастырским посещением. После обычной литии

⁵⁰⁹ Набивач И., свящ. Паломничество с прихожанами (Корреспонденция) // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1904. – 1 декабря. – № 23. – С. 888–892.

и многолетия Его Преосвященство вышел из храма и отправился в уготованные для него в большом корпусе покои для короткого отдыха после продолжительной езды по неудобной и очень пыльной дороге. Ровно в 6 часов Его Преосвященство прибыл в церковь и благословил начало всенощного бдения. В начале литии Его Преосвященством совершён был крестный ход вокруг церкви, после которого всенощное бдение продолжало отправляться под открытым небом, пред церковью. Этим мудрым распоряжением Его Преосвященства дана была возможность всем благочестивым паломникам выслушать вечернее Богослужение и таким образом хотя отчасти удовлетворить своё религиозное настроение и получить некую духовную награду за подвиг паломничества.

В конце утрени Его Преосвященство совершил обряд пострижения в инокини двух послушниц.

По окончании Богослужения около 10 часов, Его Преосвященство вышел из храма и отправился в приготовленные покои на отдых»⁵¹⁰.

На следующий день, в воскресенье 19 сентября «ещё с рассветом богомольцы стали постепенно стягиваться к храму, установившись длинными двумя рядами с иконами и хоругвями по пути шествия Владыки в храм к Божественной литургии»⁵¹¹. «В начале 9-го часа, Его Преосвященство прибыл в церковь, будучи по чину «со славою провожаем» всем духовенством из своих покоев во храм. Божественную литургию Его Преосвященство совершал в сослужении» 4 иереев: епархиального наблюдателя церковно-приходских школ Мануила Матвеевича Немечека, местного благочинного 7-го округа и настоятеля церкви с. Новотроицкого Дмитрия Ивановича Унгвицкого, священников с. Александровки Константина Стефановича Васильева и с. Рождественского Владимира Семёновича Рыси. В конце литургии он сказал поучение, в котором напомнил о нравственных целях иноческой жизни.

«На малом входе Его Преосвященством совершён был чин возведения монахини Паллады в игуменьи и по отпусе литургийном Владыкою было сказано ей архипастырское назидательное поучение и вручён был посох. При выходе из церкви Его Преосвященство остановился и приветствовал с праздником паломников, которые за недостатком места были вынуждены остаться вне церкви, объявил им о возведении обители на степень монастыря, и, сказав несколько слов о том, какое значение имеет новый монастырь для соседних селений, пригласил всех принять участие в крестном ходе вокруг церкви с молебном Пресвятой Богородице». «Величественную чудную картину представлял собою крестный ход. Несколько десятков хоругвей, сотни богомольцев с иконами и свечами,

⁵¹⁰ Немечек М., свящ. Обзорение церквей Оренбургского уезда Его Преосвященством, Преосвященнейшим Иоакимом, Епископом Оренбургским и Уральским в сентябре 1904 года // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1 ноября. – № 21. – 1904. – С. 827–828.

⁵¹¹ Набивач И., свящ. Паломничество с прихожанами (Корреспонденция) // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1904. – 1 декабря. – № 23. – С. 891.

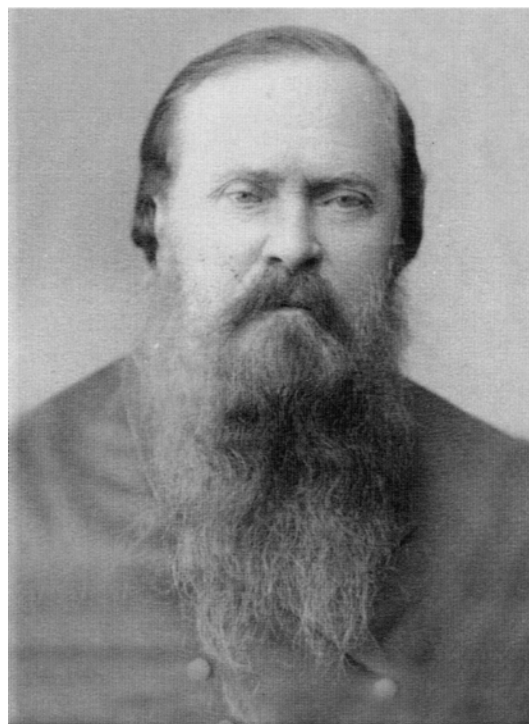

сонм священнослужителей во главе с Архипастырем, – тысячи народа, мелодичное стройное пение инокинь – всё среди глухой степи производило неизгладимое впечатление. После службы все богомольцы удостоились получить от Его Преосвященства благословение и крестики»⁵¹².

«После крестного хода Его Преосвященство отбыл в большой корпус, где изволил принять участие в трапезе, радушно предложенной матушкой игуменьей всем гостям. Во время обеда монастырским хором исполнено было много песнопений. Особенное удовольствие сёстры доставили Его Преосвященству и всем гостям пением кантаты, нарочно составленной матушкой казначеей и священником Костенко по случаю приезда Владыки и возведения обители в монастырь. Вечером Его Преосвященство посетил матушку игуменью и отца настоятеля в их квартирах и осмотрел все жилые и хозяйственные постройки монастыря.

Утром следующего дня, 20 сентября, Преосвященнейший Владыка собирался на дальнейший путь. Когда Его Преосвященство вышел из покоев в коридор, взору Его предстала милая картина: десяток монастырских малюток, девочек-сироток, совершив земной поклон, собирались петь. Четырёхлетняя девочка, стоя впереди своих подружек, с серьёзностью строгой, опытной регентши задала «соль-си» и, помахивая ручкой в такт, пела с подругами Владыке «многая лета». Обласкав девочек и наделив их сладостями, Его Преосвященство преподал прощальное благословение матушке игуменьи и всем сёстрам и отбыл из монастыря»⁵¹³.

Ещё до преобразования обители, в связи с резким ростом числа её сестёр планировалось перестроить и расширить ветхую и маловместительную Покровскую церковь общины, на что 1 июля 1904 г. самарский купец 1-й гильдии, коммерции советник, потомственный почётный гражданин и известный благотворитель Иван Михайлович Плешанов (1836–1906) пожертвовал 1000 руб.⁵¹⁴. Теперь же, по ходатайству местного благочинного 7-го округа Дмитрия Ивановича Унгвицкого и монастырского начальства резолюцией епископа от 21 декабря 1904 г.

И.М. Плешанов

⁵¹² Набивач И., свящ. Паломничество с прихожанами (Корреспонденция) // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1904. – 1 декабря. – № 23. – С. 892.

⁵¹³ Немечек М., свящ. Обзорение церквей Оренбургского уезда Его Преосвященством, Преосвященнейшим Иоакимом, Епископом Оренбургским и Уральским в сентябре 1904 года // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1 ноября. – № 21. – 1904. – С. 828–832.

⁵¹⁴ Епархиальная хроника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1904. – 1 августа. – № 15. – С. 258.

№ 10257 было решено вместо этого строить совершенно новый соборный храм, соответствующий более высокому статусу обители.

Первым помощником благому начинанию стал купец г. Лбищенска (ныне с. Чапаев Акжаикского района Западно-Казахстанской области Казахстана) Яков Минеев. После Пасхи 1905 г. он привёз в Покровский женский монастырь 10000 руб., которые предложил потратить на возведение нового храма и дома для вдов и сирот воинов, погибших на русско-японской войне 1904–1905 гг. Игуменья Палладия в это время находилась по делам обители в Оренбурге. Но по её возвращении стороны договорились, что на один только храм благотворитель выделит 10600 руб., не считая расходов на жилой корпус. Следом купец Минеев заключил контракт со строительным подрядчиком Казаковым, которому уплатил 3200 руб. задатка. 20 июня 1905 г. он посетил епископа Оренбургского и Уральского Иоакима, которого просил поручить наблюдение за ходом строительства казначее монастыря Серафиме. Вместо этого постановлением епархиального начальства от 22 августа 1905 г. был образован коллегиальный Строительный комитет в составе местного священника, казначеи и старших сестёр под председательством игуменьи Палладии. Однако своим властным и нетерпящим возражений характером настоятельница настроила благотворителя против себя. И 6 февраля 1906 г. купец «заявил, что вследствие нанесённой ему обиды он постройку храма начинать не будет впредь до удаления игуменьи Палладии из монастыря». Недовольство методами настоятельницы накопилось и у части сестёр, и у епархиального руководства. Чувствуя это, 11 февраля 1906 г. «по преклонности лет и болезни» она сама в очередной раз подала прошение об отставке и 1 марта 1906 г. указом Оренбургской духовной консистории № 2492 была освобождена от должности до окончательного решения вопроса Святейшим Синодом⁵¹⁵.

Тем не менее, положение бывшей игуменьи в монастыре всегда было особым, исключительным. После удаления от настоятельства она получила лучший флигель, 2 коровы и лошадь, пищу от общей трапезы, 150 руб. содержания в год и 5 сестёр в услужение, которые были освобождены от всяких других послушаний. С самого основания общины Палладия как её главная благодетельница, независимо от занимаемых должностей, по сути, оставалась хозяйкой обители, имела огромное влияние на сестёр, нередко настраивая их против неугодных ей настоятельниц или монастырских священнослужителей, которые задерживались на постах не более 1–3 лет. Отдавая дань уважения несомненным заслугам Палладии в основании и устройении обители, следует всё-таки признать, что такое двоевластие пагубно отражалось на моральном климате в монашеской общине и вело к постоянным конфликтам.

В полной мере это проявилось и при следующей управляющей монастырём **Серафиме** (в миру Надежде Викторовне Контровой). Она ро-

⁵¹⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6166. Л. 2, 35–40 об.

дилась в 1861 г. и получила образование в семье кондуктора путей сообщения. В 1879 г. поступила послушницей в Рождество-Богородичный монастырь г. Гродно (ныне Гродненской области Беларуси). «Посвятивши себя монастырской жизни ещё с юных лет, будучи живою и энергичною от природы, она хорошо изучила монастырский и церковный уставы, научилась всевозможным рукоделиям, что помогло ей при управлении и самостоятельной должности». Проходила послушания в рукодельной и ризнице, а в 1888 г. была утверждена в должности ризничей. В 1904 г. приняла постриг и переведена в Оренбургскую епархию на должность казначеи Покровского (Разгуляевского) женского монастыря⁵¹⁶. По прошению сестёр указом Оренбургской духовной консистории от 1 марта 1906 г. № 2492 назначена исправляющей должность настоятельницы, приняв дела и монастырское имущество по описи 8 марта.

В наследство ей достались серьёзные финансовые и хозяйственные проблемы. Прежняя настоятельница игуменья Палладия оставила непоплаченных счетов на 829 руб. 36 коп., многие монастырские постройки и причтовые дома священнослужителей срочно требовали капитального ремонта не менее чем на 2000 руб. К тому же, обитель не могла утолить эти запросы своими средствами, поскольку в 1906 г. её поразил неурожай⁵¹⁷. В этих условиях энергичными мерами новая настоятельница Серафима привлекла на помощь благотворителей, за счёт которых были произведены необходимые обновления. Помимо этого, к пожертвованиям на новый монастырский собор присоединились самарские купцы Александр Букин, Иван Плешанов и Антон Шихобалов, лбищенские купцы Степан Кондаков и Фаддей Тединов, оренбургский купец Иван Зарывнов, купеческие вдовы Иустиния Жаркова и Елена Попкова, жительница г. Оренбурга Александра Чернова и житель станицы Бударинской Александр Лагашкин⁵¹⁸. В результате совместными усилиями уже в течение лета 1906 г. были вчерне построены второй храм и второй общежительный корпус обители. В симфонии монастырского руководства и общественных помощников была намечена и широкая программа дальнейших строительных работ, предусматривавшая возведение трапезной, пекарни, бани, прачечной, флигеля для заведённой Серафимой живописной мастерской, каменной ограды вокруг обители на 400 саженей.

Однако все инициативы разбивались об упорное противодействие оппозиции внутри общины во главе с бывшей игуменьей Палладией. Даже после удаления из монастыря двух наиболее рьяных смутьянок, поселившись на соседнем крестьянском хуторе за рекой Шар, они продолжали тайно посещать прежнюю настоятельницу, принимали у себя сестёр, которых подбивали против новых начинаний. На одном из собраний общи-

⁵¹⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. 7263. Л. 44.

⁵¹⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6166. Л. 3–4 об., 7, 10–11.

⁵¹⁸ Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1906. 15 мая. – № 10. – С. 158; Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1906. – 1 октября. – № 19. – С. 372.

ны подученные монахини даже в запальчивости кричали, что им вообще «не нужен ни благодетель, ни церковь, ни корпус, ни ограда – ничего не надо». «Не имея никакой возможности противостоять интригам», которые полностью парализовали все её распоряжения, 10 ноября 1906 г. и. о. настоятельницы Серафима подала прошение об отставке и переводе в любой другой монастырь епархии. В тот же день резолюцией епископа новым местом её пребывания был определён Челябинский Одигитриевский женский монастырь. Впоследствии её способности оказались востребованными на других участках работы. В 1913 г. по указу Оренбургской духовной консистории № 883 она была определена заведующей в приписанную к Челябинской обители Серафимовскую женскую общину (близ ныне исчезнувшей деревни Ефимовки Юргамышского района Курганской области). А указом Святейшего Синода от 24 февраля 1916 г. № 2528 назначена на должность настоятельницы Орского Покровского женского монастыря с возведением в сан игуменьи⁵²⁰. Летом 1917 г. высший церковный орган вознаградил её наперсным крестом⁵²¹.

Между тем, указом от 13 ноября 1906 г. № 13791 временное заведование Покровским (Разгуляевским) женским монастырём было возложено на его казначею монахиню **Ирину** (в миру Устинью Михайлову). Она появилась на свет в 1843 г. Из крестьянского сословия девицей в 1899 г. поступила в местную монашескую общину. 19 сентября 1904 г. пострижена здесь в мантию. Указом от 14 октября 1904 г. № 15538 определена ризницей, а 27 мая 1906 г. за № 5830 – казначеей обители⁵²². 23 ноября 1906 г. по приёму имущества вступила в управление монастырём.

Местный благочинный в своей характеристике отмечал, что «по жизни и послушанию она хороша, скромна и исполнительна», но по неопытности вряд ли сможет противостоять влиянию бывшей игуменьи Палладии и держать в узде самоволие её сторонниц. В поисках более подходящей кандидатуры епархиальные власти обратились к настоятельнице крупнейшего в Оренбургском крае Успенского женского монастыря Иннокентии (Подковыровой) (1841–1913). Но та 24 января 1907 г. отозвалась, что среди вверенных ей сестёр не нашлось ни одной желающей стать настоятельницей Покровского женского монастыря, так как «игуменья Палладия способствует возникновению многих распрей», почему там «невозможно установить мирное и спокойное течение монастырской жизни». Главным препятствием на пути развития монастыря её считал и основной спонсор обители купец Яков Минеев, который настойчиво добивался удаления игуменьи Палладии у епархиальных властей и даже Святейшего Синода. Получив отказ, он прекратил оплачивать строительные работы в монастыре.

⁵¹⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6166. Л. 15–15 об.

⁵²⁰ Распоряжения Епархиального Начальства. Перемены должностных лиц // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1916. – 1–15 марта. – № 9–10. – С. 83.

⁵²¹ Синодальные награды // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 8 июля. – № 26. – С. 1.

⁵²² ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6362. Л. 151 об. – 152.

Конфликт был урегулирован с увольнением и. о. настоятельницы Ирины по «безграмотности и неспособности к управлению монастырём» на основании указа Оренбургской духовной консистории от 6 сентября 1908 г. № 13231. Для наведения порядка церковные власти решили послать сюда человека со стороны, не вовлечённого в местные партии и конфликты. По указу Св. Синода от 9 марта 1909 г. № 3425 на должность настоятельницы была направлена монахиня **Ариадна** (в миру Анна Стефанова) из Московского Ивановского женского монастыря⁵²³, ставшего первой общежительной обителью златоглавой по строгому уставу, разработанному знаменитым святителем Филаретом (Дроздовым) (1783–1867).

Новая настоятельница родилась в 1851 г. в семье купеческого сына г. Серпухова Московской губернии. После смерти мужа 22 мая 1885 г. определена в число послушниц Московского Иоанно-Предтеченского женского монастыря. Проходила там послушания при настоятельской келье, больнице, просфорной и свечном ящике. 14 октября 1892 г. пострижена в монахини. 4 апреля 1909 г. будущим священномучеником, митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским) (1848–1918) возведена в сан игуменьи⁵²⁴. По прибытии к новому месту служения, в Оренбургский край 25 апреля 1909 г. вступила в управление Покровским (Разгуляевским) женским монастырём.

Р.И. Монастырёва

(в монашестве Иннокентия) —

По свидетельству современников, игуменья Ариадна не получила в жизни серьёзного образования, но зато обладала твёрдой волей и была очень сведущей в хозяйственных делах. Её ближайшей помощницей в деле переустройства обители стала приехавшая из того же Московского Ивановского монастыря рясофорная послушница Раиса Ивановна Монастырёва (в монашестве Иннокентия), занявшая пост казначеи, женщина образованная, окончившая полный курс гимназии, «прекрасная наездница и любительница породистых лошадей».

Новая команда первым делом восстановила испорченные отношения с благотворителями, без которых невозможно было поднять пришедшую в упадок обитель. Благодаря возобновлению финансирования с их сторо-

⁵²³ Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1909. – 16 апреля. – № 16. – С. 127.

⁵²⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6362. Л. 147 об., 170.

ны уже 27 сентября 1909 г. епископом Иоакимом был освящён оконченный постройкой главный придел второго монастырского храма во имя Святой Живоначальной Троицы. С этого времени обитель стала именоваться в документах Покровским Свято-Троицким женским монастырём.

Её новый соборный храм был трёхпрестольным, просторным, светлым и по сельским меркам выглядел величественно. Его длина с колокольной составила 14 сажений (29,87 м), наибольшая ширина – 6 сажений (12,80 м) и высота до верха карниза – 6 сажений 1 аршин (13,51 м). Деревянное здание на каменном цоколе было обито тёсом, а внутри и снаружи окрашено масляной краской. Венчала его зелёная железная крыша с 1-й большой и 6-ю маленькими главами. Внутреннее убранство церкви на первых порах было бедным. Но впоследствии в интерьере появился богатый иконостас размерами 6 сажений на 10 аршин (13,51 на 7,11 м) и ценой 5000 руб. Были отделаны и освещены ещё 2 придела во имя апостола Иакова брата Господня и преп. Серафима Саровского. На 7 сажений (4,98 м) поднялась 3-ярусная церковная колокольня. А общая стоимость соборного комплекса увеличилась до 20000 руб.⁵²⁵.

За счёт щедрых жертвователей храм был обеспечен и всей необходимой утварью, богослужебными книгами, церковными облачениями. Так, самарская мещанка Татьяна Дольнова пожертвовала монастырю колокол стоимостью 450 руб., а лбищенский купец Яков Минеев – ещё один на 60 руб.⁵²⁶. Александра Петровна Касаткина подарила обители напрестольное Евангелие в серебропозлащённом окладе малинового бархата, Александра Чернова – серебропозлащённый потир с полным прибором, серебряное паникадило на 24 свечи с кронштейнами, 2 пары серебряных подсвечников и пару золочёных хоругвей с живописью на металле, Шевченко – запрестольный семисвечник белого серебрения и т. д. К 1910 г. монастырская ризница насчитывала уже 48 предметов⁵²⁷.

Наряду с храмом, в 1909 г. успели ещё переделать и расширить старый скотный двор, обнесённый стеной из местного красного камня на глине с соломенной крышей на стропилах и подсохах (столбах), до 40 сажений (85,34 м) в длину, 17,5 сажений (37,34 м) в ширину и 1 сажень (2,13 м) в высоту. Отремонтирован каменный сарай для ссыпки хлеба и поставлен новый из саманного кирпича для склада топлива.

В следующем 1910 г. на средства купца Якова Минеева в обители был, наконец, завершён чистовой отделкой и второй 1-этажный общежительный корпус из местного камня с деревянным мезонином – надстройкой в средней части для живописной мастерской. Само здание простиралось на 13,5 сажений (28,80 м) в длину, 6 сажений (12,80 м) в ширину и 6 аршин (4,27 м) в высоту. Мезонин имел размеры 15,5 на 6 на 4,5 аршина

⁵²⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1180. Л. 35.

⁵²⁶ Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1905. – 1 февраля. – № 3. – С. 69.

⁵²⁷ ГАОО. Ф. 174. Оп. 4. Д. 6318. Л. 61–62 об.

(11,02 на 4,27 на 3,20 м). Корпус, оштукатуренный внутри и покрытый сверху зелёной железной крышей, насчитывал 16 комнат. Обошёлся он в общей сложности в 5000 руб.⁵²⁸.

Также в 1910 г. поновлены дома священника и диакона, срублен бревенчатый амбар. К этому времени обитель объединяла уже 22 различных постройки: 2 храма, 6 жилых зданий с кухней, просфорней и пристройкой для школы, трапезную, пекарню, ветряную мельницу, баню, кузницу, скотный двор, 2 амбара, 3 сарая, 2 дома для причта и мужицкую для наёмных рабочих⁵²⁹. Кроме того, она владела подворьем из 2-х деревянных флигелей с холодными службами в г. Оренбурге, на Нижегородской ул. (ныне Терешковой), которую отписала проживавшая в монастыре слепая дочь унтер-офицера Александра Ивановна Медведева (1845–?).

Для хозяйственных нужд обители были очищены прилегающие к ней родник и речка, сделана плотина, вырыты 2 колодца, начал разводиться сад из яблонь и ягодных кустарников⁵³⁰. В 1909–1910 гг. закуплен сельскохозяйственный инвентарь ведущих производителей – завода «Аксай» в Ростове-на-Дону, торгово-промышленного общества «Лепп и Вальман» в немецкой колонии Хортица (ныне часть г. Запорожье, Украина) и фабрики Вермке в Хайлигенбайле, Восточной Пруссии (ныне г. Мамоново Калининградской области России).

Упорядочен был и внутренний быт монастыря, жёсткими дисциплинарными мерами пресечены несогласия и распри, устранено влияние на сестёр бывшей игуменьи Палладии. В своей преемнице она натолкнулась на человека более сильной воли, который взял сестёр в «ежовые рукавицы», заняв их непрерывными молитвой и трудом, не оставлявшими времени на дурные помыслы и интриги. С назначением новой настоятельницы Ариадны по синодальному указу от 9 марта 1909 г. игуменья Палладия на этот раз не формально, а на деле была удалена на покой. Проживала она в отдельной келье из двух комнат, на почётном положении, но под неусыпным присмотром. Даже при епархиальных ревизиях в монастыре её ни на минуту не оставляли наедине с проверяющими. В конце концов, в 1914 г. Палладия предпочла перевестись в Оренбургский Успенский женский монастырь.

Все сёстры Покровской обители были подчинены строгому внутреннему распорядку. Они просыпались в 5 часов и отправлялись в храм на утреннее правило или литургию. Затем пили чай в кельях и распределялись каждая на своё послушание. В 11–12 часов собирались на общую трапезу и снова расходились на своё дело. Вечером опять пили чай по кельям, в 5 часов ужинали, а в 8 часов вычитывали вечернее правило в церкви и отходили ко сну.

⁵²⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1180. Л. 35 об.

⁵²⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 60–60 об.

⁵³⁰ Валентин (Коробов), иером., Сорокина С.Е., Плаксин С.Е. Покровский (Разгуляевский) женский монастырь в селе Шар Александровского района // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский областной общественный фонд «Совесть», 2014. – С. 391.

Поскольку при монастыре имелся только один штат причта из священника и диакона (на псаломщической вакансии), богослужение отправлялось не каждый день, а от 4 до 6 раз в неделю. Вечерня и утренняя служились с вечера, так же как и всенощное бдение накануне воскресных и праздничных дней. Литургия в будни начиналась в 5–6 часов утра, а по выходным – в 8 часов утра. В рабочие дни богослужение посещали принявшие постриг, а из послушниц только певчие и церковницы, но по воскресеньям и праздникам оно было обязательным для всех насельниц. Современники отмечали их искусное церковное пение, близкое к московскому напеву. Практиковалось и партесное (многоголосное) пение с чередованием полного хора и отдельных групп (солистов), «вполне приличествующее монастырю, не крикливое, а умирительное». Будничные богослужения со священником, а также утреннее и вечернее правило без причта совершались в маленькой Покровской церкви. И только по воскресным и праздничным дням литургия торжественно служилась в большом Троицком соборе. Помимо этого, в особой келье монастыря шло непрерывное, «вечное» чтение Псалтири по установленному расписанию очередности среди сестёр и под наблюдением ответственной монахини⁵³¹.

Как и следует удалившимся от мирских благ, проживали насельницы в бедности и скромности. Только немногочисленным монахиням полагалась отдельная келья для уединения, а послушницы ютились по 2 на небольшую комнату. В условиях степной местности отапливали помещения кизяком, которого наёмные работники заготавливали до 270 тыс. штук ежегодно. Также запасался хворост в берёзовых колках на территории монастыря и соседнего землевладельца Субботина, дозволившего собирать сушняк и валежник.

Повседневная еда в монастыре была простая, но питательная: хлеб, свежие овощи и соленья, винегрет, лапша. На общую трапезу сёстры чинно собирались по звонку малого колокола и перед вкушением пищи пели молитву Господню. Во время трапезы сидели молча, без разговоров. При этом одна из послушниц читала вслух житие святого, память которого приходилась на текущий день. Подача кушаний совершалась по звонку благочинной, тихо и с молитвой. Столы были накрыты белыми скатертями, дешёвенькими, но чистыми. Приборы также были непритязательными: ложки – деревянными, а блюда – каменными. В праздничные и воскресные дни монастырский стол разнообразили щи или суп с рыбьими головами, которые приобретались в городе по дешёвке 5 раз в год. Помимо покупного чая и сахара, остальные продукты были собственноручно выращенными, трудовыми⁵³².

Для ведения хозяйства в 1910 г. монастырь заседал из своих угодий 135 десятин (147,15 га) земли: 100 десятин (109 га) пшеницы, 20 десятин (21,8 га) овса, 6 десятин (6,54 га) ржи, 5,5 десятин (6 га) ячменя, 2 десяти-

---

⁵³¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 33–34 об.

⁵³² ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 33 об., 42.

ны (2,18 га) проса, 1 десятину (1,09 га) конопли и 0,5 десятины (0,54 га) бахчей. После сбора урожая в монастырских закромах хранилось 7000 пудов (114 тонн 660 кг) пшеницы и 100 пудов (1 тонна 638 кг) пшеничной муки, 1000 пудов (16 тонн 380 кг) овса и 200 пудов (3 тонны 276 кг) ржи. А под посев следующего 1911 г. было приготовлено уже 160 десятин (174,4 га).

Все чёрные работы выполняли сами насельницы под наблюдением экономки: сёстры ездили в поле на посев хлеба, бороновали землю, участвовали в обмолоте зерна, вывозке сена, соломы и мякины, задавали корм и воду, убирали за скотом. Но для самых тяжёлых физических работ, в напряжённую летнюю страду дополнительно нанимались рабочие, которые как мужчины проживали за пределами женского монастыря в особом помещении. Очевидец свидетельствовал, что «за всеми работами непосредственно надзирает игуменья. Часто она бывает на полях, сама, благословясь, начинает жатву хлеба, навещает молотьбу и всякие работы. Словом, от зоркого её глаза ничто не ускользает». Для различных видов земледельческих работ в обители имелось передовые по тем временам конные машины и инвентарь: 6 оралов, 6 колесных плугов, 28 борон, 11-рядная сеялка, 3 жнейки и 2 молотилки, из которых одна 8-конная. Переработку зерна в муку обеспечивала принадлежавшая монастырю ветряная мельница в полуверсте от общежития.

При обители было хорошо развито огородничество: выращивались огурцы, картофель, свекла, редька, капуста, морковь. Их запасы поддерживали общину и в холодные месяцы. Например, на зиму 1910–1911 гг. трудами сестёр было засолено 7 кадок огурцов (по 1000 штук каждая), заквашено 300 целых вилок и 17 кадок рубленой капусты (2 по 60 вёдер и 15 по 30 вёдер)⁵³³.

Со временем широко разросся монастырский сад, который насчитывал 450 деревьев яблони и груши, 300 корней вишни и сливы, 600 кустов малины, крыжовника и смородины⁵³⁴.

На скотном дворе за пределами обители к 1910 г. было разведено 215 голов: 43 лошади (22 рабочих и 4 нерабочих, 9 больших жеребят, 6 сосунов, 2 племенных производителя), 95 единиц крупного рогатого скота (30 плужных быков, 25 дойных коров, 15 нетелей с бычками, 25 телят), 75 штук мелкого скота (в том числе 15 летних ягнят) и пара английских поросят.

Помимо сельского хозяйства, сёстры обители также упражнялись в ремёслах, для чего действовали прядельная, портняжная, ризная и живописно-чеканная мастерские. По недавнему заведению они в основном удовлетворяли потребности самого монастыря, практически не получая заказов со стороны.

⁵³³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 41–41 об.

⁵³⁴ Валентин (Коробов), иером., Сорокина С.Е., Плаксин С.Е. Покровский (Разгуляевский) женский монастырь в селе Шар Александровского района // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский областной общественный фонд «Совесть», 2014. – С. 391.

Вообще хозяйство обители было ещё мало прибыльным и связанным с рынком и не покрывало её разнообразных нужд. Поэтому на протяжении всей своей истории монастырь сильно зависел от помощи благотворителей, пожертвования которых оставались основной статьёй его финансовых поступлений. В 1907 г. на их долю пришлось 80,9 % доходов, в 1908 г. – 81,1 %, а за 10 месяцев 1910 г. – 73,3 %.

Таблица 6 – Приход денежных средств Покровского (Разгуляевского) женского монастыря в 1907–1910 гг. (руб.)

Статьи прихода	1907 г.	1908 г.	1910 г. на 1 ноября
Остаток прошлого года	16,96	463,93	209,45
Тарелочный сбор	17,70	20,13	22,75
Продажа свечей	300,82	349,90	206,02
Продажа просфор	29,20	42,70	39,30
Чтение Псалтири	-	-	729
Выполнение живописных работ	65	8	-
Продажа скота	261	477	382
Продажа пшеницы	-	-	266,84
Пожертвования по сборным книгам	454,50	3519,72	1457,89
Индивидуальные пожертвования	2682	2333,03	4701,50
Проценты с капитала	-	-	389,60
Займы	50	-	-
Всего:	3877,18	7214,41	8398,35

Соответственно, по молодости ещё развивающегося монастыря большую часть его расходов отнимало строительство. Наймом выполнялись также печные, кузнечные, кучерские, тяжёлые полевые, мельничные работы, обработка овчин и валка обуви из шерсти.

Таблица 7 – Расход денежных средств Покровского (Разгуляевского) женского монастыря в 1907–1908 гг. (руб.)

Статьи прихода	1907 г.	1908 г.
Покупка свечей	202,85	225,50
Покупка чая, сахара и проч.	332,74	334,78
Корм скоту и заготовление кизяка	422,04	312
Хозяйственные принадлежности	467,23	446,04
Полевые работы	258,80	383,55
Жалование рабочим	546,35	380,04
Строительство	180,35	4073,68
Наёмные ремесленные работы	125,25	138,78
Жалование причту и составление отчётности	422,70	452,70
Мелочные расходы	454,97	378,14
Всего:	3413,25	7124,78

За 10 месяцев 1910 г. расходы обители выразились цифрой в 7688 руб. 88 коп.

Помимо оборотных средств, монастырь имел и неприкосновенный капитал в ценных бумагах на общую сумму 9650 руб. Из них оренбургским мещанином Иваном Николаевичем Денисовым был завещан обители на

вечный помин своей души 4-процентный билет на 9400 руб. Ещё один 4-процентный билет на 200 руб. и 3,5-процентный билет на 50 руб. были пожертвованы на содержание монастырского причта⁵³⁵.

Разумеется, и хозяйство, и капиталы монастыря были не самоцелью, а лишь необходимым подспорьем в осуществлении им своих основных богослужебных, религиозно-нравственных, духовно-просветительских и социально-благотворительных задач.

В этих целях при обители была открыта школа грамоты для девочек. Законоучителем в ней состоял монастырский священник, а остальные дисциплины преподавала послушница Ульяна Семёновна Антонова, окончившая курс одноклассной церковно-приходской школы. Несколько малолетних сирот из ближайших селений монастырь принял под опеку на своё полное содержание и воспитание.

Для служения в достойных условиях в 1914 г. за территорией обители поставлен новый, более просторный дом для монастырского причта ценой 4000 руб. Но пришедшая в ветхость Покровская церковь тогда же была разобрана на продажу⁵³⁶.

В году тяжёлых испытаний, осенью 1915 г. обитель предоставила в своих стенах кров и еду 20 беженцам Первой мировой войны, преимущественно пожилым и неспособным к труду⁵³⁷.

В развитии монастыря и его институтов церковные власти высоко ценили организационный вклад игуменьи Ариадны. В 1913 г. ко дню рождения императора Николая II – 6 (18) мая – она была удостоена наперсным крестом от Святейшего Синода⁵³⁸. Однако недовольство епархиального начальства вызывала чересчур жёсткая, независимая, самовластная позиция игуменьи, не терпевшей возражений снизу и указаний сверху. Не вынеся её деспотизма, многие сёстры стали покидать обитель. Если в 1910 г. община насчитывала 123 женщины, то в 1915 г. – уже лишь 68 монашествующих (1 игуменью, 12 монахинь и 55 послушниц⁵³⁹). С монастырским духовенством настоятельница держалась свысока, как начальница, держала у себя ключи от храма и допускала причт в обитель только для проведения богослужений. И даже визиты епархиальных ревизоров она воспринимала как вмешательство во внутренние дела общины, отказываясь давать полный отчёт в своих действиях. В конце концов по результатам очередной ревизии в 1917 г. игуменья Ариадна и её ближайшая соратница казначея Иннокентия были устранены от своих должностей. В сентябре того же года сёстры Покровского женского монастыря избрали им на замену настоятельницей монахиню Мелитину и

⁵³⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 41–42, 49.

⁵³⁶ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1180. Л. 36, 38 об.

⁵³⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 18 об.

⁵³⁸ Высочайшие награды // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальные. – 1913. – 27 мая. – № 19–20. – С. 172–174.

⁵³⁹ ГАОО. Оп. 4. Д. 6318. Л. 33; Оп. 5. Д. 10581. Л. 16 об.

казначеей монахиню Фелицату. После этого Ариадна и Иннокентия в условиях межреволюционной анархии самовольно выехали в Москву вопреки прямому запрету Епархиального Совета покидать место жительства до окончания над ними следствия⁵⁴⁰.

Они вернулись в свой родной Ивановский женский монастырь, который атеистические советские власти в 1918 г. закрыли, устроив с августа 1919 г. на его территории концентрационный лагерь. Тем не менее, и в 1919 г. подруги продолжали ещё какое-то время проживать в национализированном общежительном корпусе монастыря № 3 по Малому Ивановскому переулку российской столицы⁵⁴¹. Начавшиеся гонения на церковь выдвинули в авангард сохранения и защиты веры людей стойких, волевых, с организационным и хозяйственным опытом. Поэтому в 1920 г. бывшая казначея **Иннокентия** возвратилась в Покровский (Разгуляевский) женский монастырь уже на должность настоятельницы.

*Игуменья Иннокентия
(Монастырёва)*

Будущая игуменья, в миру Раиса Ивановна Монастырёва, родилась 28 июля 1878 г. в г. Карачеве Орловской губернии (ныне Брянской области) в семье нотариуса окружного суда, титулярного советника Ивана Яковлевича Монастырёва⁵⁴², происходившего из духовного сословия. Семья Монастырёвых отличалась трудолюбием, набожностью и строгими нравственными устоями. Все дети, 2 сына и 3 дочери, получили хорошее образование. Сама Раиса Ивановна окончила Карачевскую городскую женскую прогимназию. В 1895 г. после смерти её отца семья переехала в Москву. Там с 1900 г. Раиса Ивановна работала в конторе на железной дороге. Добрая семейная обстановка, чтение житий святых, учёба старшего брата в духовной семинарии повлияли на её стремление к иноческой жизни. И в 1903 г. она поступила трудницей в Московский Иоанно-Предтеченский женский монастырь, где выполняла послушания в золотошвейной и живописной мастерских. 14 апреля 1909 г. определена здесь в число указанных послушниц и облечена в рясофор, но уже 24 апреля переведена в По-

⁵⁴⁰ Хроника. Монастырские дела // Оренбургский церковно-общественный вестник. – 1917. – 17 сентября. – № 40. – С. 4.

⁵⁴¹ Первушин Г. Московский Ивановский женский общежительный второклассный монастырь и его влияние на преобразование монашеской жизни в женских монастырях Московской епархии на началах общежития в конце XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс]. URL: http://history-mda.ru/publ/moskovskiy-ivanovskiy-zhenskiy-obshhezhitelnyiy-vtoro-klassnyiy-monastyr-i-ego-vliyanie-na-preobrazovanie-monasheskoy-zhizni-v-zhenskih-monastyryah-moskovskoy-eparhii-na-nachalah-obshhezhiya-v-kon_784.html#_edn66 (дата обращения: 14.08.2016).

⁵⁴² Памятная книжка Орловской губернии на 1890 г. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. – Орёл: Типография Губернского Правления, 1890. – С. 141.

кровский (Разгуляевский) женский монастырь Оренбургской губернии на послушание письмоводительницы. По хорошим способностям и прилежанию указом Оренбургской духовной консистории от 13 мая 1909 г. ей было доверено исполнение обязанностей казначеи. А указом от 7 августа 1909 г. № 3636 Раиса Монастырёва была утверждена в этой должности с официальным зачислением в состав послушниц. 10 мая 1911 г. она приняла монашеский постриг с наречением имени Иннокентия⁵⁴³.

С назначением на пост настоятельницы в 1920 г. она приложила все силы для сохранения прежнего монастырского порядка от богоборческого натиска властей. Игуменья Иннокентия строго наблюдала за посещением монашествующими храма, а нерадивых после службы увещевала помнить своё звание и бояться суда Божия. При этом она лично показывала самый ревностный пример иноческого жития. Вставала всегда рано – в 4 часа утра, прослушав монашеское правило от келейницы, углублялась в чтение акафистов и Псалтири, а с первым ударом колокола направлялась на службу в храм. Игуменья присутствовала на всех, как утренних, так и вечерних богослужениях, и никакие дела и недомогания не могли удержать её от этого. Молилась она всегда сосредоточенно, с глубоким вниманием, часто со слезами, во время богослужения не допускала никаких разговоров.

Желая оградить хозяйственный уклад и имущество обители, в 1922 г. игуменья Иннокентия организовала на её основе сельскохозяйственное кооперативное товарищество, которое смогло получить в пользование от государства для обработки часть прежних земельных угодий. Однако замаскировавшаяся монашеская «артель» всё равно вызывала недоверие советских властей, которые продолжали преследовать и постепенно вытеснять верующих из обители.

В 1926 г. карательные органы дважды арестовывали матушку Иннокентию по обвинению в «злоупотреблении властью», продержав в предварительном заключении от нескольких дней до 2 месяцев.

Но за недоказанностью вины в 1927 г. дело было прекращено. После освобождения игуменья обосновалась на селе, где занималась шитьём стёганных одеял. По соседству проживали и другие монашествующие,

*Игуменья Иннокентия
в заключении*

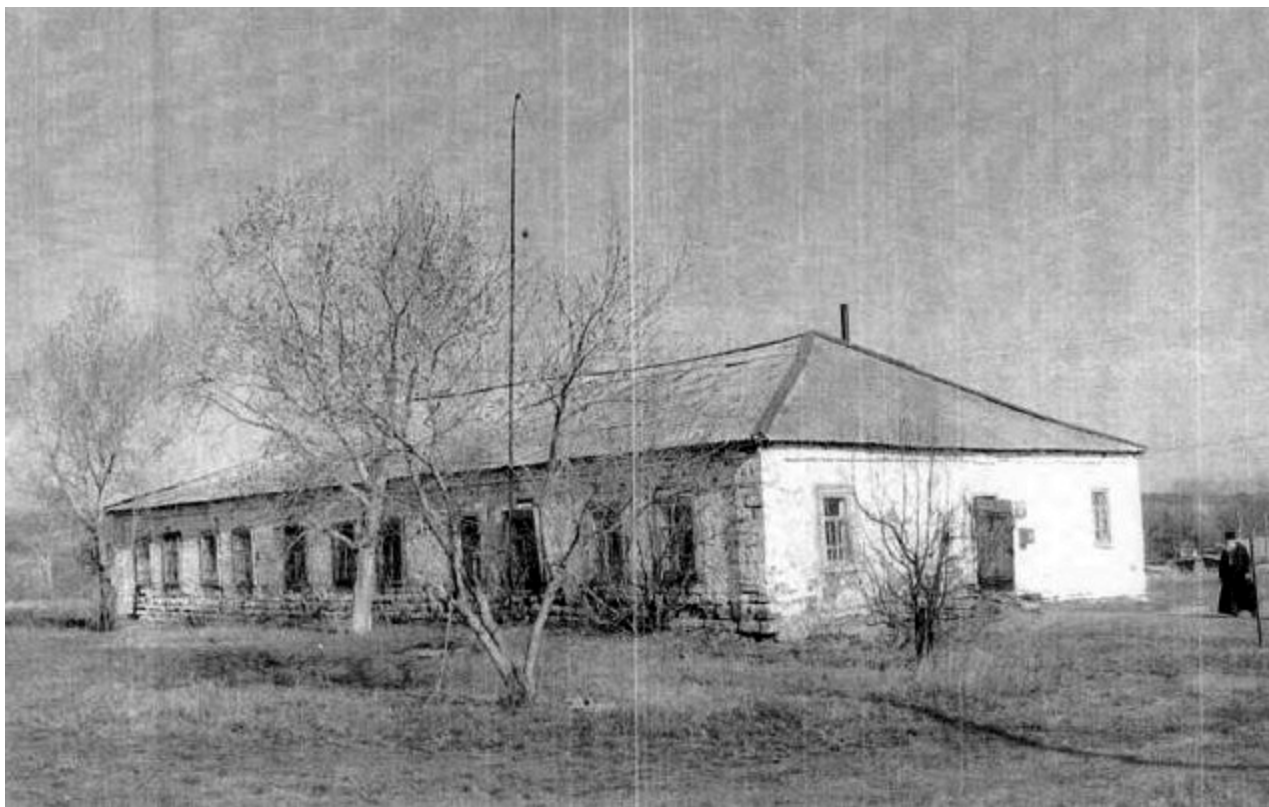

⁵⁴³ Оренбургские епархиальные ведомости. – 2008. – август. – № 8 (114). – С. 50–53; Игуменья Иннокентия (Монастырёва) // Мученики и исповедники Оренбургской епархии. Книга 5. – Саракташ: Свято-Троицкая Симеонова обитель милосердия, 2014. – С. 348–351; ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6362. Л. 148 об. – 149.

сохранившие общину вокруг Свято-Троицкого храма обители, в котором ещё велись службы. 19 декабря 1928 г. в отношении игуменьи Иннокентии было возбуждено новое дело за отказ передать в государственную собственность свой серебряный наперсный крест как «народное достояние». В ноябре 1929 г. решением Оренбургского окружного исполнительного комитета на территории упразднённого Покровского женского монастыря был открыт техникум полеводства. А его бывшая игуменья Иннокентия 12 апреля 1930 г. арестована по обвинению в «антисоветской агитации» и после двух с лишним месяцев допросов «тройкой» Полномочного представительства ОГПУ по Средне-Волжскому краю приговорена к 5 годам концлагерей.

До места отбытия наказания, на Дальний Восток она добиралась поездом более 2 недель. Все эти дни заключённым не давали есть. На станциях люди пытались передать им воды и хлеба, но охрана никого и близко не подпускала к вагонам. В итоге многие так и не доехали до конца, а умерли в пути от голода.

Сохранившийся корпус Покровского (Разгуляевского) монастыря —

По прибытии заключённые жили в неотапливаемых бараках, где зимой от стужи замерзала вода. Ловили рыбу, стоя по колено в ледяной воде, отчего матушка Иннокентия всю оставшуюся жизнь страдала ревматизмом. В общей сложности она провела на Дальнем Востоке, на рыбозаготовках 17 лет, претерпевая холод, болезни и унижения.

Лишь осенью 1947 г. совсем больной она вернулась в Оренбург (тогда Чкалов). По благословению митрополита Чкаловского и Бузулукского

Мануила (Лемешевского) (1884–1968) работала за свечным ящиком в Михайловском молитвенном доме г. Оренбурга, на Орской улице. Сама же проживала неподалёку, в небольшом домике на ул. Парижской коммуны вместе с регентшей молитвенного дома Татьяной. 22 сентября 1953 г. игуменья Иннокентия отошла ко Господу в возрасте 75 лет и была похоронена на старом городском кладбище по пр. Победы. В 1989 г. реабилитирована посмертно⁵⁴⁴.

Памятью об её совместных трудах с сёстрами на земле остался посёлок Шар Александровского района Оренбургской области, выросший на основе Покровского (Разгуляевского) женского монастыря. К сожалению, непосредственно из монастырских построек в нём сохранился только нижний каменный этаж бывшего общежительного корпуса, в котором ныне располагаются магазин, сельская библиотека и медпункт⁵⁴⁵.

⁵⁴⁴ Игуменья Иннокентия (Монастырёва) // Мученики и исповедники Оренбургской епархии. Книга 5. – Саракташ: Свято-Троицкая Симеонова обитель милосердия, 2014. – С. 348–351; ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6362. Л. 148 об. – 149.

⁵⁴⁵ Валентин (Коробов), иером., Сорокина С.Е., Плаксин С. Е. Покровский (Разгуляевский) женский монастырь в селе Шар Александровского района // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский областной общественный фонд «Совесть», 2014. – С. 392.

НИКОЛАЕВСКИЙ (ПЕЩЕРНЫЙ) МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Почин знаменитой в крае Николаевской обители положил в 1906 г. отшельник **Захарий Прокопьевич Карцев**, поселившийся у горы в 100 верстах от г. Оренбурга по железной дороге и в 2 верстах от с. Покровка (ныне Новосергиевского района Оренбургской области), на правом высоком берегу реки Самары. Сам он родился в 1859 г. и происходил из казаков станицы Нижнеозёрной Оренбургского казачьего войска (ныне Илекского района Оренбургской области). Получил домашнее образование. Женился на девице Пелагии, от брака с которой имел 6 детей. Но в 1905 г., после смерти отца, 4 сыновей и дочери, по благословению своей матери он оставил её, супругу и последнюю дочь, обеспеченными в материальном положении, и в поисках духовной опоры уехал в паломничество по святым местам. В этом путешествии Божьим промыслом ему и было указано место для заведения будущего монастыря.

Сам Захарий впоследствии рассказывал об этом так:

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. «Блажени яже избрал и приял еси, Господи, память их в род и род».

Как непреложную истину, о которой не могу умолчать, ради славы Господней, я должен поведать Вам, во Христе отцы и братия, и всем вопрошающим мя...

«Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев». Первое – это было в 1905 г., я ... отправился на поклонение святым мощам препод. Серафима Саровского чудотворца 2 февраля, а 6-го – прибыл в пустынь, где причащался Святых Тайн Христовых, прикладывался к святым мощам и, пробыв до 18 февраля, отправился к Воронежу и Киеву. И вот тут, на пути, 19 февраля, я, многогрешный, видел сон, а вернее было мне видение. Я вижу – подошли ко мне два старца: один – батюшка Иона, в схиме Пётр Киевский [1802–1902], другой – о. Иоанн Кронштадтский [1829–1908]. О. Иоанн указал на меня пальцем о. Ионе со словами: «Этот человек Оренбургский, – надо сказать старцу Василию, что в их крае жил, чтоб он указал сему месту, где устроить мужской монастырь, а сей рад устроить». О. Иона заключил ответ словами: «Так да будет», и после этого стали невидимы. Я же, проснувшись, ощущал благоухание от их посещения и был в необыкновенном восторге от радости.

Второе: – Видел во сне о. Иону в селе Покровке, за речкой Самарской Оренбургской губ. и уезда от моей родины и местожительства в 45-ти верстах; на горе будто построена у него келлия, где он якобы жил; я же с родительницей снизу, от родника, шли к нему на гору, за благословением, и батюшка о. Иона нас обоих благословил; где стояла в видении келлия, и где он нас благословил, я, многогрешный, поставил крест...

Третье: – Я был в обители о. Ионы, в Киеве. Благочинный иеромонах о. Исаак благословил меня на послушание в сад, где я вместе со старшим

садовником, бывшим послушником Игнатием, ныне монахом о. Исаакием обделывал гряды граблями; вокруг гряд были цветы. О. Исаакий предупредил меня быть осторожным с цветами; но я, по неосторожности сломав один цветок и, чтоб скрыть свою вину, взял и воткнул его в землю, тем и кончил своё послушание. В следующую ночь вижу во сне; мы ушатом носим воду для поливки того же сада; о. Иона стоит на троне, мы идём мимо него, и он обратился ко мне со словами: «так-то ты, Захарий, исполняешь послушание в моём саду? Сломал цветок и от садовника скрыл». Я бросил ушат, упал ему в ноги и молил о прощении. – «Будь осторожен далее»... – и стал невидим. Вот три истины, кои свидетельствую своей рукой»⁵⁴⁶.

По возвращении на родину Захарий Карцев отыскал место, указанное ему в видении, на котором старец Василий (в монашестве Власий), посланный преп. Ионой Киевским на служение в Оренбургский край, благословил его основать новую обитель иконой Божьей Матери «Достойно есть» («Милующая»). На склоне горы, получившей впоследствии название Монашка, крестьяне ближайшего села Покровки в 1906 г. выделили отшельнику под келью крохотный клочок земли в 7 кв. саженей (31,86 кв. м), к которому он прикупил ещё 1 десятину (1,09 га) для заведения пчельника и фруктового сада. Здесь Захарий поставил небольшую деревянную избу длиной 2 сажени 1 аршин (4,98 м), шириной 1 сажень 2 аршина (3,56 м) и высотой 1 сажень (2,13 м) с сенями из саманного кирпича⁵⁴⁷. Жизнь свою он проводил в посте, молитве и трудах. Вскоре привлечённые его примером к отшельнику стали стекаться из окрестных сёл люди, также ищущие молитвенного уединения и монашеского подвига. В свободное время они вместе трудились в копании пещер, создав в горе разветвлённую систему подземных ходов с кельями длиной до 75 саженей (160 м) и шириной 2 аршина (1,42 м). По малости угодий первые насельники жили подаванием добрых людей, а ночью собирались на молитву в единственную избу, где неизменно вычитывалось правило, положенное для иноков.

Число подвижников постоянно увеличивалось, но помощью Божьей им подоспело необходимое обеспечение.

А.Н. Шихобалов

⁵⁴⁶ Три сновидения // Русский инок. – 1912. – № 2.

⁵⁴⁷ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1174. Л. 50 об.

В 1907 г. самарский купец 1-й гильдии, крупный хлеботорговец и церковный благотворитель Антон Николаевич Шихобалов (1827–1908) пожертвовал обители 30 десятин земли (32,7 га), расположенных от неё в 3–4 верстах. К тому же, начавшаяся в 1907 г. столыпинская аграрная реформа позволила крестьянам выходить из сельской общины с нарезкой в частную собственность индивидуальных участков земли. Воспользовавшись этим, после отмежевания на местности свои наделы по 13 десятин каждый (а всего 28,3 га) подарили обители ушедшие туда от мира крестьяне с Кулагино (ныне Новосергиевского района Оренбургской области) Василий Леденёв и Яков Сухов⁵⁴⁸. Для размещения умножившихся насельников их руководитель Захарий Карцев изыскал средства на строительство 1-этажного деревянного братского корпуса с трапезной, где по разрешению епископа Оренбургского и Тургайского Иоакима (Левицкого) (1853–1921) была устроена молитвенная часовня.

На базе этих владений указом Св. Синода в 1909 г. был учреждён Николаевский скит, приписанный поначалу к Оренбургскому Успенско-Макарьевскому (Мещеряковскому) мужскому монастырю. В Оренбургском крае первым заведующим новым скитом считается его основатель Захарий Карцев. Но как удалось установить автору, в действительности епархиальные власти предпочли поставить для первоначального устройства обители более опытного инок, поскольку Захарий Карцев принял постриг с именем Зосима лишь 26 сентября 1909 г. По резолюции от 12 января 1910 г. № 93 епископа Оренбургского и Тургайского Иоакима на должность первого начальника Николаевского скита был временно командирован иеромонах Успенско-Макарьевской обители **Палладий** (в миру Пётр Стефанович Хроненко)⁵⁴⁹, впоследствии канонизированный Церковью в лике преподобномученика. Его краткое житие, составленное на Украине, ничего не говорит о дореволюционном служении святого в Оренбургском крае⁵⁵⁰. С другой стороны, он вовсе не упоминается и в замечательном продолжающемся, пока 5-томном издании «Мученики и исповедники Оренбургской епархии», которое выпускается её отделом по канонизации святых⁵⁵¹. И только обнаруженные автором архивные документы позволили восстановить длительное пребывание святого в Оренбуржье, где началась его монашеская жизнь.

Будущий преподобномученик Палладий (Хроненко) родился в 1867 г. в семье крестьянина с. Скалеватка Ерковской волости Звенигородского уез-

⁵⁴⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 2013. Л. 14.

⁵⁴⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 6 об. – 7.

⁵⁵⁰ Новомученики Черкаські: життя, подвиги, страждання. Видання Черкаської єпархії Української Православної Церкви. – Черкаси: [б. и.], 2009. – С. 354–356.

⁵⁵¹ Стремский Н.Е. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX в. – Саракташ: [б. и.], 1998. – Кн. 1. – 361 с.; Мученики, исповедники и храмы Оренбургской епархии XX в. / сост. Н.Е. Стремский. – Саракташ: [б. и.], 1999. – Кн. 2. – 415 с.; Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX в. / сост. Н.Е. Стремский. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2000. – Кн. 3. – 575 с.; Дивен Бог во Святых Своих. Мученики, исповедники и подвижники благочестия в Оренбургской епархии. – Оренбург: Димур, 2011. – Кн. 4. – 303 с.; Мученики и исповедники Оренбургской епархии / сост. Е. Банникова. – Саракташ: [б. и.], 2014. – Кн. 5. – 376 с.

да Киевской губернии (ныне Ватутинского городского совета Черкасской области Украины). Получил домашнее образование. В 1889 г. был призван на военную службу. Но проходил её, не причиняя боль с оружием в руках, а в соответствии со своими христианскими устремлениями облегчал муки, исправляя должность младшего медицинского фельдшера в Горном летучем артиллерийском парке, который вопреки своему названию в этот период временно дислоцировался в г. Киеве. После увольнения в запас переехал в Москву, где с 1900 по 1905 гг. был неуказным послушником в Новоспасском ставропигиальном мужском монастыре.

В сентябре 1905 г. наместник этого монастыря игумен Варлаам (Курач) (1836–?) был переведён на должность настоятеля в Оренбургскую Успенско-Макарьевскую обитель. На Южный Урал он взял с собой Хроненко, с которым прибыл к новому месту службы 23 сентября. А 4 ноября 1905 г. Пётр Стефанович был официально зачислен послушником в этот оренбургский монастырь. Именно здесь он окончательно решил удалиться от мира и был пострижен в монашество 28 января 1907 г., в день памяти сирийского затворника IV века – преподобного Палладия Пустынника, с наречением по имени этого святого⁵⁵². 30 декабря 1907 г. рукоположен во иеродиакона, а 8 февраля 1909 г. – во иеромонаха.

По поручению епископа 25 января 1910 г. Палладий выехал из Успенско-Макарьевского монастыря для управления его новым Николаевским скитом. При нём угодья обители расширились ещё на 5 десятин 1572 кв. сажени (6,17 га) пахотной и сенокосной земли, пожертвованной 17 марта 1910 г. крестьянином Степаном Серяевым. Впрочем, уже 14 ноября 1910 г. основатель скита **Зосима** (Карцев) был рукоположен во иеродиакона и сменил Палладия на посту заведующего. А 29 июня 1911 г. он был посвящён и в следующий сан иеромонаха⁵⁵³.

Под его руководством скромное прибежище отшельников стало активно благоустраиваться и быстро приобрело облик полноценного монастыря. Первым делом к братскому корпусу был пристроен небольшой алтарь, а 22 октября 1910 г. благочинный IX округа и настоятель ближайшего Покровского прихода протоиерей Александр Петрович Андреев совершил в нём чин малого освящения домово́й трапезной церкви в честь Святителя Николая Чудотворца. Рядом на деревянных столбах возвысилась колокольная с 10-ю колоколами, из которых самый большой весил 102 пуда (1 тонну 671 кг). Наконец, в том же 1910 г. был срублен второй 1-этажный деревянный общежительный корпус, обмазанный глиной, длиной 5 сажень 2,5 аршина (12,45 м), шириной 3 сажени 0,5 аршина (6,76 м) и высотой 1 сажень 9 вершков (2,53 м).

Однако главные помыслы строителя иеромонаха Зосимы (Карцева) были направлены к возведению в обители капитального каменного хра-

⁵⁵² ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6220. Л. 1–7.

⁵⁵³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 2013. Л. 1 об. – 2, 14.

ма. Для этого святого дела нашлись отзывчивые люди, из которых главную помощь оказала вдова статского советника и преподавателя церковного пения в Оренбургском Николаевском женском институте Варвара Оводова⁵⁵⁴. Благотворители подарили для будущего храма церковные облачения, богослужебную утварь, иконы, колокола, выделили необходимые денежные средства. На их доброхотные пожертвования в 1911 г. и была построена в скиту новая каменная церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Высота храма от каменного фундамента до крестов составила 8 сажень (17,07 м), длина от горнего места до паперти – 10,5 сажень (22,40 м), а ширина – 7 сажень (14,94 м). Церковь имела железную крышу, окрашенную в зелёный цвет, с двумя главами – большой и малой (над алтарём), покрытыми белой жстью, с деревянными крестами, обитыми также белым железом. Внутри храм был расписан живописью, а также имел иконостас длиной 4 сажени 1 аршин (9,25 м) и вышиной 2 сажени 2 аршина (5,69 м), оценённый в 700 руб. Всё же здание обошлось в 10 тысяч рублей⁵⁵⁵.

Для освящения нового благолепного храма 1 октября 1911 г. в Николаевский скит прибыл епископ Челябинский Дионисий (Сосновский) (1859–1918), который в это время как раз совершал обозрение церквей вместе с оренбургским уездным наблюдателем церковно-приходских школ священником Александром Пинегиным. Встречая архиерея, преисполненный радости строитель храма Зосима сказал: «Прииди, владыко святыи, к нашей обители, как к молодому и слабому деревцу, как то немощное деревцо нуждается в помощи и уходе за ним садовника, так и мы насельники нуждаемся в руководстве твоём!». Накануне освящения епископ Дионисий совершил всенощное бдение в сослужении кафедрального протоиерея Василия Архиповича Белоконова, уездного наблюдателя Александра Николаевича Пинегина, благочинного IX округа и священника с. Покровки протоиерея Александра Петровича Андреева, священников других окрестных сёл: Кулагино – Иоанна Набивача и Черепаново – Ермолая Автономовича Иванова, а также самого виновника торжества иеромонаха Зосимы (Карцева). На следующий день, 2 октября 1911 г., несмотря на неприятную погоду, храм рано наполнился молящимися. Освящение было по чину архиерейскому в сослужении тех же лиц, причём пел хор иноков. Умиление строителя церкви Зосимы настолько было глубоко и сердечно, что во время богослужения глаза его не высыхали от слёз. По запричастном стихе епархиальным миссионером Дмитрием Архиповичем Несмеяновым было сказано слово о значении храма. По окончании службы присутствующим раздавались книги, брошюры и листки с благословением епископа⁵⁵⁶.

После освящения нового Николаевского храма старая домовая церковь

⁵⁵⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 12.

⁵⁵⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1174. Л. 50.

⁵⁵⁶ Письма из прихода. В юной обители // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1911. – 3 ноября. – № 44. – С. 966–968.

во имя Святителя Николая Чудотворца вместе со всем братским корпусом и трапезной были переделаны в молитвенный дом в честь Казанской иконы Божьей Матери. Его деревянное здание имело в длину 5 сажень (10,67 м), в ширину 2 сажени 1,5 аршина (5,33 м) и в высоту 1 сажень 1 аршин (2,84 м). На железной крыше, окрашенной в зелёный цвет, устроены 2 маленькие главки с деревянными крестами, покрытые белым железом. Внутри помещён иконостас длиной 2 сажени 1,5 аршина (5,33 м) и вышиной 1 сажень 1 аршин 1 вершок (2,89 м).

Для отселения людей из этого дома в том же 1911 г. параллельно воздвигли второй, уже 2-этажный братский корпус длиной 6 сажень 1,5 аршина (13,87 м), шириной 2 сажени 1,75 аршина (5,51 м) и высотой 1 сажень 1 аршин 1 вершок (2,89 м). На его нижний каменный этаж была перенесена трапезная, а на верхнем деревянном этаже разместились жилые комнаты. Следом, в 1911 г. на усадебном месте поднялась ещё одна 1-этажная деревянная келья размерами 3 сажени 2 аршина на 1 сажень 2,5 аршина на 1 сажень (7,76 на 3,91 на 2,13 м).

После возведения храма, для выпечки богослужебного, литургического хлеба в 1912 г. поставлено деревянное оштукатуренное здание просфорной, занимавшее 2 сажени 1 аршин (4,98 м) в длину, 2 сажени (4,27 м) в ширину и 1 сажень 0,5 аршина (2,49 м) в высоту⁵⁵⁷.

Тем самым в скиту были созданы все необходимые условия для проведения регулярных богослужений. Здесь стали отмечаться храмовые праздники: 9 мая и 6 декабря (на Николу вешнего и зимнего) и 22 октября (в день Казанской иконы Божьей Матери). В Святую Пасху устраивался крестный ход с артосом вокруг церкви, а в пятницу Светлой Седмицы, 9 мая и в 9-ю пятницу по Пасхе – на колодезь около скита⁵⁵⁸. В эти торжественные дни к обители стекались толпы богомольцев. Многие прибегали сюда и от житейских проблем за советом и утешением, например, к прозорливому старцу схимонаху Нилу (в миру Якову Степановичу Сухову), который принимал гостей в своей пещерной келье.

Под размещение прибывающих паломников в 1912 г. на монастырской усадьбе был специально сооружён деревянный оштукатуренный странноприимный дом длиной 5 сажень 2,5 аршина (12,45 м), шириной 2 сажени 1,5 аршина (5,33 м) и высотой 1 сажень 13 вершков (2,71 м).

Для обихаживания самих иноков тогда же выстроена ещё одна деревянная келья, имевшая 2 сажени 2 аршина (5,69 м) в длину, 2 сажени (4,27 м) в ширину и 1 сажень 0,5 аршина (2,49 м) в вышину. А в 1913 г. сложена отдельная от просфорной деревянная хлебопекарня, которая простиралась на 3 сажени 2 аршина в длину (7,82 м), 2 сажени 2,5 аршина (6,05 м) в ширину и 2 сажени 0,75 аршин в высоту (4,80 м).

Наконец, под хозяйственные нужды в 1912 г. срублен первый, а в 1913 г. – второй деревянный амбар с сараем. Пополнение припасов обеспечивали

⁵⁵⁷ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1174. Л. 50–51.

⁵⁵⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 2013. Л. 13 об.

занятие земледелием и скотоводством, для чего в обители производился посев до 20 десятин (21,8 га), держались 7 лошадей и 7 коров.

Таким образом, благодаря неустанным трудам монашествующих и содействию мирян небольшой поначалу скит в короткое время обзавёлся земельными угодьями, крепким хозяйством и расширился до 13 различных построек, которые к 1913 г. по страховой ведомости оценивались в 15050 руб.⁵⁵⁹. Как следствие, по указу Св. Синода от 26 июля 1913 г. № 11774 приписной скит был выделен в самостоятельный Николаевский мужской общежительный монастырь⁵⁶⁰.

Ресурсы обители позволили вскоре после начала Первой мировой войны, 15 сентября 1914 г. быстро развернуть и содержать в её стенах лазарет на 8 коек для больничного ухода за фронтовиками⁵⁶¹.

Несмотря на тяжёлые экономические условия военного времени, не оскудевала помощь и самому монастырю. Оренбургский мещанин Лев Андреевич Вилюнов перед смертью пожертвовал ему свою дворовую усадьбу во 2-й части города Оренбурга, на углу Каргалинской и Караван-Сарайской улиц (ныне ул. Комсомольская, 96) с обмазанным глиной и выбеленным флигелем из земляного кирпича и деревянным сараем, построенными тут в 1908 г., а также 10 тысяч рублей для возведения монастырского подворья.

При финансовом содействии других благотворителей в 1916 г. на этом участке был сооружён кирпичный храм в честь св. великомученика и целителя Пантелеимона. Его покрыли железной крышей с 2 главами и чугунными позолоченными крестами, но оштукатурить успели только внутри. На первое время и колокола были подвешены рядом на козлах по отсутствию колокольни. Высота церкви от фундамента до верха карниза составила 7 сажень 12 вершков (15,47 м), длина – 7 сажень 1 аршин 10 вершков (16,09 м) и ширина – 5 сажень (10,67 м). Интерьер украсил иконостас длиной 8 аршин 2 вершка (5,78 м) и высотой 5 аршин (3,56 м), который стоил 1 тысячу рублей. А на всё здание потребовалось 12 тысяч⁵⁶².

2 октября 1916 г. епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов) (1856–1931) освятил Пантелеймоновскую церковь и торжественным словом почтил память её строителя Л. А. Вилюнова, к тому времени уже похороненного в стенах этого храма:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Православные христиане!

Благодарение Богу, в нашем богоспасаемом граде основалось иноческое жилище и при нём храм Божий, который освящён сегодня. Это иноческое

⁵⁵⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1174. Л. 51–52.

⁵⁶⁰ Оренбургские епархиальные ведомости. Часть официальная. – 1913. – 3 августа. – № 31–32. – С. 266.

⁵⁶¹ ГАОО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 об. – 20.

⁵⁶² РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1168. Л. 30.

жилище и храм Божий устроены иждивением боголюбивого раба Божия Льва и его супруги. Раб Божий Лев не был богачом с большими деньгами; но богат он был благочестивым желанием употребить свой достаток, какой имел, на доброе. Жил раб Божий Лев скромно, расчётливо, берёт каждую копейку, приобретённую настойчивым трудом, берёт на чёрный день; только это не тот был чёрный день, которого мы обыкновенно так боимся; чёрный день, когда постигнет нас какая ли беда и невзгоды, поражает болезнь, подкрадывается старость и оскудевают силы. Нет, он берёт копейку на чёрный день, который рано или поздно неизбежно наступит для каждого человека, тот страшный чёрный день, когда придёт смерть. На этот чёрный день и берёт свою трудовую копейку раб Божий Лев, и употребил её во спасение своей души. Почти всё, что сберёт он, отдал на создание этого храма Божьего; и дивное дело, когда отдал, окончил и дни свои. Поистине кончина раба Божия Льва была от Бога. Давно раб Божий Лев имел желание отдать свою трудовую копейку на святое дело, и Господь ждал, не посылал ему кончины до тех пор, пока он не исполнил своего благого намерения. Здесь, на этом месте, где стоит теперь сей храм Божий, было небогатое жилище усопшего раба Божия Льва; здесь он работал свой век и собирал свою трудовую копейку; собирал её и отдал Богу. Здесь, на этом месте его трудовой жизни, под сению этого храма Божия покоится прах его. Здесь, в этом храме он оставил и вечную по себе молитву. Оставила по себе вечную молитву в этом храме Божиим и сотрудница его жизни, раба Божия Матрона, которая вместе с ним отдала её Богу. Оставили в этом храме Божиим вечную молитву по себе и все те, кто принёс свою лепту на его украшение.

Сей храм Божий построен во имя угодника Божия Великомученика Пантелеимона, которому Господь дал особую милость целить телесные и душевные немощи людей. Завершим своё торжество молитвою этому угоднику Божию. Святой Великомучениче и целбениче Пантелеимоне, моли Бога о нас! Аминь»⁵⁶³.

Храмовый праздник здесь отмечался 9 августа. К юго-восточной стене новой церкви в том же 1916 г. было пристроено покрытое железной крышей 2-этажное кирпичное здание самого Пантелеимоновского подворья Николаевского мужского монастыря в Оренбурге. Оно занимало пространство длиной 7 сажень 2 аршина (16,36 м), шириной 6 сажень 1,5 аршина (13,87 м) и высотой 5 сажень 2 аршина 4 вершка (12,27 м). Как и храм, жилое здание стоило 12 тысяч рублей. А все постройки монастырского подворья без учёта земельного участка оценивались в 25500 руб.⁵⁶⁴.

Таким образом, даже в суровых испытаниях мировой войны Николаевский мужской монастырь продолжал крепнуть и развиваться, распро-

⁵⁶³ Слово Преосвященного Мефодия, Епископа Оренбургского и Тургайского, сказанное при освящении 2 октября, храма при подворье Николаевского мужского монастыря // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1916. – 15–30 октября. – № 41–42. – С. 517–518.

⁵⁶⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1168. Л. 30–31.

странья своё духовное влияние далеко за пределы обители. Его братия возросла с 36 человек в 1911 г. до 48 насельников (5 иеромонахов, 3 иеродиаконов, 5 монахов и 35 послушников) в 1915 г.⁵⁶⁵. Во внимание к этим успехам их руководитель иеромонах Зосима (Карцев) 30 ноября 1914 г. был награждён набедренником. В том же году братия монастыря единодушно ходатайствовала о возведении своего настоятеля в звание игумена как достойнейшего по понесённым трудам на благо юной обители. Однако епархиальные власти учли, что со времени предыдущего награждения прошло совсем немного времени, и вместо этого в январе 1915 г. представили Зосиму «в порядке постепенности» к следующему по очередности отличию наперсным крестом⁵⁶⁶, которым он и был удостоен от Св. Синода в 1916 г. Уже как опытному наставнику и организатору летом 1916-го Зосиме также было поручено опекать в качестве благочинного Покровский (Разгуляевский) женский монастырь (на месте нынешнего пос. Шар Александровского района Оренбургской области), но уже к началу 1917 г. по собственному прошению он был освобождён от этой обязанности⁵⁶⁷.

Вскоре разностороннее служение братии монастыря было и вовсе прервано с приходом к власти после Октябрьской революции 1917 г. атеистически настроенной партии большевиков. По рассказам старожилов соседнего села Покровки, перед грядущими бедствиями заплакала почитаемая в обители чудотворной Иверская икона Божьей Матери.

Первым делом новые советские власти по Декрету от 20 января (2 февраля) 1918 г. национализировали всё монастырское имущество. Большая часть его была изъята или расхищена, а 2 храма обители с богослужебными предметами уже как «народная собственность» по договору от 5 апреля 1923 г. переданы Оренбургским Советом рабочих и крестьянских депутатов в бессрочное пользование «Союза богомольцев Николаевского общежительного мужского монастыря». После конфискации большинства построек и угодий, резко сократились жилые площади обители, возможности занятия сельским хозяйством и ремёслами. Поэтому в условиях гонений упала и численность монашеской общины. Если в январе 1917 г. она насчитывала 45 человека (8 иеромонахов, 4 иеродиакона, 1 схимонаха, 8 монахов и 24 послушника), то в июне 1923 г. – уже лишь 17 верных иноков (11 иеромонахов и 6 иеродиаконов). Из них 10 человек (6 иеромонахов и 4 иеродиакона) оставались в самой Николаевской обители на Святых пещерах, 6 иноков (4 иеромонаха и 2 иеродиакона) проживали на монастырском подворье в Оренбурге и ещё 1 иеромонах находился в отъезде⁵⁶⁸.

⁵⁶⁵ Письма из прихода. В юной обители // Оренбургские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1911. – 3 ноября. – № 44. – С. 967; ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 12.

⁵⁶⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6472. Л. 1–5 об.

⁵⁶⁷ Распоряжения Епархиального Начальства. Перемена должностных лиц // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15–30 августа. – № 33–34. – С. 296; Распоряжения Епархиального Начальства. Перемены должностных лиц // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1917. – 1–15 января. – № 1–2. – С. 4.

⁵⁶⁸ ГАОО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 12. Л. 227–228, 406.

*Крайний слева – иеромонах Геронтий (Губанов),
второй слева – иеромонах Зосима (Карцев). 1920-е годы*

К этому времени общину возглавил иеромонах Геронтий, так как прежний настоятель и основоположник монастыря Зосима (Карцев) скончался в том же 1923 г. Новый заведующий в миру именовался Георгием Ивановичем Губановым. Родился 1 февраля 1881 г. в семье казаков станицы Городищенской Оренбургского казачьего войска (ныне с. Городище в составе г. Оренбурга). Окончил курс городского училища. Женат не был. По поступлении в Николаевский мужской монастырь проходил послушание портным и был уставщиком в местной церкви. 21 ноября 1915 г. пострижен в монашество. 21 декабря 1915 г. рукоположен во иеродиакона, а затем и во иеромонаха⁵⁶⁹.

Впрочем, руководить общиной ему довелось недолго потому, что в 1925 г. Геронтий был привлечён к суду по обвинению в «контрреволюционной деятельности». А в 1929 г. возглавлявшийся им Николаевский монастырь был закрыт советской властью. Из разгромленной обители монахи разбрелись кто куда, но карательные органы продолжали их пре-

⁵⁶⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 2013. Л. 2 об. – 3.

следовать, видя в хранителях православной традиции идеологических конкурентов насаждаемым коммунистическим идеям.

Так, 22 марта 1932 г. органами ОГПУ был арестован бывший монах Николаевской обители Игнатий (в миру Иван Андреевич Вытнов), 1882 года рождения. Он обвинялся в том, что «вёл разлагающую деятельность среди крестьян против советской власти, используя для этих целей религию» (по ст. 58/10-11 УК РСФСР). 2 июня 1932 г. постановлением краевой тройки ОГПУ он был приговорён к высылке из региона с лишением права проживания в Средне-Волжском крае и ещё 12 населённых пунктах страны сроком на 3 года. Реабилитирован 13 июня 1989 г. заключением прокурора Оренбургской области.

6 апреля 1932 г. с тем же обвинением подвергнут аресту монах Георгий (в миру Герасим Елизарович Воронков), 1878 года рождения. Решением тройки Полномочного представительства ОГПУ по Средне-Волжскому краю от 2 июня 1932 г. он уже был заключён в концлагерь сроком на 3 года. По мере укрепления в СССР тоталитарного сталинского режима абсолютной власти и раскрутки маховика репрессий против всех инакомыслящих, карательные органы стали смело переходить от временных, ограничительных мер наказания к окончательным и непоправимым. После выхода из мест лишения свободы тот же монах Георгий (Воронков) был повторно арестован и 31 августа 1937 г. приговорён тройкой УНКВД по Чкаловской (ныне Оренбургской) области к расстрелу⁵⁷⁰. Реабилитирован 7 и 13 июня 1989 г. заключениями прокурора Оренбургской области.

2 августа 1937 г. брошен в следственный изолятор перебравшийся на жительство в г. Оренбург бывший настоятель Николаевского мужского монастыря Геронтий (Губанов). В обвинительном заключении он характеризовался как «в прошлом активный белобандит». Утверждалось, что якобы прежде он «работал в разведке генерала Дутова, выдавал и сам расстреливал сторонников Соввласти ... Являлся одним из руководителей японской, военно-казахской, повстанческой организации. В 1933 г. организовал диверсионно-террористическую группу, которая готовилась к террору над ответственными работниками-коммунистами г. Оренбурга и отравлению водопроводов в г. Оренбурге, в момент возникновения войны. Вёл шпионскую работу, собранные сведения о военном гарнизоне и авиашколе переотправлял японцам через резидента Лапшина». На основании этих нелепейших измышлений 9 сентября 1937 г. Геронтий был осуждён тройкой УНКВД по Оренбургской области к высшей мере наказания с конфискацией имущества, а уже на следующий день, 10 сентября расстрелян в 21.00. Реабилитирован 17 июля 1989 г. заключением прокурора Оренбургской области.

⁵⁷⁰ Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Калуга: Золотая аллея, 1998. – № 1020.

Мученический венец принял и первый заведующий Николаевской обителью Палладий (Хроненко), которого судьба увела далеко от Оренбургского края. Хорошо зарекомендовав себя на посту начальника скита, по началу он вернулся в Оренбургский Успенско-Макарьевский монастырь, где по указу Духовной консистории от 30 ноября 1910 г. № 17970 был определён казначеем. Резолюцией от 16 января 1913 г. № 425 епископ Оренбургский и Уральский Феодосий (Олтаржевский) (1867–1914) по прошению освободил его от этой должности с разрешением перейти в братию крайне бедного и удалённого Ивано-Шеметовского Георгиевского скита, заведённого в 1909 г. на речке Алабуге в Челябинском уезде (на территории нынешнего Звериноголовского района Курганской области)⁵⁷¹. Здесь иеромонах оставался, по крайней мере, до 1916 г.⁵⁷². После Октябрьской революции 1917 г. в местной обители начался разлад, а в 20-е годы её руководство примкнуло к обновленческому течению, почему все достойные и верные иноки ушли оттуда.

Таким образом, будущий преподобномученик Палладий (Хроненко) сделал первые шаги своей монашеской жизни в Оренбургском крае, принял здесь постриг и рукоположения в степени священства, участвовал многими трудами в первоначальном становлении трёх местных обителей, проведя на Южном Урале в общей сложности более 10 лет.

После революции, в 1922 г. он стал настоятелем одного из монастырей с возведением в сан архимандрита. Составители жития святого указывают на Оршин Вознесенский монастырь в Тверской епархии, но это явная ошибка потому, что данная обитель была женской и ликвидирована советскими властями ещё в 1919 г.⁵⁷³. Так или иначе, в 1928 г. большевиками был закрыт и тот монастырь, что возглавлял Палладий, а сам он принудительно выслан на исходное место жительства – в родное село Скалеватка на Украине. В период репрессий он не убоился и не отошёл от служения, а честно исполнял долг приходского священника на родине с 1928 г. до закрытия храма в 1936 г.

После этого архимандрит Палладий (Хроненко) был арестован по обвинению в агитации против советской власти. Во время обыска во внутреннем кармане его повседневной одежды нашли портрет Сталина из газеты, разрезанный на четыре части. Свидетели показали, что монах якобы поддерживал Троцкого и уверял, что вскоре власть перейдёт к троцкистам, и они сделают со Сталиным «то же, что и я с его портретом». Также священнику было поставлено в вину то, что он добивался возобновления работы своего храма для верующих.

В обвинительном заключении против него от 1 декабря 1937 г. было сказано: «Поп Хроненко П. С. под видом совершения религиозных обря-

⁵⁷¹ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6447. Л. 6 об. – 7.

⁵⁷² Михайлов А.А., Кузьмин А.Д. Неурочная обитель // Курган и курганцы. – 2012. – 29 марта. – № 33. – С. 7.

⁵⁷³ Вознесенский Оршин монастырь: страницы истории. – Тверь: Изд. Вознесенского Оршина женского монастыря, 2012. – 141 с.

дов проводил антисоветскую контрреволюционную агитацию. Говорил, что скоро власть перейдёт в руки троцкистов, которые хотят добра народу ... Выступал против выборов в Верховный Совет СССР».

На этом основании протоколом Тройки УНКВД по Киевской области от 1 декабря 1937 г. № 121 он был приговорён к высшей мере наказания. Расстреляли 70-летнего служителя в 2 часа ночи 27 декабря 1937 г.

Реабилитирован он был за отсутствием состава преступления только 17 мая 1989 г. постановлением прокурора Черкасской области⁵⁷⁴.

Решением Священного Синода Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата) от 28 октября 1997 г. архимандрит Палладий (Хроненко) в числе 103-х человек причислен к лику местночтимых святых в составе Собора святых новомучеников Черкасских (память 13/26 мая). На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) в августе 2000 г. он был внесён в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания⁵⁷⁵.

Тем не менее, в Оренбургском крае связь этого святого с регионом пока практически неизвестна. Надеемся, что освещение оренбургских страниц жизни преподобномученика Палладия (Хроненко) будет способствовать распространению его почитания в крае и, прежде всего, увековечиванию памяти о нём в Николаевской обители на Святых пещерах, первым начальником которой он был.

Сразу после закрытия этого монастыря, параллельно с репрессиями против братии, стали последовательно уничтожаться с лица земли и все постройки обители. В 1929–1930 гг. полученные от их разборки кирпичи употребили на возведение в соседнем селе Покровка исполкома, клуба и магазина, а деревянные брёвна продали за бесценок. Сохранилось только 2-этажное здание братского корпуса с общей трапезной, в котором организовали первую в селе школу. Практически полностью была вырублена тополияная аллея, ведущая от Покровки к монастырю.

Святые же пещеры долгое время оставались открытыми, привлекая посетителей. Над ними видели знамение в виде огненного столпа, после чего в село снова потянулись паломники. Обеспокоенные местные власти рапортовали об этом в Оренбург. В итоге по указанию из центра для пресечения стихийного паломничества осенью 1939 г. вход в пещеры был замурован под предлогом обеспечения безопасности людей от обвалов. Одновременно засыпали щебнем и святой источник под монастырской горой⁵⁷⁶.

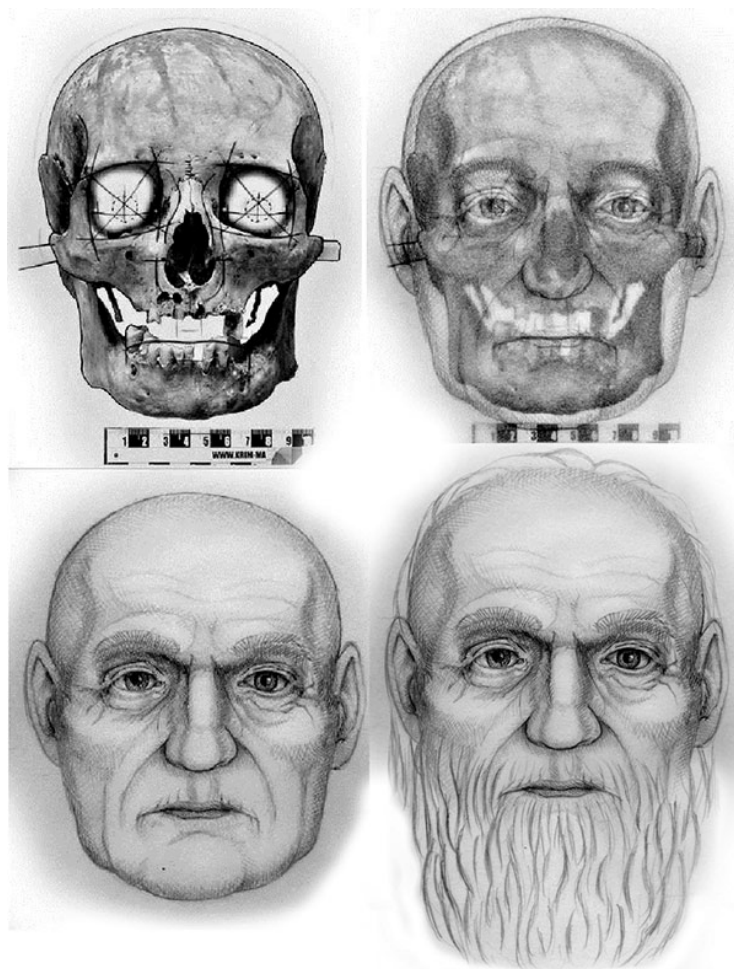
⁵⁷⁴ Новомученики Черкаські: життя, подвиги, страждання. Видання Черкаської єпархії Української Православної Церкви. – Черкаси: [б. и.], 2009. – С. 354–356.

⁵⁷⁵ Деяние Юбилейного Архиерейского Собора о соборном прославлении Новомучеников и исповедников Российских XX века. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/423849.html> (дата обращения: 06.07.2016).

⁵⁷⁶ Баклыков В.П. Святые оренбургские места. – Оренбург; Саракташ: Православный духовный вестник, 2014. – С. 69–77.

Лишь с либерализацией государственно-церковной политики, в современной России стало возможным возрождение Николаевской обители. Первые попытки обнаружить её засыпанные Святые пещеры были предприняты ещё в 1993 г. Но только 8 июня 2002 г. в ходе раскопок был открыт вход в подземные галереи. В 2005 г. над ним был возведён храм Рождества Иоанна Крестителя. В самих пещерах найдены кельи основателя монастыря Зосимы (Карцева) и прозорливого старца схимонаха Нила (Сухова), устроен новый подземный храм в честь святых преподобных Антония и Феодосия Печерских, положивших начало всему русскому монашеству в таких же пещерах Киево-Печерской лавры. На территории Николаевской обители были установлены памятные кресты на местах снесённых храма свт. Николая Чудотворца, молитвенного дома в честь Казанской иконы Божьей Матери и монастырского кладбища. В 2006–2007 гг. построена надвратная колокольня с храмом святой преподобной Марии Египетской. В 2010 г. освящены колодец и часовня во имя вмч. Пантелеимона Целителя с купальней на месте восстановленного святого источника монастыря под горой. Также в обители сооружены братский корпус с домовым храмом в честь св. преп. Серафима Саровского и трапезная для паломников.

Графическая реконструкция по черепу облика Зосимы (Карцева)

Во время строительных работ в 2014 г. был обнаружен фундамент разрушенного храма и 3 захоронения в его алтарной части. Судебно-медицинской экспертизой на основании графической реконструкции лица по черепу было определено, что центральное погребение принадлежало основателю монастыря иеромонаху Зосиме (Карцеву)⁵⁷⁷. 12 октября 2014 г. его останки были торжественно перезахоронены на заново освящённом монастырском кладбище.

Николаевская обитель продолжает нести важную социальную и духовно-просветительскую миссию. В 2008 г. приход свт. Николая Чудотворца с. Покровка был передан в ведение Социально-миссионерского благочиния Оренбургской епархии. Теперь этот комплекс носит название «Святые пещеры. Свято-Николаевская социальная обитель милосердия». В 2010 г. с помощью благотворителей была выкуплена и отремонтирована часть сохранившегося Пантелеимоновского подворья Николаевского мужского монастыря в г. Оренбурге. С 2010 по 2013 гг. здесь размещались иконная лавка и подворье Социального благочиния, а сейчас находится вещевой склад православного Центра помощи семье и детям «Колыбель» при отделе по церковной благотворительности и социальному служению Оренбургской епархии.

Целями дальнейшего развития Свято-Николаевской обители провозглашены возрождение духа первохристианских общин, поднятие общего нравственного духа населения, патриотическое воспитание молодёжи⁵⁷⁸. Решению этих задач способствует превращение комплекса Святых пещер в самое популярное место православного религиозного паломничества на территории Оренбургской области, куда ежегодно приезжают сотни людей из различных регионов России.

⁵⁷⁷ Филиппов В. Пластическая реконструкция лица по черепу иеромонаха Зосимы [Электронный ресурс]. URL: <http://forens-lit.ru/node/282> (дата обращения: 05.08.2016).

⁵⁷⁸ Сорокина С.Е. Свято-Николаевский мужской монастырь // Оренбуржье православное: история и современность / Сост. и ред. С.Е. Плаксин. – Оренбург: Оренбургский областной общественный благотворительный фонд «Совесть», 2014. – С. 371–381.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное рассмотрение истории развития монастырей в Оренбургском крае от их зарождения во второй трети XIX столетия до закрытия советской властью в первой трети XX века позволяет прийти к следующим выводам:

1. В силу недавнего, по историческим меркам, правительственного освоения степного приграничного Оренбургского региона монашество на его территории зародилось относительно поздно – лишь в 30-е годы XIX в. Распространение монастырей закономерно шло с западных районов края, наиболее близких к укоренившимся центрам православия в Среднем Поволжье, при активном участии и заинтересованности переселенцев. В отдельных случаях они напрямую переносили и продолжали традиции частного келейничества или уединённого отшельничества центральных губерний на оренбургской земле. В 1835 г. началось формирование общины будущего Бузулукского Тихвинского женского монастыря, в 1844 г. – Бузулукского Спасо-Преображенского мужского монастыря, в 1854 г. – Оренбургского Успенского женского монастыря, в 1859 г. – Бугурусланского Покровского женского монастыря, в 1860 г. – Ключегорского Казанско-Богородицкого женского монастыря. Пореформенный период в России после промышленного переворота и отмены крепостного права был отмечен экономическим подъёмом и увеличением прослойки зажиточных горожан, оказывавших благотворительную поддержку монастырям. С другой стороны, противоречия капиталистического развития неизбежно вели к имущественному расслоению и обнищанию части народных масс, которые, не найдя места в новой жизни, пополняли число монашествующих и реализовывали себя в религиозном служении. Как следствие, в пореформенный период на территории Оренбургского края значительно интенсифицировалось развитие существующих и становление новых монастырей. В 1867 г. было положено начало Оренбургскому Богодуховскому мужскому монастырю, в 1885 г. – Орскому Покровскому женскому монастырю, в 1892 г. – Илецкому Николаевскому женскому монастырю, в 1895 г. – Оренбургскому Успенско-Макарьевскому мужскому монастырю и Покровскому Свято-Троицкому женскому монастырю, а в 1906 г. – Николаевскому мужскому монастырю. Примечательно, что при отсутствии глубоких, древних традиций монашества в Оренбургском крае только 2 из 11 его обителей (Богодуховская и Мещеряковская) были основаны и наполнены сверху, тогда как большинство развилось по инициативе снизу, из самостоятельно сложившихся общин, отвечая духовным потребностям и устремлениям самого православного населения.

2. При недавнем возникновении иночества в регионе, отсутствии опыта монашеского общежития и преобладании среди насельников молодёжи важную организационную роль в становлении оренбургских мона-

стырей, утверждении дисциплины, чинопоследования богослужений, налаживании хозяйства сыграли кадры, специально приглашённые для этого церковными властями из старинных монашеских центров страны: Новгородского Юрьева монастыря, Московского Новоспасского монастыря, Московского Ивановского монастыря, Глинской Рождество-Богородицкой пустыни, Софрониевой Молченской пустыни, Святогорской Успенской пустыни (ныне лавры), Александро-Невской лавры и др.

3. По непродолжительности собственной церковной истории и святости оренбургских монастырей пополнялись извне, за счёт связей с крупнейшим центром православного монашества на горе Афон, а также Киево-Печерской лаврой и другими старинными русскими монастырями, пожертвований от столичных благотворителей из Санкт-Петербурга и Москвы, из запасов собственных архиереев. От них оренбургские обители получили: списки с чудотворных афонских икон Божьей Матери «Млекопитательница», «Скоропослушница», Иверская, частицы Честного и Животворящего Древа Креста Господня, камней от Гроба Господня и Гроба Пресвятой Богородицы, мощей святых Иоанна Предтечи (ум. ок. 30), апостолов Андрея Первозванного (I в.) и Петра (ум. ок. 67), апостолов от 70 Варнавы (ум. 61) и евангелиста Луки (ум. ок. 84), Архидиакона Стефана (ум. ок. 33–36), мчц. Фотины Самарянки (ум. 66), апостольского мужа, свмч. Игнатия Богоносца (ум. 107), вмч. Харалампия (ок. 89 – 202), вмч. Меркурия (III в.), вмч. Георгия Победоносца (280–303), вмчц. Анастасии Узорешительницы (ум. 304), вмч. Пантелеимона Целителя (ум. 305), свмч. Ермолая (ум. 305), вмч. Димитрия Солунского (ум. 306), вмчц. Варвары (273–306), вмч. Феодора Тирона (ум. 306), свмч. Петра, архиепископа Александрийского (ум. 311), вмч. Феодора Стратилата (ум. 319), св. Григория Армянского (ок. 252 – 326), св. Сильвестра, Папы Римского (ум. 335), свт. Николая Мирликийского Чудотворца (270–343), преп. Антония Великого (ок. 251 – 356), свт. Афанасия Великого, архиепископа Александрийского (ок. 295 – 373), Григория Богослова (329–389), Василия Великого (330–379), Иоанна Воина (IV в.), Иоанна Златоуста (349–407), Алексея человека Божия (конец IV – начало V вв.), преп. Пимена Великого (340 – ок. 450), преп. Пелагеи Антиохийской (ум. ок. 457), преп. Евфимия Великого (ок. 377 – 473), преп. Марии Египетской (ум. 522), Иоанна Милостивого (ум. 609), прав. Евдокима Каппадокиянина (IX в.), преп. Николая Святоши (ок. 1080 – 1143), преп. Евфросинии Полоцкой (1101/1105–1173), преп. Феофана, постника Киево-Печерского (XII в.), святых Петра и Февронии Муромских (ум. 1228), св. блгв. княгини Анны Кашинской (ок. 1280 – 1368), преп. Сергия Радонежского (1314–1392), преп. Евфимия Суздальского (1316–1404), блаж. Максима Московского (ум. 1434), свт. Филиппа Московского (1507–1569), свт. Гурия Казанского (ок. 1500 – 1563), свт. Германа Казанского (1505–1567), преп. Феодосия Тотемского (ок. 1530 – 1568), блгв. царевича Димитрия Углицкого

(1582–1591), прмч. Макария Каневского (1605–1678), свт. Митрофана Воронежского (1623–1703), свт. Димитрия Ростовского (1651–1709), преподобномучеников афонских Евфимия (ум. 1814), Игнатия (ум. 1814) и Акакия (ум. 1816). Значимость этих святых, покрывающих едва ли не всю историю мирового и русского православия, способствовала постепенному превращению оренбургских монастырей в крупные центры духовного притяжения и паломничества для близлежащей округи. Источники свидетельствуют о высоком уровне религиозности местного населения и широком притоке его в обители, который в отдельные праздники доходил до 10 тыс. человек за раз.

4. С другой стороны, позднее и слабое заселение Оренбургского края, сохранение здесь обширных свободных степных пространств способствовали превращению многих местных монастырей в крупных земельных собственников и формированию на их угодьях сложного многоотраслевого хозяйства. К революции 1917 г. 11 оренбургских монастырей сосредоточили в своих руках более 12220 десятин (13350 га) земли. При этом городские обители для самообеспечения были вынуждены заводить в сельской местности удалённое хуторское хозяйство, порой с круглогодичным проживанием, что составляет одну из наиболее характерных региональных особенностей развития монастырей в Оренбургском крае. Со временем из сельских обителей и монастырских хуторов вырос целый ряд населённых пунктов региона: из Богодуховского мужского монастыря – пос. Зауральный Оренбургского района, из хутора Успенского женского монастыря – пос. Бродецкое Оренбургского района, из Покровского (Разгуляевского) женского монастыря – пос. Шар Александровского района Оренбургской области. Тем самым, монастыри сыграли определённую роль в хозяйственном освоении целинных земель региона. Силами самих монашествующих с привлечением наёмных работников они активно развивали земледелие посевами пшеницы, ржи, овса, ячменя, полбы, проса, гречихи, гороха, льна и конопли. На приусадебных огородах выращивались картофель, капуста, морковь, свекла, редька, огурцы и бахчевые культуры. Садоводство приносило яблоки, груши, вишню, красную и чёрную смородину, малину, крыжовник, клубнику, землянику и даже виноград. Животноводство было представлено лошадьми, коровами, свиньями, овцами, козами и верблюдами. Птицеводство ограничивалось курами и гусями. Повсеместное распространение в монастырях имело пчеловодство. Практиковалась рыбная ловля. Полученные продукты перерабатывались на собственных мельницах и просообдирках, в пекарнях, маслобойнях, солодовнях, квасоварках, свечных заведениях. Во многих монастырях, особенно женских, действовали разнообразные мастерские: швейные, пуховязальные, чулочные, обувные, одеяльные, ковровые, столярные, чеканные, позолотные, переплётные, иконописные и др. Вместе с тем, монастырское хозяйство было ещё слабо связано

с рынком. Сельское хозяйство обеспечивало продуктами питания сами обитатели с продажей излишков, а мастерские обслуживали, в первую очередь, их собственные потребности в повседневной обуви и одежде, богослужебных облачениях, утвари и иконах при незначительном количестве посторонних заказов. В денежном приходе монастырей поступления от собственной хозяйственной деятельности колебались от 10 до 35 %, хотя по мере развития на протяжении всего дореволюционного периода демонстрировали тенденцию к постепенному росту. Тем не менее, главным источником их финансирования оставались добровольные пожертвования и сборы в различных формах. Это вполне отвечало социальному предназначению, миссии монастырей, которые были не коммерческими предприятиями, а религиозно-трудовыми общинами. Крупными пожертвованиями деньгами, ценными бумагами, земельными участками, доходными зданиями, предметами богослужебной утвари их обеспечивали, прежде всего, представители формирующейся торгово-промышленной буржуазии: оренбургские купцы Н.М. и П.М. Деевы, И.А. Зарывнов, А.Г. Мещеряков, самарские купцы С.И. Аржанов, А. Букин, В.А. Головачев, И.М. Плешанов, А.Н. Шихобалов, орские купцы В.К. Артеменков, М.И. Кичигин, М.П. Литвак, бугурусланский купец С.М. Шувалов, бузулукские купцы А.И. Болтунов, А. Зуев, И.Ф. Красиков, петербургские купцы В. и Х. Лукины, московский купец Ф.Я. Ермаков, екатеринбургский купец М.Ф. Рожнов, лбищенские купцы С. Кондаков, Я. Минеев, Ф. Тединов, нарвские купцы Ф.Я. Пантелеев, И.П. Сладников, а также чиновники и помещики из числа дворян Н.Д. Батюшков, В.А. Перовский, А.И. Путилова, зажиточные мещане, крестьяне, казаки, духовенство.

5. Свои немалые ресурсы монастыри обращали на выполнение основных, социальных задач, в том числе на традиционную поддержку немущих, вдов, сирот, слепых, калек, предоставляя им в монастырских стенах кров и еду в соответствии с христианскими идеалами любви, сострадания и милосердия. Значение монастырской благотворительности особенно возрастало в годы различных бедствий. Во времена неурожая и голода обитатели открывали бесплатные столовые, а в период войн организовывали лазареты для раненых и больных воинов, приюты для беженцев.

6. Одновременно монастыри не только исповедовали, воплощали в практику делами, но и проповедовали, распространяли вовне религиозные принципы посредством собственных культурно-просветительских учреждений: библиотек и училищ. С учётом многонационального и многоконфессионального состава Оренбургского края на базе одной из обителей, Богодуховского мужского монастыря, был также открыт миссионерский стан с училищем для подготовки религиозных кадров из числа меньшинств.

7. Наконец, монастыри выступали феноменом не только духовной жизни, но и ярким явлением материальной культуры, архитектурными комплексами, определяющими градостроительный облик и организующими сельское ландшафтное пространство. В проектировании их храмов, жилых и хозяйственных построек принимали участие лучшие архитекторы не только местного (Н.Н. Еремеев, Ф.Д. Маркелов, А.И. Савинич, Т.С. Хилинский и др.), но и всероссийского уровня (А.П. Аплаксин, К.А. Тон), что придавало этим постройкам значение ценных памятников истории и культуры.

8. Таким образом, в Оренбургском крае монастыри оказывали широкое разностороннее воздействие на общество: духовно-нравственное, миссионерское, просветительское, социально-благотворительное, культурно-эстетическое и хозяйственное. Именно это комплексное влияние, важная социальная роль монастырей как хранителей и трансляторов православной традиции в жизнь общества и сделала их после Октябрьской революции 1917 г. одним из первых объектов гонений со стороны новой советской власти, которая видела в религиозных структурах главных противников и конкурентов собственной материалистической, атеистической идеологии. В результате при значительном ещё сохранении в стране организованной приходской жизни уже к концу 1920-х годов все монастыри Оренбургского края как рассадники православия были закрыты, их здания перепрофилированы или разрушены, а личный состав репрессирован. Образовался разрыв российской культуры с питавшей её тысячелетней православной традицией, который до сих пор не преодолен до конца. Лишь после либерализации государственно-церковной политики в современной демократической России на территории Оренбургской области стало возможным постепенное возрождение монашеской жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Бузулукский Тихвинско-Богородицкий женский монастырь.....	11
Бузулукский Спасо-Преображенский мужской монастырь.....	44
Оренбургский Успенский женский монастырь.....	97
Бугурусланский Покровский женский монастырь.....	114
Ключегорский Казанско-Богородицкий женский монастырь.....	133
Оренбургский Богодуховский Иоанно-Предтеченский мужской монастырь.....	161
Орский Покровский женский монастырь.....	189
Илецкий Николаевский женский монастырь.....	203
Оренбургский Успенско-Макарьевский мужской монастырь.....	218
Покровский Свято-Троицкий (Разгуляевский) женский монастырь.....	241
Николаевский (пещерный) мужской монастырь.....	261
Заключение.....	276

**Издание подготовлено
при поддержке
международного
грантового конкурса
«Православная
инициатива – 2017»**

